

В.А. Шестаков

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
в 50-е-середине 60-х годов**

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)
Ш51

Рецензенты:

~~доктор исторических наук В.Д. ЕСАКОВ,~~
~~доктор исторических наук Р.Г. ПИХОЯ~~

Шестаков В.А.

Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов / В.А. Шестаков ; Ин-т рос. истории РАН. – М. : Наука, 2006. – 296 с. – ISBN 5-02-010277-6 (в пер.).

В монографии рассмотрены основные тенденции, этапы и результаты социально-экономической политики СССР в условиях либерализации советской системы в середине XX в., поднят ряд дискуссионных вопросов новейшей отечественной истории. На основе новых архивных и иных материалов анализируются властные институты, их структура и эволюция, ход и результаты реформ в социально-экономической сфере.

Для историков, экономистов, правоведов.

Темплан 2005-1-355

Научное издание

Шестаков Владимир Алексеевич

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 50-е – СЕРЕДИНЕ 60-х ГОДОВ**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*. Редактор *О.В. Азарова*
Художник *В.Ю. Яковлев*. Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технические редакторы *Т.А. Резникова, В.В. Лебедева*
Корректоры *Э.Д. Алексеева, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 08.11.2005. Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 18,5. Усл.кр.-отт. 18,5. Уч.-изд.л. 20,0. Тираж 500 экз. Тип. зак. 4494

Издательство «Наука» 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»
190034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-010277-6

© Институт российской истории РАН, 2006
© Шестаков В.А., 2006
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
<i>Глава I</i>	
Послевоенные вызовы: необходимость и возможность перемен....	28
Фактор И.В. Сталина.....	28
Н.С. Хрущев и вызовы послесталинской эпохи	56
<i>Глава II</i>	
Облик и характер власти	92
Природа и механизмы изменений институтов власти в 50-е – середине 60-х годов.....	92
Власть и политическая элита	120
<i>Глава III</i>	
Социально-экономическая политика страны в 50-е – середине 60-х годов	141
Социокультурные основания развития страны в 50-е годы	141
Социально-экономическая политика Н.С. Хрущева: этапы, особенности и тенденции	154
<i>Глава IV</i>	
Социально-экономическое развитие СССР в условиях реформ 50-х – середины 60-х годов.....	207
Утопии и реалии аграрной реформы.....	207
Реформирование органов управления промышленностью и строительством	246
Заключение	286
Указатель имен	293

ВВЕДЕНИЕ

Десятилетие 1953–1964 гг. прочно вошло в историографию как время оттепели, либерализации советской системы, положившей начало качественно новому этапу ее развития. Этот период хотя и не столь драматичен и ярок как революционные и военные годы, но по своей значимости не менее важен для судеб советской системы, для понимания ее реальной динамики.

Хрущевское «Великое десятилетие» с точки зрения долгосрочных изменений в советской системе является водоразделом: со смертью Сталина завершается «классическая» стадия развития советской системы по определению крупнейшего исследователя советской экономической модели Я. Корнай, и начинается переход к стадии ее совершенствования¹. К концу сталинского правления советская система приобретает целостность и системную завершенность, которая дала основания Я. Корнай назвать вторую стадию развития классической, в отличие от первой, революционной. «По мере консолидации классической системы, – утверждает он, – ее элементы становятся все более согласованными... Используя аналогию из области химии, можно сказать, что все элементы приобретают сродство, притягивают друг друга и не могут существовать друг без друга»².

Март 1953 г. положил начало многим процессам, определившим облик нового этапа и, прежде всего, процессу освобождения от определенной части сталинского наследия. Со смертью Сталина «классический» социализм в Советском Союзе подвергается реформированию, его целостность нарушается, противоречия усиливаются. В стране формируется режим «либерального коммунизма»³, предпринимается попытка трансформировать мобилизационную экономическую систему, внеся в нее определенные элементы децентрализации и рыночных структур.

В известном смысле хрущевское десятилетие – это «золотой век» советской системы, когда, как считают многие исследователи, раскрылся практически весь заложенный в ней потенциал, и она дала максимум того, на что было способна в идеале⁴. Есть не менее важная причина называть 50-е–середины 60-х годов «золотым веком» советской системы – это время относительно благоприятной международной политической и экономической конъюнктуры.

контуры, когда развитие страны происходило в нормальных, а не чрезвычайных условиях. Именно в данный период завершается переход советского общества из сельского состояния в городское, из полуиндустриального в индустриальное. Кроме того, с ростом численности городского населения меняются некоторые социокультурные параметры советского общества⁵. Отсутствие серьезных социальных напряжений в советском обществе, доверие народа к власти, отсутствие оппозиции политическому режиму дают власти определенную возможность для маневра, создают благоприятный фон для проведения давно назревших глубоких реформ в экономической и социальной сферах советского общества. Более поздний китайский опыт свидетельствует, что такие условия являются благоприятным для осуществления поворота к рыночной экономике при сохранении прежней системы власти.

Хрущевское десятилетие проходит под знаком непрерывных реформ – реформ вынужденных, имевших целью придать системе большую динамику и эффективность, ответить на многочисленные внутренние и внешние вызовы. После отставки Н.С. Хрущева реформы, медленно затухая, продолжают и приносят определенные положительные результаты. Например, производство в ряде ключевых отраслей советской экономики превосходит американский уровень: по выпуску промышленной продукции СССР сближается с США (с 30% в 1954 до 51% в 1967 г.)⁶. Бросив вызов лидерству США, СССР к середине 70-х годов невероятной ценой добивается военного паритета с ними. Весьма внушительные количественные показатели экономического роста в 50–60-е годы, достигнутые главным образом за счет экстенсивных факторов⁷, в дальнейшем порождают у советских руководителей эйфорию, нежелание что-то кардинально менять в сложившейся в сталинское время социально-экономической системе.

Уже в конце 60-х годов начинается медленное, но верное саморазложение системы. Эффективность народного хозяйства снижается. Меняется социальный вектор развития. В обществе появляется идейная дезориентация, растет неверие в способность социализма к обновлению. Необходимость дальнейших реформ фактически снимается притоком нефтедолларов. Власть теряет нити управления. Задача решительного преобразования экономики на основе новейшей техники и технологии, изменения устаревшей отраслевой структуры, смены методов управления народным хозяйством остается нерешенной.

В конечном итоге период «совершенствования системы» оказывается последним периодом ее существования. Грандиозный исторический эксперимент перестройки мира по законам добра и

справедливости завершается крахом, вызвав противоречивые оценки и многочисленные вопросы, которые требуют объективных ответов.

Был ли крах советской системы как исторически определенной, уникальной формы организации общества связан с действием объективных факторов, прежде всего с природой советской системы, или причина всему – непрофессионализм, ошибки, просчеты и даже предательство политиков?

Встает вопрос: как получилось, что власть имущие и в 50-е, и в последующие годы не смогли воспользоваться благоприятными условиями, не сумели четко и ясно сформулировать стратегию развития страны в новых исторических условиях, направление реформ, целенаправленную политическую линию?

Ответы на эти вопросы являются ключевыми для понимания всего комплекса принципиальных вопросов, связанных с социально-экономическим развитием страны в рассматриваемые годы, и в целом с природой и механизмами изменений в советской системе за все время ее исторического существования.

Действительно, почему в результате сравнительно успешного вначале движения по пути «строительства социализма и коммунизма» на основе «самой передовой научной теории» великая страна оказалась очень далеко от лидирующих государств. Как получилось, что идеалы справедливости и равенства обернулись на практике своей противоположностью – истреблением в лагерях миллионов собственных граждан, непоправимым растрачиванием генофонда, застоём экономики и культуры? Почему, в частности, экономический рост в СССР в 50–60-е годы, с учетом динамики капитальных вложений и накопленного человеческого потенциала, был крайне малоэффективен по сравнению с развитием рыночной экономики других стран?

Вполне очевидно, что ответить на эти и многие другие вопросы, понять, почему одни тенденции одержали верх над другими, почему не состоялись те или иные варианты реформирования можно лишь в результате кропотливого анализа процессов, в действительности происходивших на всех исторически значимых отрезках истории страны, в ряду которых и хрущевское «великое десятилетие». Вместе с тем по названным выше причинам, именно десятилетие 1953–1964 гг. дает обширный и репрезентативный материал для понимания большинства «роковых» вопросов, включая и проблемы жизнеспособности, устойчивости советской системы, природы и механизмов изменений в ней.

В цепи обстоятельств, приведших к разрушению СССР, главную роль играет не характер реформ, осуществляемых Н.С. Хрущевым и А.Н. Косыгиным, а принципиальная неререформируе-

мость советской системы. Анализ социально-экономического развития страны в 50–60-е годы показывает, что советская система успешно отторгала любые инновации, выходящие за рамки логики индустриальной системы, основанной на технологиях определенного типа и централизации управления. Советская система не обладала внутренними ресурсами для адаптации к новым, идущим из постиндустриального мира, технологическим и социальным вызовам⁸. Виной этому были причины генетического порядка. В рамках иерархически организованного социалистического общества оказалось невозможным сформировать механизмы, обеспечивающие многообразие общественных интересов, прав отдельных граждан. Неизбежным следствием косности системы становится отчуждение большинства населения страны от «общественных интересов», навязывавшихся ему властью.

В свое время Б. Бруцкус, Л. Мизес, Ф. Хайек представили подробную и убедительную систему теоретических доказательств исторической обреченности экономической системы, построенной без частной собственности и конкуренции. Они показали ошибочность многих постулатов марксистско-ленинской теории и потребовалось лишь время, чтобы подтвердить их правоту⁹. Не случайно главным результатом многолетних усилий правительственных реформаторов становится стагнация экономики и отставание СССР от наиболее развитых стран Запада. В системе хозяйствования, лишенной гибкости и импульсов саморазвития, власть не смогла осуществить структурную перестройку экономики, обеспечить в меняющихся условиях ее высокую эффективность и социальную направленность. Идеологические догмы и непосредственно связанные с ними ограничения на свободу слова, передвижения, обмен информацией противоречили самой сути разворачивающейся во всем мире научно-технической революции и возрастающим под ее влиянием требованиям к качественным характеристикам трудовых ресурсов.

Точка зрения, связывающая неудачи коммунистического реформаторства и крах советской системы с личными качествами советских послевоенных лидеров¹⁰, по существу игнорирует доказанную современными авторами целостность советской системы, переоценивает значение альтернативных вариантов развития. Действительно, в рамках рассматриваемого нами «хрущевского» периода имелось немало переломных моментов, точек большего или меньшего выбора, когда реформирование могло пойти иным путем, привести к иным итогам. По мнению некоторых авторов, различные варианты экономического и социально-политического развития страны могли реализоваться весной 1953 г., когда после смерти И.В. Сталина появляется «окно воз-

возможностей» для претворения в жизнь программ модернизации государства и общества Л.П. Берии, Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева¹¹. Альтернативной казалась ситуация в 1957 г. Определенный спектр возможностей открывался осенью 1964 г. Из многочисленных вариантов развития на практике всегда реализуется наиболее обеспеченный ресурсами. В историографии принято придавать вероятностным процессам силу жизненной реальности, рассматривать нереализованные программы Берии и Маленкова как заведомо более перспективные и соответственно более эффективные¹². Следует подчеркнуть умозрительный, виртуальный характер этих программ. Построенные на многих допущениях версии об альтернативности того или иного сценария развития не могут быть всесторонне подтверждены фактами. В этом смысле более актуальна задача объяснения причин свершившегося хода исторических событий. Так, реальным применительно к этапу 50–середины 60-х годов был лишь хрущевский вариант реформирования. Победа Н.С. Хрущева в острой борьбе за власть не случайна. Именно его укорененность в системе позволила ему победить более сильных соперников. Борьба за власть, особенно на первых ее этапах, в известных пределах определяла характер и динамику социально-экономического развития страны. Отдельные проявления этой борьбы до сих пор мешают видеть за популистскими лозунгами и далеко идущими планами ее главных участников отсутствие иного выбора, кроме попытки приспособить существующие социалистические институты к новым историческим реалиям, не допуская их разрушения или замены. Хрущев, оказавшись в ситуации выбора, на самом деле мог проводить давно назревшие преобразования лишь по определенным рецептам, сведя новые задачи, вставшие перед страной, к тем, которые он умел или полагал, что умеет решать.

За десятилетие правления Н.С. Хрущева в народном хозяйстве были проведены многочисленные эксперименты, всю структуру хозяйственного управления, партийных и государственных органов «перепахали» вдоль и поперек. Именно неутешительные результаты социально-экономического развития страны в эти годы, на наш взгляд, наглядно показали пределы реформируемости советской системы, раскрыли мощь ее охранных сил. Единственное, что удалось неистовому реформатору – это снять крайности сталинского правления и спасти советскую систему от возможного кризиса венгерского типа.

Вопреки распространенному мнению вовсе не Хрущев (и не свергнувшие его в октябре 1964 г. соратники) сорвали и остановили начатое обновление командной системы¹³. Исход реформ во многом был предопределен уникальным сцеплением факторов, дейст-

новавших в послевоенные и последующие годы на разных уровнях советской действительности: экономическом, политическом, социальном и психологическом. В данном случае безальтернативность – это результат взаимодействия перечисленных факторов. Оно, предоставив исторический шанс определенным типам личности, определенным типам политических лидеров и подавив другие ее типы, способствовало доминированию в советском обществе 50-х и последующих лет антиреформаторских тенденций и структур.

Наше исследование позволяет говорить о серьезном влиянии на характер и динамику социально-экономического развития СССР в послесталинское время значительного числа причин: от особенностей хозяйственного механизма, дефицита рабочей силы и связанного с ним падения трудовой дисциплины, до накопленного к этому времени политического опыта и политической культуры, распространения жестких принципов партийной дисциплины на сферу интеллектуально-научной деятельности.

В целом, имея в виду определенную иерархически выстроенную систему факторов, определявших социально-экономическое развитие страны в 50–середине 60-х годов, следует на первое место поставить те из них, которые принято обозначать как «path dependence» – зависимость настоящего состояния от траектории предшествующего процесса. С точки зрения исследователя, к таким факторам относятся прежде всего создаваемая десятилетиями структура народного хозяйства и сложившиеся к моменту смерти Сталина властные институты. В силу специфики системы все годы советской истории комплекс властных структур во главе с КПСС функционировал как единый механизм и играл чрезвычайную роль в социально-экономическом развитии страны. Под партийным началом действовали исполнительная, законодательная и судебная ветви государственной власти, специальные службы и силовые структуры, «общественные» организации и творческие союзы. Именно этот механизм осуществлял руководство и управление всем народно-хозяйственным комплексом, определял долговременные цели и задачи в экономике и социальной сфере, создавал условия для развития тех или иных отраслей народного хозяйства, их соотношения и пропорции, решал вопросы модернизации экономики.

Таким образом, для понимания характера и тенденций социально-экономического развития в рассматриваемый период весьма значимы устройство и структура органов власти, взаимодействие отдельных частей властного механизма: прежде всего КПСС и ее аппарата, кадрового состава, реальных возможностей и предслов компетенции.

Как показывает анализ, власть и в рассматриваемый период отличалась достаточной стабильностью и силой, способностью на

вызывать народу свои интересы. Вместе с тем в послевоенные годы советские руководители, включая Сталина и Хрущева, сами становятся заложниками созданной ими системы. Они плохо знали страну и народ, которым управляли. Правящая верхушка предпочитала не замечать, что фактически действовавшие механизмы советской системы заметно отличались от формально провозглашенной модели. Недавно рассекреченные материалы архивов показывают, что у власти не было «двух статистических книг» – одной для себя, другой для общественности¹⁴. Весьма показательна ситуация, когда интеллектуалы из диссидентов пытались доказать власти, что официальная картина советского общества имеет мало общего с его истинным лицом, а власть отвечала репрессиями¹⁵. Этот факт лишний раз подтверждает правоту М. Гефтера, утверждавшего в 1987 г., что сталинизм лишил наше общество альтернативы. «Мы привыкли жить разрешенным, торопиться использовать “миг свободы” – в привычном уже ожидании новых запретов... Лишенный выбора не свободен» – констатировал он. Менее очевидна, но может более важна другая констатация выдающегося историка: «Но и лишаящий других теряет ее (свободу)»¹⁶.

Самое непосредственное, на наш взгляд, воздействие на социально-экономическое развитие страны и в целом характер изменений в советской системе в 50–середине 60-х годов, то есть на судьбу реформ, оказали вызовы, с которыми столкнулся СССР после окончания Второй мировой войны и, прежде всего, ядерный вызов США, ответом на который стала дальнейшая милитаризация советской экономики. Огромные и постоянно растущие военные расходы сыграли важную роль в развале советской системы, главным образом, через обострение товарного дефицита. Однако было бы упрощением считать милитаризацию главным дестабилизирующим фактором. В рассматриваемый период сверхмилитаризация экономики – скорее ее нормальное состояние, удобная форма существования советской системы, эффективный способ дополнительной мобилизации трудовых и иных ресурсов¹⁷.

Большое влияние на динамику социально-экономического развития страны в 50-е и последующие годы оказал технологический вызов Запада. В послевоенные годы в экономике стран развитого капитализма назревают и происходят весьма серьезные структурные изменения, охватывающие организацию производства и бизнес. Трудовые отношения и состав рабочей силы, инвестиционные процессы, соотношение вещественных и невестественных элементов производства, затраты перестают быть адекватным измерителем объемов экономической активности. Темпы роста ВВП и производительности труда в стоимостном отно-

шении недостаточно характеризуют развитие экономики. Важное значение приобретают категории действительного богатства, в производство которого все больший вклад вносит использование информационных ресурсов.

Натолкнувшись на стратегические ограничения развития природных ресурсов, демографических, экологических, технико-экономических, социальных и институциональных показателей, современный капитализм стал приспосабливаться к новым условиям. Начался переход к новой парадигме научно-технического прогресса, в основе которой лежал отказ от массовых энерго- и ресурсоемких технологий в пользу наукоемких и энерго- и ресурсосберегающих.

Советские лидеры не сразу осознали этот поворот. Советская система модернизировалась лишь в собственной структуре отсчета, координат и критериев. В конце 50-х годов своеобразной формой ответа на постиндустриальный вызов явилась попытка ускорения «коммунистического строительства»¹⁸. Качество модернизации, взятое в контексте достижений мировой цивилизации, свидетельствовало не о прогрессе, а о деградации советской системы.

Реформы Хрущева положили начало процессу накопления внесистемных и антисистемных характеристик. Хрущев использовал командно-административные методы реформирования, породив иллюзию, не изжитую до сих пор, что возможно иными способами раскрепостить экономические и социальные потенции социалистического общества. Однако анализ социально-экономического развития в 50–середине 60-х годов, хода и итогов реформ говорит о том, что большинство изменений не контролировалось властью и носило антисистемный или внесистемный характер, было связано с влиянием причин глобального характера: воздействием мирового рынка (цены на сырье), демографических факторов, природных и т.п. Что же касается процессов, непосредственно подконтрольных властям, то эффективность их работы в решении социально-экономических вопросов была невысокой.

Весьма характерно, что за все годы после XX съезда КПСС советское руководство не сделало ни одной попытки серьезного научного анализа глубинных причин деформаций социально-экономического развития страны.

Показательно, что и в исторической литературе проблема формирования и реализации социально-экономической политики в рассматриваемый период отражена весьма слабо¹⁹. И в целом хрущевский период отечественной истории, в отличие от революционного и военного периодов, и даже периода 30–40-х го-

дов относительно небогат научными исследованиями. Все годы советской власти изучение причин, хода и результатов реформ не было в ряду приоритетных направлений историографии. Формально первые попытки осмыслить существо и масштаб перемен, начавшихся в СССР после смерти Сталина, были предприняты уже в середине 50-х годов прошлого столетия. Их характер определялся, в первую очередь, социальным заказом, сводящимся по преимуществу к научной легитимизации принимаемых властью решений. После вынужденной отставки Н.С. Хрущева период его реформ надолго выпал из поля зрения отечественных исследователей. Западная историография в это время имела более широкие возможности для анализа всего послевоенного периода в СССР и самой системы хозяйствования²⁰. При этом западные исследователи, не имевшие идеологических или партийных ограничений, смогли увидеть нарастание негативных процессов в экономике и социальной сфере советского общества²¹. Н. Ясный еще в 50-е годы обнаружил тенденцию к замедлению темпов экономического роста, а также факт невыполнения пятилетних планов²². В годы горбачевской перестройки начинается стремительное сближение взглядов и подходов отечественных и зарубежных исследователей на характер советской системы, на природу изменений в ней. Экономист Г.Х. Попов, по существу адаптируя появившиеся ранее на Западе представления, предложил научной общественности концепцию административно-командной системы, позволившей серьезно продвинуться в понимании механизма функционирования системы власти советского общества²³. В годы перестройки возрождается интерес ученых к демократическим начинаниям Н.С. Хрущева, к экономическим реформам 50–начала 60-х годов, к периоду «оттепели». Е.Ю. Зубкова в серии аналитических статей, посвященных 50-м годам, смогла достаточно полно осветить многие аспекты хрущевских реформ²⁴.

Распад СССР, смена социально-экономических и политических реалий в стране вывели проблематику модернизации советской системы из застоя. После 1993 г. в изучении новейшей отечественной истории совершен существенный прорыв. Важнейшей его предпосылкой стала передача в 1992–1993 гг. в государственные архивы 74 млн дел архивов КПСС, более 600 тыс. дел архивов КГБ, около 400 тыс. дел ликвидированных министерств и ведомств²⁵. В публицистике и научной среде обозначились как общие подходы, так и дискуссионные вопросы. В последнее десятилетие активно изучались многие аспекты внешней и внутренней политики государства в годы «оттепели». С середины 90-х годов в стране выходит значительное число ра-

бот, тематически и хронологически охватывающих большой комплекс вопросов, связанных с выяснением природы советской системы²⁶. Помимо работ обобщающего характера, в которых проблематика 50–80-х годов рассматривается в общем контексте, в последние несколько лет появились работы, непосредственно посвященные этому периоду. Они, как правило, лишены идеологических пут и основываются на качественно новой источниковой базе. Их число и высокий уровень позволяют говорить о том, что историографический кризис рубежа 90-х годов успешно преодолевается, происходит освобождение исторической науки от несвойственных ей функций «идеологического объяснения и оправдания»²⁷. В целом можно говорить о нескольких особенностях современной отечественной историографии. Во-первых, российские исследователи стремятся максимально использовать все лучшее в мировой историографии, во-вторых, в силу переходного состояния российского общества в исследованиях, посвященных советской эпохе, доминируют концепции «шестидесятников» «натуральных антисталинистов, сторонников «первозданного марксизма, адептов позднего Ленина, НЭПа»²⁸. В известной мере им противостоят немногочисленные пока исследования историков и экономистов антикоммунистической направленности²⁹.

Современный историографический этап отмечен рядом публикаций, затрагивающих различные аспекты социально-экономической политики в послевоенные годы. Среди них следует отметить работы В.П. Попова, И. Бирмана³⁰. Отсутствие фактического материала о механизме принятия решений и идеологическая зашоренность советской исторической науки мешали в недавнем прошлом касаться этих вопросов.

Среди новых исследований экономистов, посвященных социально-экономическим проблемам развития СССР, следует особо выделить книгу В.М. Кудрова «Советская экономика: проблемы переосмысливания». Автор провел значительную работу по критическому осмыслению динамики экономического развития СССР. Он затрагивает проблемы не только статистической методологии, но и сущности экономических процессов на всех этапах существования СССР³¹.

Анализ советской политической системы, истории власти в СССР проведен в работе Р.Г. Пихоя «Советский Союз: история власти 1945–1991»³². В книге весьма скрупулезно рассматривается механизм принятия внутри- и внешнеполитических решений в СССР, деятельность высшего эшелона власти.

О характере исторических вызовов и угроз определенное представление дают работы, посвященные проблемам ВПК.

Н.С. Симонов в своей монографии³³ попытался решить одну из сложнейших проблем, без решения которой трудно рассчитывать на полное описание механизма социально-экономического развития страны в рассматриваемый период, подсчитать затраты на развитие оборонных программ, долю военных расходов в совокупном национальном продукте и определить интегральный «показатель милитаризации» СССР. В книге И.В. Быстровой «Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны. (Вторая половина 40 – начало 60-х годов)», вышедшей в 2000 г.³⁴, впервые ВПК рассматривается как своего рода властная корпорация, представлявшая общие интересы социально-политических групп, связанных с обеспечением национальной безопасности СССР: профессиональных военных, партийных и государственных чиновников, представителей госбезопасности и научно-технических кругов.

Завершенность советского периода отечественной истории, новые проблемы и подходы, освоенные отечественной историографией за последнее десятилетие, позволяют уже сегодня по-новому подойти к изучению основных вех послевоенного времени, концептуально осмыслить накопленный эмпирический материал. В настоящее время появилась возможность с научных позиций проанализировать совокупность проблем, связанных с социально-экономическим развитием страны, определить его действительные темпы и тип, место и степень развития самого человека в этом процессе.

Таким образом, целью нашего исследования является: 1) выявление и анализ наиболее значимых факторов, определивших направление, характер и тип развития страны в 50 – середине 60-х годов; 2) изучение в конкретно-историческом плане природы и механизмов изменений в советском обществе; 3) определение роли институтов власти.

В соответствии с этим, одной из главных задач исследования можно называть ответ на вопрос – изменилась ли в 50 – середине 60-х годов природа советской системы в результате ее либерализации, иначе говоря – произошел ли эволюционный отказ от тоталитарных характеристик системы? Только выяснив, как функционировали основные сферы советского общества в рассматриваемый период, можно с уверенностью сказать, какую роль в последующем развале плановой системы сыграли ошибки руководства и чисто внешние факторы: политические, идеологические, международные, а какую ее внутренние слабости и противоречия, неэффективность и инертность. Нельзя также решить вопрос об укорененности альтернатив 50-х годов, не поняв, являлись ли относительно высокие темпы роста экономики следствием особых преимуществ советской социалистической системы

перед капитализмом, или они достигались за счет ограничения личного потребления и всемерного форсирования капитальных вложений.

Автор не ставил перед собой задачу предложить исчерпывающее и окончательное объяснение механизма движения в советском обществе в эти годы. В работе лишь предпринята попытка сформулировать и обосновать ряд гипотез о природе динамики советского общества, которые могут быть полезны в дальнейших исследованиях.

Состояние источниковой базы делает пока невозможным создание целостного представления обо всей совокупности аспектов жизнедеятельности советского общества и подробного его описания. В данной работе рассматривается одна сквозная проблема: воздействие власти на характер и тип социально-экономического развития. В книге проанализирована совокупность угроз и вызовов внешнего и внутреннего порядка и ответы на них советского руководства, всей советской системы. Поскольку, на наш взгляд, эти ответы в наиболее зримой, осязаемой форме выразились в неоднократных попытках реформирования системы, именно реформам в промышленности и строительстве, аграрной и политической сферах, их идеологии, причинам, ходу и результатам отводится в исследовании важная роль.

Центральное место при анализе занимают вопросы функционирования в рассматриваемый период властных институтов как фактора устойчивости системы и важнейшего инструмента ее модернизации, состояние политической системы, ее взаимодействие с процессами, протекавшими в других сферах советского общества.

Важной задачей явилось исследование института политического лидерства – роль политических лидеров и элит в развитии страны в эти годы, эволюция их политических и идеологических концепций, рычаги и пути реализации своих интересов.

Изучая динамику советской системы в 50 – середине 60-х годов, естественно, невозможно обойтись без анализа комплекса социокультурных условий и оснований советского общества. В монографии рассматривается целый ряд вопросов, связанных с динамикой трудового и интеллектуального потенциала, уровнем и процессом формирования потребностей.

Несмотря на то, что некоторые вопросы социально-экономической динамики в последние годы уже рассматривались в разных аспектах исследователями, большинство из поднятых в работе вопросов до сих пор остаются вне серьезного научного анализа. Следует признать, что сегодня еще далеко не все важные проблемы социально-экономического развития могут быть форма-

лизованы, чтобы стать предметом конкретно-исторического исследования. Анализ отдельных факторов (например, милитаризация советской экономики) мешает уозость источниковой базы.

Хронологические рамки исследования диктуются характером изучаемых процессов и охватывают время от начала 50-х до середины 60-х годов. В целом этот достаточно протяженный и неоднородный период характеризуется определенной целостностью условий и характера социально-экономического развития. Начальный рубеж исследуемого периода вполне очевиден – весна 1953 г. До этого времени советская система сохраняла внутреннюю целостность и была устойчива к внешним и внутренним воздействиям. Вместе с тем кардинальное изменение условий развития в первое послевоенное десятилетие, изменение характера внешнеполитических вызовов и острейшие противоречия, накопившиеся к концу правления Сталина в СССР, требовали смены ритма и форм развития государства и общества, коренной их модернизации.

Что касается конечной вехи – середины 60-х годов, то ее выбор обусловлен двумя важнейшими обстоятельствами: исчерпанием к этому времени возможностей мобилизации ресурсов из аграрного сектора, когда отчетливо дают знать о себе долгосрочные последствия избранной социалистической модели модернизации, и остановка процесса обновления советского общества административными средствами, исчерпание реформаторского потенциала Н.С. Хрущева и конец его политической карьеры. К концу 70-х годов прекращаются реформаторские ответы на исторический вызов, который условно можно назвать реформационным. В это время страна сталкивается уже с трансформационным вызовом, ответ на который должен был означать переход от реформирования планового хозяйства социализма к фазе его системной трансформации, т.е. качественному изменению³⁵. Не осознав масштабы и природу этого вызова, советские руководители не смогли дать на него убедительный ответ. Страна была разрушена как социально экономическая система и геополитическая реальность.

Документальную основу монографии составляют несколько групп источников: материалы фондов архивов, опубликованные документы, материалы статистики и мемуары. Первая и, безусловно, самая важная группа включает в себя материалы фондов из четырех государственных архивов: ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ, РГАНИ.

Архивная революция последних лет пока недостаточно коснулась периода 50 – конца 60-х годов, и это составляет, пожалуй, главную сложность исторического анализа социально-экономи-

ческих процессов данного периода. Это обстоятельство повышает значение коллекции копийных материалов фонда № 89, созданной в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) в связи с рассматривавшимся в Конституционном суде в 1992 г. «Делом КПСС». Поскольку документы высших партийных и государственных органов СССР, находящиеся в Архиве Президента РФ (куда ныне имеет доступ весьма ограниченный круг лиц), прежде всего, материалы большинства заседаний Президиума и Секретариата ЦК КПСС (Фонд 3 Политбюро ЦК), личный фонд Н.С. Хрущева (Фонд 52, оп. 1) и многие другие материалы фактически недоступны для научных целей, ценность этой коллекции для нашего исследования несомненна, т.к. она содержит многообразные материалы высших партийных органов, включая Президиум и Секретариат ЦК КПСС. Эти документы из кремлевского архива, хронологически охватывающие весь советский период, дают пока наибольшую возможность для анализа широкого круга вопросов, связанных с формированием и реализацией социально-экономической политики советского руководства. В работе использован фонд 3 (документы Политбюро) и фонд 45 (документы И.В. Сталина).

В фондах РГАНИ первостепенное значение имеют также документы пленумов ЦК КПСС, состоявшихся в 1953–1964 гг. (Фонд 2, оп. 1). В годы «оттепели» на пленумах обсуждались многие наиболее острые проблемы социально-экономического развития страны, определялись конкретные формы и методы осуществления поставленных задач. Проекты и варианты докладов, с пометками и замечаниями по ним членов Президиума ЦК КПСС, неправленные стенограммы, записки и справки местных партийных организаций позволяют воссоздать всю совокупность условий, в которых формировались основные направления социально-экономической политики советского государства, влияние на нее позиции основных сил и группировок в советском высшем руководстве. Вполне справедливо мнение, что эти источники еще недостаточно проработаны. Не меньший интерес представляют материалы отделов ЦК КПСС, особенно сельскохозяйственного и промышленно-транспортного, разделенного в 1954 г. на шесть самостоятельных отраслевых отделов: тяжелой промышленности, оборонной промышленности, отдел машиностроения, отдел промышленности товаров широкого потребления и продовольственных товаров, отдел строительства и отдел транспорта и связи. Записки, справки, информации ЦК КПСС, местных партийных, советских, промышленных и сельскохозяйственных структур дают достаточно полное представление о ресурсах и направлении социально-экономиче-

Российского государственного гуманитарного университета
Миусская пл., д. 6,
Москва. ГС II-3. 125993 17

ского развития страны в целом и отдельных регионов, о причинах составления семилетнего плана (1959–1965 гг.), о ходе строительства наиболее значимых объектов промышленности, размещении производительных сил в стране.

В монографии использованы материалы неопубликованных стенографических отчетов пленумов ЦК за период с марта 1953 г. до сентября 1965 г.; записки Н.С. Хрущева с обоснованием предложений о создании совнархозов (1957 г.) и реорганизации системы партийных органов (1962 г.), адресованные им в Президиум ЦК КПСС. Этот блок документов дополняют материалы заседаний Бюро ЦК КПСС по РСФСР с 1957 до 1965 гг. (Фонд № 13). Бюро было создано по решению XX съезда КПСС для конкретного руководства работой республиканских и областных партийных советских и хозяйственных органов. По этой причине документы Бюро позволяют лучше понять механизмы принятия решений в советской системе, дают региональный срез социально-экономической политики. Фонд № 4 Секретариата ЦК КПСС содержит значительный материал о создании и совершенствовании структуры совнархозов, о кадровой политике КПСС, о недостатках в закреплении кадров, направленных из министерств и центральных ведомств в совнархозы.

Для анализа облика и характера власти, эволюции властных институтов в 50 – середине 60-х годов определенную ценность представляют рассекреченные материалы фонда № 3, оп. 8, 10 (Президиум ЦК КПСС) и № 5 оп. 30 (Общий отдел). Здесь имеются документы об улучшении структуры партийных органов и о работе по преодолению культа личности, по разработке проекта программы партии, объединении промышленных и сельских партийных организаций РСФСР. Материалы к постановлениям Президиума ЦК КПСС, стенограммы его заседаний позволяют составить общую картину развития народного хозяйства в СССР в 50-е годы, определить намерения властей по дальнейшему развитию различных направлений экономики. Документы фонда характеризуют динамику и планы структурных преобразований, совершенствование аппарата управления и специализации в машиностроении, строительстве и других отраслях производства.

В силу того, что доступные ныне архивные фонды отражают далеко не все стороны деятельности партийно-государственного руководства, особую ценность для нашей работы представляют документы из личного фонда Сталина, переданные в 1999 г. в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) из Архива Президента (ф. 558, оп. 11). К сожалению, более 300 дел из 1703 остались в АП и по-прежнему недоступны для большинства исследователей. Доступная часть мате-

риалов имеет следы откровенных изъятий. Во вновь поступившей в РГАСПИ части архива Сталина наряду с перепиской со-держится разнообразная документация, характеризующая его партийную и государственную деятельность. Фонд Сталина со-держит большое количество документов Конституционной ко-миссии, работавшей в 1946–47 гг. над созданием текста нового Основного закона страны. Правка Сталиным этих документов даст определенное представление о понимании им характера во-енных и иных угроз, целей социально-экономического развития СССР.

Кроме перечисленного, большую ценность представляют бу-маги из личных фондов Г.М. Маленкова (Ф. 83) и В.М. Молотова (Ф. 82), касающиеся периода конца 40 – середины 60-х годов. Ма-териалы к выступлениям на пленумах ЦК КПСС, протоколы за-седаний различных комиссий, в том числе по обсуждению проек-тов пятилетних планов, позволяют видеть общее и особенное в понимании исторических вызовов влиятельными членами совет-ского руководства, характеризуют цели и задачи социально-эко-номического развития страны в рассматриваемый период. В со-вокупности с документами Ф. № 17 (ЦК КПСС) материалы лич-ных фондов проясняют многие детали принятия важнейших ре-шений, саму атмосферу, в которой формировалась социально-экономическая политика в 50 – середине 60-х годов.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) особый интерес вызывает фонд ЦСУ РСФСР: сводки о размерах зарплаты различных категорий населения, паспорта городов, по-казывающие состояние государственных и частных жилых до-мов. В ГАРФе собраны также материалы фондов Совнаркома, НКВД, раскрывающие взаимоотношения Советов и партии, функционирование системы совнархозов, характеризующие роль репрессивных органов в обеспечении устойчивости совет-ской политической системы.

В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) ав-тором были изучены протоколы заседаний СНХ СССР и динами-ческие таблицы о количестве и составе колхозников и оплате трудодней, и др.

Особую группу источников составляют публикации докумен-тов российских архивов³⁶. Вышедшие в разное время, они допол-няют друг друга как тематически, так и хронологически, охваты-вая не только весь период исследования, но и смежные периоды.

В этом ряду наибольшую ценность представляет публикация рассекреченных черновых протокольных записей Президиума ЦК КПСС за период с февраля 1954 по октябрь 1964 гг. включи-тельно, которые велись заведующим общим отделом ЦК КПСС

В.Н. Малиным³⁷. До этой публикации деятельность Президиума ЦК КПСС в рассматриваемые годы была известна главным образом по коротким официальным публикациям. Подлинные документы центра власти в СССР дают возможность более детально раскрыть механизм власти, место Президиума ЦК в формировании и проведении социально-экономической политики, реформировании экономики и социальной сферы.

Значительная часть использованных в монографии материалов – опубликованные документы, прежде всего официальные государственные документы, в том числе и труды лидеров партии и советского государства: Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и др. В них отражено отношение руководства к вопросам экономической политики, строительства и функционирования госорганов и общественных организаций. Заметим, что анализ бывших секретных фондов многих правительственных и государственных учреждений свидетельствует, что большая часть решений, регулирующих основные вопросы жизни народа, никогда в открытой печати не публиковалась. Возможно поэтому опубликованные документы тех лет до настоящего времени серьезно не анализировались. Весьма показательно, что речи Н.С. Хрущева по аграрным вопросам, собранные в пятитомное собрание, лишь весьма в слабой мере использованы исследователями³⁸. Следует подчеркнуть, что по мере рассекречивания архивных фондов информативность и ценность подобных публикаций возрастает.

Самостоятельную группу документальных публикаций составляют документы советского законодательства: стенограммы партийных, советских профсоюзных съездов, пленумов ЦК КПСС, отчеты различных уровней партийных и государственных органов, правоохранительных учреждений, содержащие информацию о ходе реформ, политических дискуссиях, внутривнутрипартийной борьбе³⁹. В совокупности эти материалы, чаще всего сознательно фальсифицированные, тем не менее, позволяют анализировать методы партийного руководства в различных областях, формирование и реализацию стратегии власти на определенных исторических этапах. Вместе с тем они представляют ценность только в совокупности с архивными материалами. Вполне очевидно, что их ценность будет меняться по мере рассекречивания закрытых документов, хранящихся в ведомственных архивах, Архиве Президента РФ и др.

Важнейший источник сведений о социально-экономическом развитии страны – государственная статистика. Главное ее достоинство – это исключительность сведений. Никаких альтернативных источников первичной информации (частных или общественных) для всего советского периода фактически не суще-

существует. Поэтому все варианты статистических показателей от официальных публикаций ЦСУ до подсчетов западных статистиков, базируются на одной и той же первичной статистической информации, собиравшейся советскими государственными учреждениями. Отсюда и главная беда официальной статистики – «приписки» и получившие распространение еще в 30-е годы методы фальсификации статистических показателей. Официальные статорганы так и не осуществили пересмотр прежних оценок динамики социально-экономического развития. В связи с этим следует подчеркнуть, что недостаточно достоверная информация о социально-экономическом развитии страны в 1913–1950-х годах усложняет анализ периода 50–60-х годов. На протяжении 1940 – первой половины 1950-х годов публикация статистических данных фактически прекратилась. Лишь в серии статистических сборников, вышедших после XX съезда, исследователи смогли получить если и не до конца достоверную, то хотя бы методологически однородную и очищенную от прямых фальсификаций информацию⁴⁰.

Для рассматриваемого нами периода наряду с официальными советскими данными, публиковавшимися в начале 50 – середине 60-х годов в ежегоднике «Народное хозяйство», а также в юбилейных и тематических сборниках, существуют альтернативные расчеты К. Кларка, А. Бергсона, Н. Ясного, У. Хаттера оценки ЦРУ, широко используемые в западной литературе⁴¹.

Самостоятельным видом источников является периодическая печать. Автором проработаны газетные статьи, обзоры, заметки, опубликованные в 50 – середине 60-х годов в газетах «Известия», «Правда», «Труд», «Литературная газета» и др. Газетно-журнальные источники при всей их ангажированности дают некоторое представление о борьбе за власть, интерпретации советскими лидерами характера вызовов и угроз, роли тех или иных вождей в формировании социально-экономической политики в интересующее их время. Информация, содержащаяся в периодике, оказалась незаменимой при изучении неизданных материалов XIX съезда, материалов обсуждения тезисов Н.С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», публикаций о подготовке и работе научно-практических конференций и производственных совещаний.

Следующая группа источников – мемуарная литература. Она имеет несомненную ценность для целей нашего исследования, поскольку, несмотря на большое разнообразие и объем официальных материалов в том числе и архивных, их информационный потенциал пока весьма ограничен. В представленной работе исполь-

зованы воспоминания активных участников изучаемых событий – Н.С. Хрущева, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Д.Т. Шепилова, Н.К. Байбакова, В.Н. Новикова, В.В. Гришина и др. Публичные выступления на собраниях и в печати в условиях цензурных ограничений очень скупо отражают спектр общественных настроений. Что касается архивов, то вполне возможно, что после их открытия степень ценности закрытых архивных материалов окажется много ниже ожидаемой, многие предполагаемые документы могут быть просто никогда не обнаружены. Известно, что еще при Ленине в ноябре 1919 г. было принято решение излагать протоколы Политбюро по возможности осторожно и коротко, решения по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол⁴². Не случайно, достаточно информированный Г.А. Арбатов на рубеже 90-х годов предполагал, что в архивах «документов, возможно, окажется не так уж много и тогда, когда откроются архивы, в последнее десятилетие ...не протоколировались обсуждения и дискуссии на политбюро»⁴³.

Таким образом, несмотря на огромное число находящихся в фондах ПБ материалов, историки никогда не будут располагать документально подтвержденными данными обо всех обстоятельствах принятия важнейших политических решений, определявших судьбу страны и ее народа и, тем более, о мотивах их принятия. По указанным причинам свидетельства очевидцев остаются важнейшим источником, проливающим свет на многие процессы, не оставившие след в других источниках, и, в первую очередь, на личные взаимоотношения высших советских руководителей.

Ценность мемуарных свидетельств, выраженных в различных формах от интервью до полновесных книг, определяется, на наш взгляд, не столько достоверностью описания событий, информированностью автора, сколько субъективностью восприятия, оценки и даже последующего осмысления происшедшего мемуаристами. Вполне очевидно, что работа с воспоминаниями тех или иных партийных и советских функционеров требует осмотрительности, так как характер описаний диктуется ролью, которую сыграли вожди в их судьбе и карьере. Наиболее наглядное свидетельство тому – воспоминания Д. Шепилова⁴⁴.

Многое в мемуарной литературе зависит от социального ранга мемуаристов. Одна группа – это представители высшего эшелона власти, активно участвовавшие в формировании и реализации политического курса, другая – люди, обслуживающие высшую власть, интеллектуалы. Третья группа – лица, относящиеся к низшим рангам системы власти, либо вообще в нее не входящие⁴⁵.

Среди многочисленных мемуаров политиков, общественных деятелей, военных, ученых для целей нашего исследования важ-

ны лишь некоторые. На их содержании стоит остановиться более подробно. К таким свидетельствам относятся рассказы мемуарного характера Ф. Чуева. Эти небольшие мемуарные заметки проливают свет на мировоззрение и тип мышления В.М. Мологова и близких к нему крупных фигур – Г.М. Маленкова и Л.М. Кагановича⁴⁶. Маленков ушел из жизни «немым», не оставив воспоминаний (если не считать «детскую» мемуаристику его сына). Однако его кредо позволяет видеть и в нем догматического оппонента Хрущева⁴⁷.

В отношении нашего исследования можно говорить о приблизительно равной ценности мемуарных свидетельств руководителей высшего звена «сталинской генерации» и единомышленников Хрущева. И в тех, и других повествование ведется главным образом о хрущевском «великом десятилетии» и в гораздо меньшей степени о времени Брежнева. При всей неоднозначности этой категории воспоминаний в них есть нечто общее, характерное для всех мемуаров: авторы старательно затушевывают собственную роль в негативных процессах и преувеличивают ее в позитивных.

Мемуары авторов «сталинской генерации», за редким исключением, имеют гораздо большую ценность для понимания умонастроений и психологии пишущих, чем для изучения реалий прошлого. Следует подчеркнуть, что для мемуаристов, принадлежащих к числу руководителей «сталинского склада» (Л.М. Каганович, И.А. Бенедиктов, в значительной мере В.Н. Новиков⁴⁸), в отличие от деятелей «хрущевского типа», характерна более высокая степень избирательности памяти, питаемая личной неприязнью к Хрущеву или догматизмом⁴⁹.

Мемуары людей, не входящих в структуры партийно-государственной власти, оставили совсем иные свидетельства о состоянии послевоенного народного хозяйства и в частности сельского хозяйства. Ф. Абрамов, рассказывая о деревне, очень емко охарактеризовал: «Сигнализировал ли народ о неблагополучии... Сигнализировал... Он перестал работать... Беспрецедентная в истории многолетняя забастовка крестьян по всей стране»⁵⁰.

Серьезная попытка осмыслить место такого важнейшего государственного института как КГБ предпринята Ф.Д. Бобковым. Ветеран КГБ, переживший 12 руководителей своего ведомства, достаточно объективно показывает, как работал КГБ внутри и вне страны в разные периоды ее послевоенной истории⁵¹.

Особняком в комплексе личных воспоминаний стоят мемуары самого Н.С. Хрущева⁵². Прежде всего, период с 1953 по 1964 гг. в истории СССР непосредственно связан с личностью первого секретаря ЦК и председателя Совета Министров СССР.

Сегодня исследователи располагают полным четырехтомным изданием воспоминаний этого незаурядного советского политика XX в. На характер свидетельств Н.С. Хрущева наложилось много обстоятельств. Прежде всего, он первым из высших партийных и государственных деятелей нарушил негласный запрет на публикацию мемуаров. Они создавались практически подпольно. Это не могло не сказаться на их объективности – автор не имел возможности работать с документальными источниками, а полагался исключительно на свою память. Еще до появления первых глав воспоминаний Н.С. Хрущева на страницах журнала «Вопросы истории» они стали фактором политической борьбы. Тем не менее, рассекреченные архивные материалы подтверждают достоверность многих описываемых событий и фактов.

Таким образом, доступная для исследования информационная база рассмотренных источников достаточно разнообразна, интересна и дает возможность сделать новый шаг в понимании процессов социально-экономического развития в 50-е–середине 60-х годов.

¹ Корнаи Я. Социалистическая система: Политическая экономия коммунизма: Пер. с англ. М., 2000. С. 23, 52–53.

² Там же. С. 394.

³ Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953–начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999. С. 9

⁴ Шмелев Н., Попов В. На переломе: Экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 89.

⁵ См.: Сенявский А.С. Урбанизация России в XX в.: Роль в историческом процессе. М., 2003.

⁶ Кудров В. О первых сравнениях макроэкономических показателей СССР и США // Мировая экономика и междунар. отношения. 1997. № 3. С. 147.

⁷ Шанин Г.И. 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики // ЭКО. 2001. № 11. С. 168.

⁸ Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997. М., 1998. С. 41.

⁹ См.: Бруцкус Б. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 1–3; Мизес Л. Социализм: Пер. с англ. М., 1994; Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1993.

¹⁰ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 603–605.

¹¹ Опенкин Л.А. Были ли повороты в развитии советского общества в 50–60-е гг. // Вопр. истории КПСС. 1988. № 8; см. также: Там же. № 1, С. 128–134; № 2, С. 110–133 и др.

¹² Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 589–610.

¹³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти, 1945–1991. М., 1998. С. 185–186.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 147, 155, 156.

¹⁵ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. Вильнюс; М., 1992. С. 234.

¹⁶ Гефтер М.Я. Сталин умер вчера // Из тех и этих лет. М., 1991. С. 240, 264.

- Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 64.
- ¹ Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. М., 2003. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. С. 397–398.
- ² См.: *Пыжиков А.В.* Амплитуда экономического развития СССР (1953–1964 гг.) // *Вопр. экономики.* 2002. № 3, 4; *Он же.* Управленческая реформа начала 1960-х гг. // Там же. 2003. № 9.
- ³ См.: *Grossman G.* Notes for a theory of the command economy // *Soviet Studies.* 1963. Vol. 15. N 2.
- ⁴ *Tatu M.* Power in the Kremlin: From Khrushchev to Kosygin // *Transl. H. Katel. N.Y., 1969; Breslauer G.W.* Khrushchev and Brezhnev as Leaders. Boston, 1982.
- ⁵ См.: *Кудров В., Трель В.* Достоинства и недостатки западной экономической социологии // *Вопр. экономики.* 2000. № 11. С. 67.
- ⁶ *Попов Г.Х.* Блеск и нищета административной системы. М., 1990.
- ⁷ *Зубкова Е.Ю.* Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 гг. // *Вопр. истории КПСС.* 1988. № 4; *Она же.* Лидеры и судьбы: «Посадник» Георгия Маленкова // *Полис* 1991. № 5; *Она же.* Предвестие перемен: Летопись десятилетия: 1947–1956 // *Лит. газ.* 1989. № 24. Совместно с Ю. Аксеновым. См. также: *История Отечества: Люди, идеи, решения.* М., 1991. С. 284–320; *Общество и реформы, 1945–1964.* М., 1993.
- ⁸ *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 6.
- ⁹ *Лейбович О.Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993; *Холодная война: Новые подходы. Новые документы / М.М. Наринский и др.* М., 1995; *Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский.* М., 1995; *СССР и холодная война / Под ред. В.С. Лельчука.* М., 1997; *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 гг.: Происхождение и последствия. М., 1996; *Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия.* М., 1995; *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: Политика и повседневность, 1945–1953. М., 2000; *Попов Г.Х.* Будет ли у России второе тысячелетие. М., 1998; *Жуков Ю.Н.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Пыжиков А.* Хрущевская «оттепель». М., 2002; *Аксютин Ю.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; *Безбородов А.Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50–середины 70-х годов. М., 1997.
- ¹¹ *Сахаров А.Н.* О новых подходах в российской исторической науке: Рубеж XXI в. // *Россия: Народ. Правители. Цивилизации.* М., 2004. С. 690.
- ¹² См.: *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства, 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000; *Ясин Е.Г.* Российская экономика, истоки и парадигма рыночных реформ. М., 2002; *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. М., 2005.
- ¹³ *Попов В.П.* Экономическая политика...; *Бирман И.* Реформа экономики абсурда: К собственной собственности. М., 1991.
- ¹⁴ *Кудров В.М.* Советская экономика в ретроспективе: Проблемы переосмысления. М., 1997.
- ¹⁵ *Пихоя Р.Г.* Указ. соч.
- ¹⁶ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996.
- ¹⁷ *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны.: (Вторая половина 40–начало 60-х годов). М., 2000.
- ¹⁸ *Городецкий А.* Об основах институциональной трансформации // *Вопр. экономики.* 2000. № 10. С. 122.

- 36 Молотов, Маленков, Каганович, 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998; Совецания КОМИНФОРМА, 1947, 1948, 1949: Документы и материалы. М., 1998; Лаврентий Берия, 1953: Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999; Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001; Ближневосточный конфликт, 1947–1956: Из документов архива внешней политики Российской Федерации. М., 2003; Ближневосточный конфликт, 1957–1967: Из документов архива внешней политики Российской Федерации. М., 2003; Реабилитация: Как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: Март 1953–февраль 1956. М., 2000; Реабилитация: Как это было: Февраль 1956–начало 80-х годов. М., 2003; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. М., 2002; Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953. М., 2002. Т. 2: 1949–195: Документы; Советская жизнь, 1945–1953. М., 2003; Аппарат ЦК КПСС и культура, 1953–1957: Документы. М., 2001; Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002; Идеологические комиссии ЦК КПСС, 1958–1964. Документы. М., 2000.
- 37 Президиум ЦК КПСС, 1954–1964 гг. М., 2003. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы.
- 38 Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: В 5 т. М., 1962.
- 39 XX съезд КПСС, 14–25 февраля 1956 г.: Стеногр. отчет: В 2 т. М., 1966; Внеочередной XXI съезд КПСС, 27 января–5 февраля 1959 г.: Стеногр. отчет: В 2 т. М., 1959; XXII съезд КПСС, 17–31 октября 1961 г.: Стеногр. отчет: В 2 т. М., 1962; XXIII съезд КПСС, 29 марта–8 апреля 1966 г.: В 3 т. М., 1966; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 7: 1938–1945; М., 1985. Т. 8: 1946–1955; М., 1986. Т. 9: 1956–1960; Т. 10: 1961–1965; Т. 11: 1966–1970; Пленум ЦК КПСС, 15–19 декабря 1958 г.: Стеногр. отчет. М., 1958; Материалы февральского (1958 г.) пленума ЦК КПСС. М., 1958; Пленум ЦК КПСС 24–29 июня 1959 г.: Стеногр. отчет. М., 1959; Пленум ЦК КПСС 18–21 июня 1963 г.: Стеногр. отчет. М., 1964; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов. М., 1958. Т. 3, 4; Пленум ЦК КПСС: Июль 1953. Стеногр. отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1–2.
- 40 Страна Советов за 50 лет: Стат. сб. М, 1967; Достижения Советской власти за 40 лет: Стат. сб. М., 1957; Народное образование, наука, культура в СССР: Стат. сб. М., 1971; Промышленность СССР: Стат. сб. М., 1957; Промышленность РСФСР: Стат. сб. М., 1961; Народное хозяйство СССР в 1956 г.: Стат. сборник. М., 1957; Народное хозяйство СССР в 1961 г. М., 1962; Народное хозяйство СССР в 1962 г. М., 1963; Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1988; КПСС в цифрах, 1951–1961 гг. // Партийная жизнь. 1962. № 1. С. 51–54; Итоги выборов и состав депутатов местных советов депутатов трудящихся. 1963 г.: Стат. сб. М., 1963; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. стат. сб. М., 1987.
- 41 См.: Clark C. A Critique of Russian statistics. L., 1939; Yasny N. Essays on the Soviet Economy. N 4. 1962; Economic Trends in the Soviet Union / Ed By A. Bergson, S. Kuznets. Harvard University Press, 1963; Hatter W. Growth of industrial Production in the Soviet Union. Princeton, 1962; Ханин Г. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991 и др.
- 42 Лебедев В.А. Правящая партия оставалась подпольной // Источник. 1993. № 5/6. С. 88–95.

- ¹⁴ *Арбатов Г.А.* Затянувшееся выздоровление (1953–1985): Свидетельство современника. М., 1991. С. 314.
- ¹⁵ См.: *Шепилов Д.* Непримкнувший. М., 2001.
- ¹⁶ *Абрамов Ф.* А люди ждут, ждут перемен: Из дневников и рабочих записей // Известия. 1990. 11 февр.; *Сахаров А.Д.* Воспоминания; В 2 т. М., 1996. Т. 1.
- ¹⁷ *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991; *Он же.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002.
- ¹⁸ *Зубкова Е.Ю.* Маленков, Хрущев и «оттепель» // Коммунист. 1989. № 13.
- ¹⁹ См.: *Каганович Л.М.* Памятные записки. М., 2003; *Бесцеремонный фальсификатор (И.А. Бенедиктов)* // Молодая гвардия. 1989. № 4. С. 75; *Новиков В.Н.* В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопр. истории. 1989. № 1, 2.
- ²⁰ *Громыко А.А.* Памятное. М., 1990.
- ²¹ *Абрамов Ф.* Указ. соч.
- ²² *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. М., 1995.
- ²³ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Воспоминания: В 4 кн. М., 1999.

Глава I

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВЫЗОВЫ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕМЕН

Фактор И.В. Сталина

Природа исторических вызовов. В 30-е годы А. Тойнби анализируя основные стадии развития цивилизаций, ввел новое понятие «вызов истории». Отвечая на вопрос о том, что является «мотором» цивилизации и заставляет примитивное общество, жившее стационарно на протяжении многих тысяч лет, начать непрерывное поступательное движение, Тойнби приходит к концепции **Вызова-и-Ответа**. «Общество, – отмечал он в многотомном труде “Постижение истории” в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем и каждая из них есть вызов»¹. Ответом на вызов может быть либо рост – «переход в более и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние, либо смерть, проигрыш. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию. Вызов, оставшийся без ответа, повторяется вновь и вновь...»².

Многие понятия, вводимые А. Тойнби, были нечеткими, однако его концептуальные построения вполне инструментальны и могут быть использованы для характеристики модернизационных процессов, протекавших в России на протяжении XX в. Интерпретировав «вызов истории» как объективную необходимость для цивилизации, страны, общества вступать в борьбу за выживание в силу непосредственной или потенциальной угрозы со стороны природных или антропоморфных сил, можно ретроспективно оценить масштаб и характер встающей перед обществом на том или ином этапе развития исторической задачи. Тойнби, опираясь на эмпирический материал, различает внешние вызовы (стимулы, необходимые для генезиса цивилизации) и внутренние (творческий порыв гения, развитие науки и т.д.)³. Так же эмпирически Тойнби устанавливает наличие в ходе исторического процесса вызовов разной силы. Наиболее стимулирующее воздействие, с его точки зрения, оказывает вызов средней силы.

Слабый вызов не может заставить систему перейти на качественно новый уровень, в то время как чрезмерно сильный вызов может привести к ее разрушению. Именно динамическое прогрессирующее противоречие является залогом развития цивилизаций и их составляющих. Некоторые из вызовов получают достойные ответы, а другие могут остаться и без него. Жизнеспособной системе требуется лишь первоначальное наличие внешних стимулов, которые по мере ее развития превращаются во внутренние вызовы. Сопоставив вызов с ответом власти, элиты и общества, а также совокупностью ресурсов, которыми они располагают, можно также достаточно объективно судить о многих параметрах изучаемого общества и государства, о действительном масштабе и состоятельности политических лидеров, зрелости элит.

Отставание России на десятки лет по уровню производства и потребления, структуре экономики и военной сферы от передовых стран Западной Европы и США с очевидностью обнаруживается к началу XX в. Это заставило российское государство и общество активно искать возможности его преодоления. Именно этот модернизационный вызов, на наш взгляд, оказал решающее воздействие на социально-экономическое развитие России на всем протяжении XX в. Значительное отставание потребовало и гигантских усилий для исправления ситуации. Исторический вызов, брошенный России современной цивилизацией с ее новыми технологиями, формами государственного устройства, видами вооружений, общественными идеалами послужил мощным импульсом для возникновения и укрепления уникальной советской системы, «советской цивилизации», как специфического ответа на этот вызов. Он же позже определил и характер всех принципиальных изменений в советской системе, включая и само ее разрушение. В этом контексте весь XX в. предстает целостным этапом.

Столетие спустя можно констатировать, что задача исторического масштаба – совершить цивилизационный рывок – не была решена полностью в рамках XX в. В этом смысле не далек от истины А.И. Солженицын и многие другие, утверждающие, что «Весь XX век жестоко проигран нашей страной»⁴.

В каждом из трех основных периодов отечественной истории XX в. (имперская Россия, Советский Союз, Российская Федерация) имело место свое понимание характера вызовов властью и обществом, действовали особые механизмы ответа на вызовы и угрозы.

В начале XX в. ускоренная модернизация осуществлялась в рамках самодержавной государственности при дефиците внутренних источников накопления, низком внутреннем спросе, де-

фиците денежных ресурсов для финансирования индустриализации. Ответом на вызов стали инвестиции для модернизации из-за границы. К 1914 г. доля иностранных инвесторов в акционерных капиталах предприятий, производящих средства производства, составила около 60% (около 30% акций и корпоративных облигаций, более 70% облигаций городов обращались за границей). Однако иностранные финансовые ресурсы играли вспомогательную роль в повышении нормы накопления капитала. В конце XIX в. доля накопления в национальном доходе России составляла всего 7,8%⁵. Этого было достаточно, чтобы ликвидировать со временем относительное отставание России.

Главной проблемой в тот период становится структурное несоответствие между модернизированными и традиционными укладами и структурами российского общества. Данное противоречие принимало все более конфликтные формы и в условиях первой мировой войны разрешилось драматически-радикальной революцией, последующим распадом единой государственности и деградацией российского общества.

1917 год, несмотря на революционный радикализм, не означал резкого разрыва с прошлым. Разрыв носил, главным образом, политический характер. В общественной же жизни во многом произошло возрождение архаичной традиционной структуры. Главной ведущей силой революционных изменений 1917 г. в действительности были крестьяне России, а также солдатская масса (т.е. те же крестьяне в военной форме), с их консервативным жизненным укладом и традиционалистским менталитетом, пришедшими в острое противоречие с модернизационными импульсами. Общинная крестьянская цивилизация отторгла частную собственность, получившую определенное распространение в России в начале XX в. Без нее был невозможен конкурентный рынок. Необходимость ликвидации отставания от Запада на новой основе диктовала и особый способ проведения модернизации.

В 20–начале 30-х годов XX в. на базе модели импортозамещающей индустриализации в СССР окончательно формируется социалистическая модель развития. Ее характерными чертами становится господство государственной собственности, доминирующая роль государства в мобилизации национальных сбережений, их распределении и использовании, жесткий политический контроль, исключающий любые несанкционированные формы массовой активности и т.п.⁶ Этот набор институциональных инноваций позволяет властям на время снять ряд ограничений, накладываемых на экономический рост рыночными механизмами. Так, масштабный дефицит инвестиций для продолжения «сорвавшей-

ся» в начале XX в. индустриализации был покрыт в условиях «выпадения» внешних инвестиций и масштабных займов за счет перекачки ресурсов из аграрного сектора экономики в индустриальный, системы директивного перераспределения денежных ресурсов, не оставляющей места фондовому рынку и, в конечном счете, за счет населения (низкие доходы, принудительные займы, карточная система). Изымались средства из сельского хозяйства и производства товаров для населения. Вследствие снижения уровня жизни крестьян город получает мощный приток трудовых ресурсов. В 1930 г. деятельность бирж и фондового рынка в России были прекращены. Авторитарная политика власти освободила Россию от подъемов и спадов мирового капиталистического делового цикла⁷. Масштабы национального накопления в СССР перестают зависеть от трудноуправляемых параметров – частных сбережений и инвестиций. Каналы утечки капитала надежно перекрыты всеобъемлющим финансовым контролем. Тоталитарный политический контроль снимает ограничения на объем финансовых ресурсов, мобилизуемых государством на цели накопления. Формируется предельно высокая, долгосрочно-устойчивая норма национальных сбережений. Она позволяет обеспечить индустриальный рывок, резко повысить темпы экономического роста⁸. «Замораживание» на крайне низком уровне жизненных стандартов основной массы населения создавало в стране мощное социальное напряжение, недовольство, которые подавлялись массовыми репрессиями, что в свою очередь привело к гигантскому разрастанию карательно-репрессивных органов системы. В результате этих процессов в 30-е годы возникают политические и экономические формы, наиболее целесообразные с точки зрения решаемой советским государством задачи социалистической модернизации – утверждение тоталитарного режима. Тем не менее, выбор социалистической модели развития позволяет советскому руководству быстро и радикально решить трудную для рыночной индустриализации проблему – преодолеть инерционность, заданность нормы национальных сбережений⁹. И хотя экономический рост в начальный период социалистической индустриализации в основном носил военную направленность, его темпы были впечатляющими.

Прямым внешним вызовом не только для правящего режима, но и для всей страны в целом, вызовом, поставившем под угрозу само ее существование как субъекта мировой истории, стала агрессия гитлеровской Германии. Роковые ошибки сталинского руководства в ходе подготовки к военному противостоянию с Германией привели к трагедии 1941 г., когда и страна, и народ оказались в смертельной опасности, породив для власти и всего обще-

ства проблему, получившую название «синдром 22 июня». В годы войны мотивы внешней угрозы получают мощную подпитку, что не замедлило сказаться на послевоенном курсе советского руководства.

Сталинское понимание вызовов послевоенного времени. Середина 40-х годов – время очередного масштабного исторического вызова, имеющего общую генетическую природу с индустриальным вызовом начала века. К этому времени проблема цивилизационного скачка не была решена до конца. После войны СССР занял положение, соответствующее старой Российской империи¹⁰. Иными словами, даже одержав военную победу, он продолжал серьезно отставать от ведущих стран мира. Экономически СССР остался слабее как бывших союзников, так и поверженных противников¹¹. Новые архивные данные показывают, что Советский Союз был более слабым, чем это представлялось ранее западным исследователям в политической и даже военной областях¹². Уровень жизни основной массы населения страны искусственно удерживался государством на чрезвычайно низком уровне и был одним из самых низких в Европе. Разрушительная война обострила многие застарелые социально-экономические проблемы, вновь увеличив разрыв с наиболее развитыми странами. По мнению ряда зарубежных исследователей, влияние войны для СССР оказалось столь разрушительным, что он так и не смог больше вернуться на свою довоенную экономическую траекторию¹³. Таким образом, вызов, оставшийся без ответа, повторился вновь.

С позиции исторического исследования можно говорить о целом комплексе вызовов и угроз внешнего и внутреннего характера. Формально главная их результирующая составляющая в первые послевоенные годы – военно-техническая: ядерный вызов Запада и связанные с ним военные угрозы. Ядерный вызов (ретроспективно его можно оценить как один из самых серьезных внешних вызовов советской системе за все годы ее существования, а, в координатах Тойнби, как вызов чрезвычайной силы) накладывался на особенности послевоенного времени и превращения СССР в мировую державу. Приспособление страны к ее новому положению в мире давало повод власти заняться «инвентаризацией» экономической и социальной сферы системы, внутренней и внешней политики и, прежде всего, объективно посмотреть на источники победы в Великой Отечественной войне. Определить, какой фактор: патриотический, природно-географический или «социалистическая природа» советской системы был решающим? В условиях наступившего мира от власти и общества требовалась также всесторонняя оценка сильных и

слабых сторон «построенного в боях социализма». В первую очередь нужно было оценить уступки здравому смыслу и населению, сделанные властью в годы войны (введение единоначалия в армии, увеличение приусадебных участков за счет колхозных полей, уступки церкви). В.М. Молотов впоследствии толковал эти уступки, т.е. все новое, внесенное жизнью в разные сферы общества в годы войны, как «мещанство» и «потребительство»¹⁴. Победоносный конец кровавой мировой войны должен был бы стать для сталинского руководства «моментом истины». Обстоятельства требовали осуществить «мозговой штурм» и всесторонне проанализировать реальное положение страны в мире, а также те глобальные изменения, которые принесла мировая война. Наконец, назрела необходимость сформировать представления о желаемом будущем, определить новые цели и задачи внешней и внутренней политики.

Уже в годы войны под сильным давлением новых реалий властные структуры в СССР втайне начали проработку возможных изменений некоторых существенных механизмов советского строя. При определенных обстоятельствах они могли бы превратиться в системные. В начале войны в различных правительственных структурах высказывались соображения о том, каков будет мировой порядок после нее, кто в мире будет играть главенствующую роль и почему. К ноябрю 1943 г. советская программа послевоенного устройства и безопасности страны сложилась в довольно четкую систему конкретных предложений. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют высказывания И. Майского, изложенные им 11 января 1944 г.: «...нашей конкретной целью при построении будущего мира и послевоенного порядка, – говорилось в его записке, – должно быть создание такого положения, при котором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира, по крайней мере, в Европе и Азии»¹⁵. Длительный срок безопасности и мира, к которому, по мнению Майского, нужно было стремиться – это жизнь двух поколений, т.е. около 50 лет. «За это время СССР должен был достигнуть такого могущества, чтобы ему уже больше не могла быть страшна никакая агрессия в Европе и Азии. Более того, чтобы ни одной державе или комбинации держав... не могло прийти в голову такое намерение»¹⁶. За этот же период «континентальная Европа успела бы стать социалистической, исключая, таким образом, саму возможность возникновения войн в этой части света»¹⁷.

В литературе отмечены две принципиальные особенности предложений Майского советскому руководству. Прежде всего – это приоритет задач внутреннего характера. Их решению пред-

стояло подчинить все усилия на внешнеполитическом фронте. И вторая особенность – создание эффективной системы безопасности в Европе и сознательно отодвинутая на второй план социалистическая перспектива ее развития.

В годы войны предпринимались и попытки сформулировать определенные новации в области внутренней политики. Некоторые из этих инициатив, в случае их правового оформления, могли иметь далеко идущие последствия. Весьма интересен в этом плане впервые введенный в научный оборот Ю.Н. Жуковым проект постановления ЦК ВКП (б) «Об улучшении государственных органов на местах», составленный Маленковым и 24 января 1944 г. направленный за тремя подписями (Маленкова, Молотова и Хрущева) Сталину. Фактически в проекте шла речь о серьезной реформе всей системы власти в стране. По этой причине данный проект заслуживает более детального анализа. Как известно, после Сталина практически все советские руководители будут пытаться «поднять и улучшить роль Советов», но не такими радикальными способами. Ни один из проектов не достигнет поставленных целей. В одной из первых редакций этого документа, обнаруженной нами в личном фонде Молотова и имеющей характерный заголовок: «О поднятии роли и улучшении работы СНК союзных и автономных республик, крайисполкомов, облисполкомов, городских и райисполкомов»¹⁸, отчетливо просматриваются первоначальные цели подготовки этого проекта. Прежде всего, в документе констатируется, что «неправильная практика, когда местные руководители партийных и советских органов дублируют друг друга, часто занимаясь одними и теми же вопросами, сложилась в довоенные годы... И там, и тут, – отмечается далее в проекте, – происходят заседания, совещания по одним и тем же вопросам, нередко при одном и том же персональном составе участников. Оперативные указания идут как от партийных, так и от советских органов, происходит ненужная для дела расточительная трата сил и времени. Практика оперативного руководства хозяйством одновременно из партийных и советских органов в организационном отношении находит свое выражение в распылении сил между партийными и советскими органами на местах и, что особенно важно – в неправильном распределении руководящей работы между ними»¹⁹.

В окончательной редакции этого документа, приводимой Ю.Н. Жуковым в своей книге, сказано более коротко и точно: «наши местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями»²⁰. В этой редакции менее определенно говорится о причинах подобного явления. Документ ограничивается общей

констатацией: «В партийных органах сосредоточены наиболее авторитетные и опытные (в первой редакции – более сильные! – Авт. – В.Ш.) руководящие работники, за счет ослабления руководящих кадров в советских органах».

В ранней редакции содержится очень важная констатация: «Аппарат партийных органов по своей структуре более приспособлен к оперативному руководству делами хозяйства и культуры, чем аппарат совнаркомов ...так в областных комитетах партии ...имеются вполне сложившиеся отделы по отдельным отраслям промышленности и сельского хозяйства, которые позволяют местным руководителям повседневно вникать в работу промышленности, в том числе и в работу предприятий союзных наркоматов. В Совнаркомов же таких отделов нет, что ставит в затруднительное положение Советы, в осуществлении повседневного оперативного руководства хозяйством и совершенно исключает для них всякую возможность заниматься делами предприятий союзной промышленности»²¹. Далее в документе утверждается, что «в крайисполкомах и облисполкомах отсутствуют организационные отделы, что сильно ослабляет повседневное руководство местными органами власти со стороны (вышестоящих) Советов. Местные руководители партийных органов вследствие неправильного соотношения сил между партийными и советскими органами взяли на себя несвойственные им функции непосредственного распоряжения хозяйственными делами, в то время как они не имеют права выступать в роли административно-хозяйственных органов... Как известно, – говорится в проекте, – такие права имеют в соответствии с нашей Конституцией Советские и хозяйственные органы»²². Здесь интересно не столько обращение к конституционным нормам, не характерное для практики советских лет, и тем более, военного времени, сколько констатация сложившейся в структурах власти ситуации. Таким образом, нелишне подчеркнуть, что отнюдь не в хрущевское время, как утверждают некоторые авторы, партийные органы становятся реальными инструментами государственного управления в СССР. Более того, как следует из документа, смешение функций партийных и хозяйственных органов, «ставящие партийные органы в ложное положение», вовсе не случайно. По замыслу составителей проекта «оперативное руководство хозяйственным и культурным строительством должно быть сосредоточено в одном месте – в советских органах. ...Сосредоточить лучшие квалифицированные силы по руководству хозяйством в советских органах и превратить их на деле (!) в полноправные органы государственного управления, целиком отвечающие за состояние хозяйства и культуры страны на своей территории»²³. В качестве главной организационной меры,

обеспечивающей перестройку руководящих органов, авторы документа признавали целесообразным, «чтобы первый секретарь ЦК коммунистической партии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома партии был одновременно и председателем совнаркома союзной (автономной) республики, исполкома краевого, областного, окружного, городского, районного Совета депутатов трудящихся» (выделено авт. – В.Ш.)²⁴. Сравнительный анализ текстов показывает, что в результате «доработки» проект потерял значительную часть своей остроты, но и в этом виде носил революционный характер. Именно поэтому власть в то время и не могла его принять. Позднее Горбачев не без успеха использовал аналогичные идеи в тактических целях. В конечном итоге этот проект, первоначально поддержанный Сталиным, был отклонен. Ю.Н. Жуков пишет: «Мы никогда не узнаем, кто и по каким мотивам отклонил этот проект: никаких записей, ни протоколов, ни тем более стенограмм не только данного, но и вообще совещаний узкого руководства, оформлявшихся как заседания ПБ, тогда не велось»²⁵. Собственное мнение историка сводится к тому, что постановление «окончательно отстраняло партию от даже косвенного участия в повседневной деятельности государственного аппарата, отстраняло партию от воздействия на развитие экономики, науки, культуры, образования, много иного. По сути, ликвидировало существовавшую четверть века партийную ветвь власти»²⁶. С подобным выводом исследователя трудно согласиться. Скорее всего, анализ подготовленного документа показал кремлевским властителям, что, при последовательной реализации этого проекта, практика выборности должна была бы затронуть и высшие эшелоны власти, вследствие чего Председатель Совмина СССР будет избираться не парторганами, а всеми избирателями страны, что вносит элемент непредсказуемости и нестабильности. Сталин и его окружение, видимо, вполне отдавали себе отчет, что в идеократическом государстве, каким являлся СССР, партия не ветвь власти, а фундамент всей системы, поэтому уничтожение функций партии означает уничтожение всей системы, а не ее модернизацию. Эти опасения подтвердила горбачевская перестройка.

Признание современных реалий все-таки нашло частичное отражение во внешней политике советского руководства, прежде всего в новой оценке «специфических путей к социализму». Соседям СССР предлагалось прийти к социализму без диктатуры пролетариата и с сохранением парламентской демократии и многосекторной экономики²⁷. В частности, 22 августа 1946 г. Сталин в интервью английской газете «Дейли геральд» подчеркнул возможность более длительного, чем в России, но мирного англий-

ского парламентского пути к социализму²⁸. Во внутренней политике все послевоенные годы изменений практически не наблюдалось. Немногие предложения и разработки, выходявшие за пределы обычных перестроек властных и хозяйственных структур, что секретным порядком готовились в сталинском окружении, так и не увидели свет²⁹.

С позиций конечного знания представляется достаточно очевидным, что Сталин односторонне истолковал новые исторические вызовы и не смог предложить обществу внятную стратегию реагирования на них. Ядерный вызов имел скорее интеллектуально-мировоззренческий характер. По существу, вопрос стоял о выживании советской системы в определенных условиях. Этот вызов был воспринят сталинским руководством как сугубо военно-технологический. Позднее, в начале 50-х годов Сталин предельно ясно выразил понимание его природы и сущности как интеллектуального вызова, своей рукой вписав в редактируемую рукопись учебника политической экономии личное видение ее предмета: «...политическая экономия изучает не какие-либо заоблачные, оторванные от жизни вопросы, а самые реальные и актуальные, затрагивающие кровные интересы людей, общества, классов». Первым, по мнению Сталина, был вопрос: **«...является ли неизбежной гибель капитализма и победа социалистической системы хозяйства, противоречат ли интересы капитализма интересам общества и прогрессивного развития человечества, является ли рабочий класс могильщиком капитализма и носителем идей освобождения общества от капитализма...»** (выделено авт. – *В.Ш.*)³⁰.

Десятилетие спустя Н.С. Хрущев на митинге советско-германской дружбы в своей манере изложит ту же мысль: «Если мы на деле не покажем преимуществ нашего социалистического строя, преимуществ в быстром подъеме экономики страны, в неуклонном росте материальных и духовных благ, если советские люди не будут жить лучше, чем жили до революции, тогда многие скажут: слушайте, говорят, что коммунисты строят социализм, а зачем он? Вот русские, говорят, живут при социализме, а ходят без штанов, так что вы хотите их примеру следовать? А мы при капитализме носим не одни штаны, а штаны и да еще пиджак в придачу»³¹.

В послевоенные годы была продолжена линия на максимальную мобилизацию ресурсов из аграрного сектора. Власть возводит в идеал жесткую дисциплину, низведение личности до положения винтика государственной машины, абсолютное самопожертвование во имя государства, полное отсутствие политической оппозиции и инакомыслия, плановое хозяйство и централизацию экономической и общественно-политической жизни. Одно-

временно пропагандистский аппарат начал раскручивать антизападные кампании. Была законсервирована существовавшая экономическая и политическая система во всей ее целостности, включая многие рудиментарные институты и структуры.

Весьма показательно, что западные страны, также столкнувшись после войны с кризисом идентичности, смогли найти адекватные ответы на исторические вызовы. Отстаивая право на жизнь, капиталистическое общество после второй мировой войны встало на путь качественной трансформации. Согласно наблюдениям экономистов, капиталистический хозяйственный механизм из анархичного, монополизированного и эгоцентрического постепенно превратился в регулируемый, конкурентный и социализированный³². Послевоенное «кейнсианское двадцатилетие» с его активной государственной экономической политикой было ознаменовано несколькими реформами, которые в мировой науке признаны весьма успешными. Однако, когда государственное регулирование, мощные социальные программы достигли таких масштабов, что стали сдерживать частную инициативу и предпринимательский дух, закономерным стал возврат от социально-дирижистского типа теории и политики к либерально-индивидуалистическому³³. Этот процесс доказывает, что один тип теории и политики не может быть абсолютно верен и успешен в различных исторических условиях.

Ретроспективно формула успеха западных стран достаточно проста: их экономисты отказались от попыток объяснить сложные общественные явления с помощью «единственно верной» теоретической модели, поскольку убедились, что каждая из таких «выведенных» теоретических моделей (социализм, теория конвергенции, кейнсианство и т.п.) страдает односторонностью, предвзятостью и неизбежно вступает на определенном этапе в конфликт с реальностью. Накопление же обширного арсенала с помощью моделей разного уровня обобщения, описывающих и объясняющих механизмы хозяйствования, предоставило достаточно материала для системного синтеза экономических знаний. Иными словами, каждая теория, каждое направление послевоенной экономической мысли явилось вкладом в конструирование нового хозяйственного механизма. Суть реформаторской перестройки на Западе определял общенациональный интерес, понимаемый как динамический баланс разнородных интересов. В политической сфере первоосновой указанных процессов явилась последовательная демократизация политического строя ведущих капиталистических стран.

Для целей данной работы более важными представляются не столько результаты идентификации и интерпретации Сталиным

и его ближайшим окружением послевоенных вызовов и угроз (они сегодня достаточно очевидны), сколько обстоятельства, в силу которых принятые сразу после войны решения продолжали не одно десятилетие дозвлет над советскими лидерами. Анализ адекватности ответов масштабам вызовов и наличию материальных и иных ресурсов является актуальной задачей исторического исследования, т.к. позволяет определить, были ли недостижимы, иллюзорны сами цели послевоенной внешней и внутренней политики, или советское руководство оказалось способно их достичь.

На выбор модели (точнее сказать, консервацию прежней) послевоенного социально-экономического развития в Советском Союзе повлияло несколько важнейших обстоятельств. По итогам войны СССР стал великой державой, для поддержания статуса которой был необходим мощный военный потенциал. Однако война сильно изменила и страну, и самого И.В. Сталина, завершив его эволюцию от революционного деятеля к «российско-державному». Победа еще более возвысила его в народном мнении, вознес на роль не только партийного, но и общенационального вождя³⁴, и не оставив простора для проявлений самостоятельности другим членам руководства. В стране не было и не могло быть организованной оппозиции. В этих условиях для харизматического лидера, каковым являлся Сталин, политически и психологически было невозможно разрушить своими руками созданную им же структуру власти.

В тот период советская система еще не вышла за пределы своего исторического времени и обладала определенным запасом прочности. Для СССР итоги войны не были столь однозначно благоприятными, как для США. С одной стороны, в результате того, что советская армия смогла «выбить дух из германского военного чудовища» международный авторитет «первой в мире страны социализма» неизмеримо вырос. СССР смог выйти из международной изоляции и, заняв почетное место «великой державы», претендовать на роль равноправного партнера Запада в деле послевоенного устройства мира. Таким образом, не исключалась возможность интеграции СССР в мировое сообщество. Еще до окончания войны в Сенате США обсуждался вопрос о предоставлении Советскому Союзу большого (до 25 млрд \$) займа для восстановления разрушенного войной хозяйства³⁵. С другой стороны, в последний год войны отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции стали осложняться. Их цели и интересы все больше расходились. Слишком различались устройства двух сверхдержав, менталитет их политических лидеров. Сталин, опираясь на марксистский анализ ситуации, в беседе

президентом Американской торговой палаты Эриком Джонстоном, совершившем поездку в СССР в июне 1944 г., предсказывал, что американское правительство после войны столкнется с серьезной длительной безработицей. И из этого анализа он делал вывод, что «Соединенные Штаты только из чувства самосохранения будут стремиться посылать в Советский Союз свои продукты на почти любых условиях займа». Американские внешнеполитические ведомства тоже находились во власти неверных представлений. В США считалось, что «России придется нелегко без сырья, химического, электрического и железнодорожного оборудования, которые могут предоставить Соединенные Штаты; и что желание получить все это заставит ее поддерживать добрые отношения с США»³⁶. Вовсе не случаен тот факт, что посол США в СССР А. Гарриман хотел использовать перспективу американской помощи после войны в качестве инструмента дипломатии³⁷. К маю 1945 г., в результате взаимного непонимания, вопрос о вкладе Запада в восстановительные работы в Советском Союзе был практически закрыт с двух сторон. После исчезновения общего врага – германского фашизма – их противостояние становится вопросом времени. Победа в войне породила в сознании советской верхушки иллюзию необыкновенной военной и экономической мощи страны, что в свою очередь, привело к формированию нереалистического внешнеполитического курса. Борьба за повсеместное распространение идей коммунизма с опорой на «незападный мир» стала главной причиной поражения СССР в холодной войне³⁸. Курс на военное противостояние с Западом оказался губительным для советской экономики, способствовал ее окончательному подчинению интересам военно-промышленного комплекса.

Итак, победоносное окончание войны, которое должно было стать точкой отсчета в реализации сущностных сил советской системы и социальной ориентации экономики СССР (этого требовала теория и декларировали партийные документы) становится отправной точкой тотальной милитаризации страны. Ужесточение советской позиции и решение Москвы пойти на конфронтацию с Западом было просчетом не только Кремля. Оно было вызвано и многими ошибками западных политиков.

Американцы в годы войны стремились влиять на религиозное возрождение, экономическое развитие, политическую либерализацию и культурное открытие России³⁹. «Демонстрацией ядерного оружия, отказом допустить СССР к оккупации Японии, – справедливо отмечает Ю.Н. Жуков, – недвусмысленно дали понять Москве: боевой союз трех великих держав ушел в прошлое. Забыт, ибо перестал быть нужным. А вместе с ним исто-

рий становилась и недавняя роль Советского Союза. Ему вновь отводили второстепенное место»⁴⁰. Западные руководители достаточно ясно осознавали огромное экономическое преимущество США, обладавших атомной монополией перед СССР. Британский премьер-министр У. Черчилль 23 июля 1945 г. заявил членам Комитета начальников штабов: «Секрет создания бомбы и возможность ее использования полностью нарушат равновесие сил на международной арене, которое складывалось после поражения Германии... сейчас мы можем сказать [русским], что если вы действительно хотите сделать то-то и то-то, что ж... русским нечем будет на это ответить»⁴¹. Несколькими месяцами раньше Черчилль, обеспокоенный тем, что «русский медведь навис над всей Европой», приказал военным начать разработку проекта, получившего предварительное название «Операция «Немыслимое». Цель проекта заключалась в том, чтобы навязать СССР волю США и Британской империи. По версии английских ученых до Сталина дошла копия этого доклада и укрепила его уверенность во враждебности Запада⁴².

Г. Трумэн, сначала считавший, что русские «не умеют себя вести» в силу младенческого возраста СССР, политической незрелости, вскоре приходит к выводу, что враждебность между странами носит врожденный характер. По мнению многих исследователей уже 21 сентября 1945 г. США окончательно решили идти по пути «атомной дипломатии»⁴³. Атомная монополия США стала основным генератором гонки вооружений. У советского лидера, хорошо осведомленного благодаря внешней разведке, были вполне определенные основания считать, что с помощью атомного шантажа Запад пытается лишить СССР плодов заслуженной победы. Сталин скорее всего знал, что США будут способны нанести массированный ядерный удар по СССР не раньше начала 50-х годов. Более точно об этом можно будет судить на основе конкретных документальных данных. Глава Советского Союза, стремясь выиграть время, пошел на чрезвычайные меры, чтобы так быстро, как только возможно, не считаясь со средствами, создать собственное ядерное оружие. Это позволило бы нейтрализовать атомную угрозу со стороны США. И.В. Быстрова справедливо замечает: «Беспокойство имело под собой почву: в 40–60-х годах СССР действительно отставал от США в области новейших вооружений в среднем на 3–5 лет»⁴⁴. Важно отметить, что хотя два основных направления модернизации вооруженных сил СССР (освоение радиоэлектронных систем и создание собственного ядерного оружия) были организационно оформлены еще в годы войны, по настоящему широкомасштабные работы в области создания атомного оружия развернулись лишь в 1946 г.

В мае того же года известным постановлением Совета Министров СССР утверждено третье направление – развитие ракетной техники⁴⁵. Определенная тенденция к демилитаризации советской экономики имела место до 1948 г. Затем начались беспрецедентные по своим масштабам военные приготовления. Ряд авторов считает, что главная причина этому – создание в 1947 г. Западного Союза, а затем и НАТО, которые были восприняты советским лидером как приготовление к войне против СССР⁴⁶. В ответ на это Советский Союз, сокративший в 1945–1948 гг. свои вооруженные силы с 11 365 тыс. человек до 2 874 тыс., с 1949 г. вновь начал их увеличивать⁴⁷.

Несомненно, на выбор Сталиным пути послевоенного развития оказало влияние и давление определенных кругов советского ВПК. За ними стояли сотни тысяч рабочих и ИТР, занятых в оборонных отраслях. Хотя создание в 1949 г. атомной бомбы и победа революции в Китае существенно усиливают позиции СССР на международной арене, конец 40-х годов отмечен беспрецедентными по своим масштабам военными приготовлениями. В ходе корейской войны и особенно после нее происходит новое усиление советских военных программ, а экономическое планирование все более подчиняется военному производству. Сталин, очевидно, в это время всерьез опасался войны с западным блоком. Некоторые исследователи в связи с военными приготовлениями СССР и итогами совещания военачальников в Кремле в 1951 г. считают, что СССР готовился к превентивной войне⁴⁸. Однако здесь явное преувеличение. Представляется более верной позиция А.А. Фурсенко, считающего, что военные приготовления велись по причине высокой вероятности войны с Америкой, и Сталин рассматривал возможность применения ядерного оружия лишь в случае неспровоцированной агрессии против СССР⁴⁹.

На основе рассмотренных материалов можно утверждать, что сразу после победы существовала самая большая за все послевоенные годы возможность изменений внешней и внутренней политики СССР, его очередной перестройки. Советское общество жило ожиданиями перемен и готово было их принять, а власть обладала для этого определенными ресурсами. Однако эта возможность носила скорее теоретический, виртуальный характер. Сталин, приняв в сложившихся после войны обстоятельствах ядерный вызов и, подчинив послевоенное восстановление страны цели догнать США в области ядерных технологий, в значительной мере лишает выбора и альтернатив развития страны своих возможных преемников. В 1946–1989 гг. глобальной проблемой, определявшей все остальные, была гонка вооружений США–СССР.

Существовала ли в тот период для советского руководства альтернативная стратегия, или Сталин в тех неблагоприятных для развития СССР условиях избрал единственно возможный курс? Сегодня без многих допущений невозможно однозначно ответить на этот вопрос, поскольку по прошествию времени все, что произошло в те первые послевоенные годы, стало казаться неизбежным. Как бы то ни было, курс на гонку вооружений, фактическую изоляцию страны, отгороженность ее от мировой экономики означал автоматическое выпадение СССР из бурно развивающихся инновационных процессов, что неизбежно вело к усугублению, отставанию и маргинализации страны. Сохранив огромную армию и поставив большую часть Центральной и Восточной Европы в вассальную зависимость, советский лидер лишь усилил враждебность американцев, опасаться которых он объективно имел основания. После 1945 г. любой лидер Советского Союза должен был поставить перед собой цель создания ядерного оружия (а в перспективе и достижения ядерного паритета) хотя бы в силу того, что оно имелось у потенциального противника. В своей знаменитой «длинной телеграмме» Джордж Кеннан попытался воспроизвести реакцию Сталина на давление извне: «Интервенция против СССР, какой бы катастрофической она не оказалась для тех, кто ее предпримет, вновь задержала бы развитие советского социализма и должна быть предотвращена **любой ценой** (выд. авт. – В.Ш.)»⁵⁰. Теоретически гонке ядерных вооружений существовала альтернатива. В целях интернационализации секретов атомной энергии и вывода проблемы из плоскости межгосударственных отношений, в ООН в 1946 г. была создана Комиссия по атомной энергии. На ее первом заседании Б. Барух от имени США предлагал ввести эффективный международный контроль, после чего США прекращали бы производство ядерного оружия и уничтожили бы существовавшие запасы, а СССР должен был остановить собственные разработки в ядерной физике. Однако для советского руководства план Баруха оказался неприемлем, поскольку в случае его реализации США сохраняли бы свои передовые технологии и тем самым имели бы громадные преимущества перед СССР. Сталин, пытаясь в первые послевоенные годы любой ценой предотвратить угрозу дальнейшему развитию социализма со стороны западного мира, добился обратного результата. Гонка вооружений и изоляция СССР и блока стран «народной» демократии сделали второстепенным то главное, ради чего и создавалась советская система, ее суть во всех программных документах определялась «как всестороннее развитие человека». Сталинское руководство так и не смогло предложить народу-победителю внятный ответ на этот главный вы-

зов времени, обосновать последовательную стратегию социально-экономического развития страны, роста благосостояния, защиты прав человека.

В середине 40-х годов в СССР возникают условия, делающие весьма вероятным назревание внутреннего социально-политического кризиса, и его проявление становится вопросом времени. Справедливости ради следует отметить, что Сталин предпринимал определенные усилия, чтобы смягчить тяжелое бремя вооружений. Его настораживали изменения в настроениях советского общества. Готовясь к проведению в феврале 1947 г. пленума ЦК КПСС, Сталин набросал на листочке план выступления из четырех пунктов. Под пунктом первым значилось: «В области международных отношений – добиваться мирного сосуществования между государствами; сделать невозможными агрессивные войны»⁵¹. Добиться этого было необходимо, чтобы поставить преграду агрессии, а главное выиграть время в гонке вооружений. Сталин планировал «бороться за запрещение атомного оружия и других массово-истребительных средств войны, направив движение масс на сохранение мира; создавать союзы государств для сопротивления агрессии и обуздания агрессоров»⁵². Это единственный пункт в короткой сталинской записке, который был, более или менее, детально расписан. Приведенный факт говорит о том, что Сталин действительно придавал данному вопросу большое значение. Второй пункт сформулирован также четко: он определял главную внутривнутриполитическую задачу: сохранение и усиление советского государства с его армией, его органами разведки. Сталин уточнил формулировку пункта – пока существует капиталистическое окружение⁵³. Весьма показательно, что он довольно лаконично обозначил задачи в области экономического и культурного строительства, не сделав специального акцента на социальные вопросы⁵⁴.

Анализ источников показывает, что в послевоенные годы Сталин вовсе не считал вопросы социальной политики первостепенными и был далек от понимания их истинной остроты, в то время как миллионы людей в СССР голодали, и было немало случаев голодной смерти. «Говорят [у нас] низкая зарплата, – иронизировал он в начале 1947 г. – У нас зарплата зависит от того, кто как работает. Хорошо человек работает и зарплату получает хорошо»⁵⁵.

Для вождя «социалка» была лишь средством решения иных вопросов. В послевоенные годы он, в частности, предлагал сделать Москву, как столицу, красивой. «Надо помнить, что столица укрепляет государство»⁵⁶. Таким образом, для Сталина доминирующая задача социально-экономической политики этих лет –

всмерное укрепление государства. Однако в популистских целях и составленном «сгоряча на второй день после войны» плане четвертой пятилетки, принятом по докладу председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, в качестве одной из важнейших ставилась задача создания в стране «обилия основных предметов потребления для обеспечения материального благополучия народов СССР»⁵⁷. Выдвигая эту задачу, правительство вовсе не собиралось пересматривать другие приоритеты и, прежде всего, максимально быстрое развитие тяжелой индустрии. За счет некоторого расширения производства товаров широкого потребления власть рассчитывала, как это уже имело место в середине 30-х годов, сбить нарастающую волну инфляции.

О сохранении старых приоритетов, а также основных принципов и целей экономической политики Сталин говорил Э. Джонстону. В Кремле бывший владелец сети по продаже пылесосов стремился преодолеть поначалу сильную настороженность и кажущуюся незаинтересованность Сталина. Осмотрев советские заводы, Джонстон с одобрением заметил советскому лидеру, что он видел американские машины, американскую технику, американские конвейеры. Когда же Джонстон спросил, намерен ли СССР «закупать потребительские товары или промышленное оборудование» после окончания войны, Сталин, признав, что «Соединенные Штаты внесли огромный вклад в довоенное развитие советской промышленности – вероятно, две трети всех заводов в Советском Союзе построены с помощью американцев и их опыта», подчеркнул, что он «сконцентрируется на тяжелом машиностроении»⁵⁸. Все же Джонстон по возвращении выражал оптимизм в отношении развития торговли с СССР. Он писал, что русские (читай Сталин) «уважают Соединенные Штаты» за их индустриальное могущество и предсказывал, что после войны «Россия станет обращаться к США за множеством вещей, в которых она будет нуждаться не только для восстановления ее измотанной войной экономики, но и для обеспечения своим гражданам более высокого уровня жизни, который она обещала им в течение 20 лет»⁵⁹.

Дж. Кеннан в сентябре 1944 г. отмечал, что советское правительство планирует сосредоточиться, прежде всего, на развитии тяжелой промышленности, а не на быстром росте жизненного уровня, и оно примет западную помощь в реализации этого плана, только если получение помощи не потребует от него уступок в вопросах, которые оно считало жизненно важными для безопасности советского государства⁶⁰.

То, что было очевидным для независимых западных наблюдателей, Сталин подтвердил соотечественникам в своей речи пе-

ред избирателями, произнесенной 9 февраля 1946 г. Вся сталинская речь сводилась к подчеркиванию преимуществ советского общественного строя, который «выдержал испытания в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность»⁶¹. Тем самым Сталин спешил закрепить в общественном сознании мысль о прочности созданной им системы, о том, что если советский строй выдержал страшную проверку войной, то незачем ничего менять, следует продолжить строительство социализма и коммунизма и жить как до войны. Кроме этого, он дал понять, что и в грядущем переустройстве мира за образец должен быть взят советский не только общественный, но и экономический строй.

В конце речи, обосновывая необходимость повышения уровня отечественной промышленности втрое по сравнению с довоенным, Сталин прямо заявил, что только при этом условии можно считать страну «гарантированной» от всяких случайностей. Речь Сталина позволяет понять, почему была свернута работа по подготовке новой Программы КПСС. Впервые вопрос о новой Программе ВКП(б) был поставлен еще летом 1938 г., когда Сталин дал задание Мануильскому «набросать, используя аппарат Коминтерна, проект новой Программы», так как ее проект предлагается внести в повестку дня предстоящего XVIII съезда партии. Одновременно Сталин аналогичное задание дал Митину и Юдину на основе беседы с ними⁶². К этому времени основные цели старой партийной программы были в основном достигнуты в том виде, в каком они представлялись Сталину и его ближайшему окружению в 20–30-е годы. В соответствии с официальной доктриной, задачи индустриализации и коллективизации были решены, социализм «построен». Интересы укрепления сталинского политического режима после войны (которые сам Сталин предпочитал, как уже отмечалось выше, интерпретировать как укрепление советского государства) требовали новых социально значимых целей в социально-экономическом развитии страны. По этой причине уже летом 1945 г. Сталин реанимирует тему коммунистического строительства⁶³. Руководящая партийная установка о завершения построения бесклассового общества появляется в официальных выступлениях и на страницах прессы. Весной 1946 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) создается комиссия во главе с А. Ждановым для подготовки новой программы ВКП(б)⁶⁴. Подготовка новой Программы ВКП(б) велась по той же схеме, что и до войны. 15 июля 1947 г. в связи с намечавшимся созывом XIX съезда партии, были созданы четыре подкомиссии. Все подкомиссии вскоре представили свой вариант партийной программы, составленный по одной схеме, очевидно предложенной Сталиным. Правка вождя есть только на одном из вариантов – комиссии под руководст-

вом Митина, что свидетельствует о том, что вся затея с подготовкой новой программы носила конъюнктурный и популистский характер. Рассчитывая на продолжение диалога с Западом, вождь был вынужден рядиться в тогу защитника демократии, поэтому во всех вариантах немало строк посвящено необходимости дальнейшего развития советского демократизма, усилению контроля масс в отношении органов советского государства, усилению ответственности органов советской власти перед народом⁶⁵. «По мере построения социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму, – говорится в “митинском” варианте проекта в разделе об общеполитическом и государственном строительстве, – все больше прямых государственных функций будет переходить к добровольным общественным организациям на основе роста культуры народных масс и роста их коммунистической сознательности»⁶⁶. Развитие советской народной демократии виделось авторам проекта как постепенный переход к организации всенародного голосования по важнейшим вопросам государственной жизни: общеполитическим, хозяйственного порядка, вопросам быта, жилищного и культурного строительства, предполагалось широкое развитие законодательной инициативы снизу, путем представления общественным организациям права вносить в Верховный Совет СССР и Верховные Советы союзных республик предложения об издании новых законов⁶⁷. Более того, авторы не исключали в дальнейшем «возможность соревнования во время выборов в Советы снизу до верху нескольких кандидатов...в целях выбора из них наиболее достойных и наиболее способных», а также «по мере завершения построения коммунистического общества передачу прямых государственных функций к добровольным общественным организациям»⁶⁸.

Не следует, впрочем, преувеличивать степень революционности предложений по демократизации общества. Очевидно, что авторы этого и иных проектов точно придерживаются границ, очерченных в беседах с вождем. Все указанные мероприятия по демократизации общества имеют конечной целью дальнейшее укрепление советского государства, усиление центрального руководства государственными делами⁶⁹. Говоря о необходимости «дальнейшего развития суда в сторону наибольшей его демократизации через широкое привлечение широких народных масс к отправлению судебных обязанностей» авторы «митинского» варианта тут же пишут о необходимости развития судов чести (бывших на тот момент идей-фикс вождя). Расширение функций и прав союзных республик видится авторами исключительно вместе с укреплением централизованного руководства общесоюзными делами⁷⁰.

В проектах нашли отражение многие идеи, обнародованные в годы хрущевской оттепели. В одном из проектов (П. Пospelов, М. Иовчук, Д. Шепилов) впервые была сформулирована доктрина перерастания диктатуры пролетариата в общенародное государство, хотя аналогичная идея высказывалась М.И. Калининым в 30-е годы⁷¹. Не трудно заметить, что и в социально-экономическом блоке представленных проектов не было серьезных качественных прорывов.

Попытка одной из подкомиссий представить в качестве важнейшей задачи ближайшего будущего лозунг XVIII съезда ВКП (б) «догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны» была вождем решительно пресечена и поставлена задача «привести советский народ в исторически кратчайшие сроки – ближайшие 20–30 лет к победе коммунизма в СССР»⁷².

В целом все четыре проекта представляли собой довольно сложное переплетение новых и старых идей, идущих из 30-х годов. В них уживались: предложение «всемерно укреплять артельные формы колхозного производства, как наиболее отвечающие данной степени колхозного производства и как единственно правильного пути к более высшей форме организации сельского хозяйства», и идея перехода к сельскохозяйственной коммуне, как высшей форме колхозного движения»⁷³.

В окончательном варианте, подготовленном редактором «Правды» Д. Шепиловым, новации были в основном сняты. Характер правки очевиден. Несколько ключевых моментов отражают изменение позиции высшего руководства. Прежде всего другими стали отношения с союзниками. Д. Шепилов в новой редакции вычеркивает имевшиеся в ранних редакциях слова о мирном сосуществовании государств и сотрудничестве между ними.

В новой редакции проекта главным итогом развития советского общества в предшествующий период объявляется советская демократия как высшая форма демократии. «Растущий кризис буржуазной демократии и всех ее институтов, – утверждается в проекте, – находит свое выражение в таких явлениях как банкротство буржуазной парламентской системы, при которой так называемое народное представительство все более превращается в пустую говорильню»⁷⁴. В окончательной редакции документа без изменения осталась основная задача ВКП (б) по строительству коммунистического общества. «ВКП (б) ставит своей целью в течение ближайших 20–30 лет построить в СССР коммунистическое общество»⁷⁵. Пытаясь всемерно подчеркнуть более высокую степень развития социалистического общества по сравнению с капиталистическим, авторы проекта Программы, за не-

имением объективных критериев для их сравнения, характеризовали и социалистическое, и будущее коммунистическое общество в СССР, сопоставляя его с капиталистическим обществом Запада. Для построения коммунистического общества ВКП (б) ставит следующую задачу в экономической области: на основе дальнейшего быстрого развития производительных сил страны в ближайшие 15–20 лет превзойти уровень производства на душу населения в главных капиталистических странах. В этих целях предполагалось значительно увеличить производственные мощности социалистического хозяйства, в первую очередь, тяжелой индустрии. Чувствуется, что авторы проекта очень связаны сталинскими установками 1946 г. о производстве чугуна, стали, угля, нефти, цветных металлов, торфа и подготовленного тогда же Госпланом СССР под руководством Н.А. Вознесенского проектом Генерального хозяйственного плана СССР на 1946–1965 гг. Выполнение этих заданий должно было стать рубежом вступления страны в коммунизм⁷⁶.

Проекты программ партии и проект Генплана были сданы в архив. Главная причина того, что коммунистические проекты не стали достоянием широкой общественности – окончательный перелом в отношениях между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции в 1947 г., ставка обеих сторон на военную силу и широкомасштабная военная гонка, развернувшаяся в конце 40-х годов. Кроме этого, чтобы в корне пресечь любое инакомыслие и непослушание, власть внутри страны встает на путь «завинчивания гаек», начинается преследование «вольнодумства» в литературе и искусстве. При таком повороте событий, естественно, надобность в декларациях, подобных новой программе, отпадает.

Сталин вполне отдавал себе отчет в том, что крепость советской системы напрямую зависит от веры советских людей в непогрешимость марксистско-ленинских идей, т.е. от сохранения ее целостности. Для достижения этой цели он исподволь «консервирует» созданную в 20–30-е годы систему, справедливо полагая, что ее устойчивость основана на неприкосновенности всех институтов государства. В то же время обстановка «холодной войны» и связанные с ней трудности, а также наметившееся на их фоне исчерпание возможностей мобилизации ресурсов аграрного сектора, заставляют Сталина искать пути совершенствования производственных отношений, сложившихся в стране в предвоенное десятилетие. Поиски вождя народов были связаны с изменениями в настроениях советского общества и латентной критикой социально-экономической политики СССР в 1930-е годы, включая поступавшие в ЦК предложения «пересмотреть учение Маркса о форме социалистического хозяйства», разработать новую марк-

систскую теорию, новое учение о социализме как товарном хозяйстве особого рода» и т.д.⁷⁷

Нет однозначного ответа на вопрос, чем руководствовался Сталин, анализируя послевоенную ситуацию в стране и мире и скрытые в ней тенденции (включая реальное соотношение сил с Западом, обеспечение безопасности страны и сохранение собственной власти) – здравым смыслом, интуицией или марксистским учением, хотя бы и своеобразно понятым. Очевидно Сталин выступал в нескольких ипостасях: и прагматичного политика, и революционера-марксиста, пытающегося навязать действительности свои методы, и догматичного теоретика, слепо повторяющего прописные марксистские тезисы. Выступая с позиций здравого смысла, Сталин достаточно хорошо представляет реальные проблемы управления народным хозяйством и развития социальной сферы, однако при этом он нередко упрощает существующие проблемы, его анализ теряет необходимую теоретическую глубину. Этим объясняется характерная двойственность его мышления: Сталин проявляет то прозорливость теоретика, то узость практика. До конца своих дней советский лидер не отошел от «классового подхода» ко многим вопросам. Таким образом, ему чрезвычайно непросто было решить принципиальную для советской системы дилемму: совмещение курса на мировую революцию с защитой государственных интересов СССР.

Сталинское видение модернизационных вызовов зависело от теоретических концептов. Анализ его последних статей, публичных выступлений и личных бесед с соратниками подтверждают это. Наделенный сильным здравым смыслом, далекий от всех «априорных» выводов, не склонный выдавать желаемое за действительное, Сталин с сомнением относился к марксистскому наследию. Для него не были секретом многочисленные противоречия марксистской теории, т.к. слишком многое в советской действительности противоречило каноническим текстам основоположников. Следует отметить, что основоположники никогда не рассматривали собственно коммунистическое общество в отрыве от процесса перехода к нему и были очень осторожны, даже лаконичны в его характеристиках. В трудах теоретиков практически ничего не говорилось о планировании, конкретной организации экономики, оценке деятельности предприятий и вознаграждении его работников. Они не смогли объяснить основного – как заставить человека работать.

С позиций ортодоксального марксизма Сталина до сих пор нередко упрекают в измене ленинизму, в подмене понятий⁷⁸. Возможно, эти обвинения и имеют под собой определенные основания, однако гораздо важнее другой аспект сталинского отноше-

ния к марксистской теории. Его наиболее точно и образно сформулировал в 1949 г. выдающийся экономист и социолог XX в. Людвиг фон Мизес: «Сталин – плохо образованный грузин, ни в малейшей степени не знакомый ни с одним иностранным языком. Он не знал ни Европы, ни Америки. Даже его достижения как марксистского литератора – сомнительны. Но именно этот факт, что он не был марксистским начетчиком, хотя и был при этом негибимым борцом за коммунизм, обеспечил ему превосходство над Троцким. Сталин мог видеть вещи, как они есть на самом деле, не обманываясь хитросплетениями диалектического материализма. При столкновении с проблемой он не искал истолкований в писаниях Маркса и Энгельса. Он доверял своему здравому смыслу...»⁷⁹.

На XVII съезде партии зимой 1934 г., Сталин смог извлечь для себя практическую пользу, констатировав, «что социалистический уклад является безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве»⁸⁰. Не случайно съезд был назван «съездом победителей». Эта позиция в значительной мере способствовала общественному и патриотическому подъему в стране. Найденный эффективный способ мобилизации неоднократно использовался Сталиным на протяжении всех 30-х годов. Обращая себе на пользу авторитет социализма, Сталин смог в 1936 г. говорить, что «у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм». Через два с половиной года, в марте 1939 г., на XVIII съезде партии, Сталин уже констатировал «полную победу социалистической системы хозяйства»⁸¹. Глава партии, чтобы объяснить большинству сограждан, почему их жизнь «при социализме» все еще скудна, намного хуже, чем на Западе и даже беднее, чем во времена царизма, вводит различие между социализмом и коммунизмом. Он сохранил понятие коммунизм только для того, что Маркс называл «высшей стадией» коммунизма. Соответственно, подводя теоретический фундамент под практику расширения и укрепления идеологического и репрессивного аппарата, Сталин навязывает обществу концепцию сохранения государственных институтов вплоть до окончания формирования коммунизма.

Анализ последних сталинских работ и выступлений дает все основания говорить об его неизменной приверженности марксистским догматам. Сталин разделял большинство предрассудков классиков марксизма. И, прежде всего, гиперболизированную роль революционного насилия. Маркс утверждал: «Пока не будут уничтожены классы, последним словом социальной науки всегда будет: “Битва или смерть, кровавая борьба или небытие”. Такова неумолимая постановка вопроса»⁸². Сталин вслед за осно-

воположниками марксизма недооценивал демократию, имел неприязнь к либерализму, к политическим свободам. Он и после войны не оставил идею подготовки революционных взрывов во всех странах мира, а при определенных условиях установления повсеместной советской власти. В разговоре с Тито весной 1945 г. Сталин изложил свои взгляды относительно особого характера текущей войны: «Эта война не такая, как войны в прошлом; кто оккупирует территорию, тот навязывает ей свою собственную социальную систему. Каждый навязывает свою собственную систему настолько далеко, насколько может продвинуться его армия. По-другому и быть не может»⁸³. Не вдаваясь в долгие объяснения, он также дал определение своей панславянской политики: «Если славяне будут едины, и будут сохранять солидарность, в будущем никто и пальцем не сможет пошевелить. Ни пальцем! – повторил он, пронзая пальцем воздух, чтобы подчеркнуть свою мысль»⁸⁴.

Победа в войне подвела черту под большим периодом революционного созидания советской системы. Наступал новый период – период ее стабилизации. Для Сталина-теоретика необходимо было наглядно показать, что дело Октябрьской революции живет, что она была совершена не зря, и общество от нее выиграло больше, чем потеряло. Это была одна из причин, по которой Сталин предложил ускорить создание учебника политэкономии социализма. При необходимости он мог внести определенные поправки в политическую стратегию и общую концепцию «социалистического строительства»; проанализировать состояние экономики и других сфер общества и определить, наконец, желаемый образ будущего для страны и мира.

Экономическая дискуссия, разгоревшаяся в ЦК ВКП (б) на исходе 1951 г., была, по мнению Опенкина первой попыткой власти вместе с учеными разобраться в обществе, которое создавалось в СССР более 30 лет⁸⁵. Можно согласиться с Опенкиным, что «Дискуссия давала толчок к зарождению тенденции творческого обсуждения животрепещущих проблем». Труднее согласиться с его утверждением, что дискуссия дала много перспективных и бесспорно плодотворных идей, якобы вскоре на корню загубленных сталинскими «замечаниями по экономическим вопросам»⁸⁶.

Созданный в 30-е годы в СССР специальный механизм координации различных видов деятельности продолжал работать, и до определенного времени его принципиальные недостатки были малозаметны. К моменту дискуссии большинство советских экономистов было убеждено, что при социализме «общественная собственность на средства производства соответствует, и всегда

будет соответствовать, развивающемуся общественному характеру производства, отставать от выросших производительных сил при социализме могут только те или иные формы общественной собственности...». Отсюда происходила убежденность большинства советских экономистов в бескризисности развития планомерно организованного социалистического хозяйства, т.е. кризисы могут быть вызваны лишь планированием чрезмерно высоких темпов роста общественного производства и чрезмерным повышением нормы производственного накопления⁸⁷. Аксиомой для всех послевоенных экономистов оставался плановый характер советской экономики⁸⁸. Почти все советские экономисты исходили из предположения о нециклическом развитии социалистического народного хозяйства, такая позиция вполне устраивала идеологов КПСС, видевших в этом одно из преимуществ социализма.

Таким образом, и после дискуссии концепция социалистического строительства осталась практически неизменной. Сталин, сделав во внешней политике ставку на непримиримую борьбу с империализмом, значительную часть «Экономических проблем социализма в СССР» посвятил необходимости приоритетного развития тяжелой индустрии как гаранта экономической и военной мощи страны. «Что значит, – задавал риторический вопрос главный теоретик страны, – отказаться от примата производства средств производства? Это значит уничтожить возможность непрерывного роста нашего народного хозяйства...»⁸⁹. Вскоре именно этот сталинский постулат окажется в эпицентре схватки за власть преемников Сталина.

По мнению автора «Экономических проблем...», этап товарооборота в экономике исчерпал себя и надо переходить к продуктообмену между городом и деревней. Даже с точки зрения Микояна «это был невероятно левачкий загиб», который сталинский соратник объяснил так ... «Сталин, видимо, планировал осуществить построение коммунизма в нашей стране еще при своей жизни, что... было вещью не реальной»⁹⁰. Когда Микоян, по его словам, высказал свои сомнения вождю, тот резко ответил: «Ты отстал! Именно сейчас настало время!»⁹¹.

Устаревший теоретический багаж – одна из важнейших причин того, что Сталин и его ближайшие соратники вновь интерпретировали масштабную задачу всеобъемлющей модернизации страны, как чисто количественную, сведя ее к ответу на военнотехнологический вызов США. Власть не решилась на реформы системы (точнее не видела в них надобности), на ее либерализацию, открытие внешнему миру, не пошла на взаимодействие с Западом. В.В. Ильин отмечает: «В то время, как Европа взяла

курс на ускоренную социально-экономическую и политико-хозяйственную модернизацию, СССР под влиянием правящей коммунистической касты наращивал темпы стремительного прорыва в прежнее – провала в почвенно-большевистскую архаику»⁹².

Был ли это единственно возможный вариант решения послевоенных проблем СССР, и в какой мере он связан с внутренней природой советской системы, а в какой – с личностью Сталина? Объективно ответить на эти вопросы нельзя, не приняв во внимание место самого Сталина в этой системе. Анализ показывает, что не последнюю роль в идентификации вызова и последующего принятия решений Сталиным сыграли крайняя централизация и особая роль в ней узкого политического руководства.

По существу, исторический вызов, адресованный всем гражданам Советского Союза в реалиях советского времени, был адресован персонально И.В. Сталину, и стало быть от его субъективного восприятия, его физического и духовного состояния, напрямую зависела вся последующая линия развития СССР.

Другой фактор, непосредственно сказавшийся на объективности оценки послевоенного положения СССР – это борьба за власть в ближайшем сталинском окружении, стремление соратников вождя занять более выгодные позиции для последующего штурма власти, овладения возможными властными вакансиями. Весьма показательны в этом плане приводимые К. Симоновым высказывания Сталина со слов министра путей сообщения И.В. Ковалева. «Заведующие», как иногда иронически Сталин называл членов Политбюро, ...хотят сделать из меня факсимиле... они понимают, что я не могу все знать, и хотят сделать из меня факсимиле. Я не могу все знать. Я обращаю внимание на разногласия, на возражения, разбираюсь, почему они возникли, в чем дело (подчеркнуто авт. – В.Ш.). А они прячут это от меня. Проголосуют и спрячут, чтоб я поставил факсимиле»⁹³.

Из приведенного сюжета видно, что «заведующие» за годы плотного общения с вождем находят эффективное средство отстоять собственную точку зрения, а заодно и ввести в заблуждения самого Сталина: достаточно заранее согласовать документы и лишить его привычных ориентиров, возможности получить больше информации для принятия решений. Сколь велико значение этого обстоятельства для стареющего всецело занятого Сталина, для которого эта идентификация угроз принимает к концу жизни характер паранойи, свидетельствует широко известное воспоминание Хрущева: когда Сталин отдыхал в Сухуми (по мнению Хрущева – это был 1951 г.) «...однажды еще до обеда, Сталин поднялся, оделся и вышел из дома, мы присоединились к нему (с Микояном) и стояли втроем перед домом. И вдруг, без вся-

кого повода, Сталин пристально так посмотрел на меня и говорит: «Пропавший я человек. Никому не верю. Сам себе не верю»⁹⁴. «Вот почему, – констатировал Хрущев, – в его окружении все были временными людьми. Пока он им в какой-то степени еще доверял, они физически существовали и работали. А когда переставал верить, то начинал «присматриваться». И вот чаша недоверия в отношении того или другого из людей, которые вместе с ним работали, переполнялась, приходила их печальная очередь, и они следовали за теми, которых уже не было в живых...»⁹⁵.

Проблема заключается в том, что Сталин явно не желал допускать рост людей из своего окружения, в противном случае они становились опасными для него. Он предпочитал еще с 20-х годов, как свидетельствует Б. Бажанов, растить смену из молодых с тем, чтобы они не мешали и ума-разума набирались. Подобными методами он создавал угрозу (очевидно не без умысла, для создания системы сдержек и противовесов) для старых членов руководства. Отсюда абсолютно правильный вывод Хрущева: «Если рассматривать Сталина как могучий негниблемый дуб, то этот дуб сам себе отрубил все ветки...»⁹⁶.

Таким образом, Сталин, несмотря на сосредоточение у него огромной власти, зависел от тех условий, в которых он действовал как руководитель великой державы и лидер правящей партии страны. Вождь был заложником той системы, которую сам создал и поступал в соответствии с правилами, сформулированными или насажденными им самим. Эта система и эти правила, выйдя из-под контроля, определяли его образ мышления и поведения. Сталину приходилось непрерывно доказывать свою непогрешимость и дальновидность как теоретика марксизма-ленинизма, хотя он и приспособил идеологию к своим нуждам.

Глава государства должен был считаться с расстановкой сил в руководстве собственной страны и на международной арене, а также учитывать мнение товарищей по Политбюро, и действия соперников на Западе. Сталин зависел от многих объективных обстоятельств, вызванных процессами, контролировать которые он не мог. Например, Сталин поневоле мирился с могуществом США и слабостью своей страны после окончания второй мировой войны. Не принимать во внимание эти факторы было невозможно.

В переломное время истории для правильного политического выбора одного здравого смысла мало. Чтобы уловить в массе противоречивых фактов тенденцию общественного развития, понять дальнейшее направление движения огромной страны, необходимо, как показывает мировая практика, глубокий теоретичес-

кий фундамент. Его отсутствие – главная причина слабости Сталина-политика. Сталин-прагматик побеждал и время, и врагов. Сталин – теоретик-марксист – проигрывал. Его попытка опереться на теорию не оправдалась, в том числе и потому, что лучшие из мыслящих ученых были или за решеткой, или за границей. Другие, хотя и стремились противостоять лженауке, во многих случаях оказывались в роли апологета тех, кто травил правду⁹⁷. Е.С. Варга, к примеру, не смог противостоять тезису о социал-фашизме. Именно на анализ экономических циклов Варги опирался Сталин, делая в своих работах выводы о неизбежности кризисов внутри капитализма. В одной из последних своих работ, написанной уже после смерти Сталина, этот крупнейший советский экономист предсказывал, что «XX век является последним веком существования капитализма...XX век войдет в историю человечества как век гибели капитализма, как век торжества коммунизма»⁹⁸. Примечательно, что в 1947 г. возглавляемый Е.С. Варгой Институт мирового хозяйства и мировой политики оказался ненужным сталинскому руководству и был закрыт. А.В. Летенко справедливо отмечает в своей работе «Взаимоотношения теории и практики были поставлены с ног на голову, сложилась весьма своеобразная процедура, когда научному обоснованию партийно-государственных решений предшествовало...их принятие»⁹⁹.

Сегодня вполне очевидно: в ряду причин развала советской системы не последнее место занимает плохое знание советскими вождями политических и экономических реалий. Марксистская ортодоксия сыграла с ними злую шутку. Руководители государства, включая и самого Сталина, плохо знали свою страну. В беседе с экономистами Сталин говорил, что все у нас идет хорошо и, вероятно, так и думал.

Закрытость сталинского общества не позволяла даже властной верхушке проводить адекватный мониторинг состояния общества и государства, она же не давала соответствующих инструментов анализа и прогнозирования.

Н.С. Хрущев и вызовы послесталинской эпохи

Н.С. Хрущев: право на власть. Оценка деятельности Н.С. Хрущева как волонтариста, данная ему на октябрьском пленуме ЦК КПСС (1964 г.)¹⁰⁰ пережила не только самого Хрущева, но и падение советского режима¹⁰¹. В свете новых архивных документов и методологических подходов эта оценка представляется сугубо односторонней. В отличие от последовавших

за ним лидеров, Хрущев действительно отличался субъективизмом и волюнтаризмом, т.е. имел свое мнение и умел принимать самостоятельные решения. Вне некоторых личностных качеств, особенностей политической карьеры Н.С. Хрущева трудно понять действительные мотивы принятия им целого ряда судьбоносных для страны решений: от освоения целины до коммунистического эксперимента и разделения партийных органов на городские и сельские. Еще в большей мере это касается выбора инструментария для решения задач. Сегодня вполне очевидно, что Хрущев, как это уже отмечалось выше, был вовсе не единственным «субъективистом и волюнтаристом» в ряду советских государственных деятелей. Этим, однако, не должна исчерпываться оценка феномена Хрущева, его реформаторской деятельности. Новые документы, особенно из личного архива Н.С. Хрущева, свидетельствуют, что многие принимаемые им решения имели вполне прагматическую основу и зависели от объективных причин в гораздо большей мере, чем это принято считать в историографии. Объективные условия, а вовсе не «волюнтаризм» Хрущева определяли и выбор объектов реформирования, и их последовательность. По этой причине, на наш взгляд, неосновательны и появившиеся в последние годы утверждения такого типа: «не был Хрущев оригинален в своих реформаторских начинаниях, ...все это было сформулировано в теоретических заделах послевоенных лет»¹⁰².

До настоящего времени не изжита непродуктивная практика оценки Хрущева исключительно через призму деятельности и личности его предшественника на руководящем посту. Как результат, Хрущев до сих пор предстает в исторических исследованиях либо как сталинист, либо как антисталинист. Для историков прокоммунистической ориентации он – «плохой сталинист», либерал, предатель дела отца народов, для либерально-демократической – сталинист, непоследовательный критик «культы личности», не доведший дела до конца. В первом случае, вне рассмотрения остаются объективные возможности сохранения в целостности сталинской системы, во втором – пределы демократического обновления советской системы, без ее разрушения.

Хрущев в качестве масштабного отечественного политика и реформатора заслуживает собственного места в историографии XX в. В переосмыслении нуждается характер хрущевского десятилетия, который вовсе не лишен собственного содержания и не был периодом «потерянного времени»¹⁰³.

Выдвижение Н.С. Хрущева на первую роль в партии, и, следовательно, в государстве, для многих было неожиданным. Хрущев многие годы работал на Украине, вдали от «большой» поли-

тики. После войны он не входил даже в первую «пятерку» членов Политбюро, над ним витала тень сталинской полуопалы, и он был членом Политбюро ЦК ВКП (б) лишь номинально¹⁰⁴. Только летом 1947 г. Сталин вернул Хрущеву свое доверие, сделав его первым секретарем ЦК КП (б) Украины. Однако и после этого важнейшие стратегические вопросы Сталин решал без его участия. Байбаков отмечал: «за Хрущевым не числилось ни громких всенародных деяний и заслуг, теоретических работ, только голод на Украине, о котором старались не помнить, как и о сдаче Киева в 1941 г. Зато бытовало мнение – крепок, ухватист, хороший хозяйственник, то есть типичный партийный практик»¹⁰⁵. Байбаков, рисуя в своих воспоминаниях не самый привлекательный образ Хрущева, тем не менее, обращает внимание на ряд принципиальных моментов. После «железных» Феликсов и наркомов, вождя с «металлической» фамилией, пользующихся жесткими средствами, страна хотела бы иметь обычного человека. «...видимо, в нас, – отмечал Байбаков, – в нашей социальной психологии жило скрытое желание человеческой простоты, распахнутости и новизны»¹⁰⁶.

По воспоминаниям многих современников, Хрущев умел вызвать к себе симпатию простой речью и обхождением. Располагал к себе и внешний облик Хрущева: простецкое лицо и жесты, простодушие как знак порядочности. Новый «хрущевский» стиль в общении был построен на контрасте: простота отношений, нет ни подчиненного, ни начальника – вождя, а есть деловое партийное содружество. И свое возвышение (предназначение) объяснял просто: «приходится!»¹⁰⁷.

В декабре 1949 г. Сталин, чтобы изменить расстановку политических сил в Кремлевском руководстве, понизить роль Берии и Маленкова, приглашает Хрущева работать в Москву. Возвышение Хрущева и случайно, и не случайно. Человека такого склада востребовало время, а то, что им оказался Н.С. Хрущев – это, безусловно, случайность. А. Бовин отметил: «В истории случайны лица, а типы – не случайны»¹⁰⁸. Можно утверждать, что по существу Хрущев – представитель «иммунных сил» советской системы, из социальных низов вознесенных революцией для исторического действия. Для Хрущева и подобных ему выдвиженцев высокие властные посты – это возможность раскрыть до конца сущностные силы социалистического строя, в преимущества которого перед капиталистическим они безоговорочно верили, хотя бы в силу своих биографий. Хрущев сделал свою стремительную карьеру благодаря сталинскому террору, занимая посты расстрелянных руководителей. Таким образом, Н.С. Хрущев – типичный представитель послереволюционного поколения боль-

левистских лидеров. По определению Д.А. Волкогонова – «тип руководителя – “мужика”, человека особенно тесно связанного с народной толщей»¹⁰⁹. Единственная область, в которой Хрущев считал себя профессионалом – сельское хозяйство.

На ранних ступенях своей карьеры Хрущев старался ничем не выделяться из основной массы сталинских функционеров, «какая простоватым человеком и даже хотел выглядеть таким»¹¹⁰. В терроре Хрущев был усердным исполнителем воли Сталина, что и позволило ему уцелеть. Однако у Хрущева оказались качества, которых не было у других сталинских наследников: гуманизм и способность изменяться.

Большинство хрущевских биографов отмечают, что отдаление от центра сыграло в его судьбе не последнюю роль. В столице под боком Сталина члены высшего руководства практически не принадлежали себе, были вынуждены постоянно подстраиваться под настроения вождя. Каждый из правящего клана знал сталинский режим изнутри, и, прежде всего, то, что его иерархические структуры предполагают наличие одного вождя, который делит власть в ограниченной форме с небольшим кругом лиц.

На Украине Хрущев сохранял относительную свободу, сам сидел на хозяйстве, совмещая в одном лице и партийную, и советскую власть. Его характер формировался в несколько иных условиях, чем у большинства других членов сталинского политбюро. Хрущев во многом отличался от Г.М. Маленкова и Л.П. Берии. Во время страшного голода 1946–1947 гг. Хрущев решился написать из Киева Сталину о невозможности выполнить планы хлебазаготовок. За это он в марте 1947 г. был на полгода смещен с поста первого секретаря ЦК Украины, но оставлен на должности председателя Совета министров республики.

Все мемуаристы, говоря о его многочисленных недостатках, указывают на неординарность личности Хрущева. Об этом же свидетельствует и анализ протоколов пленумов и заседаний Президиума ЦК КПСС под его председательством. По свидетельству Д.Т. Шепилова, Хрущев обладал феноменальной памятью: «Он помнил числа, дни недели, события или разговоры, которые были 30–40 и более лет назад. Помнил имена и биографии людей, с которыми встречался даже в самые отдаленные годы. Рассказчик он был великолепный: рассказывал все ярко, красочно, вкусно, со смешинкой и перцем»¹¹¹.

Свидетельства современников, характер поступков Хрущева позволяют говорить о нем как о фигуре сложной и неоднозначной. Наиболее емкую характеристику Хрущеву дал А.Н. Яковлев: «Я не припомню личности, если говорить о политиках XX столетия, более противоречивой, со столь раздвоенным со-

знанием. Он умнее и глупее, злее и милосерднее, самонадеяннее и пугливее, артистичнее и политически пошлее, чем о нем думали в его время и пишут сегодня. Активный участник преступлений сталинского периода, но и разрушитель его... Хрущев – прежде всего вулкан энергии. И полезной, и вредной. Человек с маниловским самовыражением, но и жесткий прагматик. Хитер, но и по-детски наивен. Труженик и мечтатель. Порой без меры груб и самодержавен. Экспериментатор. Непредсказуем, бесцеремонен, хваток и ловок»¹¹².

В целом, можно говорить о двух особенностях личности и характера Хрущева, в решающей мере сказавшихся как на его возвышении, так и на понимании им исторических вызовов, с которыми столкнулась страна после Сталина. Прежде всего, Хрущев вышел из недр сталинской системы, он «продукт сталинской эпохи»¹¹³, фанатичный ленинец, идеологический приверженец коммунистической идеологии. Сила Хрущева состояла в тесной связи с партийным аппаратом и тонким пониманием его настроений. Будучи фактически созданным этой системой, типичным «Номо советicus», хорошо ее знающий, хотя и знающий лишь «изнутри», – Хрущев как никто в послесталинском руководстве чувствовал, что экономика страны находится в состоянии постоянного перенапряжения. С наибольшей определенностью он скажет об этом в мемуарах, летом 1971 г. за несколько месяцев до смерти: «мы получили после Сталина тяжелое наследство. Страна была разорена... Страна была доведена до предела беспрестанными капиталовложениями в оборону. Военная промышленность развивалась и вширь и вглубь. Многочисленная армия давила на бюджет. Она стоила огромных материальных средств. Отвлекались бесчисленные людские ресурсы, которые могли бы быть использованы для развития мирной экономики. На Западе это видели и еще интенсивнее разворачивали гонку вооружения, чтобы «лошадь» советской экономики не выдержала этой гонки и сдохла сама по себе. Запад надеялся также вызвать недовольство наших людей, которое приведет к внутреннему ослаблению социалистического строя»¹¹⁴.

В октябре 1954 г., когда вопрос о власти в Кремле был далеко не решен, Хрущев в Приморском крае на узком собрании партийно-хозяйственного актива весьма определенно высказывался об эпохе Сталина: «Мы очень расточительно расходуем накопленный капитал доверия народа к партии, нельзя эксплуатировать без конца доверие народа. Мы, коммунисты, должны каждый, как пчелка, растить доверие народа. Мы уподобились попам-проповедникам, обещаем царство небесное на небе, а сейчас картошки нет. И только наш многотерпеливый русский народ

терпит, но на этом терпении дальше ехать нельзя. А мы не попы, а коммунисты, и мы должны это счастье дать на земле. Я был рабочим, социализма не было, а картошка была; сейчас социализм построили, а картошки нет»¹¹⁵. Действительно, Хрущев всю жизнь отлично помнил, что высококвалифицированные рабочие Донбасса, где он до революции трудился подростком, жили хорошо. «В 1913 году, – отметит Хрущев в своих воспоминаниях, я лично был обеспечен материально лучше, чем в 1932 году, когда работал вторым секретарем Московского комитета партии»¹¹⁶.

Н.С. Хрущев, как практик, как человек, постоянно соприкасающийся с повседневной жизнью народа, видел многочисленные проблемы в экономике, видел, что она плохо исполняла наиглавнейшую задачу – удовлетворения нужд населения. На основе анализа документов можно сделать такой вывод: после смерти Сталина и даже в конце своей карьеры Хрущев был далек от понимания того, что модель ранней социалистической индустриализации, осуществляемой за счет ресурсов аграрного сектора в СССР, подошла к пределу возможностей. Однако он не мог не видеть, что обратной стороной успехов в послевоенном восстановлении и создании ракетно-ядерного щита был низкий уровень жизни, неразвитые потребности и сверхвысокая норма эксплуатации. Свои впечатления об увиденном в 1954 г. на советском Дальнем Востоке уровне жизни людей он охарактеризовал определенно: «одним словом картина неприглядная...как только переедешь границу Китая и попадаешь на территорию Советского Союза, сразу чувствуется какая-то заброшенность полей»...Еще хуже то, что «к этой запущенности руководящие работники привыкли»¹¹⁷. В беседах с Ф. Чуевым консервативно настроенный В.М. Молотов свидетельствовал: Хрущев «отразил (потребительские) настроения подавляющего большинства...». С позиции Молотова эти гуманистические настроения на самом деле мещанство: «А идеями построения коммунизма он не интересовался ... Социализм – дело мирового значения. А то вот надо мяса, надо то, это. Ну что же, если мы на это направим главные усилия, у нас некоторые успехи могут оказаться, а потом мы будем у разбитого корыта»...¹¹⁸.

Хрущев безоговорочно верил в фантастические возможности советской системы, советские порядки, стимулы, верил, что «в условиях социалистического хозяйствования действуют иные законы (чем при капитализме), применяются иные методы...у нас каждый трудится в интересах всех, а все в интересах каждого. В соревновании с Америкой, товарищи, нет сомнения, что победа будет за нами, потому что наше хозяйство построено на основе учения, созданного Марксом и Лениным, развивается без бур-

жув, без помещиков, без эксплуатации человека человеком. **Хозяйство самое разумное, самое рациональное, самое правильное** (выделено авт. – В.Ш.)»...)»¹¹⁹.

Фанатичная, иррациональная вера в то, что социализм – это общество социальной справедливости, бывшая основой социального консенсуса власти и общества в советской системе, очевидно, второе важнейшее условие возвышения Хрущева, его права на власть. Опираясь на полученные в юности и Промакадемии обрывки знаний, Хрущев был уверен, что самое главное и основное давно сделано, в основе системы прочно лежит марксизм-ленинизм, ему же остались пустяки: главное «не мудрить, а лучше работать...Весь вопрос в том, чтобы ускорить получение конечных результатов. А это зависит от нас»¹²⁰.

Далеко не случайно выбранное Хрущевым направление первого удара в борьбе за власть – против Берии. Кроме чисто тактических, для этого были более глубинные основания, связанные с репрессивной сутью советской системы, олицетворением которой в глазах значительной части общества был Берия. Для Хрущева Берия – не марксист. «Для него страдания людей ничего не стоили. Для него главное – карьера, собственное положение»¹²¹. Однако и сам Хрущев далеко не либерал. Он много раз говорил об этом на протяжении своей карьеры. «Мы никогда не стояли за такую демократию, которая без руля и без ветрил, – подчеркнул он, выступая 13 мая 1957 г. на совещании писателей в ЦК КПСС, – у нас достаточно ума и сил для пресечения этого»¹²². Хрущев был готов «арестовывать, судить, высылать и сажать в тюрьму уголовных преступников. Но надо, чтобы следствие и суд проводились по всем нормам закона, чтобы суды были открытыми, чтобы каждому можно было убедиться, что данные люди виновны»¹²³. По существу и со Сталиным Хрущев расходился лишь по причинам нравственного порядка. На том же совещании в ЦК КПСС в мае 1957 г. он высказался вполне определенно: «Мы Сталина осудили за то, что он по своим стрелял»¹²⁴. Через пять лет, выступая на товарищеском ужине в болгарском Евксинограде, Хрущев вновь акцентирует нравственный аспект: «Сталин – это смешение великого с гнусным. Он марксист, он ленинец и он был убийцей, он был способен на самые большие гнусности, и он эти гнусности делал»¹²⁵. В стремлении сломать репрессивную машину и очеловечить советскую систему Хрущев не был одинок. Другие члены послесталинского руководства, включая Молотова, Кагановича и Ворошилова тоже выступали против репрессий, поскольку они угрожали и им. На ликвидации ГУЛАГА, по некоторым свидетельствам, настаивал и Берия, считая труд заключенных малопродуктивным. В отличие от них, Хрущев под-

ходил к вопросу о применимости насилия с позиций нравственных. Он один из сталинского окружения обладал народным здравым смыслом и был способен переступить через идеологические догмы, когда того требовала жизнь.

Хрущев и проблема сталинского наследия. Как уже говорилось выше, главный выбор модели социально-экономического развития страны был сделан Сталиным сразу после войны, предопределив на десятки лет вперед развитие советского государства и советского общества. Анализ показывает, что «сталинский фактор» в большей или меньшей мере влиял на формирование и реализацию социально-экономической политики власти на всем протяжении рассматриваемого нами периода. Речь идет, в первую очередь, о решениях, принятых еще при Сталине и стоящими за ними крупными изменениями в структуре и размещении экономики, распределении национального дохода. Не менее важно, что известные инициативы членов «коллективного руководства», вызванные к жизни, главным образом, потребностями борьбы за власть, несли на себе отпечаток сталинского времени. Ближайшие сподвижники вождя воспользовались программными документами, разрабатываемыми в послевоенные годы в недрах партийного и советского аппарата. Рассекреченные архивы дают возможность увидеть источник практически всех новаций тех, кто оказался на политическом Олимпе после смерти Сталина. Обращение к новым архивным источникам показывает, что, начиная с 30-х годов, во властных коридорах обсуждался целый ряд вопросов: вопросы о пропорциях хозяйственного строительства, повышении материального благосостояния, расширении жилищного строительства, широком развертывании производства товаров ширпотреба и т.д. Именно под этим углом зрения мы должны рассматривать новизну предложений Маленкова и Берия. Имеется немало свидетельств, что Берия, предлагая признать весной 1953 г. «ошибочным в нынешних условиях курс на строительство социализма в ГДР»¹²⁶, повторял линию Сталина. В послевоенные годы вождь считал достаточным, чтобы в Восточной Европе были дружественные, но вовсе не обязательно социалистические режимы¹²⁷. Со временем позиция Сталина изменилась, и в июле 1952 г., на второй конференции СЕПГ был провозглашен курс на ускоренное построение социализма в ГДР. Берия попытался актуализировать прежнюю линию, но потерпел поражение¹²⁸. В свою очередь Маленков, приложив в первые послевоенные годы немалые усилия для дискредитации курса Н.А. Вознесенского на развитие товаров народного потребления, в 1953 г. сам выступил с программой развития легкой промышленности¹²⁹. Он же использовал идеи некоторых членов сталин-

ского руководства, предлагавших после войны меры материального стимулирования производства. Далее, Маленков, выступая на знаменитой пятой сессии Верховного Совета, фактически воспользовался давними предложениями Молотова и Микояна о повышении закупочных цен в сельском хозяйстве. В свете распространенного мнения о том, что наиболее конструктивные решения хрущевской «оттепели» пришлись на период «коллективного руководства», не следует забывать об истинных корнях этих новаций. В годы перестройки широкое распространение получает версия о том, что в курсе, предложенном «технократом» Маленковым на августовской (1953 г.) сессии Верховного Совета СССР якобы были заложены возможности для принципиального обновления хозяйственной политики в сельском хозяйстве, сулившие в перспективе «формирование рыночной экономики и цивилизованного государства»¹³⁰. Принятые тогда решения, безусловно, оздоровили ситуацию не только в сельском хозяйстве, но и во всей экономике. О нетерпимом положении в сельском хозяйстве члены «коллективного руководства» сочли необходимым сказать уже на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Дальше терпеть нельзя: молока нет, мяса мало, даже картошки нет...Объявили переход к коммунизму, а муку не продаем»¹³¹. Определенная позиция в области сельского хозяйства тогда была у Хрущева: «Если мы три копейки за килограмм будем платить, никакая умная резолюция сельскому хозяйству не поможет»¹³². Изменение ценовой политики придало импульс подъему сельского хозяйства в 50-е годы. Мы не знаем, как далеко в своих начинаниях был готов пойти Г.М. Маленков, если бы его курс победил. Нам представляется верной точка зрения Е.Ю. Зубковой, считавшей, что «перспективная идея Маленкова о социальной переориентации экономики не могла перешагнуть рамки спора о приоритетах роста производства группы «А» и группы «Б»¹³³. Известные на сегодняшний день документальные свидетельства говорят о том, что новации Маленкова были таковыми преимущественно по форме. Исключением является известное предложение «осуществить ряд мер по повышению материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного хозяйства колхозов», подкрепленное обещанием «серьезно поправить и изменить неправильное отношение, сложившееся у нас к личному подсобному хозяйству колхозника»¹³⁴. Именно эти слова были услышаны в народе и получили огромный резонанс, потому что позволили «крестьянину вздохнуть»¹³⁵. В целом же, часто цитируемый доклад Маленкова на августовской сессии ВС строго выдержан в традициях сталинского времени. «Наше социалистическое сельское хозяйство добилось крупных успехов в своем разви-

тии....Наша страна обеспечена хлебом», – утверждал докладчик. Хотя Маленков старался убедить депутатов в том, что «цели и политика партии и Советского государства ясны и открыты всему народу», он ограничился минимумом статистических данных, подтверждающих его выводы. Вполне естественно, что в выступлении Маленкова не было ни слова критики в адрес советской колхозной системы, тем более, что речь не шла о фермерских хозяйствах¹³⁶.

Можно предположить, что Маленков считал целесообразным в условиях низкой эффективности колхозного производства более широко использовать возможности личных приусадебных хозяйств. Примерно такой же позиции придерживался в последние годы жизни и Сталин. Принципиально важно, что программа Маленкова не предусматривала крупных инвестиций в сельское хозяйство. Оно по-прежнему мыслилось донором для развития промышленности, правда, теперь уже легкой. Главное, что доклад фактически не содержал продуманных конструктивных решений по реализации предлагаемых мер¹³⁷. Совместное существование в деревне двух хозяйственных укладов с неизбежностью должно было породить конфликт интересов.

Еще меньше оснований для воплощения в жизнь имели предложения Маленкова «всемерно форсировать развитие легкой промышленности, добиваться выравнивания темпов экономического роста двух основных отраслей индустрии: производства средств производства и производства предметов потребления». Прежде всего, как явствует из самой постановки задачи, серьезных структурных изменений в экономике не предполагалось. Даже в случае реализации планов по выравниванию темпов роста группы «А» и группы «Б», удельный вес тяжелой промышленности оставался чрезвычайно высоким, составляя более двух третей объемов производства советской экономики. Более того, Маленков, оставаясь в плену прежних стереотипов, предложил совершенно нереалистические сроки выполнения новых программ.

Хрущев много раз на протяжении своей политической карьеры, а затем в мемуарах обращался к сталинскому наследству. Его оценки по разным причинам неоднократно менялись. В первые месяцы после кончины «отца народов», как впоследствии отмечал сам Хрущев, мы «никак еще не могли освободиться от идеи, что Сталин – друг каждого, отец народа, гений и все прочее»¹³⁸. Есть много свидетельств тому, что Хрущев в это время был далек от идеи стать инициатором борьбы с «культом личности». После смерти Сталина ни один из его преемников не обладал достаточным авторитетом и политическим весом для решительного обновления сталинского курса. Дело не только в пресловутой

«низкорослости» сталинских наследников, о которой в свое время говорил Д.А. Волкогон¹³⁹, хотя и этот фактор сыграл вполне определенную роль. Сталин сделал все, чтобы ограничить карьерный рост своих преемников. Репрессии способствовали тому, что в сталинском окружении наиболее комфортно себя чувствовали люди определенного склада. Можно утверждать, что весной 1953 г. среди правящей верхушки не было никого, кто был способен иначе мыслить, имел иной управленческий опыт.

Другой немаловажный факт заключается в том, что никто из наследников вождя не располагал такими же властными возможностями и ресурсами как Сталин. Мало кто из сталинского окружения, за исключением Молотова, бывал за границей, ни один из них не знал иностранных языки. Среди высшего руководства почти не осталось людей моложе 50 лет.

Свой отпечаток на отношении к личности Сталина и сталинскому наследству наложило противостояние групп в руководстве страны в ходе борьбы за власть. Как показывают подлинные записи и стенограммы заседаний Президиума ЦК с 1954 по 1964 гг., рассекреченные в последнее время, до 1957 г. Хрущев постоянно сталкивался с Кагановичем, Молотовым, Ворошиловым. В этих спорах Хрущев, как правило, занимал более либеральную позицию, чем эти представители старой сталинской гвардии. Борьба за власть определяла многие действия Хрущева и его соперников. Она имела главное значение в решениях Президиума ЦК КПСС по ключевым вопросам внутренней и внешней политики вплоть до победы в ней Хрущева летом 1957 г.

В то же время, именно борьба за власть помешала принять многие важные решения, было потеряно драгоценное время.

В современной историографии нет однозначного ответа на вопрос: почему Хрущев стал сворачивать процесс десталинизации. Наиболее взвешенной представляется позиция Р.Г. Пихоя: «Потому что, сказав правду о конкретных преступлениях Сталина, он испугался последствий своего исторического деяния, ибо в обществе началась дискуссия о характере самой системы. Помнил он и свою личную вину в репрессиях. Кроме того, он видел мощную оппозицию внутри правящей элиты, включая таких сталинских “зубров”, как Молотов, Каганович, Маленков»¹⁴⁰. С этим суждением можно согласиться, однако следует вновь подчеркнуть, что последовательная критика теории и практики сталинизма (а, следовательно, и радикальные реформы) невозможны раньше исчерпания сталинской мобилизационной модели развития. Очевидно, что все годы своего правления Хрущев боялся зайти в критике Сталина слишком далеко, справедливо опасаясь, что критика его ошибок и преступлений обернется критикой со-

циалистической системы, и тогда события выйдут из-под контроля власти¹⁴¹. «Вы знаете, – говорил он участникам майского (1958 г.) пленума ЦК КПСС, – как активизировались после XX съезда некоторые антипартийные элементы, пытались выступить против партии...если бы мы дали волю разного рода антисоветским элементам, то потеряли бы руководство в партии»¹⁴². Опасения возможности развития событий в СССР по венгерскому или польскому сценарию заставляли Хрущева маневрировать, постоянно оглядываться на коллег по высшему руководству, жестко реагировать на любые проявления инакомыслия и социального недовольства. Анализируя на этом же пленуме развитие событий в Венгрии, Хрущев приходит к выводу, что: «...если бы Ракоши и другие венгерские руководители проявили твердость и волю, максимум 3–5 зачинщиков посадили в тюрьму и осудили, то никакой контрреволюции там не было бы»¹⁴³.

Главная причина непоследовательности Хрущева в критике Сталина, на наш взгляд, лежит в другой плоскости. Идейная платформа Хрущева мало отличалась от сталинской, и в силу многих причин не могла сильно от нее отличаться. В своих публичных выступлениях он ни разу не усомнился в правильности партийного курса, неоднократно использовал формулу: «а что же, мы напрасно трудились со Сталиным? Не напрасно...То большое дело, которое сделано Сталиным, мы не осуждаем. Все мы работали, не считаясь не только с силами, но и с жизнью своей»¹⁴⁴. Как уже выше отмечалось, главное несогласие Хрущева со Сталиным носило нравственный характер. Не располагая собственными концепциями развития советского общества, Хрущев не был способен на последовательную критику политики Сталина и его идейного наследия. Он до конца своих дней считал, что «при всей субъективной направленности действий Сталина, его роль была положительной в том смысле, что он оставался марксистом в основных подходах к истории, был человеком, преданным марксистской идее, все делал, что было в его силах, для победы дела рабочего, трудового народа...»¹⁴⁵.

Эти соображения заставляли Хрущева, и других членов высшего руководства делать акцент на личностных качествах вождя, его «неуемной жажде власти». Показательно, что по мере обретения нового управленческого опыта, расширения кругозора в силу зарубежных поездок оценки Хрущевым «отца народов» становятся все более сдержанными и критичными. В целом, в различные периоды своей деятельности Хрущев был и прагматиком, и реалистом, и идеократом по отношению к меняющимся узловым проблемам развития страны. Господствовал все же прагматизм. Отсюда довольно прохладное отношение Хрущева к

идеологической работе. Мазуров вспоминал, что в «узком кругу он (Хрущев) говорил о пропагандистах, что это бездельники, на хлебники, они не нужны народу. Народу нужен «гуляш»¹⁴⁶. Понимание Хрущевым стратегии и тактики было в основном прагматическим. Главную стратегическую партийную задачу по построению коммунизма он понимал сугубо утилитарно. Коммунистические идеи Хрущева на самом деле более приземлены, чем принято считать. На протяжении карьеры он по-разному отвечает на вопрос что такое коммунизм, но сохраняется некий общий мотив. Уже в июле 1953 г. на Пленуме Хрущев изложил свое внутреннее понимание коммунизма: «какой же коммунизм без горячих лепешек, если говорить грубо»¹⁴⁷. Далее Хрущев объясняет свое авторское видение коммунизма в таком же аграрно-прагматическом смысле: «Коммунизма без изобилия продуктов не будет... Будет у нас металл, цемент, всего этого, сколько хочешь, но не будет в достаточном количестве мяса, хлеба – это не коммунизм (январь 1954 г.); ...что такое коммунизм без колбасы? (февраль 1954 г.)... Идейность – большое дело, но сила идейности возрастает, если человек хорошо питается, имеет хороший обед. Если мы только будем призывать бороться за коммунизм, а люди будут жить в землянках и есть черный хлеб с квасом..., то некоторые могут подумать, может быть, это и есть коммунизм – квас с хлебом (лето 1954 г.); ...нельзя чтобы все имели правильную идеологию, а без штанов ходили» (апрель 1955 г.).

Хотя Хрущев в силу рабочего происхождения и малообразованности был первым крупным коммунистическим лидером без собственной версии марксизма, в принимаемых им решениях марксистско-ленинская теория сыграла не последнюю роль. Давняя традиция «советоваться с Марксом» во всех долговременных начинаниях, определять основные цели развития страны теоретическими концептами, а не жизненными реалиями, считать марксистско-ленинское учение навсегда определенной и единственно верной стратегией, в соответствии с которой на смену «загнивающему и обреченному на гибель» капитализму непременно должны прийти социализм и коммунизм, в полной мере довлекла и над Хрущевым. У него отношение к марксизму по существу религиозное, так, очевидно, мыслили многие из его окружения. Отвечая на критику сталинистов, обративших против Хрущева тезис, который он и сам неоднократно использовал в иных обстоятельствах, о том что «Сталин хозяйство страны поднял из руин», Хрущев говорил следующее: Он (Сталин) добился такого-то положения, хозяйство поднялось. А я скажу на этот счет так – я бывало, сижу, когда Сталин еще был жив, и слушаю, какие idiotские решения принимались. Если слово скажешь ему, он не слу-

шает. Не раз я говорил: господи, боже мой, вот марксизм-ленинизм, вот идеи Ленина. Несмотря на то, что идиотские решения принимаются, страна растет и растет за счет идей»¹⁴⁸.

Убежденность Хрущева в правоте марксистских идей подпитывались в те годы ощущением, что в «первой половине XX века мир развивался почти “по Марксу” – хотя и не в деталях, но достаточно близко к указанной им траектории, чтобы многие зарубежные интеллектуалы были склонны признать “торжество марксистских идей”»¹⁴⁹. Хрущев вполне искренне мог говорить, к примеру индийскому писателю Х.А. Аббасу, что «социализм, коммунизм, – это светлое настоящее и еще более радостное будущее всего человечества»¹⁵⁰. По этой же причине все поколения советских руководителей рассматривали происходящее в мире через призму марксистско-ленинской теории.

Хрущев, как человек, фанатично преданный коммунистической идее, разделял многие предрассудки марксистско-ленинской теории. Как пример можно привести распространенный миф о том, что возможность централизованного планирования является коренным преимуществом социалистической экономики, а первенство тяжелой промышленности – непременным условием непрерывного роста народного хозяйства. Он не имел сомнений, что марксизм, как научная доктрина, может быть полезен для анализа долгосрочных тенденций мирового развития, что всем ходом исторического процесса доказаны неоспоримые превосходства социалистической системы над капиталистической.

Несоответствие теории повседневной действительности долгое время не волновало Хрущева. Все его помыслы отвлекали борьба за власть и текущие хозяйственные вопросы. Со смертью Сталина высшее советское руководство утрачивает привилегию и обязанность развивать марксистско-ленинскую теорию. Начиная с 50-х годов эта задача возлагается на соответствующие отделы ЦК КПСС, академические институты. Если бы в советской системе существовала интеллектуальная свобода, если бы между отечественными и зарубежными учеными был возможен обмен мнениями, это был бы значительный шаг вперед. На деле вклад советских общественных наук в реформы 50-х, а затем и 60-х годов оказался минимальным. Г. Арбатов отмечает: «После смерти Сталина ветры перемен, конечно, донесли и до философской науки, но она оказалась весьма устойчивой против них, зарывшись в долговременных огневых позициях сталинизма... Консервативное руководство Института философии (директором его тогда был П.Н. Федосеев) и редактор журнала («Вопросы философии») Ф.В. Константинов, затем М.Д. Каммари, всеми силами

«держали фронт», опираясь при этом, конечно, на соответствующие отделы ЦК КПСС»¹⁵¹.

После смерти Сталина верхние эшелоны ощущали необходимость демократизации, точнее, либерализации режима. Микоян свидетельствует в своих мемуарах после войны: «я ожидал изменения политики... Теперь терпеть этого было вовсе нельзя. Я, правда, об этом ни с кем своими мыслями не обменивался до момента, когда это можно было осуществить». Война оказалась большой школой для десятков миллионов людей. Микоян утверждает, что «Это создало благоприятные условия для дальнейшего развития страны и было препятствием для произвола»¹⁵². ...Учитывая это, а также эволюцию характера и поведения Сталина, я полагал, что начнется процесс демократизации в стране и партии, что как минимум, вернемся к тем демократическим формам отношений в партии и отчасти в стране, которые были до 1929 года и пойдем дальше. Я даже был уверен в этом, и какое-то чувство радости сопровождало меня. Я вновь почувствовал доверие и дружеское отношение к Сталину. Но постепенно пришлось разочароваться и в этих своих надеждах, и в самом Сталине в этом отношении. У меня вновь возникло чувство недоверия к его разуму и его действиям. Более того, некоторые нетерпимые черты его поведения стали еще острее проявляться в конце и после войны»¹⁵³.

Из всех преемников Сталина только Хрущев решился на исторический шаг – на доклад о Сталине на XX съезде. Доклад был настолько опасен для системы, что его боялись публиковать три десятилетия. От советского народа доклад скрывали по простой причине: руководство страны боялось выходить с идеями десталинизации за пределы партийной элиты. Несоответствие теории, замыслов и грандиозных планов на будущее с повседневной действительностью после доклада стало бы очевидным. Далеко не случайно подавляющая часть чиновников аппарата ЦК доклад Хрущева встретила отрицательно. Такой удар партия могла и не пережить. Под партией аппарат имел в виду себя. От многих было скрыто, что доклад Хрущева представлял собой попытку укрепить свою собственную позицию внутри партии. Позднейшие исследования показали, что он был призван с одной стороны, нести ту же функцию, что и объявленная в свое время Берией амнистия и реабилитация отдельных жертв сталинизма, с другой же стороны, он должен был снять напряжение между старыми функционерами, сохранившими свои высокие посты и их товарищами по партии, вернувшимися из лагерей.

До февраля 1958 г., когда Хрущев, вытеснив из Совмина Н.А. Булганина, концентрирует в своих руках всю полноту влас-

ти, в стране фактически продолжался кризис власти, вызванный смертью Сталина. В условиях кризиса всякая политическая активность, поиски в области теории не приветствовались членами «коллективного руководства», поскольку воспринимались как стремление к единоличному лидерству. В силу неоднородно правящей верхушки, наличия в ней по меньшей мере трех групп по существу трех поколений функционеров, принимались непромыслимые решения, которые нередко дезавуировались вскоре после принятия. Так, спустя считанные месяцы после решения пятой сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. о развитии подсобных хозяйств, главный идеолог Д. Шепилов выступил против «чрезмерного раздувания подсобного хозяйства»¹⁵⁴.

В силу спонтанных действий нового советского руководства развернувшейся борьбы за лидерство советская система управления к середине 50-х годов утрачивает свои самые сильные стороны (с позиций, естественно, самой системы). В этот период происходит подспудное разрушение целостности всей сталинской экономической и социальной системы. С устранением принудительно-прессивной системы труда, основанной на страхе, прежде всего деформируется хозяйственный механизм в части трудовой мотивации. По мере хозяйственных успехов, связанных с новой аграрной политикой, голод также перестает быть для многих слоев советского населения важнейшим фактором трудовой активности.

Приобретения оказываются значительно скромнее. Сравнивая, к примеру, административно-командное управление при Сталине и Хрущеве нетрудно заметить, что во времена первого лидера обладала важным резервом: она могла восстанавливать нарушенный баланс в экономическом развитии за счет резкого сжатия потребления населения и беспрекословного подчинения всех воле вождя. Уже первые популистские акции «коллективного руководства» такую возможность постепенно сводят на нет.

Наследники Сталина, «вышедшие из его шинели», так и не смогли провести детальную инвентаризацию его обширного наследия, критически проанализировать идеологические и основы сталинского политического режима.

Военные угрозы и трактовка их Н.С. Хрущевым. Сильнейшее влияние на социально-экономическую политику власти рассматриваемый период оказали военные вызовы и угрозы. Точнее, представления о них советских лидеров. Поскольку в рамках нашего исследования, ограничимся констатацией, что опасность внешнеполитических вызовов для советского руководства на протяжении 50-х годов не была постоянной величиной. От их интерпретации зависело понимание большинства иных

зовов национальной безопасности страны в эти годы. На жесткую зависимость внутренних вызовов от внешних для Советского Союза еще в 30-е годы обратил внимание Л. фон Мизес: «Советы обязаны завоевать мир, либо им в собственной стране угрожает измена интеллигенции. Обеспокоенность идеологическим состоянием лучших мозгов России толкает сталинскую Россию к неуклонной агрессии»¹⁵⁵. Выдающийся экономист исходил из того, что у всех в СССР, «изучающих экономическую политику и статистику, неизбежен вопрос – почему в капиталистических странах уровень жизни народа намного выше? Как это возможно? Почему жизненные условия намного благоприятней в США?». Именно это обстоятельство чрезвычайно важно для понимания действий власти, в том числе и Хрущева, пытающейся обеспечить выживание советской системы в 60-е годы.

В литературе до сих пор доминирует точка зрения, что Хрущев имел «самые поверхностные взгляды»¹⁵⁶ по вопросам создания современных вооруженных сил, в связи с чем его обвиняют в нежелании прислушиваться к мнению военных специалистов и некомпетентном принятии военно-стратегических решений. Временная дистанция и новые документальные свидетельства позволяют сегодня говорить о том, что, несмотря на многие частные ошибки, решение советского руководства обеспечить военно-стратегический паритет с Западом путем создания и совершенствования ракетно-ядерных сил, принятое в середине 50-х годов, оказались исторически верным. Этот выбор определялся не столько «субъективизмом» Хрущева, противоречивыми чертами его характера, сколько экономическими соображениями и возможностью реально продемонстрировать успехи советской системы.

Вопрос о войне и мире занимал Хрущева все годы его политической карьеры, и в этом вопросе, как и многих других, его позиция неоднократно менялась. Неизменным оставалось представление о том, что обеспечение неприступности страны для СССР является вопросом вопросов, «поскольку капитализм еще силен, и... еще может показать свой империалистический оскал»¹⁵⁷. По этой причине Хрущев считал, что Сталин правильно оценивал соотношение сил и форсировал усилия по созданию атомной бомбы, которую «мы должны были создать, затягивая животы до предела поясами. Иначе мы просто не выжили бы и вынуждены были бы подчиниться диктату реакционных сил Запада и США. Это оправданные расходы»¹⁵⁸.

В условиях ядерной гонки, как установила И.В. Быстрова: «советским спецслужбам удалось вычислить, сколько и когда смогут американцы произвести атомных бомб и установить, что

США и Великобритания будут в состоянии накопить достаточно ядерного оружия для нападения на СССР только к 1955 году»¹⁵⁹.

По представлениям Хрущева, проблема отставания от США с созданием ядерного оружия не была решена: «Атомную бомбу мы создали, но нельзя было считать, что мы стали наравне с США. Схватили Бога за бороду... Нет, нет, ни в какой степени! У нас не было по-настоящему и бомбоносителей, наша бомбардировочная авиация выглядела плачевно. Она была слаба, значительно слабее, чем в Соединенных Штатах. Штаты имели почти неуязвимые воздушные крепости...Мы таких бомбардировщиков, к сожалению, не имели. А о количестве атомных бомб и говорить нечего... Разрыв в пять лет – небольшой разрыв с точки зрения овладения нами секретом производства атомной бомбы, но это огромное время, позволившее Соединенным Штатам накопить их.. Мы же только взорвали атомную бомбу и взорвали ее на земле, а не в воздухе. США... накопили сотню, а может быть и сотни атомных бомб, поэтому военный конфликт, прямая война с американцами не обещала ничего хорошего»¹⁶⁰. При Сталине Хрущеву практически не приходилось заниматься вопросами обороны и внешнеполитическими делами. По этой причине в данной сфере авторитет Сталина и принятые им решения очень долго довели над Хрущевым, признававшим позднее, что Сталин «запугал и себя и нас запугал». «Сам пытался прощупать капиталистический мир штыком». Провал блокады Западного Берлина наглядно показал советскому руководству «что не приходится рассчитывать на успех, прибегая к подобным средствам»¹⁶¹. После корейской войны, по ощущениям Хрущева «Сталин тогда нос повесил и стал бояться Америки», а обстановку в мире расценивал как предвоенную. Еще больше пугало Сталина, со слов Хрущева, преобладание американцев на океане. Позднее, уже в отставке, Хрущев приходит к выводу, что Сталин «преувеличивал силы противника и его намерение развязать войну»¹⁶².

Первый год после смерти Сталина новое руководство страны практически не занималось военными делами. Сам Хрущев свое вмешательство в военные дела датирует 1954 г. Пребывание Хрущева на Дальнем Востоке впервые натолкнуло его на мысль, что следовало бы подумать, как повысить обороноспособность страны. Ключевую роль в понимании Хрущевым характера внешнеполитических вызовов и военных угроз сыграли реалии «холодной войны». Он был вынужден констатировать, что СССР серьезно уступает в ядерных вооружениях. Следовательно, страна беззащитна перед лицом возможной агрессии извне. Для советского руководства не было секретом, что принятая в США вскоре после избрания Д. Эйзенхауэра президентом страны стратегия «массиро-

ванного воздействия» мыслилась как одностороннее и безнаказанное нанесение ядерного удара по СССР и его союзникам.

Участники проведенной в 2001 г. на базе Принстонского университета конференции «ЦРУ и его анализ положения в Советском Союзе: 1947–1991», отмечали, что после смерти Сталина аналитики ЦРУ считали: новое руководство СССР может скорее привести дело к мировой войне, чем покойный «отец народов». В действительности же, как показывают новые архивные материалы, в частности записи Малина, в первой половине 50-х годов не только Хрущев, но и Маленков и даже Молотов искренне хотели мира и были готовы пойти на разрядку напряженности¹⁶³. Несмотря на наличие в эти годы двух линий в международной политике СССР, линий, которые еще В.И. Ленин обозначал как «коминтерновская» (идеологическая) и «наркоминделовская» (государственная), новые советские руководители явно не строили планов мирового господства. Вместе с тем политика разрядки обязана своим рождением не только вере советских лидеров в возможности победы коммунизма над капитализмом без войны, но и серьезным отставанием СССР от Запада в стратегических вооружениях. Особенно новое советское руководство настаивало на возможности авиации США достигать с военных баз, окружавших к тому времени Советский Союз, любой точки страны, в то время как СССР такой возможностью не обладал. Существенным аргументом, побуждавшим «коллективное руководство» страны стремиться к разрядке, было желание договориться с Западом о получении кредитов на нужды послевоенного восстановления¹⁶⁴.

В силу этих трех обстоятельств, СССР с 1955 г. пытался убедить своих бывших союзников в том, что нужно отказаться от войны как средства политического нажима и вмешательства во внутренние дела других стран. Предложение о всеобъемлющей программе разоружения СССР внес в 1955 г. 10 мая 1955 г. правительство СССР предложило западным странам установить согласованный уровень вооруженных сил – для США, СССР и Китая – от 1 млн до 1,5 млн человек, для Англии, Франции – до 650 тыс.; прекратить испытания атомного и водородного оружия; ликвидировать военные базы на территории других государств; прекратить производство атомного и водородного оружия¹⁶⁵.

В Женеве не удалось договориться о контроле над вооружениями. План президента США Эйзенхауэра «открытое небо», предусматривавший фото- и радиоэлектронный контроль состояния вооруженных систем, не мог устроить советскую сторону.

Для демонстрации своих мирных намерений СССР ликвидировал военно-морскую базу Порккала-Удд (Финляндия), срок

аренды которой истекал лишь в 1994 г., и вывел войска с территории военно-морской базы в Порт-Артуре (Китай).

На сокращение численности вооруженных сил Хрущева толкали экономические причины: невозможно было содержать армию фактически военного времени (по официальным данным на 1 января 1955 г. в штате армии числилось 5 763 000 человек)¹⁶⁶. Хрущев считал, что локальная война СССР не грозит, следовательно численность сухопутной армии следует снизить до полумиллиона человек, а освободившиеся средства направить на ускоренное наращивание ракетного и ядерного потенциала, строительство жилья, развитие сельского хозяйства. Руководствуясь в военных вопросах здравым смыслом, он многое делал правильно.

Не дожидаясь принятия своих предложений Западом, советское правительство, в соответствии с решением Верховного Совета СССР, в августе 1955 г. в одностороннем порядке сократило вооруженные силы на 640 тыс. человек. Весьма показательным, что и американское правительство, столкнувшись с гигантскими военными расходами, тоже искало выход из трудного положения, но в иной плоскости. В записке президента Эйзенхауэра Даллесу, датированной сентябрем 1953 г., говорилось о том, что экономическое и политическое бремя сдерживания СССР может стать таким тяжким, что «мы будем вынуждены взвесить, не требует ли наш долг перед будущими поколениями того, чтобы мы начали войну в самый подходящий по нашему выбору момент»¹⁶⁷.

Другой существенный мотив сокращения вооруженных сил СССР состоял в том, что переговоры о разоружении уперлись в тупик. «Невозможно, – констатировал впоследствии Хрущев, – бороться за разоружение или хотя бы сокращение вооружения, когда имеешь огромную армию. Никто нам на слово не поверит. И скрыть такую армию нельзя»¹⁶⁸. По предложению министерства обороны, которое с февраля 1955 г. возглавил Г.К. Жуков, советское правительство 14 мая 1956 г. приняло решение осуществить в течение одного года, до 1 мая 1957 г., новое, еще более значительное сокращение численности вооруженных сил СССР – на 1200 тыс. человек сверх произведенного в 1955 г. сокращения. К декабрю 1956 г. вооруженные силы были сокращены до 3 986 216 человек¹⁶⁸. К этому времени англо-французская авантюра 1956 г. в Египте и трагические события в Венгрии останавливают процесс разрядки.

Призывая извлечь уроки из венгерских событий, Хрущев призвал укреплять армию. «Надо покончить с таким положением, когда секретари обкомов и секретари ЦК компартий союзных республик смотрят на армию, как на источник рабочей силы.

Кукурузу убирать – давай армию, картофель копать – давай солдат. Если не поправить, то скоро будут просить солдат и офицеров, чтобы они поросят отпаивали. Армию разлагать нельзя, ее надо учить и воспитывать для определенных целей»¹⁷⁰.

В конце 1957 г. СССР внес дополнительные предложения по разоружению, предложив запретить производство и использование атомного и водородного оружия, уничтожить его запасы в течение двух лет, ликвидировать в те же сроки все военные базы на территории других государств, организовать контрольные посты на железнодорожных узлах, аэродромах, автомагистралях – с целью предупреждения внезапного нападения.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 января 1958 г. министерство обороны было обязано сократить в 1958 г. численность вооруженных сил на 300 тыс. человек¹⁷⁰. К январю 1959 г. из вооруженных сил было уволено 289 668 человек, в том числе 42 388 офицеров и 247 280 сержантов и солдат¹⁷².

8 декабря 1959 г. Хрущев направил в президиум ЦК КПСС записку о дальнейшем сокращении Вооруженных сил СССР. Предлагая сократить численность вооруженных сил СССР на полтора миллиона человек, Хрущев исходил из того, что этот шаг давал большие политические, моральные и экономические выгоды. «Советский Союз, – отмечалось в записке, – сейчас на международной арене завоевал хорошие позиции... нам следовало бы использовать эту конъюнктуру, которую мы создали в нашу пользу»¹⁷³. Хрущев предложил пойти на дальнейшее сокращение вооружений «даже без условий взаимности со стороны других государств», и на значительное сокращение личного состава вооруженных сил. Безусловно, Хрущев, зная об экономической уязвимости страны, стремился скрыть ее от Запада. В публичных выступлениях первый секретарь на протяжении карьеры неоднократно делал дезориентирующие заявления, преувеличивая достижения СССР, что по его мнению должно сдерживать Запад от агрессии. Даже в этой сугубо секретной записке Первый секретарь ЦК КПСС переносит акцент на военно-стратегическую составляющую. «Неразумно иметь атомные и водородные бомбы, ракеты и в то же время держать большую армию... мы же исходим из того, что не хотим войны и сами не готовимся к нападению, а мы готовимся к обороне»¹⁷⁴. Тем не менее, и в этом случае основной мотив экономический: «Держать такую большую армию – значит понижать наш экономический потенциал».

Объявленное в 1960 г. дальнейшее сокращение численности вооруженных сил на 1,2 млн человек¹⁷⁵ было отложено в связи с берлинским кризисом 1961 г.

При обсуждении 10 ноября 1963 г. на заседании Президиума ЦК КПСС сообщения председателя Госплана Ломако о проекте плана развития народного хозяйства СССР на 1964–1965 гг. Хрущев, в связи с увеличивающимся разрывом в темпах прироста предметов потребления и средств производства, предложил заморозить финансирование обороны на сложившемся уровне: «Настало время вернуться к сокращению вооруженных сил на основе решения сессии Верховного Совета (15 января 1960 г.). Мы тогда задержали его выполнение, а выполнять его нужно, это было два года назад, тогда мы задержали его выполнение в связи с авантюрой, которую нам преподнес Кеннеди. Может быть, сейчас вернуться к этому? Я считаю, например, зачем наши войска стоят в Польше? Это было (целесообразно) 18 или 20 лет тому назад. Или, например, дивизии в Германии. Содержание их в два раза стоит дороже, чем содержание в стране, если одну дивизию около Вены оставить, а две вывести, то это будет на 6 миллионов дешевле»¹⁷⁶.

Следует заметить, что одной из целей сокращения Вооруженных сил было освобождение рабочей силы для ее использования в народном хозяйстве в условиях дефицита трудовых ресурсов. Ограниченность финансовых и иных ресурсов СССР, поиски наиболее экономически эффективных путей для обеспечения национальной безопасности – другой объективный фактор, предопределивший многие решения руководства в военных вопросах. Хрущев в своих воспоминаниях немало строк посвятил проблеме аппетитов военных, которые всегда готовы на модернизации, но неохотно идут на сокращения. Позиция Хрущева в этом вопросе предельно проста: «Не надо расходовать зря деньги, нельзя дать противнику запугать себя, вынудить расходовать на оборону больше, чем необходимо. Нужен разумный подход к обороне»¹⁷⁷.

По данным Н.С. Симонова сокращение численности Вооруженных сил в 1955–1958 гг. позволило уменьшить в государственном бюджете долю расходов по Министерству Обороны СССР. С 1953 г. по 1960 г. удельный вес расходов МО в государственном бюджете сократился с 31,2% до 11%, причем наиболее значительное (на 23,9 млрд руб. или на 19,2% к предыдущему году) имело место в 1954 г.¹⁷⁸ В 1953–1955 гг. доля закупок вооружений в расходах министерства составляла до 50% затрат. В целом, до начала 1960-х годов наблюдался недогруз предприятий оборонных отраслей промышленности. Наряду с сокращением численности личного состава вооруженных сил, такое положение объяснялось незаконченностью разработок новых видов вооружений и нежеланием военных закупать в больших количествах устаревшую технику. Начиная с 1959 г., оборонные отрасли про-

мышленности начинают снабжать армию и флот новейшими видами вооружений.

Разумный подход к обороне означал необходимость выбора наиболее эффективных способов обеспечения обороны страны, предотвращения реальной угрозы возникновения ядерной войны. Хрущев был категорически не согласен с приоритетами строительства вооруженных сил, избранными Сталиным после войны. По мнению Хрущева, Сталин сделал ставку на приоритетное развитие Военно-морского флота на том основании, что главными противниками СССР будут морские державы – США и Англия.

Хрущев, когда освоился с военными делами, понял: чтобы обезопасить страну от внешней угрозы, надо заставить США считаться с СССР, как с равными. Добиться этого в условиях экономического неравенства можно, лишь жестко реагируя на любой шаг противной стороны. Так родилась политика кризисов: от Суэцкого 1956 г., до Кубинского (карибского) 1962 г. «Если, – пишет С.Н. Хрущев в предисловии к мемуарам отца, – выстроить их в ряд, то становится ясно, что только благодаря решительности и одновременно осторожности удалось добиться от американцев признания нашей страны великой державой, к сожалению, только в военном отношении»¹⁷⁹.

Появление ракетно-ядерного оружия потребовало от советского руководства коренного пересмотра роли средств вооруженной борьбы в современной войне. Еще в 1953 г. семь маршалов Советского Союза во главе с В.Д. Соколовским, опираясь на разведанные о программах создания в США межконтинентальной баллистической ракеты, обратились в Президиум ЦК КПСС с просьбой приступить к созданию средств противоракетной обороны: «В ближайшее время ожидается появление у вероятного противника баллистических ракет дальнего действия, как основного средства доставки ядерных зарядов к стратегически важным объектам нашей страны. Но средства ПВО, имеющиеся у нас на вооружении и вновь разрабатываемые, не могут бороться с баллистическими ракетами. Просим поручить промышленным министерствам приступить к работам по созданию средств борьбы против баллистических ракет»¹⁸⁰.

Постановлением Совета Министров СССР от 10 апреля 1954 г. было принято решение о создании ракеты, способной нести ядерный заряд. Такая ракета, получившая обозначение Р-5М с дальностью полета от 500 до 1200 километров, была создана и постановлением правительства в июне 1956 г. принята на вооружение¹⁸¹. По данным А.С. Орлова к 1 августа 1956 г. советские арсеналы насчитывали 30 ракет Р-5М, на 1957 г. было заказано

8, на 1958 г. – 100 ракет¹⁸². Свидетельством приоритета ракетно-ядерного оружия над другими видами вооружений стало создание в декабре 1959 г. нового вида Вооруженных сил – ракетных войск стратегического назначения¹⁸³. Для укомплектации техникой этого вида войск намечалось уменьшить объем капитального строительства на 1960 г., прежде всего за счет сокращения расходов на строительство жилья и объектов культурно-бытового и медицинского назначения¹⁸⁴.

С 1959 г. разворачивается весьма масштабная программа развития военного судостроения, предусматривавшая постройку в период до 1965 г. 750 крупных надводных и подводных кораблей. В это же время резко начинает меняться соотношение мирной и военной продукции по сравнению с 1958 г. на предприятиях авиационной и судостроительной промышленности.

Решение о строительстве атомного подводного флота созрело в СССР под влиянием многих факторов. В их ряду и конфликт Хрущева с адмиралом Кузнецовым, который в литературе традиционно фигурирует как первостепенный, хотя на самом деле такого значения не имел.

Хрущев отказал адмиралу Кузнецову в выделении 150 млрд руб. на строительство надводного флота, потому что адмирал не гарантировал, что корабли принесут победу над США. Представляется не безукоризненной и позиция оппонента Хрущева Кузнецова. «Передовые» взгляды наркома ВМФ, считавшего создание авианосцев первостепенной задачей, не нашли поддержки сначала у Сталина, а затем у Хрущева, не потому что «идеалом первого был тяжелый крейсер», а второго – подводные лодки и ракеты. Причина заключалась в том, что руководство Наркомата судостроительной промышленности решительно возражало против строительства авианосцев, ссылаясь «на неготовность» строить принципиально новые для отечественного судостроения корабли. Именно поэтому из проекта десятилетнего плана кораблестроения на 1946–1955 г. были исключены сначала большие, а затем и малые авианосцы. В окончательный текст постановления о 10-летнем плане военного судостроения авианосцы не вошли и работы по ним были свернуты¹⁸⁵.

Взгляд на предназначение флота в то время формировалось под влиянием итогов войны – победы над сильным континентальным противником. Флот по-прежнему мыслился как флот прибрежного действия, способный проводить операции лишь в рамках достижения фронтовых целей. В оперативно-стратегическом плане он продолжал оставаться оборонительным.

В итоге, точка зрения Кузнецова на необходимость создания «сбалансированного» флота не была принята руководством стра

ны. 8 декабря 1955 г. он был снят с должности и на следующий год снижен в звании до вице-адмирала и уволен в отставку.

Вскоре после смещения Кузнецова руководство страны приняло решение о создании «ракетно-ядерного флота», главными родами сил были определены атомные подводные лодки и морская ракетноносная авиация берегового базирования. Крупным надводным кораблям отводилась вспомогательная роль, а авианосцы объявлялись «оружием агрессии»¹⁸⁶.

В силу незначительного отставания (3–4 года) от США в создании атомных подводных лодок, вполне реальным представлялось сравнительно быстрое достижение паритета с ВМС США в ударной мощи подводных сил, поэтому принятое руководством СССР решение о приоритетном развитии атомных подводных лодок, в том числе с ракетным оружием, соответствовало ситуации того времени. Создание атомного подводного флота позволяло, кроме того, покончить с многолетней привязанностью нашего флота к прибрежным районам и значительно расширить сферу его действия в океане¹⁸⁷.

Хрущев, будучи по-крестьянски прижимистым человеком, говорил, что один выход Черноморской эскадры в море съедает больше топлива, чем вся Украина при посевной. В результате ставка была сделана на подлодки с баллистическими и крылатыми ракетами и средства береговой охраны.

Всего с 1945 по 1991 г. в СССР было построено: подводных лодок всех классов – 668 единиц полным водоизмещением 2,4 млн тонн (в США 183 ед., 1 млн т), надводных кораблей основных классов 386 ед. полным водоизмещением 1,75 млн тонн; (в США 288 единиц, 2,66 млн тонн)¹⁸⁸.

Анализ показывает, что общие затраты в условных денежных единицах СССР на ВМФ в 1945–1991 гг. превысили таковые в США более чем в 1,5 раза.

Особо стоит вопрос о влиянии военного производства на динамику социально-экономического развития страны. Ряд авторов считают, что милитаризация экономики в 50-е и последующие годы – следствие сложной международной обстановки. Безусловно, отставание на 4–5 лет от США в наиболее современных видах вооружений являлось мощным стимулом к милитаризации советской экономики. Однако нам представляется более верным вывод А. Вишневого, считающего, что «раздутое военное производство в СССР – прежде всего порождение мобилизационной безрыночной или квазирыночной экономики и, в то же время, ее главная опора, а милитаризация экономики – одна из ее родовых черт»¹⁸⁹. К примеру, заявки Военного и Морского министерств на 1951–1955 гг. на поставку военной техники значительно превы-

шали возможности роста ее производства¹⁹⁰. «Если их [военных] не контролировать, дать им возможность решать, что требуется для безопасности страны, то они своими непомерными запросами могут разорить страну, несмотря на то, что они коммунисты и патриоты», – заявлял Хрущев¹⁹¹.

Самые существенные ошибки Хрущева по реформированию вооруженных сил связаны, вопреки распространенному мнению, не с ВМС, а с авиацией. Крупнейшая из них, по мнению Командующего Дальней авиацией генерала И. Хворова, недооценка роли дальней авиации и прекращение работ по стратегическим бомбардировщикам в начале 60-х годов¹⁹². После второй мировой войны стратегические бомбардировщики оказались по силам лишь трем державам – СССР, США и Великобритании. В дальнейшем из этой «тройки» выбыла Великобритания. Стратегические бомбардировщики и сегодня остаются сложнейшими в авиации системами. Создать такие боевые машины по силам лишь крупным коллективам разработчиков, обладающим высокой квалификацией и опытом. Для этого требуются значительные средства и ресурсы. Не лучшим образом на развитии дальней авиации сказалось расформирование в 1960 г. конструкторского КБ В. Мясищева, одного из самых талантливых создателей тяжелых реактивных бомбардировщиков. Свою отрицательную роль сыграли и интриги вокруг интересных разработок «ОКБ Сухого» в области тяжелых самолетов. Как следствие, в наше время тяжелобомбардировочная авиация остается в России сравнительно малочисленным компонентом стратегической ядерной триады.

Для понимания реакции Хрущева и властных структур политической, технократической и научной элит в хрущевский период на вызовы времени, следует, прежде всего, назвать наиболее важные обстоятельства, которые мешали их адекватному восприятию (ряд из них с трудом поддается формализации, и следовательно, научному анализу, например, ментальные характеристики советских руководителей).

Прежде всего, после смерти Сталина управленческие структуры «зажили собственной жизнью» и начали диктовать свои условия, все менее связанные со стоявшими перед страной задачами. Вопреки официально провозглашаемым лозунгам и даже внутренним убеждениям советских руководителей разного ранга решения о капиталовложениях, производстве и распределении продукции подчинялись не заботе о росте народного благосостояния, не целям технического прогресса и даже не более прагматической задаче поддержания экономического равновесия при достаточно высоком темпе роста. Эти решения преследовали цель максимизации власти ведомств, борющихся за дележ чрез-

мерно централизованного пирога материальных, финансовых, трудовых, природных и интеллектуальных ресурсов.

Свою негативную роль на рубеже 60-х годов сыграли постоянные оглядки на Запад. Приняв временные трудности, переживаемые западной цивилизацией на рубеже 60-х годов, за всеобщий кризис капиталистической системы, и власть, и советские интеллектуалы еще больше уверовали в исторические преимущества советской системы хозяйствования, в якобы коренное изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социалистической системы.

Непростая ситуация на Западе и сложность ее адекватной интерпретации в силу закрытости СССР, догматизма и интеллектуального невежества большинства советских руководителей серьезно повлияла на формирование новой советской стратегической доктрины, ее официальной и неофициальной составляющих. Обстановка в 60-х годах в США, оказавшихся в тупике Индокитая, вызов динамически развивающихся стран Западной Европы и Японии экономическому превосходству Америки требовали более сложного анализа, равно как и вся совокупность вопросов, связанных с мировым энергетическим кризисом начала 70-х годов.

Советские руководители не учли множества важных обстоятельств. К примеру, того, что правительства Западной Европы и Японии в эти годы для повышения конкурентности национальных экономик переходят в отраслях добывающей промышленности к поточно-массовому производству, что позволило значительно снизить издержки и продавать товары по более низкой цене. Кроме этого, западные фирмы широко экспериментировали с модификацией конвейерного производства в целях повышения привлекательности труда и повышения его эффективности. Наметилась тенденция ускоренного роста номенклатуры изделий и возрастания их капиталоемкости. Данный период экономистами школы «теории регулирования» был назван периодом «фордовского накопления». Для него характерны одинаковые темпы роста и реальной заработной платы, и производительности труда; увеличение капиталовооруженности труда, соответствие стандартов потребления нуждам массового производства, когда растущее народное потребление обеспечивало рынок для товаров, произведенных в условиях роста производительности труда.

«Обогнать время». Н.С. Хрущев становится единоличным лидером страны лишь со второй половины 1957 г. Наличие разных точек зрения на характер и результаты реформаторской деятельности Хрущева требует рассмотрения этого вопроса в бо-

лее широком контексте. Прежде всего, с точки зрения социально-экономического развития этап хрущевского десятилетия действительно неоднороден. Налицо разные тенденции в экономике, политической и социальных сферах. До середины 50-х годов социально-экономическая сфера советского общества сохраняет свою цельность. Не изменяются и механизмы власти, способы ее взаимодействия с гражданами. Подключение к угасающим способам трудовой мотивации фактора материальной заинтересованности (в меньшей мере) и всплеск (в большей мере) энтузиазма, порожденного массовыми надеждами на скорое обновление жизни, дают очевидный скачок в виде ускорения экономического роста. Скачок (по большей части в сельском хозяйстве) оказался краткосрочным, что и заставляет Хрущева обратить внимание на вопросы долговременной стратегии, осмыслить характер вызовов и угроз. К этому времени воззрения нового советского лидера, в силу многих обстоятельств, претерпевают определенные изменения.

К сожалению, процесс «поумнения» (прозрения) Хрущева имел место лишь после вынужденной отставки. В начале 60-х годов, столкнувшись с нарастающими трудностями в экономике, он был близок к тому, чтобы признать ситуацию тупиковой. Очень интересное признание Хрущев сделал на заседании Президиума ЦК КПСС 16 февраля 1961 г. по итогам встречи, которая несколькими днями раньше состоялась с секретарями обкомов партии черноземной полосы: «мы сидели пять часов, я оттуда вышел чуть не шатаясь. Это было напряженное совещание. Они как будто крючками нервы вытягивали. Они не просто доказывают, а дают такую информацию, что все исчерпали». «Но, если нам согласиться с ними, – подчеркнул он, – значит, провал. Черноземная полоса ничего не дает, так что же мы можем требовать от потребляющей полосы?»¹⁹³. Хрущев все еще надеется, хотя для него многое уже стало очевидным. В силу укоренившегося обычая глава государства был склонен видеть истоки проблемы в ином: некоторые руководители «постарели, одряхлели, уже привыкли, истрепались... я думаю надо менять людей, другого выхода нет, другой выход – это провал»¹⁹⁴.

Находясь у власти, заботясь о безопасности страны, Хрущев полагал, что гарантировать ее может только ядерный потенциал, достаточный для нанесения главному возможному противнику – США – непоправимого ущерба. Лишь на пенсии он осознал: «Единственный путь к спасению человечества – добиваться соглашения на основе взаимного доверия. Тут нечего пытаться перехитрить, как-то обставить противную сторону. Партнер, с которым пойдут переговоры, так же умен, как и ты. Тем более не

удастся обмануть общественность. Поэтому надо идти на переговоры по честному... Я сейчас не остановился бы ни перед чем, чтобы достичь соглашения!»¹⁹⁵.

Многое в понимании Хрущевым социально-экономической стратегии государства в середине 50-х годов можно объяснить его утопическим сознанием, которому в принципе была чужда мысль о существовании объективно нерешаемых задач, данных природой и историей. Советское руководство отказывалось видеть культурные различия между СССР и Западом. Вслед за Сталиным, Хрущев и его окружение интерпретируют цивилизационный вызов Запада как чисто количественный. Мировая экономика по-прежнему рассматривалась как источник неприятностей и бед, а независимость от нее представлялась громадным достижением.

На протяжении 50-х годов власть сталкивается как с новыми вызовами и угрозами, так и модифицированными старыми проблемами глобального и локального характера.

Ориентируясь на «лозунги своей ранней юности» – те, которые увлекли его в социалистическое строительство, Хрущев главную ставку делает на выигрыш времени. Вновь задача всеобъемлющей модернизации была сужена до задач ускоренного развития народного хозяйства. Высшее советское руководство упрямо считало, что главным критерием успешности их мудрого правления являются темпы.

В резко обличительном варианте доклада, подготовленного Д.С. Полянским «про запас» на тот случай, если обсуждение вопроса на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК о смещении Н.С. Хрущева пойдет не по плану, на 70 страницах машинописного текста Хрущев обвинялся во всех смертных грехах, среди которых главным было обвинение – в снижении темпов прироста общественного продукта за 8 лет, начиная с 1956 г., более чем вдвое. «Это явление небывалое в истории развития нашей экономики, – говорилось в этом документе. И оно не может не вызывать тревоги. Ведь высокие темпы прироста общественного валового продукта – одно из величайших преимуществ социалистической экономики перед капиталистической. **Это преимущество безотказно и верно служило нам на протяжении советской истории** (выделено авт. – В.Ш.). И если, в годы «великого десятилетия» мы стали сдавать позиции в темпах роста, то очевидно, что причина заключается в просчетах, в грубых ошибках руководства хозяйственным строительством»¹⁹⁶. В главном автор доклада не лукавил – с момента образования советской системы высокие темпы экономического роста считались главным преимуществом социалистической системы хозяйствования. По этой причине вопрос темпов с момента созда-

ния советского государства приобретает особую значимость, как для защитников советской системы, так и ее противников. Высокие темпы экономического роста являлись важнейшим фактором легитимации режима. Фетишизация темпов становится сутью и хрущевской экономической политики. Высокие темпы остаются главным критерием успехов или неудач высшего руководства, министров, директоров заводов и совхозов, председателей колхозов, а также отдельных работников, труд которых оценивался и вознаграждался прежде всего по темпам роста продукции – главного показателя в планировании. «Сработать» на опережение по опыту Японии и некоторых западных стран СССР не позволили, с одной стороны, геополитические амбиции партийных олигархов вкупе с их специфической политической культурой, сформированной в предвоенные годы, а с другой – инерция системы и реалии холодной войны.

По существу, вопрос как «обогнать время» становится узловым как в плане теоретическом, так и чисто практическим. С точки зрения советской правящей элиты «агрессивные силы мирового капитализма» не оставляют мысли о сокрушении первого в мире социалистического государства, поэтому вопрос выигрыша времени это – вопрос жизни и смерти СССР. Решению этого вопроса Хрущев подчинил все остальные задачи – десталинизацию и либерализацию советской системы, церковную политику и политику в сфере художественного творчества. Для Хрущева, как уже выше отмечалось, данная задача имела и более конкретное и жесткое измерение – в числе американских боеголов, которые теоретически требовались США для гарантированного уничтожения СССР. Таким образом, вопрос выигрыша времени накладывается практически на все стратегические и тактические решения Хрущева и его окружения. Чаще всего этот фактор перевешивает все иные аргументы, в том числе и вопросы экономической эффективности. В то же время в ряде случаев они взаимно дополняют друг друга.

Шаги Н.С. Хрущева по разоблачению сталинских преступлений породили в стране определенные надежды на возможность нового НЭПа с его элементами экономического и внутрипартийного плюрализма. Однако надежды не оправдались. Скованный идеологическими догмами, не имея четкой стратегии, и располагая ограниченными экономическими ресурсами, Хрущев был обречен проводить крайне противоречивый внутривластный курс. Задачи, поставленные руководством СССР – поднять уровень экономики, благосостояния народа и одновременно успешно противостоять военной мощи США, были явно взаимоисключающими.

Анализ всей совокупности угроз и вызовов, ставших актуальными для советской системы с начала 60-х годов, которые условно можно свести к проблемам демократизации централизованного управления, переориентации целей управления с развития отраслей-локомотивов на цели потребительского рынка, повышения гибкости управления, создания новых стимулов к высокопроизводительному труду, показывает, что они остались без адекватного ответа. К началу 60-х годов Н.С. Хрущев стал осознавать, что чисто административными методами остановить нарастающие негативные тенденции невозможно.

¹ Тойнби А.Дж. Постигжение истории. М., 1991. С. 108.

² Там же. С. 120.

³ Там же.

⁴ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. М., 1991. С. 26; Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2000. С. 10.

⁵ См.: Грегори П. Экономическая история России: Что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценки экономиста // Экономическая история. Ежегодник, 2000. М., 2001. С. 42–43, 47–48.

⁶ См.: Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997. М., 1998. С. 42.

⁷ Экономическая история: Ежегодник, 2000. С. 55–56.

⁸ Экономика переходного периода... С. 43.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ См.: Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 386.

¹¹ Harrison M. Accounting for war: Soviet production, employment and the defence burden, 1940–1945. Cambridge, 1996. P. 162–165.

¹² См.: Чубарьян А.О. Европа в XX в.: Перспективы исследований // Исторические записки. М., 2000. Вып. 3(121). С. 150. В связи с чем даже западные историки говорят о неадекватности курса Запада на глобальную конфронтацию и «сдерживание коммунизма».

¹³ Harrison M. Op. cit. P. 162–165.

¹⁴ Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 324–325.

¹⁵ Источник. 1994. № 4; см. также: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа: Становление политических режимов советского типа, 1949–1953: Очерки истории. М., 2002. С. 29.

¹⁶ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 29.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 147. Л. 64–89. Датирована 20.01.44.

¹⁹ Там же. Л. 82.

²⁰ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 272.

²¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 147. Л. 82–83.

²² Там же. Л. 83.

²³ Там же. Л. 86.

²⁴ Там же.

- 25 Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 274, 275.
- 26 Там же.
- 27 Волокитина Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: От компромиссов к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны: Факты и гипотезы. М., 1999. С. 13.
- 28 См.: Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе, 1944–1948 гг. М., 1998. С. 50.
- 29 См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1127. Л. 18–23.
- 30 Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 190.
- 31 Хрущев Н.С. Речь на митинге советско-германской дружбы // Правда. 1964. 12 июня.
- 32 Ольсевич Ю. Послевоенная зарубежная экономическая мысль: Уроки плюрализма // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 127.
- 33 Автономов В. Образ человека в политической экономии // Мировая экономика и междунар. отношения. 1990. № 2. С. 20.
- 34 Шамбаров В.Е. Государство и революции. М., 2002. С. 452.
- 35 Каплан В.И. Важнейшие события международной жизни и деятельности Института мирового хозяйства и мировой политики (1925–1948 гг.). М., 1991. С. 144.
- 36 Фейс Г. Черчилль, Рузвельт, Сталин: Война, которую они вели, и мир, которого они добились: Пер. с англ. М., 2003. С. 574, 578.
- 37 Там же. С. 575.
- 38 Вишневецкий А.Г. Указ. соч. С. 390.
- 39 Johnston E.A. My talk with Joseph Stalin // Reader Digest. 1944. October. P. 1–10. Цит. по: Фоглесонг Д.С. Американские надежды на преобразование России во время Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 84, 97–98.
- 40 Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 354.
- 41 Цит. по: Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 138–139.
- 42 Там же. С. 139.
- 43 См.: Советская военная мощь от Сталина до Горбачева / Под ред. А.В. Минаева. М., 1999. С. 43.
- 44 Быстрова И. Советский ВПК: Теория, история, реальность // Свободная мысль. 1990. № 6. С. 37.
- 45 Советская военная мощь... С. 20, 44.
- 46 Фурсенко А.А. И.В. Сталин: Последние годы жизни и смерть // Исторические записки. М., 2000. Вып. 3(121). С. 180.
- 47 История военной стратегии России. М., 2000. С. 412.
- 48 Kaplan K. Ceskoslovensko v 1948–1956. Praha, 1995. S. 123–128; Фурсенко А.А. Указ соч. С. 181.
- 49 Фурсенко А.А. Указ.соч. С. 180–181; См. также: Правда, 1951. 6 окт.
- 50 Цит. по: Киссинджер Г. Дипломатия: М., 1997. С. 398.
- 51 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 44.
- 52 Там же.
- 53 Там же.
- 54 Там же.
- 55 Мальшев В.А. “Пройдет десяток лет и эти встречи не восстановишь уже в памяти”: Из дневника наркома // Источник. 1997. № 5. С. 132.
- 56 Там же. С.136.
- 57 Заседания Верховного Совета СССР: (Первая сессия), 12–19 марта 1946 г.: Стеногр. отчет. М., 1946. С. 361.

- 58 *Фейс Г.* Указ. соч. С. 577; *Johnston E.A.* Op. cit., P. 1–10; цит. по: *Фоглессонг Д.С.* Указ. соч. С. 95.
- 59 *Фоглессонг Д.С.* Указ. соч. С. 95.
- 60 Там же. С. 97.
- 61 *Сталин И.В.* Речь перед избирателями 9 февраля 1946 г. // *Правда.* 1946. 10 февраля.
- 62 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 1.
- 63 *Большевик.* 1945. № 17. С. 3–4.
- 64 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066. Л. 13. В первоначальной повестке дня съезда вопрос о новой программе и Уставе партии значился первым пунктом. Сталин сначала изменил повестку: второй вопрос о подъеме сельского хозяйства стал первым, а затем вообще вычеркнул вопрос о программе и Уставе.
- 65 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 27.
- 66 Там же. Л. 28.
- 67 Там же. Л. 29.
- 68 Там же. Л. 28–29.
- 69 Там же. Л. 28.
- 70 Там же. Л. 31.
- 71 Там же. Л. 114.
- 72 Там же. Л. 39.
- 73 Там же. Л. 106.
- 74 РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.
- 75 Там же.
- 76 *Аксенов Ю.* Сталинизм: Послевоенные утопии и реалии // *Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления: Новый взгляд на события и факты.* М., 1991. С. 193–194.
- 77 *Симония Н.А.* Что мы построили. М., 1991. С. 402–403.
- 78 Там же.
- 79 *Л. фон Мизес.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993. С. 136–137.
- 80 *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 309.
- 81 *Сталин И.В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. М., 1951. С. 17.
- 82 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., Т. 4. С. 185.
- 83 *Джилас М.* Беседы со Сталиным: Лицо тоталитаризма. М., 2002. С. 131, 132.
- 84 Там же. С. 132.
- 85 См.: *Опенкин Л.А.* Экономическая «мысль» страны в послевоенный период // *Россия в XX в. Реформы и революции: В 2 т.* М., Наука, 2002. С. 238.
- 86 Там же. С. 238–239.
- 87 См.: *Маевский В.* Взгляд на труды А. Ноткина с позиций сегодняшнего дня // *Вопр. экономики.* 2001. № 3. С. 113.
- 88 *Опенкин Л.А.* И.В. Сталин: Последний прогноз будущего: Из истории написания работы «Экономические проблемы социализма в СССР // *Вопр. истории КПСС.* 1999. № 7.
- 89 *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 24.
- 90 *Микоян А.И.* Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 569.
- 91 Там же. С. 569–570.
- 92 *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахизер А.С.* Реформы и контрреформы в России / Под ред. В.В. Ильина М., 1996. С. 142.
- 93 *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 160–161.
- 94 *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть: Воспоминания: В 4 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 77.

- 95 Там же.
- 96 Там же.
- 97 *Певзнер Я.* Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности // *Мировая экономика и междунар. отношения.* 1989. № 10.
- 98 *Варга Е.* Современный капитализм и экономические кризисы. М., 1962. С. 503.
- 99 *Летенко А.В.* Российские хозяйственные реформы: История и уроки. М., 2004. С. 92.
- 100 Вступительное слово Л.И. Брежнева на открытии Пленума ЦК КПСС, 14 октября 1964 г. // *Исторический архив.* 1993. № 1. С. 6.
- 101 *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. М., Алгоритм. 2002. Т. 2. От Великой Победы до наших дней. С. 30–31.
- 102 *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 15.
- 103 См.: *Лейбович О.Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь. 1993. С. 3–4.
- 104 *Н.С. Хрущев.* Время... Кн. 2. С. 19.
- 105 *Байбаков Н.К.* От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 109.
- 106 Там же.
- 107 *Бовин А.Е.* XX век как жизнь: Воспоминания. М., 2003. С. 730.
- 108 Там же.
- 109 *Волкогонов Д.А.* Семь вождей: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 339–340.
- 110 *Хрущев Н.С.* Время... Кн. 2. С. 11.
- 111 *Шепилов Д.* Указ. соч. С. 65.
- 112 *Яковлев А.Н.* Омут памяти. С. 114.
- 113 Речь Н.С. Хрущева на товарищеском ужине в Евксинограде (Варна) 16 мая 1962 г. // *Источник.* 2003. № 6. С. 130.
- 114 *Хрущев Н.С.* Время... Кн. 4. С. 167–169.
- 115 См.: *Яковлев А.Н.* Указ. соч. 113.
- 116 *Хрущев Н.С.* Время... Кн. 4.
- 117 См.: Проект записки Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС о поездке по Дальнему Востоку и Сахалину, 2 ноября 1954 г. // *Источник.* 2003. № 6. С. 16–17.
- 118 *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 325, 363, 367, 387.
- 119 *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 2. С. 101.
- 120 *Хрущев Н.С.* Время... Кн. 4. С. 533.
- 121 Там же. С. 60.
- 122 Выступление Н.С. Хрущева на совещании писателей, 13 мая 1957 // См.: *Источник.* 2003. № 6. С. 79.
- 123 *Хрущев Н.С.* Время... Кн. 2. С. 60.
- 124 Выступление Н.С. Хрущева на совещании писателей, 13 мая 1957... С. 79.
- 125 Речь Н.С. Хрущева на товарищеском ужине в Евксинограде... С. 132.
- 126 *Топтыгин А.В.* Неизвестный Берия. СПб.; М., 2002. С. 461. 468.
- 127 От Хрущева до Горбачева: Из дневника чрезвычайного и полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова // *Новая и новейшая история.* 2004. № 3. С. 112; также см.: *Советская военная мощь...* С. 44.
- 128 *Гаврилов В., Шепова Н.* Цепь тяжелых ошибок // *Независимое воен. обозрение.* 2003. № 19. С. 5.
- 129 *Пыжиков А.В.* Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // *Вопр. истории.* 2002. № 2. С. 36.
- 130 *Маленков А.Г.* О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992. С. 74.

- 131 Лаврентий Берия, 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы: Под. ред. А.Н. Яковлева. М., 1999. С. 95.
- 132 Там же.
- 133 Зубкова Е. Маленков, Хрущев и «оттепель»: Poleмические зарисовки // Коммунист. 1990. № 14. С. 92.
- 134 Маленков Г.М. О неотложных задачах в области промышленности и сельского хозяйства и мерах по дальнейшему улучшению материального благосостояния народа // Заседания Верховного Совета СССР (Пятая сессия). 5–8 августа 1953 г.: Стеногр. отчет. М., 1953. С. 269.
- 135 Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 55.
- 136 Сын Маленкова А.Г. Маленков утверждает в своей книге, что отец «планировал в дальнейшем создание фермерских хозяйств». См.: Маленков А.Г. Указ соч. С. 72.
- 137 Пыжиков А.В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // Вопросы истории. 2002. № 2.
- 138 Хрущев Н.С. Время... Кн. 2. С. 136.
- 139 Волкогонов Д.А. Указ соч. Кн. 1. С. 337.
- 140 Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти 1945–1991. М., 1998. С. 124.
- 141 Выступление Н.С. Хрущева на совещании писателей... // С. 79.
- 142 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 317. Л. 55.
- 143 Там же. Л. 56.
- 144 Хрущев Н.С. Выступление на совещании писателей... С. 80.
- 145 Хрущев Н.С. Время... Кн. 2. С. 137.
- 146 Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 156, 159.
- 147 Лаврентий Берия... С. 95.
- 148 Речь Н.С. Хрущева на товарищеском ужине... С. 134.
- 149 Гайдар Е., Мау В. Марксизм: Между научной теорией и «светской религией» // Вопр. экономики. 2004. № 6. С. 31.
- 150 Беседа Н.С. Хрущева с индийским писателем Х.А. Аббасом 6 января 1960 г. // Источник. 2003. № 6. С. 108.
- 151 Арбатов Г. Затянувшееся выздоровление (1953–1985): Свидетельство современника. М., 1991. С. 25.
- 152 Микоян А.И. Указ.соч. С. 513–514.
- 153 Там же.
- 154 Шенилов Д.Т. Печать в борьбе за дальнейший подъем сельского хозяйства. М., 1954. С. 26.
- 155 Мизес Л. фон. Указ. соч. С. 136–137.
- 156 Апанасенко В.М. Программа строительства «Большого морского и океанского флота» и деятельность Н.Г. Кузнецова по ее реализации // Военно-исторический архив. М., 2000. Вып. 8. С. 38.
- 157 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 163.
- 158 Там же. С. 166.
- 159 Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны: (Вторая половина 40-х – начало 60-х годов). М., 2000. С. 54.
- 160 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 166.
- 161 Там же.
- 162 Там же.
- 163 См.: Независимое воен. обозрение. 2001. № 12. С. 7.
- 164 Хрущев Н.С. Время... Кн. 2. С. 577, 586.
- 165 См.: История международных отношений и внешней политики СССР, 1917–1987: В 3 т. М., 1962. Т. 3. С. 271–272.

- 166 Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва. 4 сессия. 14–15 января 1960 г. М., 1960. С. 33.
- 167 Цит. по: Советская военная мощь: От Сталина до Горбачева... С.48.
- 168 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 244.
- 169 См.: Записка Г. Жукова и В. Соколовского в ЦК КПСС «О ходе выполнения постановления Совета министров СССР от 12 августа 1955 г. о сокращении численности Советской Армии и с предложениями по дальнейшему сокращению Вооруженных сил СССР от 9 февраля 1956 г.» // Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 283, 288.
- 170 Хрущев Н.С. Выступление на собрании партийного актива 4 ноября 1956 г. // Источник. 2003. № 6. С. 75.
- 171 Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 305–307.
- 172 Там же. С. 305–306.
- 173 Там же. С. 62–66.
- 174 Записка Н.С. Хрущева членам Президиума ЦК КПСС и кандидатам в члены президиума ЦК КПСС от 8.12.1959 г. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 62–66.
- 175 Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва... С 34.
- 176 Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. М., 2003. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. С. 486, 771.
- 177 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 246.
- 178 Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. Темпы экономического роста, структура, организация производства и управления М., 1996. С. 295.
- 179 Хрущев Н.С. Воспоминания: Избранные фрагменты. М., 1997. С. 7.
- 180 Первов М. Системы ракетно-космической обороны России создавались так. М., 2004. С. 21.
- 181 См.: Орлов А.С. Тайная битва сверхдержав. М., 2000. С. 270.
- 182 Там же.
- 183 Ракетные войска стратегического назначения. Там же. М., 1992. С. 4.
- 184 Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 2: Апогей и крах сталинизма. С. 194.
- 185 Апанасенко В.М. Указ. соч. С. 35.
- 186 Там же. С. 38.
- 187 Капитанец И.М. Битва за мировой океан в “холодной” и будущих войнах. М., 2002. С. 129.
- 188 Независимое воен. обозрение. 1998. № 18. С. 4.
- 189 Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 62.
- 190 Симонов Н.С. Указ. соч. С. 206.
- 191 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 247.
- 192 Независимое военное обозрение. 2002. № 15. С. 5.
- 193 Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. С. 486.
- 194 Там же. С. 485.
- 195 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 262.
- 196 Доклад Президиума ЦК КПСС на октябрьском Пленуме ЦК КПСС (Вариант) // Источник. 1998. № 2. С. 105.

ОБЛИК И ХАРАКТЕР ВЛАСТИ

Природа и механизмы изменений институтов власти в 50-е – середине 60-х годов

Реальные и мнимые механизмы власти. Всесторонний анализ характера и направлений социально-экономического развития в рассматриваемый период практически невозможен без ответа на вопрос, что представляла из себя власть, как она функционировала, какова была ее структура, какими ресурсами и полномочиями обладали властные органы. Безусловно, прав Я. Корнаи, утверждающий, что «структура власти является тем исходным пунктом, из которого могут быть выведены все важнейшие закономерности данной системы»¹. Верно и то, что социально-экономическое развитие СССР все годы его существования в значительной мере определялось властью. Правда, на разных этапах социалистического строительства, и особенно после смерти Сталина, эта мера была различной, несмотря на тотальное доминирование политики над экономикой.

В научной литературе понятие власти не относится к числу четко выраженных институциональных категорий. При всей сложности и многозначности определений власти, и связанных с этим множественности исследовательских подходов, исторически власть можно охарактеризовать как достижение определенных целей, получение намеченных результатов. В рамках социологического подхода, сводящего власть к политическому влиянию одной социальной группы на другую, власть трактуется и как возможность использования определенных средств, в том числе насилия. Так или иначе, легитимность любой власти находится в прямой зависимости от ее эффективности. Перед властью во все времена стояла проблема достижения высоких результатов в своей деятельности. Советская власть в этом смысле не исключение, хотя для советского политического режима в большей мере характерна самолегитимация.

Несмотря на значительное число работ, посвященных советским политическим лидерам, до настоящего времени многие принципиально важные вопросы о структуре и механизме реальной власти в СССР, ее эффективности и реформируемости, роли в ней политических лидеров, властных элит, властных институтов, особенно применительно к послевоенному времени, по-настоящему не изучены. По справедливому суждению И.В. Павловой они и «не осознаны»². Как следствие, принципиальные вопросы методического характера остаются неразработанными, а используемые дефиниции нередко носят характер метафор (как это наблюдается относительно весьма часто используемых понятий «эволюция», «механизм власти»). Власть в советской системе – необходимое условие и фактор реализации важнейших социально-экономических проблем, которые без ее вмешательства решены быть не могут. Литература последних лет, за редким исключением³ ограничивается пока частными вопросами, такими как: бюрократизация советско-партийного аппарата, кадровый состав советских и партийных органов, оставляя в стороне более общие проблемы властной инфраструктуры, характера политического режима на разных этапах существования советской системы, эффективности властных институтов, возможности и пределы их эволюции в СССР, а стало быть, и возможность реформирования самой советской системы⁴. Даже в работах, посвященных политической борьбе в 20–50-е годы, анализ собственно властных институтов присутствует явно недостаточно⁵.

При сегодняшнем состоянии источниковой базы ответ на все поставленные вопросы является пока недостижимой целью. В нашем исследовании мы ограничимся анализом целей, причин и результатов самых масштабных перестроек за всю послевоенную историю СССР партийных, советских и иных властных органов, начавшихся после смерти Сталина. Под этим углом зрения представляют интерес и вопросы методов руководства обществом в целом и конкретно социально-экономической сферой. В их числе кадровая политика, каналы информирования и контроля, воздействие состояния (структуры и организации) самих властных институтов на принимаемые решения. Еще одна группа малоизученных вопросов – природа и механизмы изменений властных институтов. Их действительный смысл, а главное, пределы обновления властных структур до сих пор порождают массу вопросов и являются предметом спора историков.

Часть исследователей связывает и сами административные перестройки в рассматриваемый период, и в большей мере их негативные итоги с проявлением известного хрущевского волюнтаризма и субъективизма. Эта точка зрения совпадает с давней

оценкой их на октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС⁶. Очевидно, что она далеко не бесспорна и игнорирует роль многих объективных факторов. К ним относятся: глубокое своеобразие политических институтов в СССР, их реальные функциональные возможности и эффективность как важнейшего инструмента формирования и реализации социально-экономической политики, наконец, способность к реформированию. Историческая практика показывает, что лучшее решение всегда определяется эволюцией, которая, в свою очередь, развивается отнюдь не по заранее заданному плану, а непреднамеренно, методом «проб и ошибок». Для Н.С. Хрущева, по причинам, о которых говорилось в предыдущей главе, этот путь фактически был единственно возможным⁷. Кроме того, акцент на субъективизм и некомпетентность советского руководителя оставляет открытым вопрос о роли политических элит как в перестройке властных органов, так и в формировании и проведении социально-экономической политики. На наш взгляд, анализ административных перестроек 50–начала 60-х годов важен, по меньшей мере, в двух отношениях: во-первых, реорганизации существовавших институтов власти и управления, заключавшихся в создании новых и ликвидации старых структур, позволяющих более предметно судить о намерениях власти в различных сферах общественной жизни. Во-вторых, понимание природы и механизмов изменений властных институтов дает ответ на вопрос о пределах реформируемости властных институтов СССР и, соответственно, реформируемости в целом советской системы.

Сложившаяся за годы строительства социализма система власти в СССР существенно отличалась как от системы власти дореволюционной России, так и от западных парламентских систем. По мнению многих современных исследователей, она ничего общего, кроме названия, не имела с системой Советов⁸. Она изначально имела мало общего и с диктатурой пролетариата, о которой постоянно твердила официальная пропаганда. Всего лишь мифом оказалось ленинское пророчество времен начала революции о том, что править государством будет «всякая кухарка». Другой миф – представление о том, что Советы – власть для трудящихся, осуществляемая трудящимися. Опыт истории говорит в пользу того, что революционная власть задумывалась Лениным как власть большевистской партии. Ее лидеры в октябре 1917 г. сами назначили себя выразителями интересов народа, решающими, что для общества есть благо. Все годы существования советской власти они были убеждены, что лучше знают интересы тех, кем управляют.

По мере становления командно-репрессивной системы место, функции и роль отдельных институтов власти все больше откло-

няются от декларируемой модели. Прежде всего, меняется роль Советов как органов народовластия. Оставаясь формально советской, власть сосредоточивается в партийных и иных органах. Высший конституционный орган власти – Верховный Совет СССР – существовал лишь номинально. Ленину был нужен не парламент, реально осуществляющий власть, а всего лишь символ его. Порядок работы в Верховном Совете, все законодательные акты, Указы и постановления предварительно прорабатывались и санкционировались в высших партийных инстанциях. Секретариат ЦК полностью контролировал деятельность государственного аппарата. По мере достройки командно-репрессивной системы в СССР развивается абсолютная власть генерального секретаря компартии. При жизни Сталина все важнейшие вопросы внутренней и внешней политики определялись лично им самим. После его смерти власть сосредоточивается в руках олигархической группы его ближайших соратников⁹.

По мнению современных правоведов, целый ряд причин генетического порядка делали систему Советов, совмещающую в одном органе функции законодательной, исполнительной и судебной властей, изначально неэффективной: «подобная система не могла работать нигде и ни при каких условиях, если имеется в виду, что она должна работать всерьез, а не в качестве декорации»¹⁰. Вместе с тем Советы не без успеха выполняли свое основное предназначение «эффективно поддерживать миф о монолитном единстве советского народа, сплотившегося вокруг Коммунистической партии в борьбе за общее дело»¹¹. В основных своих параметрах единая система власти в СССР складывается в 20–30-е годы. В военный и послевоенный периоды во властные структуры были внесены отдельные изменения непринципиального характера. Они лишь укрепили ее недемократические, командно-репрессивные основы (подмену партийным руководством всех определяющих функций советских, хозяйственных и общественных институтов, систему «местного вождизма»)¹².

К началу 50-х годов, в силу внутренних метаморфоз, устройство и функционирование властных структур серьезно отличалось от формально-конституционных. Считалось, что в советском обществе существовали три независимые ветви власти (исполнительная, законодательная и судебная)¹³. Однако эти демократические институты носили «демонстрационный», «пропагандистский» характер. «Демократизм Советской власти и ее социалистический характер, – писал В.И. Ленин, – выражается в том, что верховной государственной властью являются Советы, которые состоят из представителей трудящегося народа (рабочих, солдат, крестьян), свободно выбираемых и сменяемых в лю-

бое время массами»¹⁴. Показными были и выборы (безальтернативные и формальные, т.к. в действительности осуществлялся подбор депутатов) и конституционно закрепленные демократические свободы граждан. Согласно официальным нормам и советские, и иные властные организации в СССР строились снизу, а фактически они создавались сверху. Политическая элита ограничение демократии считала явлением нормальным, вполне объяснимым отсталостью страны, враждебным окружением и т.п. Основным институтом в структуре власти являлась коммунистическая партия. Функционирующие партийные органы придавали жизнеспособность системе Советов. Более того, лишь в партийных организациях все советские годы сохранялись остатки демократических процедур. Партийные же структуры в известной мере выступали и в качестве противовеса ведомствам. Порочность параллельного существования двух властных структур заключалась в том, что государственные (советские) органы, обязанные по закону принимать решения и нести за них ответственность, решения фактически не принимали. На этом основании Советы не могли по закону нести за них ответственность. Партийные же органы, которые принимали решения, также юридически за них не отвечали, так как не обладали правом их принятия.

К концу правления Сталина советский политический режим сохранял все черты тоталитарного, если под этим подразумевать не тотальный контроль над населением (который принципиально невозможен), а право власти вмешиваться во все мыслимые и немыслимые вопросы общественной жизни. В несоциалистических системах существуют «частные сферы», в которые государство не может или не должно вмешиваться, в советской системе граница между государственными и частными делами полностью размыта. Конечно, в СССР власть не была в состоянии принимать решения по каждому вопросу и руководить абсолютно всем, но ограничения на ее деятельность имели сугубо практический характер. Влияние бюрократии распространяется и на такие сферы традиционно частной жизни как культура, религия, семья, количество детей в ней, проведение свободного времени. Не менее важно, что верховная власть при Сталине не была подчинена никакой стабильной законодательной системе и имела монополию на судьбоносные решения. Общие формулировки Конституции оставляли властным структурам слишком большую свободу действий. Кроме того, действовало огромное число подзаконных актов. В политической системе отсутствовали необходимые противовесы, которые при парламентской демократии надежно ограничивают стремление бюрократии к монополизации власти, попыткам использовать ее в собственных интересах. В Советском

Союзе не было и независимого суда, который мог бы контролировать соответствие принимаемых законов, распоряжений или действий государственной администрации нормам конституции или ранее принятым законам, суда, в который граждане могли бы обращаться с исками к государству и, который мог бы защитить их от произвола властей.

Стремление Сталина подбирать на ответственные посты людей, «могущих понять директивы», породило определенные модели поведения работников и соответствующий тип самих работников. Нормами их делового поведения являлись преданность вышестоящему начальству, послушание, скромность, безынициативность. В кадровой политике, проводимой властью, вместо официально провозглашенных «деловых признаков», главным критерием оценки потенциальных управленцев были «политические признаки». Именно они были твердой и неизменной основой для назначения на все соответствующие посты в СССР. Назначенцы по своим качествам должны были подходить под создаваемую Сталиным систему управления, под ее методы и цели. В итоге аппарат государственного управления в СССР превратился в огромную бюрократическую машину, обезличивающую человека. Д. Боффа дал ей очень точную характеристику: «Каждый должен чувствовать, что он занимает место не по какому-то праву, а по милости руководства, и если эта милость прекратится, он легко может быть заменен другим»¹⁵. Этот принцип кадровой политики порождал у служащих не просто покорность воле начальства, но бурное стремление выслужиться, чтобы хоть таким путем стать незаменимым. Выслужиться, означало не хорошо работать, а хорошо исполнять то, чего желает назначающее начальство. Тем самым были заложены основы для создания слоя партийных чиновников, слепо исполняющих указания директивных органов. Это, в свою очередь, усиливало воздействие партийной элиты на все сферы партийной и государственной жизни.

Другая очевидная особенность советского политического режима – его легитимность – неизбежно связана с наличием вождей харизматического типа, предполагающая безусловную и иррациональную веру в их магические, нечеловеческие свойства. Индивидуальные качества лидера при этом нередко играли второстепенную роль в формировании его харизмы. Харизматическими лидерами были В.И. Ленин и И.В. Сталин. Десакрализация власти в 50-е годы наносит серьезный удар по самим властным структурам, принципиально меняя характер связей вождей, лидеров с обществом. Со смертью Сталина в СССР фактически заканчивается харизматическая эпоха. С этого времени успешное социально-экономическое развитие страны в значительной мере опреде-

ляется реальными деловыми, социально-политическими и духовно-идеологическими качествами политических лидеров. Они должны нести ответственность (хотя бы моральную) за выдвигаемые перед обществом цели, средства их достижения, ценности и идеалы общественной жизни, включая образ ожидаемого будущего, представления о характере социально-экономического развития страны и т.п. Таким образом, можно говорить о том, что с середины 50-х годов XX в. в СССР берет начало стихийный процесс приведения политических структур в соответствие с той системой ценностей, которая утвердилась в общественном сознании в первые послереволюционные годы.

Для того чтобы с определенностью сказать, имело ли место в 50-е годы развитие, просто функционирование или деградация политических институтов, обратимся к исходным дефинициям. Во-первых, всякое развитие означает увеличение сложности развивающегося объекта, его внутренней дифференциации. Во-вторых, исторически при переходе от традиционного к современному обществу наблюдалось два типа изменений. Первый тип характеризовался изменением соотношения элементов, которые лишь обеспечивали равновесие политической системы и не затрагивали основных структур общества и власти (смена лидеров, правительства, обновление отдельных институтов). В этом случае речь идет о функционировании политической системы. Ведущие ценности, нормы, способы отправления власти в данном случае сохраняются в прежнем качестве.

Второй способ изменений вел к глубокой модификации несущих элементов, трансформирующей базовые институты, нормы и коммуникации, которые в совокупности способствуют достижению политической системой нового качественного состояния.

Эта посылка справедлива, на наш взгляд, и для анализа преобразований в советской политической сфере в 50–середине 60-х годов. В современном обществоведении принято считать, что политическое развитие возможно лишь тогда, когда политические структуры, нормы и институты конкретного общества способны к оперативному реагированию на новые социальные, экономические и прочие проблемы¹⁶. Исходя из данного положения политическое развитие можно определить как нарастание способностей политической системы к гибкому приспособлению к изменяющимся социальным условиям, при сохранении и увеличении возможностей для элит и рядовых граждан выполнять свои специфические функции в деле управления обществом и государством. В свою очередь, нарастание способности политической системы к адаптации возможно установить лишь через широкий круг показателей экономического и социального развития общества.

Таким образом, измеряемыми критериями качества политического развития советской системы в рассматриваемые годы могут быть следующие три: рост компетенции (выраженной в конкретных показателях уровня общего и профессионального образования, социальной мобильности как правящих, так и оппозиционных элит); эффективность структур управления (наличие или отсутствие в них нужных политических институтов, своевременная постановка властью задач в проведении реформ и преобразований, нацеленных на реальное, а не декларативное продвижение общества вперед); степень включенности граждан в отношения с государством. В совокупности названные параметры дают возможность говорить о степени политической развитости систем власти.

В применении к СССР периода 50–середины 60-х годов можно говорить о том, что политическое развитие шло по первому типу т.е. через смену политических лидеров, составов правительств, отдельных институтов власти. Ведущие ценности системы – монополия марксистской идеологии, однопартийность, способы принятия решений, механизм смены лидеров и другие отправления власти сохранялись в прежнем качестве. Вместе с тем в 50–60-е годы советская система становится более сложной, внутренне разнообразной, более открытой миру. Налицо ее эволюция от личной диктатуры Сталина, основанной на массовом терпоре, к олигархическому правлению, так называемому коллективному руководству при определяющей роли первого лица в партии.

На эволюцию политической системы советского общества в эти годы оказали влияние множество факторов как внутреннего, так и внешнего порядка, но, прежде всего, такие факторы как личные качества политических лидеров, их борьба за власть.

Основные направления изменений властных структур. Смерть Сталина положила начало самым масштабным административным перестройкам за всю историю СССР. Их действительный смысл, причины, масштаб, направления, а главное эффективность до сих пор порождают массу вопросов и являются предметом спора историков. Остаются вне рассмотрения исследователей природа и механизм изменений властных институтов. Долгое время масштабные административные перестройки 50–начала 60-х годов в официальной историографии объяснялись сознательным стремлением верховной власти развивать «советскую социалистическую демократию, совершенствовать советскую государственность». Иными словами, они воспринимались как вполне управляемый процесс в русле строго научной стратегии КПСС, реализующей решения очередного съезда или Пленума

партии. В последние годы реорганизация властных институтов в указанный период рассматривалась через призму политической борьбы в высших эшелонах власти, а, следовательно, как процесс спонтанный и не имеющий четкой направленности.

На основе анализа вновь открывшихся документов из хрущевского фонда и уникальной публикации В.Н. Малиным черновых записей заседаний Президиума ЦК КПСС¹⁷, можно говорить о нескольких разнородных, разнонаправленных процессах во властных органах в 50-е годы, имевших свою особую природу, динамику, свои механизмы и вектор изменений. В их числе наряду с борьбой за власть, смена мобилизационных циклов, десакрализация власти, десталинизация, эксперименты с введением коммунистических институтов и некоторые другие. Иными словами, на протяжении хрущевского периода мы сталкиваемся с разными процессами изменений, которые иногда взаимодействуют, чаще противодействуют и взаимно гасят друг друга. В конечном итоге результатом их взаимодействия и явился процесс либерализации советского общества. Можно также утверждать, что причины перестроек в рассматриваемый период носили объективный характер. Административные перестройки 50–начала 60-х годов были вызваны структурными недостатками советской политической системы, порождающими периодические сбои в экономике страны и требующими регулярных усилий для поддержания ее в рабочем состоянии. Вопреки многочисленным утверждениям мемуаристов, Сталин оставил своим наследникам экономику не в лучшем состоянии¹⁸. К началу 50-х годов собственные источники развития социалистической плановой системы оказываются исчерпанными. Страна не могла больше рассчитывать на аграрную сферу как на источник ресурсов. Более того, сельское хозяйство из донора превращается в реципиента других отраслей народного хозяйства. Дают о себе знать многие негативные последствия проводившейся ранее социально-экономической политики и врожденные пороки системы: громоздкость в административном плане из-за отключения рыночных механизмов, отсутствие внутренних стимулов к росту эффективности и лучшей координации и т.п. В первые месяцы после смерти вождя его преемники в полной мере осознают драматизм ситуации в экономике: тотальный дефицит продовольствия, особенно хлеба и мяса, хронические невыплаты заработной платы рабочим и служащим, жалованья военнослужащим¹⁹. Многие отрасли народного хозяйства систематически не выполняли плановых заданий. План капитальных работ не выполнялся все послевоенные годы²⁰. Особенно плохо выполнялся план по вводу жилой площади. Ежегодно росли объемы незавершенного строи-

тельства²¹. Министерство транспортного и тяжелого машиностроения план двух лет и девяти месяцев пятой пятилетки по производству прокатного оборудования выполнило всего лишь на 76,3%²². Катастрофическим было положение в сельском хозяйстве. Таким образом, чтобы модернизировать экономику страны, поставить ее на более стабильную и реальную основу, необходимо было сделать более гибкой и эффективной саму систему управления. Следовательно, основная цель административных перестроек в 50-е годы – придать большую эффективность существующим властным структурам как основному инструменту социально-экономической политики.

Н.С. Хрущев вовсе не собирался, как это утверждают некоторые авторы, выстроить особую систему, при которой КПСС через собственный аппарат управляла бы страной, а государственные органы исполняли бы при этом исключительно технические функции²³. Для Хрущева не было секретом, что реально функционирующей властной структурой все предыдущие годы была партийная власть. По мнению нового лидера, властные структуры нуждались лишь в оздоровлении, возрождении внутрипартийной демократии и законности²⁴. Вместе с тем неоднократно попытки превратить советские органы из технических, декоративных в органы народовластия, в частности, повысить Верховный Совет до уровня подлинного парламента, недвусмысленно свидетельствуют об отсутствии у первого секретаря ЦК КПСС намерений абсолютизировать партийную власть.

Хрущев смог снять крайности сталинского правления, несколько активизировать и гуманизировать властные структуры, но оставил в неприкосновенности основные несущие конструкции командно-репрессивной политической системы.

Избранная Хрущевым авторитарная модель модернизации, в которой демократические институты власти, политический плюрализм и политическая конкуренция сознательно подавлялись, лишила его эффективных инструментов в борьбе с бюрократией. Однако нет оснований думать, что ближайшие конкуренты Хрущева – Берия и Маленков – были готовы отказаться от навязанной большевиками советской формы государственной власти в стране и заменить ее современной демократической формой правления.

Модернизация верховной власти. Первый по времени и важнейший по значимости фактор изменений в высших эшелонах власти в рассматриваемый период – борьба за власть. Поскольку ее основные аспекты достаточно подробно рассмотрены в литературе²⁵, остановимся лишь на вызванных ею институциональных изменениях.

Вершина власти в СССР, начиная с первых революционных лет, находилась в Политическом Бюро ЦК большевиков, исполнительном органе ЦК ВКП (б), избираемом Пленумом ЦК для политической работы. На протяжении советского периода Политбюро имело разные высокие полномочия, но никогда не имело конституционного статуса. В годы войны и особенно послевоенные годы порядок принятия стратегических решений был деинституализирован, переведен в значительной мере в неформальное русло, что, однако, не дает основания считать, что происходило снижение роли и влияния этого органа в качестве властного института²⁶. Политбюро было идеальным прикрытием для крепнущей сталинской единоличной диктатуры, важным средством ее легитимации, поэтому все создаваемые Сталиным «руководящие группы» («пятерки», «шестерки», «семерки») состояли исключительно из членов Политбюро. Все решения этих руководящих групп, включая и решения самого Сталина, оформлялись в обязательном порядке как решения Политбюро. К примеру, в феврале 1946 г. Сталин провел через Политбюро свое назначение Наркомом Вооруженных Сил и верховным Главнокомандующим Вооруженных сил СССР²⁷. Немаловажно, что до конца своих дней Сталин весьма тщательно поддерживал в этом органе власти систему сдержек и противовесов²⁸. Таким образом, Сталин не был заинтересован в снижении роли Политбюро как весьма действенного инструмента верховной власти в СССР, и тем более не был заинтересован в «перетекании» его властных полномочий к конституционным органам власти. Деформализация принятия решений внутри Политбюро означала вовсе не снижение роли самого Политбюро, а лишь снижение роли его членов и, за исключением Сталина, окончательное превращение их в угодливых марионеток. По свидетельству Н.С. Хрущева и других членов высшего руководства, предстоящие решения Политбюро в послевоенные годы, как правило, предварительно обговаривались на сталинской даче, или во время застолий, а затем оформлялись как решения.

В 1952 г. Сталин предпринял последнюю в своей жизни реформу высших органов власти²⁹. Политбюро преобразовали в Президиум ЦК, был значительно расширен его состав (избрано 25 членов Президиума и 11 кандидатов в члены Президиума). По принятому XIX съездом Уставу Президиум создавался «для руководства работой ЦК между пленумами». Для практической работы было создано Бюро Президиума³⁰ из ближайшего окружения Сталина, входившего в Президиум. Вечером 5 марта 1953 г. на беспрецедентном совместном заседании всех высших органов власти СССР – Пленума ЦК КПСС, СМ СССР и Пре-

зидиума ВС СССР, решился вопрос о наследовании власти. Ликвидировалось Бюро Президиума, была сокращена численность Президиума ЦК (избрано десять членов президиума и четыре кандидата в члены Президиума).

На протяжении хрущевского периода Президиум ЦК КПСС оставался высшим партийно-государственным органом власти в СССР, обладавшем монополией на все принципиальные решения (в 1966 г. Президиум был вновь преобразован в Политбюро Л.И. Брежневым). При отсутствии реального разделения властей его значимость была исключительно велика. Во всяком случае, нет оснований считать, что Политбюро после Сталина должен был и вполне мог трансформироваться в «министерство партии»³¹. Ни один из известных документов подобный сценарий не предлагал.

В силу недоступности важнейших документов по этой теме место и роль Президиума ЦК КПСС в механизме власти оставались до последнего времени неизученными. Исключение составлял период 20–30-х годов³². Публикация основного комплекса документов, отражающих деятельность Президиума в 50–начале 60-х годов, позволяет более полно раскрыть механизм власти в СССР и место в ней Президиума ЦК в эти годы.

Подковерная борьба за лидерство имела место все предыдущие годы существования советской власти. После массового террора 1937–38 гг., уничтожившего значительную часть политической элиты, в верхних эшелонах власти укрепляются новые сталинские выдвигенцы – А. Жданов, Л. Берия, Г. Маленков. В последние годы жизни Сталина их противоборство обострилось. Падение ленинградской группировки изменяет расклад сил в ближайшем окружении Сталина. Когда Сталин ушел из жизни, соперничество двух основных группировок во власти приобретает институциональные формы.

Организационное оформление антагонизма Маленкова и Хрущева, когда первый возглавил государственные структуры, а второй – партийные, произошло стихийно. Согласно плану Берии и Маленкова, Хрущев, в отличие от своих коллег, не получил никаких государственных должностей, оставшись секретарем ЦК КПСС и членом Президиума ЦК КПСС. Разногласия Хрущева и Маленкова, как ранее разногласия Маленкова и ленинградцев, не носили идейного характера. Со стороны Хрущева они подпитывались личными мотивами. Хрущев не мог забыть резкую критику, с которой Маленков обрушился на него на XIX съезде партии, обвинив его, не называя фамилии, в «неправильном потребительском подходе к вопросам колхозного строительства... Ошибка этих товарищей состоит в том, что они за-

были о главных производственных задачах колхозов и выдвигали на первый план производные от них потребительские задачи, задачи бытового устройства в колхозах»³³.

После смерти Сталина роль Президиума как коллективного органа руководства возросла. Ни один из партийных иерархов не имел всей полноты власти и не мог единолично принимать решения по принципиальным вопросам. Доступные протоколы заседаний Президиума ЦК позволяют сделать чрезвычайно важный вывод о том, что до 1957 г. коллегиальность в Президиуме ЦК не носила формальный характер. В большинстве случаев, чтобы провести нужное решение, Хрущев должен был согласовать его с коллегами. По существу в Президиуме ЦК (в меньшей степени на заседаниях Пленумов ЦК) имел место плюрализм мнений, что не исключало борьбы за лидерство.

Совершенно прав А.А. Фурсенко, утверждая, что такой коллегиальный подход постоянно приходил в противоречие с заложенным в политическую систему единовластием³⁴. Для иного не было институциональных оснований. Члены Президиума могли выражать свои профессиональные, отраслевые, наконец, личные позиции. В однопартийной советской системе другого быть не могло, поэтому восстановление коллективности, коллегиальности всегда носило нарочитый, популистский характер. Ни в одном документе, принятом в эти годы, нет серьезных гарантий авторитаризму. В личности Хрущева тоже не было заложено противостояние авторитаризму. Среди главных пунктов обвинения при снятии Хрущева было «нарушение ленинских принципов коллективного руководства».

Характер источниковой базы не позволяет дать объективные оценки профессионализму хрущевского Президиума. В силу выборочности данных нельзя доподлинно судить о своевременности рассмотрения вопросов на Президиуме, их актуальности и т.д. С достаточной очевидностью можно судить только о динамике кадрового состава и на основании этих данных делать косвенные выводы о профессиональности самого органа власти. Изменение количественного состава Политбюро (Президиума ЦК) приводится в Таблице 1.

Анализируя составы Политбюро (Президиума) с 1945 по 1991 г., можно выделить ключевые государственные должности, которые были представлены в высшем руководстве страны на протяжении всех этих лет.

К ключевым относились следующие посты: секретари ЦК КПСС, курировавшие идеологию и экономику, председатель Совмина СССР и его заместители, министры иностранных дел, обороны, культуры, председатель КГБ, председатель Комитета

Численный состав Политбюро (Президиума ЦК) 1919–1991 гг., количество человек*

Год	Члены Политбюро	Кандидаты в члены Политбюро	Год	Члены Политбюро	Кандидаты в члены Политбюро
1919	5	3	1961	11	5
1923	7	4	1966	11	8
1930	10	5	1971	15	
1934	10		1981	14	
1939	9	2	1986	12	7
1952	25	11	1990	24	0
1953	10	4			
1957	15	9			

* Составлено на основе стенографических отчетов материалов съездов, Пленумов ЦК КПСС.

партийного контроля, председатели обеих палат Верховного Совета СССР, семь первых секретарей ЦК компартий наиболее крупных союзных республик, включая РСФСР, Украину, Белоруссию, Казахстан, Грузию. Список ключевых должностей по существу их функций можно представить так:

- руководители аппарата;
- кураторы идеологии и экономики;
- премьер-министр и вице-премьеры;
- министры-силовики;
- министр иностранных дел;
- главный контролер;
- спикеры парламента;
- руководители ключевых регионов.

Анализ персонального состава высшего органа власти показывает, что должностная структура Президиума ЦК КПСС, несмотря на серьезные изменения ситуации в стране, менялась мало.

Лишь после разгрома «антипартийной группировки» Маленкова, Молотова, Кагановича, Президиум был расширен: теперь в нем было 15 членов. Министр обороны Жуков стал на июньском пленуме 1957 г. членом Президиума ЦК, а председатель КГБ в него не был включен даже на уровне кандидата³⁵.

После смещения «антипартийной группы» и удаления Жукова силовые руководители, представляющие военное ведомство и КГБ, и министр иностранных дел больше не входили в состав Президиума ЦК. В их руках и так была сосредоточена большая

власть, и дальнейшее усиление их политического веса нарушало и без того шаткое равновесие в высшем руководстве. Последними, кто более чем наглядно продемонстрировал справедливость подобного рассуждения Хрущева, были Лаврентий Берия и в какой-то мере маршал Жуков³⁶.

Президиум ЦК имел строгую внутреннюю иерархию: фамилии его членов перечислялись не по алфавиту, а в порядке значимости, разделенные на две группы – «членов» и «кандидатов в члены».

Анализ протоколов заседаний Президиума ЦК показывает, что в хрущевские времена он решал все важные, а нередко и второстепенные вопросы жизни общества, включая и кадровые вопросы власти, что сказывалось на качестве принимаемых решений.

Есть любопытный диалог пенсионера Хрущева с фотожурналистом Кримерманом. Хрущев, прослушав передачу «Голос Америки» о Советском Союзе, сказал «Как много они знают. Даже я в свое время был менее осведомлен». Журналист ответил: «разведка у них хорошо работает». Хрущев возразил: «какая к черту разведка. Это элементарное умение анализировать факты, знание экономики, трезвый взгляд на вещи. Этого трезвого взгляда как раз и не было»³⁷. Десакрализация власти в начале 50-х годов серьезно изменяет условия существования всех властных структур в стране, принципиально меняя характер связей вождей с обществом, требуя первоочередного изменения высших государственных и партийных органов власти. Однако Хрущев впервые поднял вопрос о возможной реорганизации Президиума лишь 14 декабря 1959 г., при обсуждении проекта Программы КПСС: «Видимо, в программе надо было бы подумать вам и насчет демократизации нашего общественного строя. Без этого нельзя...»³⁸. Здесь Хрущев не уточняет почему. И далее: «Я думаю, что не созрели ли условия... Взять к примеру наше руководство – Президиум. Мы не ограничены ни властью, ни временем. Правильно ли это?»³⁹. Хрущев часто использовал эту формулу о созревших условиях как самоочевидную и не требующую особых доказательств. На всякий случай Хрущев имеет про запас универсальное объяснение: «товарищи, я сейчас читаю много писем, с рабочими разговаривал, они говорят, что если бы Сталин умер лет на 10 раньше, как бы наша страна сейчас вздохнула». Он подспудно имел в виду, что условия «созрели» лет десять назад, т.е сразу после войны. Но из-за Сталина не были реализованы: «Мы же все видели, но мы ничего не могли сделать. Никто из нас не мог поднять головы, нас бы смели». Когда Сталин на XIX съезде сказал «я хочу уйти», сам в это время смотрит, и если бы кто сказал –

«правильно», он бы его арестовал. Это был произвол. Мы должны это обезопасить. Произвол может повториться. Мы должны предусмотреть программой, уставом и практикой, чтобы это было исключено»⁴⁰. И там же: «Поэтому, не стоит ли подумать о том, чтобы был, например, какой-то состав уставный. Я беру Президиум ЦК: нас выбирают и на следующем съезде $\frac{1}{3}$ выбывает обязательно, потому что надо же решать проблему, чтобы не было проблемы смерти, чтобы люди, которые вырастут, не были бы кандидатами вместо того, кто умрет. Сейчас у нас так, а это неправильно, товарищи»⁴¹.

Хрущев размышлял и о конституции. «Буржуазные конституции, пожалуй, более демократично построены, чем наша: больше двух созывов президент не может быть. Если буржуа и капиталисты не боятся, что этим их устои будут подорваны, когда после двух сроков выбранный президент меняется, так почему мы должны бояться, что же, мы не уверены в своей системе или меньше уверены, чем эти буржуа и капиталисты, помещики? Ничего подобного, я не верю в это»⁴². Весьма характерно, что подобные мысли пришли к Хрущеву лишь после того, как он смог серьезно укрепить свое лидирующее положение в Президиуме ЦК КПСС. Хрущев считал, что нужно создать такие условия, чтобы все время происходило обновление кадров. «Можно выбирать также, взять, к примеру, $\frac{1}{3}$, но это не арифметическое правило, возьмите 20 процентов, возьмите половину. Но съезд может сказать: мы хотели бы, чтобы сверх этого срока такое-то лицо было бы избрано, но тогда поставить условия 80–90 процентов закрытым голосованием выбирать, тогда может быть и допущен и на следующий срок. Одним словом, надо, чтобы были жесткие сроки, чтобы если он заслуживает, так путем голосования решать, чтобы это было действительно исключением, а не правилом»⁴³.

Одна из причин вялости демократизации властных структур – избранная Хрущевым авторитарная модель модернизации, в которой демократические институты власти: политический плюрализм и политическая конкуренция сознательно подавлялись, а ставка делалась на бюрократический аппарат, приказы, дисциплину, иерархию. Отказавшись от насилия, Н.С. Хрущев лишил себя единственного эффективного инструмента в борьбе с бюрократией. Важно отметить и другое. В реальной практике изменения происходили не тогда, когда по мнению политических лидеров «условия созревали», а тогда, когда они становились необходимыми для выживания системы.

Изменения во властных структурах – все три волны административных перестроек (1953/54 гг., 1957 и 1962 г.) – диктовались не

столько стремлением власти развивать «советскую социалистическую демократию, совершенствовать советскую государственность», сколько стихийной реакцией на изменение (ухудшение) ситуации в народном хозяйстве, – объясняли сами советские вожди и пропагандистские службы.

Мы видим, что вектор административных перестроек определялся не «научной» стратегией КПСС по «совершенствованию социализма и построению коммунистического общества», а действием стихийных сил, лишь в малой степени подконтрольных КПСС. Это во многом объясняет то обстоятельство, что Н.С. Хрущев не смог довести до конца административные преобразования, а главное, оставил без изменения все политические институты, более того, он не захотел обращаться к перспективным наработкам военного времени, к которым имел самое прямое отношение⁴⁴.

Реформирование органов государственной безопасности. Органы государственной безопасности – первый политический институт, изменение которого было непосредственно связано с борьбой за власть. Анализ протоколов Президиума ЦК КПСС позволяет увидеть эволюцию взглядов нового советского руководства на место органов госбезопасности и их роль в системе власти. В свою очередь, характер изменений этого важнейшего института советской политической системы в 50–середине 60-х годов, дает определенное представление о намерениях и возможностях власти относительно направлений и способов реформирования различных сфер советского общества.

Новые документы позволяют внести определенность в искусственно запутанный вопрос о взаимоотношениях госбезопасности и партийной власти. Из опубликованных в последние годы документов видно, что в силу специфики советской системы, реального контроля над деятельностью органов госбезопасности не было ни со стороны представительных органов, ни со стороны общества как в 30-е, так и в последующие годы. Руководство силовых органов всегда послушно выполняло волю партийно-государственного начальства. Советские органы безопасности неизменно назывались «вооруженным отрядом партии». Все решения о реорганизации органов госбезопасности и внутренних дел в 30-е и 40-е годы принимались высшим партийным руководством. Те же инстанции рассматривали и утверждали структуру центрального аппарата и проводили персональные назначения⁴⁵. В решениях Политбюро или Совмина СССР ничего не говорилось об истинных причинах очередных перестроек силовых органов. О них знал лишь узкий круг партийного руководства. И даже не всего Политбюро, а его руководящего политзвена⁴⁶. Фак-

тически еще в довоенные годы партийный контроль над всеми ключевыми вопросами состояния национальной безопасности и обороноспособности государства, включая расстановку руководящих кадров, был подменен личным контролем Сталина. Это обстоятельство делало чрезвычайно значимой и влиятельной роль тех людей, кто от имени Политбюро курировал органы государственной безопасности. В послевоенный период их кураторами из числа членов Политбюро поочередно становились А.А. Кузнецов, Г.М. Маленков и Н.А. Булганин⁴⁷. Для сталинских наследников не было секретом, что система государственной безопасности была инструментом, исправно служившим политическому руководству страны, как и то, что главным режиссером массовых репрессий 30-х годов был Сталин. По свидетельству Л.Д. Троцкого, Сталин признавался в узком кругу, что уничтожение политических соперников доставляло ему наслаждение: «Самое главное наслаждение – наметить врага, подготовиться, отомстить как следует, а потом пойти спать»⁴⁸. И Сталин, и его ближайшее окружение считали репрессии правомерным и эффективным элементом политики, о чем спустя годы вполне определенно говорил ближайший сподвижник Сталина В.М. Молотов: «1937 год был необходим...мы обязаны тридцать седьмому году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны»⁴⁹. Более того, он до конца жизни был убежден, что многих военных, репрессированных в те годы, реабилитировали напрасно⁵⁰.

Перестройка органов государственной безопасности началась сразу после смерти Сталина и активно велась все годы хрущевского правления. В процессе многочисленных реорганизаций постепенно формируется линия на сужение полномочий органов госбезопасности, ограничение их влияния на все сферы жизни советского общества, а также ликвидацию негативных последствий сталинской карательной политики.

Очередное реформирование органов государственной безопасности входило еще в планы Сталина, как важный этап задуманной им в последние годы жизни «Большой чистки» власти. По существу реформа началась после решения ЦК ВКП (б) от 11 июля 1951 г. «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР». Решением ЦК министр госбезопасности Абакумов был снят с работы, исключен из партии и предан суду за то, что отказался «раскручивать» «дело врачей», которое органы МГБ готовили по требованию Сталина.

Постоянные перетряски руководящих звеньев всех без исключения ведомств были важнейшей составной частью сталинской политики (с мая 1945 по март 1954 г. только на посту министра госбезопасности СССР сменилось шесть человек⁵¹). Приход

к руководству МГБ СССР сугубо партийного функционера С.Д. Игнатъева (в 1950–52 гг. он был зав. отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК, одновременно с августа 1951 г. по март 1953 г. – министр госбезопасности) означал не только приток в органы госбезопасности сотрудников из партийных организаций, но и существенные изменения в агентурно-оперативной работе. По свидетельству П. Судоплатова «Игнатъев совершенно не подходил для порученной ему работы... Каждое агентурное сообщение воспринималось им как открытие Америки»⁵². Чаще всего он действовал по поручению Сталина и Маленкова. В соответствии с указаниями Сталина в это время изменилась система оперативного учета в органах безопасности, что значительно очистило картотеки МГБ от малозначительных материалов. Кроме этого, прошла реорганизация административно-хозяйственного аппарата МГБ СССР, сократились штаты и частично изменилась структура Управлений МГБ на местах. Весьма важным структурным преобразованием органов безопасности стало возвращение в состав МГБ СССР внешнеполитической разведки⁵³. Серьезной реорганизации подверглась агентурно-осведомительная сеть органов безопасности, численность которой по всей стране с июля 1951 г. по март 1952 г. была сокращена более чем в два раза. Политический сыск продолжал оставаться в числе приоритетных направлений деятельности органов государственной безопасности СССР. Всего за «антисоветскую пропаганду» и в качестве «общественно опасных элементов» в период 1946–1953 г. было арестовано 72 437 человек⁵⁴.

Таким образом, на протяжении всего послевоенного десятилетия одной из важнейших функций органов госбезопасности являлось обеспечение сталинской диктатуры. По наблюдениям П. Судоплатова «Скрытые мотивы и амбиции в конце 40–начале 50-х годов играли гораздо более важную роль в политических событиях, чем казалось в то время и кажется сейчас. Мы (те, кто видел все это и в результате страдал от этого), позже пришли к выводу, что партийная верхушка (Сталин и те, кто шел за ним), использовала кампании борьбы с космополитизмом и с последствиями культа личности только для того, чтобы убрать с дороги своих противников и оппонентов. Их целью было добиться абсолютной власти или ввести новые фигуры в свое окружение. Они рассчитывали, что Комитет партийного контроля и органы безопасности постоянно будут снабжать их компрометирующими материалами. Общим правилом было собирать компрометирующие факты против всех, а при необходимости использовать эту информацию. Я был и инструментом, и жертвой этой системы»⁵⁵. В конкретном случае Берия и Маленков, чтобы устранить Аба-

кумова, развернули резкую критику органов МГБ за нарушения советских законов в следственной работе. Вполне очевидно, что нарушения о которых говорилось в закрытом письме ЦК ВКП (б) «О неблагополучном положении в министерстве государственной безопасности СССР» от 13 июля 1951 г. и выступлении Маленкова 19 июля 1951 г. на совещании министров госбезопасности союзных и автономных республик начальников краевых и областных управлений МГБ⁵⁶, не были главной целью инициаторов реорганизации органов безопасности. Однако их резкая критика партийными инстанциями дала определенный положительный эффект. Осенью и зимой 1951 г. Игнатъев направил в адрес высшего партийного руководства ряд аналитических записок с предложениями по устранению нарушений законности. В частности, он предложил ограничить права Особого совещания при МГБ СССР, а также изменить порядок информирования родственников лиц, осужденных к высшей мере наказания⁵⁷. Отражая определенные настроения политической элиты, Игнатъев в записке, направленной Маленкову 29 января 1952 г., предложил изъять из архивов МГБ дела на лиц, занимающих ответственные посты в партийном и советском аппарате. «Если, – говорилось в этом документе, – от агентуры или из других источников в органы на указанных лиц будут поступать материалы инициативно, докладывать их Первым секретарям ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов ВКП (б) и поступать с такими материалами по их указанию»⁵⁸. По требованию Сталина МГБ активизировало «оперативно-следственные мероприятия» по «делу врачей».

В декабре 1952 г. Сталин потребовал от чекистов «снять белые перчатки» в борьбе с «озверевшим классовым врагом» и еще раз обозначил проблему завершения глубокой реорганизации советской спецслужбы. 4 декабря Президиум ЦК принял постановление «О положении в МГБ СССР», в котором говорилось о том, что многие работники органов МГБ «оказались пораженными идиотской болезнью благодушия и беспечности, проявили политическую близорукость перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов». Постановление требовало «покончить с бесконтрольностью в деятельности органов Министерства государственной безопасности, поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии»⁵⁹. Смерть вождя оборвала эти планы, и уже в марте 1953 г. на смену сталинским намерениям реорганизовать Министерство госбезопасности один из членов «коллективного руководства» – министр внутренних дел Л.П. Берия выдвинул свое видение перспектив строительства единых право-

охранительных органов Советского государства, объединив МГБ и МВД в одно министерство⁶⁰. Слияние министерств было вызвано стремлением Берии сосредоточить в своих руках основные рычаги управления правоохранительными органами. Зная о фальшивом характере «дела врачей» он, не теряя времени, отмежевался от него⁶¹ и постарался избавиться от выдвиненцев Игнатьева. Начавшуюся крупномасштабную реформу прервал арест Берии. Победители в борьбе со всемогущим главой силовых служб начали свою собственную контрреформу госбезопасности, устраняя бериевские новации.

Реорганизуя органы МВД, «коллективное руководство» рассчитывало решить одновременно несколько задач. Во-первых, после смерти Сталина и устранения Берии, его соратники вполне осознавали невозможность продолжения курса, основанного на личной власти, государственном принуждении и насилии. В связи с этим требовалось коренным образом изменить деятельность органов внутренних дел, проводивших массовые репрессии и допускаявших грубейшие нарушения прав советских граждан. Не случайно, во время похорон вождя никто иной, как Берия впервые затронул эту тему, пообещав советским людям защищать их права. Сталинские наследники вполне отдавали себе отчет, что основная вина за репрессии и нарушения конституционных прав и свобод граждан лежит на партийно-государственном руководстве страны, а, следовательно, и на них персонально.

Без реформирования силовых органов был бы принципиально невозможен процесс реформирования других сфер советского общества, невозможны демократизация политического режима и десталинизация общества. Менее значимая, но вполне реальная причина реформирования органов МВД – представления партийных идеологов, что в ближайшем будущем произойдет сужение политических функций государства, и оно превратится в орган управления хозяйственной жизнью общества. По мере «развития социалистической демократии» «принудительные формы диктатуры будут заменяться воздействием общественного мнения»⁶².

На первом этапе реформирования органов безопасности преобладали сугубо прагматичные цели, диктуемые борьбой за власть. После ареста Берии в июне 1953 г. и июльского Пленума ЦК КПСС было упразднено Особое совещание при министре, сменилось руководство различных служб госбезопасности, проведена чистка аппарата⁶³. Многие из бывших сотрудников МВД были осуждены к различным срокам заключения, а Берия и шесть его ближайших сотрудников были расстреляны. Представление о масштабах чисток дает записка руководства МВД на имя Маленкова и Хрущева от 22 августа 1953 «О работе по искорене-

нию последствий вражеской деятельности Берия»⁶⁴ и записка И.А. Серова в ЦК КПСС, датированная июнем 1957 г.⁶⁵

Выполняя установки нового руководства страны, МВД, начиная с сентября 1953 г., представило ряд предложений о реорганизации как Центрального аппарата министерства, так и особых лагерей, о пересмотре состава заключенных, введении условно-досрочного освобождения из мест заключения и т.п.⁶⁶

Рассмотрев в начале февраля 1954 г. предложения МВД, высшее партийное руководство приняло решение о реорганизации силового ведомства. Идея выделения органов безопасности из общего министерства уже предварительно прорабатывалась в Секретариате ЦК КПСС. 4 февраля 1954 г. министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов подал официальную записку в ЦК КПСС с предложением о выделении из МВД оперативно-чекистских управлений и отделов и создании на их базе «Комитета по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР».

Формально, как явствует из записки Круглова, инициатива о выделении органов государственной безопасности из состава МВД была выдвинута чекистами. Круглов свое предложение обосновывал сугубо профессиональными моментами: «существующее организационное построение министерства и его органов громоздко и не в состоянии обеспечить должного уровня агентурно-оперативной работы в свете задач, поставленных перед советской разведкой ЦК и советским правительством. В целях создания необходимых условий для улучшения разведывательной и контрразведывательной работы, считаем целесообразным выделить из МВД СССР оперативно-чекистские управления и отделы и на их базе создать Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР»⁶⁷. Круглов в своей записке называл и другую цель реорганизации: сокращение существующей численности оперативных управлений и отделов как в центре, так и на местах на 20%, или 15 956 штатных единиц с годовой экономией государственных средств 346 млн руб. Упразднение отделов и отделений МВД в административных районах страны (за исключением Эстонской, Латвийской и Литовской республик и западных областей Украины, где на базе райотделов МВД создавались аппараты Уполномоченных комитета) с сокращением 21 736 сотрудников давало годовую экономию в сумме 320 млн руб. В записке Круглова предусматривалось также сокращение штатной численности органов МВД центрального и периферийного аппаратов на 8 839 штатных единиц с годовой экономией государственных средств в сумме 860 млн рублей»⁶⁸. Таким образом, Круглов предлагал сократить 46 531 сотрудника

спецслужб и сэкономить порядка 1,5 млрд рублей бюджетных средств.

Тем не менее руководителям страны предложения С.Н. Круглова показались «сухими». Руководитель ведомства не обозначил главную цель реорганизации, заявленной еще при Сталине в декабре 1952 г. В ходе дискуссии на заседании Президиума ЦК постоянно звучит мысль о том, что органы должны изменить свой характер в политическую, т.е. партийную сторону. С наибольшей определенностью эту точку зрения высказал Каганович: следует «сформулировать мотивировочный документ, что мы хотим выделяя Комитет...определить по существу – ведем линию на вскрытие действительных врагов и оградить честных людей... чекист должен докладывать парторганам»⁶⁹. Эта линия была поддержана другими членами высшего руководства страны. Такая реакция дала некоторым историкам основание утверждать, что органы госбезопасности были возвращены под партийную опеку. Названное утверждение не очень точно отражает ситуацию. Партийных лидеров в тот момент больше всего занимал другой вопрос: кто из них персонально будет контролировать силовые службы.

Сохранившиеся черновые записи В.Н. Малина свидетельствуют, что ключевым на заседании Президиума ЦК КПСС 8 февраля 1954 г. был вопрос о фигуре руководителя создаваемого Комитета государственной безопасности⁷⁰. Жизненный опыт сталинских преемников красноречиво говорил о том, что их положение в структурах власти, а может быть и сама жизнь, в значительной мере зависят от личности руководителя органов госбезопасности. Анализ обсуждения вопроса об образовании КГБ показывает, что на этом заседании Президиума ЦК КПСС речь не шла о простой смене вывесок, изменении названия органа. За разными предложениями стояли разные представления о функциях, а, главное, о полномочиях, границах власти этого органа. Название «бюро» или «управление» сразу же было отвергнуто. Прошло предложение Кагановича назвать спецслужбу «комитетом»: «Комитет – это отдел партийный»⁷¹. Партийным вождям слово «комитет» было ближе и привычнее, но за этим названием скрывалось и твердое желание поставить новый орган под свой неусыпный контроль, т.е. под контроль партийных органов. Госбезопасность не только вывели из состава МВД, но понизили в статусе, превратив из министерства в комитет. «Сейчас нос по ветру (на партию)» – наставлял Маленков кандидата на пост Председателя КГБ Серова⁷².

В феврале 1954 г. в победителях оказался Н.С. Хрущев, сумев настоять на кандидатуре своего давнего друга и соратника еще по

работе на Украине И.А. Серова, который и был утвержден в должности председателя КГБ при СМ СССР. Теперь «человек Хрущева» контролировал разведывательные и контрразведывательные структуры страны и, безусловно, был способен повлиять на ход политической игры. Дальнейшие события подтвердили прозорливость Н.С. Хрущева и оправдали его надежды. Генерал Серов, по существу спас Хрущева в критические для него июньские дни 1957 г. Председатель КГБ Серов, вместе с министром обороны Г.К. Жуковым сумели обеспечить явку членов ЦК КПСС на пленум ЦК, что позволило решить исход июньского конфликта в пользу Хрущева. На пленуме всплыло и то, что противники Хрущева, особенно Маленков и Каганович, хотели срочно заменить руководство КГБ и даже арестовать Серова⁷³. Правда, Хрущев, памятуя опыт прежних лет, так и не ввел Серова в руководящие партийные органы.

Таким образом, в феврале 1954 г. новое руководство страны обозначило приоритеты спецслужб. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. «О работе органов государственной безопасности» их задачи сводились в области разведывательной работы – к всемерному усилению разведки против капиталистических стран; в области контрразведывательной работы – в выявлении и разоблачении засылаемых в СССР империалистическими разведками шпионов, диверсантов и террористов, в области борьбы с антисоветскими элементами внутри страны – в ликвидации остатков «буржуазно-националистического подполья в западных областях Украины, Белоруссии и в республиках Прибалтики. Кроме того, органы КГБ должны были «вскрывать и решительно пресекать подрывную деятельность активно проявляющих себя антисоветских элементов, выявлять маскирующихся врагов советского государства, особенно лиц, вынашивающих враждебные замыслы...»⁷⁴. До середины 50-х годов в работе органов государственной безопасности по линии политического сыска не наблюдалось кардинальных изменений, они продолжали работать в прежнем режиме⁷⁵. Следуя указаниям партийно-государственного руководства, органы безопасности обеспечивали сохранение в стране однопартийной политической системы. Выделение из Министерства внутренних дел СССР в самостоятельное ведомство органов государственной безопасности, создание КГБ явилось одним из важных звеньев в цепи политических изменений в механизме власти Советского государства. По завещанной в СССР традиции реформы органов госбезопасности обычно предшествовали серьезным изменениям.

Близость к первому секретарю ЦК КПСС позволяла Серову чувствовать себя в определенной степени независимо от партий-

ного аппарата, давала возможность быть достаточно уверенным в принятии тех или иных решений. Опубликованные в последние годы документы показывают, что после создания КГБ реорганизации силовых структур приобретают новые более мягкие формы в виде сокращения штатов «в целях экономии государственных средств». В 1954 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС была заново разработана и утверждена структура и штаты КГБ. Численность личного состава по сравнению с 1953 г. была сокращена более чем на 50%. Упразднено 3678 городских и районных аппаратов, проведено объединение некоторых подразделений и следственных аппаратов, ликвидированы следственные отделы и отделения в оперативных подразделениях и объединены в единые следственные аппараты. Значительно была упрощена структура транспортных органов и особых отделов⁷⁶. С лета 1954 г., в ответ на новые веяния, начали проводиться все-союзные совещания руководящих работников КГБ⁷⁷. По указанию ЦК партии органы госбезопасности совместно с органами прокуратуры с мая 1954 г. провели большую работу по пересмотру дел и реабилитации лиц, незаконно осужденных в прошлые годы, было прекращено значительное количество разработок, сокращено количество граждан, необоснованно поставленных на оперативный учет⁷⁸. В 1955 г. штатная численность органов была сокращена еще на 7 678 единиц и 7 800 офицеров переведено на положение рабочих и служащих⁷⁹. Выполняя указания партийно-государственного руководства по очищению «чекистских кадров от лиц, не внушающих политического доверия, нарушителей советской законности, от карьеристов, выполнявших вражеские установки, морально неустойчивых и малограмотных работников», И.А. Серов заменил почти всех руководящих работников главных управлений, управлений и отделов центрального аппарата, призванных на службу в органы безопасности при Сталине. Они были заменены руководящими партийными и советскими функционерами. Более 2300 сотрудников были уволены за нарушение советской законности, злоупотребления служебным положением и аморальные проступки. Из них две тысячи сотрудников из центрального аппарата Комитета. Кроме того, за дискредитацию органов госбезопасности 40 бывших ответственных работников органов были лишены генеральских званий⁸⁰. Прибывшим из партийных органов пополнением было «укреплено» в первую очередь руководство местных органов КГБ республик и УКГБ краев и областей.

Серов смог выполнить главное указание партийной верхушки, о котором говорилось еще в записке Игнатьева от 29 января 1952 г. «В результате проделанной работы, – докладывал Серов

в записке, подготовленной им к июньскому Пленуму ЦК КПСС 1957 г., – большинство компрометирующих материалов на честных советских людей (секретарей и заведующих отделами ЦК компартий союзных республик, председателей советов министров республик, председателей краевых и областных исполкомов, министров СССР, их заместителей, им равных), десятилетиями хранившихся в органах госбезопасности, было уничтожено и, следовательно, со многих советских людей снято пятно политического недоверия»⁸¹.

Сокращение многочисленных структур сделало аппарат КГБ более оперативным. Значительно улучшился качественный состав кадров органов КГБ. К лету 1957 г. около 80% сотрудников имели высшее и среднее образование. В своем отчете Серов постарался показать партийно-государственному руководству, что иностранные разведки постоянно плетут заговоры. Органы Госбезопасности за последние три года вскрыли ряд антисоветских групп, якобы проводивших подрывную работу. В 1957 г. были арестованы члены группы Краснопевцева в Московском университете⁸².

8 декабря 1958 г. Серов указом Президиума ВС СССР в целях дальнейшего «очищения образа» КГБ был освобожден от должности его председателя и переведен в министерство обороны, где он с 10 декабря возглавил ГРУ Генерального штаба МО СССР⁸³. После скандала весной 1963 г., связанного с разоблачением полковника О. Пеньковского, Хрущев был вынужден убрать Серова с политической арены уже навсегда. Новым председателем КГБ назначили заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС по союзным республикам А.Н. Шелепина. Свой выбор, по воспоминаниям самого Шелепина, Хрущев объяснял желанием «иметь в КГБ свежего человека, который был бы нетерпим к любым злоупотреблениям со стороны чекистов».

В принятом 9 января 1959 г. новом положении о Комитете говорилось, что КГБ при СМ СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия ЦК партии и Правительства по защите Социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственных границ СССР. Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против СССР⁸⁴. Согласно этому же положению Председатель Комитета утверждался ЦК КПСС, но назначался президиумом Верховного Совета СССР. Положение подтверждало обязанность органов государственной безопасности систематически информировать о своей

работе руководителей ЦК компартий союзных республик, обкомов, горкомов и райкомов партии. Среди приоритетных задач КГБ, наряду с разведывательной работой в капиталистических странах значилась и борьба с вражеской деятельностью антисоветских и националистических элементов внутри СССР⁸⁵. В духе времени в КГБ создавалась коллегия в составе заместителей председателей Комитета, руководящих работников комитета и его местных органов. Однако положение обязывало председателя КГБ «в случае разногласий по обсуждаемому вопросу между председателем Комитета и членами коллегии докладывать содержание разногласий в ЦК КПСС и Совет Министров СССР для окончательного решения. При этом каждый член коллегии имел право также доложить свое мнение ЦК КПСС и Совету Министров СССР»⁸⁶. В свою очередь, партийные организации органов госбезопасности и каждый отдельный коммунист получили право, руководствуясь Уставом КПСС, сигнализировать о недостатках в работе органов госбезопасности в соответствующие партийные органы»⁸⁷.

В феврале 1959 г. Хрущев, выступая перед избирателями Калининского избирательного округа, предложил продолжить сокращение органов государственной безопасности. Через две недели Шелепин внес в ЦК КПСС свои предложения о пересмотре структуры и сокращении сотрудников КГБ. В июне–июле 1959 г. в КГБ были осуществлены определенные структурные изменения, которые сопровождался кадровыми сдвигами.

После XXII съезда КПСС Шелепина на должности Председателя КГБ сменил тридцатисемилетний В.Е. Семичастный. «Шелепин там начал расчищать, а вы продолжите», – заявил Хрущев Семичастному. Тот стал возражать, что он не профессионал, Хрущев его успокоил: «Профессионалов там и так более, чем достаточно. Не раз мы уже ни них обжигались, они дров наломали столько... Нам нужны политики, люди, которые бы проводили в КГБ партийную линию: честные, добросовестные, на которых партия может полностью положиться и с которыми может быть уверенной, что они не заведут ее в сложные лабиринты, как это уже было раньше»⁸⁸.

Семичастный считает: «...Шелепину, а затем и мне удалось изменить образ КГБ. Он перестал быть “домом ужасов”»⁸⁹.

Преобразованный КГБ, естественно, потерял часть весьма ценных в профессиональном отношении кадров. «Ни одна реорганизация, – подчеркивает в воспоминаниях Семичастный, – не обходится без потерь, была утрачена и часть агентурной сети. К счастью, положение ухудшилось не настолько, как того можно было ожидать»⁹⁰.

Почти все, кто составлял ближайшее окружение председателя КГБ после ухода Шелепина, остались работать и при Семичастном. По воспоминаниям Семичастного: «Хотя комитет государственной безопасности формально был подчинен СМ СССР, а его председатель находился официально на одном уровне с остальными министрами, тем не менее, моим непосредственным и по сути единственным шефом был первый секретарь ЦК КПСС. В 1961–1964 гг. им был Н.С. Хрущев, позже его сменил Л.И. Брежнев»⁹¹. Подобным образом обстояло дело и на низших ступенях. Высший партийный деятель республики, области, района или города был прямым шефом руководителя соответствующего органа КГБ. «...партия у нас была по существу государственной структурой и занималась всеми вопросами. Мы проводили политическую разведку и анализировали положение в стране, прежде всего, исходя из ее интересов (выделено авт. – В.Ш.)», – вспоминал Семичастный⁹². Далее он писал: «Историки не смогут детально определить, что из совершенного КГБ было сделано по предложению первого секретаря, а что родилось в голове самого шефа Лубянки. По большей части приказы, легшие в основу тех или иных действий, давались устно, и не раз оставалось тайной, задумывалось ли все именно так, как позже это задуманное было реализовано (выд. авт. – В.Ш.). Однако со времен Великой Октябрьской революции было принято, чтобы председатель органов безопасности подбирался главой государства и был облечен его полным доверием. Если доверие не оправдывал, его заменяли другим человеком»⁹³.

ЦК партии и его руководство – Президиум, прежде всего, первый секретарь, участвовали в разработке комплексных планов деятельности органов КГБ, в определении места КГБ в советском обществе, в решении кадровых вопросов. Президиум ЦК утверждал основные инструкции, положения, регулирующие работу органов безопасности, но в конкретные операции члены Президиума не посвящались. Техника и технология исполнения этих операций осуществлялась аппаратом КГБ⁹⁴.

По свидетельству Семичастного, «у КГБ не было тайных счетов. Все было в соответствии с утвержденными планами, сметами расходов и – ни гроша больше. Если какому-нибудь министру надо было что-нибудь добыть, я говорил: “Платите!” Чтобы добыть секреты, нужно рисковать и нести большие затраты. И министерства переводили на наш счет соответствующие деньги. Эти деньги поступали сверх той сметы, которую мне утвердило правительство»⁹⁵.

До конца правления Н.С. Хрущева КГБ расширялся незначительно, однако характер его деятельности менялся. После собы-

тий в Новочеркасске 10 июня 1962 г. было принято решение Президиума ЦК КПСС об усилении борьбы с «враждебными проявлениями антисоветских элементов».

2. Власть и политическая элита

Бюрократия примерно одинаково действует во всем мире. В советской системе на действие бюрократии накладывается ряд факторов системного характера. Все они так или иначе связаны с нерыночными методами управления народным хозяйством, что способствует росту численности управленцев. Многочисленные до 1957 г. реорганизации министерств и ведомств в рамках бюрократической системы имели определенный смысл, заключавшийся в том, что у каждого процесса должен быть свой институциональный орган, свой «штаб».

Естественно, элементы «усталости» неоднократно проявлялись в административно-командной системе управления, работающей на пределе и за пределами возможностей. Можно говорить о подобной полосе смены мобилизационного цикла в конце 40-х годов, когда власть была вынуждена «закручивать гайки». Последние годы правления Сталина отмечены, с одной стороны, стремлением власти перевести управление страной в аварийно-мобилизационный режим, с другой, – развитием защитных бюрократических технологий. Управляющие высшего ранга начали находить механизмы согласований документов и принимаемых решений с тем, чтобы избежать единоличной ответственности и затянуть решение, пока не прояснится, как быть на самом деле. После смерти Сталина потеря управляемости стала нарастать. Таким образом, на хрущевское время объективно пришелся очередной цикл, когда система стремится усилиями бюрократии к демобилизации, стабильности, ненапряженности. Верховная власть, в свою очередь, начиная с XIX съезда КПСС, старается перевести ее в мобилизационный режим.

Необходимость контролировать все большее число показателей развития народного хозяйства и рост количества структур увеличивала бюрократический аппарат. Таблица 2 дает наглядное представление о динамике численности министерств в первое послевоенное десятилетие.

Преемники Сталина продолжают бороться с бюрократией, и Хрущева, и общество захватывает эта инерция. Одним из первых документов (октябрь 1954 г.) стало постановление ЦК КПСС Совета Министров СССР «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению государ-

Численность министерств в первое послевоенное десятилетие*

Год	Министерства			Год	Министерства		
	всего	общесо- юзные	союзно- республи- канские		всего	общесо- юзные	союзно- республи- канские
1946	49	30	19	1952	51	30	21
1947	58	36	22	1953	25	12	13
				(март)			
1948	59	36	23	1954	46	24	22
1949	48	28	20	1955	51	25	26
1950	51	30	21	1956	55	27	28
1951	53	32	21	1957	52	23	29
				(апрель)			

* Цикулин В.А. История государственных учреждений в СССР. 1936–1965 гг. М., 1966. С. 52.

ственного аппарата», направленное в первую очередь против «канцелярско-бюрократических методов руководства и раздувания штатов административно-управленческого персонала»⁹⁶.

Как только удавалось наладить управленческую структуру, добиться слаженной работы, так с первых же недель персонал начинает вырабатывать свои противодействующие механизмы, применять выработанные вековой практикой многообразные методы размывания ответственности и блокирования санкций.

Государство борется с бюрократией, а население с ее помощью защищается от государства. Наибольшее развитие защитные бюрократические технологии управления получают после долгого пребывания системы в нестабильном, мобилизационном состоянии. Резкий рост численности занятых в аппарате управления – такова защитная реакция общества на перемены. И люди, и целые организации начали отчаянно искать способы самозащиты. Ю. Лексин отмечал: «сознание своей безусловной нужности верховной власти при постоянно ожидаемых гонениях вырабатывает у русского чиновника изворотливость потрясающую, хребет гибкий, но неперебиваемый»⁹⁷. Поскольку советская административная система управления была пирамидально-иерархической, работала «сверху вниз», то разрабатывать «технику административной безопасности» легче было тем, кто находился наверху и сам принимал решения⁹⁸. Дальше эту «технологию безответственности», своеобразную «технику административной безопас-

ности», осваивали нижестоящие уровни управления. По подсчетам А. Прохорова, каждое десятилетие «демобилизация системы» завоевывала одну нижнюю ступеньку, один уровень управленческой пирамиды⁹⁹.

Борьбу с бюрократией Хрущев видел прежде всего в сокращении управляющих структур. В ходе сокращения управленческого аппарата, предпринятого вскоре после прихода Н.С. Хрущева к власти, в 1954 г. только в 46 министерствах и ведомствах были упразднены 200 главных управлений и отделов, 147 трестов, 93 местных управлений, 898 снабженческих организаций, 4,5 тыс. различных контор и более 4 тыс. мелких структурных подразделений. Общегосударственная и внутриведомственная статистическая отчетность была сокращена в три раза, количество показателей народнохозяйственного плана – на 46%¹⁰⁰.

Структура советской политической элиты в 50-е годы. Реформу политических институтов хрущевского периода при всех ее ограничениях можно расценить как первый шаг к либерализации режима. Перемены в надстройке являются не только результатом стихийного стечения обстоятельств. Они опирались на определенные тенденции.

Одна из них – преобладание среди номенклатурной бюрократии, пришедшей во власть в послевоенные годы, технократов, людей, имеющих техническое образование.

Более существенное отличие нового поколения номенклатуры от своих предшественников – большой прагматизм, стремление сделать карьеру. Чтобы обезопасить себя от новых репрессий, они были готовы после смерти И.В. Сталина пойти на определенные изменения в сталинской системе. Верховная власть вынуждена была учитывать интересы новой бюрократии¹⁰¹. По мнению Н.И. Рыжкова: «почему среди министров (его кабинета) большинство имеет профессию “инженер-механик”. – Это не случайность, а результат той политики подготовки кадров, которая была в стране на протяжении десятков лет. Вы посмотрите, сколько выпускалось вузами механиков и сколько юристов. Соотношение, наверное, 10 : 1. Откуда же брать других руководителей?»¹⁰².

Постепенно, по мере устранения всевозможных политотделов, отзыва уполномоченных с неопределенными правами, складывается стройная система власти, стержнем которой является партийная вертикаль: обкомы–райкомы–парткомы–КПСС с четко разделенными полномочиями. Каждый из них контролирует определенный сектор социально-экономической жизни, координирует деятельность других инстанций, ведает кадровым составом всех прочих учреждений. Главной функцией партийных органов становится управление народным хозяйством.

Между первыми секретарями обкомов устанавливаются горизонтальные связи. Они встречаются на пленумах ЦК и т.д. Выработывалась форма своеобразного политического клуба, где на неофициальном уровне устанавливались нормы поведения, согласовывались подходы. Постепенно секретари и промышленные генералы перестают быть послушными клиентами – они обретают свой собственный политический вес. Перераспределение власти в местных партийных структурах препятствует командному стилю управления. Решения, идущие сверху, теперь исполняются не любой ценой, а по мере возможности. Осознав это, Хрущев пытался поставить набравшие самостоятельного влияния партийные органы на место: принять новый устав с ротацией. После 1962 г. он делит парткомы по отраслевому принципу. Главная функция – сделать партаппарат эффективным инструментом экономической политики.

Однопартийность – нечто противоположное многопартийности, прямо отвергающее существование партии. Не может, и это доказанный исторически факт, одна партия в равной мере отражать всю гамму общественных интересов и настроений в обществе. Однопартийный режим тоталитарен по природе, по внутренней сути, поэтому в 50-е годы резко возрастает роль бюрократии в обществе.

Существование элитного слоя функционеров в советскую эпоху – «вождей», «верхов», «номенклатуры», «руководящих кадров» сегодня вполне аксиоматично. Известны многочисленные высказывания В.И. Ленина о чрезвычайной значимости партийных вождей в революционную эпоху. Не менее известен и знаменитый сталинский лозунг: «кадры решают все!». При всех внешних различиях возрастного, национального и иного характера, это были политики одной генерации с общим мировоззрением. Они имели за плечами значительный управленческий опыт 30–40-х годов, тесно связанный со сталинской системой. В связи с этим возникает целый ряд вопросов, имеющих принципиальное значение. В какой мере социокультурный кризис, начавшийся в советском обществе с середины 50-х годов, был связан с властными структурами? Имелись ли в руководстве СССР в 1953–1964 гг. политические лидеры, действительно способные к реализации иных сценариев социально-экономического развития, почему в итоге состоялся лишь хрущевский вариант? Почему преемники Сталина так и не смогли критически оценить его наследство? Чем вызвана последующая хроническая деградация советских управленческих и властных структур?

В литературе до сих пор, вслед за Д.А. Волкогоновым, в ответе на эти и аналогичные вопросы доминирует версия о пре-

словутой «низкорослости» сталинских наследников. «После ухода с политической сцены двух мрачных гигантов большевизма, Ленина и Сталина, — отмечал Волкогонов, — сразу стала очевидной историческая “низкорослость” оставшихся соратников»¹⁰³.

Исходя из этой формальной посылки, к политической элите в СССР в рассматриваемый период можно отнести членов и кандидатов в члены Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. В этом случае институциональный аспект приобретает принципиальное значение, поскольку в советской системе политическое лидерство зависело не столько от индивидуальных качеств людей (хотя и это чрезвычайно важно), сколько от силы и влияния организации. Следовательно, в силу формально-должностного статуса и реального поведения на занимаемом посту их влияние было постоянным и опиралось на авторитет и признание правомерности их руководства. Таким образом, по совокупности признаков эти люди подпадают под общепринятое определение политических лидеров. По подсчетам Н.А. Зеньковича таковых за все время существования советской власти было 229 человек, из которых 49 человек, или почти каждый четвертый, были расстреляны. Пятеро покончили самоубийством¹⁰⁴. В рассматриваемый нами период через Политбюро (Президиум) ЦК и Секретариат ЦК КПСС прошло по нашим подсчетам порядка 50 человек. Есть основания говорить о некоторых общих чертах этой узкой части правящей элиты. Во все не случайно эта наиболее карьерная, властолюбивая и жесточайшая часть советской бюрократии, не брезговавшая сознательным физическим уничтожением своих соратников, начала внутриусобную борьбу за перехват власти из рук дряхлеющего Сталина¹⁰⁵. Часть из них действительно обладали незаурядными человеческими качествами и талантом руководителей. Были в их среде люди случайные, средних способностей, с невысоким уровнем образования и культуры, однако попав после сталинских чисток 1937 г. в руководящую орбиту, становились воплощением высокой истины, недоступной простым смертным (как писал в «Лженероне» Л. Фейхтвангер: «Власть даже пустого человека наполняет содержанием»). Обращение к категории политических лидеров применительно к ближайшему сталинскому окружению дает возможность получить ответ на целый ряд вопросов, имеющих принципиальное значение для понимания механизма социально-экономических изменений в первое послесталинское десятилетие. В правовых государствах законодательная и исполнительная власть в своей внутренней и внешней деятельности связаны четкими и общепринятыми

процедурными нормами. В этом случае личностные характеристики не имеют принципиального значения. Деятельность политика в данном случае определяется внешними регуляторами, присущими конкретной политической культуре. В советской же системе индивидуальные черты властителя, политиков, действующих в системе властных отношений, всегда имели особое значение. Во-первых, потому что любая политическая власть возникает в отношениях между людьми. В этом смысле словосочетания «правительство решило», «съезд пожелал» не более чем метафора власти. Власть сама не может производить какое-то действие. Эти действия осуществляют субъекты власти – люди, побуждающие к деятельности других людей. Во-вторых, и это главное, в реальной жизни властные организации в СССР всегда строились не снизу, как того требовали официальные правила, инструкции и Уставы, а сверху. Официально Генеральный секретарь партии (основной институт в структуре власти) – просто лицо, выполняющее решения выборных органов. На практике же (от И.В. Сталина до М.С. Горбачева) в их руках сосредотачивалась огромная власть. Абсолютная власть генерального секретаря, как свидетельствует исторический опыт, рано или поздно стала достоянием всех социалистических стран. В конечном счете, не выборный орган подбирает членов аппарата, а аппарат (точнее его руководитель) находит тех, кто на следующих выборах войдет в состав выборного органа, кто станет его секретарем. В результате именно аппарат определяет, кого принимать в партию, кто войдет в партийные органы (другими словами, кто станет партийным функционером, и кого из них выдвинут на вышестоящие должности). Точно так же аппарат берет на себя решение вопросов, связанных с исключением из партии или из состава выборных партийных органов. Официально каждая деталь приема в партию, продвижения, включения в состав партийных органов, перевода на более низкую должность или исключения из партии определялась избирательными процедурами или решениями выборных органов, но все это большей частью являлось пустой формальностью, поскольку эти вопросы решались до проведения выборов или заключения выборного органа.

Отечественные правоведы 50-х годов в соответствии с энгельсовским пониманием власти как отношения господства–подчинения (марксистско-ленинской традицией) к первому и важнейшему признаку политической власти относили ее принудительный характер¹⁰⁶. Тем самым абсолютизировали зависимость власти от классовых отношений, господство–подчинение во властных отношениях и сами кремлевские властители.

Государственный аппарат представляет собой важнейший фактор, обеспечивающий осуществление воли господствующего класса. Под госаппаратом следует различать (Ленин) прежде всего и главным образом – постоянную армию, полицию и чиновничество. «Диктатура пролетариата, – писал Сталин, – есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс»¹⁰⁷.

Созданная Сталиным партийно-государственная система могла нормально функционировать только при наличии одного единственного лидера. И, следовательно, созданное весной 1953 г. «коллективное руководство» изначально не могло быть чем-то большим, чем идеологическим прикрытием борьбы за власть, разгоревшейся в Кремле после смерти Сталина¹⁰⁸. В то же время переход к коллективному руководству означал преобразование харизматической власти в олигархическую. Харизматическая власть имеет личностную, индивидуальную природу. Власть Сталина не определялась только должностными полномочиями, партийными и советскими должностями, пока он их занимал. Сталин сам по себе являлся источником власти для всех остальных официальных институтов, однако по наследству харизма не передается, она исчезает вместе с ее носителем. Непонимание этого обстоятельства – одна из важнейших причин поражения Г.М. Маленкова в борьбе за лидерство.

Большинство из сталинского окружения – типичные тоталитарные вожди. Их отличает глубоко религиозный тип мышления. Это полуинтеллигенты – выходцы из самых низов, едва «прихваченные образованием» и культурой. Главное их почти генетическое свойство – убежденность, что они вправе принимать любые решения о судьбах страны и государства – без народа, за народ и не спрашивая у народа. Некая историческая предназначенность. Не так важно, куда вертеть колесо истории – важно полновластно распоряжаться движением руля. Если иметь в виду идейную убежденность как главный критерий, можно выделить в послесталинском руководстве две группы: идейные коммунисты и коммунисты-прагматики; по иным основаниям прослеживается третья группа – приспособленцев, конформистов. Очевидно, что большая часть сталинского окружения, равно как и сам вождь, относились к числу первых.

Стремление к коллективному руководству диктовалось не отсутствием харизматических личностей в окружении Сталина, а желанием высшего руководства обеспечить собственную безопасность. Можно сказать, что фактически к коллективному ру-

ководству наследников Сталина вел инстинкт самосохранения. Среди членов Президиума ЦК КПСС не было ни одного человека, которого они безоговорочно в тот момент признавали бы лидером. По этой причине на Пленуме ЦК, состоявшемся в марте 1953 г., была достигнута договоренность о том, что впредь никто и никогда не будет занимать в руководстве такой пост, который возвышал бы его над остальными членами Президиума. Коллективное руководство неизбежно вело к борьбе различных группировок, за единоличную власть. Первым пал в этой борьбе Л.П. Берия, поскольку его прихода к власти боялись больше всего. Берия был арестован и расстрелян. Фактически он был последним физически уничтоженным противником в политической борьбе.

Мог ли Берия возглавить страну после смерти Сталина? Очевидно, что такие намерения он имел. Берия сыграл большую роль в развитии оборонной промышленности. Его успехи зависели не только от его личных административных способностей, но и от тех огромных властных полномочий, которыми он обладал в условиях военного времени. Подчиненные ему наркомы, директора заводов, конструкторы прекрасно понимали, что срыв любого распоряжения первого заместителя председателя СНК СССР, члена ГКО чреват в лучшем случае отстранением от должности, а в худшем – расстрелом. Ничего удивительного, что эти распоряжения выполнялись в рекордные сроки. Несомненно, Берия сумел много сделать по атомной проблеме во многом благодаря тому, что этого же хотел Сталин. Расположение Сталина он заслужил не только исполнительностью, но и благодаря информированности. Сталин, в свою очередь, увидел в Берии самого энергичного и преданного работника. Огромная власть, личное расположение Сталина и тот факт, что он руководил карательными органами (или рядом ключевых направлений в экономике в экстремальных условиях войны и послевоенной конфронтации с Западом) развили в Берии отрицательные черты характера. Имеется немало свидетельств высокомерия, амбициозности, грубости, которые он возвел в стиль своей работы. В воспоминаниях современников он предстает жестоким, не выдержанным на язык, злопамятным человеком.

Своим прямолинейным, подчеркнуто грубым стилем работы Берия вызывал неприязнь у многих наркомов, и лишь страх последних за свою жизнь не позволял им портить с Берией отношения. Множество фактов свидетельствует, что Берия не пользовался уважением своих соратников, и его ментальность не соответствовала первому лицу советского государства.

При Сталине Берия был самым большим карьеристом и интриганом. Он стремился к власти, но ему нужна была русская фигура в качестве номинального лидера. Маленков идеально подходил для такой роли: сам тщеславный, абсолютно безвольный, привыкший исполнять чужие приказы, к тому же в этот период задвинутый Сталиным в Совмин и замененный в ЦК Ждановым и Кузнецовым. Берия пытался завязать дружбу с Маленковым. Честолюбивые намерения Берии испугали членов президиума ЦК КПСС, которые летом 1953 г. договорились об его аресте.

Анализ содержания всех инициатив Берии в короткий период от смерти Сталина до ареста самого Берии, позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего, источник его вдохновения, равно как и Маленкова – это наработки всего сталинского руководства за послевоенное время. Новыми они были лишь для плохо информированного населения страны. Так, например, в 1952 г. Москва стремилась не допустить ремилитаризации ФРГ и предотвратить ее вовлечение в западные военно-политические блоки (крайне опасное для советских позиций в Европе), активизировала свою деятельность, направленную на создание единой и нейтральной Германии. Эту линию пытался реализовать после смерти Сталина и Берия, но натолкнулся на сопротивление Молотова. По мнению современных западных исследователей, толчком к началу народных волнений 16–17 июня 1953 г. в ГДР послужила именно радикальная смена политического курса, которая произошла под влиянием нового курса кремлевского руководства и, в частности Берии, который считал, что нужна не социалистическая, а мирная и объединенная Германия. Заметим, что позже Берию обвинят в том, что он чуть не инициировал беспорядки в Восточном Берлине¹⁰⁹. Относительно других инициатив Берии следует сказать, что их антисталинский, демократический заряд сильно переоценен. Предлагая признать виновность Сталина в политических репрессиях, он рассчитывал переложить ответственность с партийного руководства на одного человека. Чтобы предстать перед обществом борцом против злоупотреблений власти и самому уйти от ответственности за массовые репрессии, Берия активно занялся различными проблемами внутренней политики.

В тройке Берия–Маленков–Молотов, образовавшейся после смерти Сталина, Г.М. Маленков был самым молодым. Маленков прошел все ступени партийной иерархии. Подготовленность его к работе с партийным аппаратом не может вызывать сомнений, как и умение плести интриги. После устранения Поскребышева Маленков фактически вел все личные дела Сталина, «сортиро-

вал», «фильтровал» бумаги, которые тому адресовались. Сталин не раз во время ночных застолий упрекал Маленкова в «бесхребетности» и непростительной «мягкости». В последующие годы Сталин не раз поддерживал Маленкова против Берии, т.к. ему был нужен баланс трех сил: партократии, репрессивных органов и технократии. Таким образом, Маленкову была уготована роль второго человека в партии и государстве. Первым заметным делом Маленкова было устранение Ежова.

Несомненно, Маленков с Берией – главные создатели (инициаторы) «ленинградского дела». Они боялись усиления позиции Вознесенского и Кузнецова и поэтому раздули до масштабов государственного преступления факт проведения в январе 1949 г. Всероссийской оптовой ярмарки. «Дружба» с Берией давала Маленкову определенную гарантию безопасности, но эта дружба не спасла Берию от расстрела. Маленков не выступил в его защиту. По воспоминаниям Д.Н. Суханова, с 1932 по 1954 г. заведующего канцелярией Президиума ЦК КПСС, 4 марта 1953 г., вернувшись с так называемой «ближней дачи», где лежал на смертном одре Сталин, Маленков поручил ему напечатать список высшего партийного и государственного руководства, который предстояло утвердить на совместном заседании Пленума ЦК и Президиума ВС. В этом списке Маленков числился как председатель Совета Министров¹¹⁰. Маленков решил, что важнее возглавить аппарат советской власти, а не партийной. Эта ошибка стоила ему власти. До того, как оказаться в роли проигравших, и Берия, и Маленков обладали огромной властью, вели собственную политическую игру, смысл которой еще полностью не разгадан.

Неудачи Маленкова в послесталинский период начались с заседания Президиума ЦК КПСС в июле 1953 г., когда отвергли его программный доклад по аграрному вопросу, направленный на повышение уровня производства товаров народного потребления и развитие крестьянских хозяйств. В сентябре с докладом по этому вопросу выступил Хрущев. С этого момента начинается противостояние Хрущева и Маленкова. Пытаясь удержаться на вершине власти, Маленков начинает предлагать новые идеи, однако они не находят поддержки в ближайшем окружении. К этому времени Хрущев начинает использовать рычаги партийного аппарата в борьбе с Маленковым. На Пленуме ЦК КПСС в январе 1955 г. Маленков был подвергнут резкой критике за его выступления о необходимости преимущественного развития легкой промышленности, впервые публично обвинен в организации «Ленинградского дела» и освобожден от должности председателя Совмина СССР. Последняя попытка взять у Хрущева реванш бы-

ла предпринята Маленковым совместно с Молотовым, Кагановичем и Булганиным в 1957 г.

Н.А. Булганин в этом списке – самая серая фигура. По воспоминаниям Судоплатова, внешность Булганина была обманчива. В отличие от Хрущева или Берии, Булганин, всегда прекрасно одетый, имел благородный вид. Назначив Булганина, которого военные не уважали, министром вооруженных сил, Сталин преследовал цель принизить роль крупных полководцев, таких как Василевский, Жуков, Штеменко, Конев, Рокоссовский и Баграмян. На этом посту Булганин был не в состоянии справиться с серьезными проблемами демобилизации и изменений в структуре вооруженных сил. А. Судоплатов сталкивался с ним в Кремле во время совещаний глав разведслужб: его некомпетентность просто поражала. Булганин не разбирался в таких вопросах, как быстрое развертывание сил и средств, состояние боевой готовности, стратегическое планирование¹¹¹. По мнению Судоплатова, Булганин никогда бы не взял на себя ответственность за любое серьезное решение, даже входящее в его компетенцию, хотя никто не мог ничего сделать без его резолюции. Письма, требующие немедленной реакции, месяцами оставались без подписи. Весь секретариат Совета Министров был в ужасе от такого стиля работы, особенно когда Сталин, уехав на Кавказ в отпуск, возложил исполнение обязанностей Председателя Совета Министров на Булганина. Берия лично обратился к Сталину с просьбой ускорить прохождение через Булганина документов по атомной бомбе, находившихся в секретариате последнего. Сталин разрешил своим заместителям подписывать самые важные постановления в обход Булганина. Так в Совете Министров возник прецедент создания бюро по различным направлениям работы правительства¹¹².

По мнению современников, у Булганина не было ни малейших политических принципов – послушный раб любого лидера. Сталин за преданность назначил его первым заместителем Председателя Совета Министров, а Хрущев за то же сделал его Председателем СМ СССР на смену Маленкова. Позднее, в 1957 г., когда Булганин вместе с Маленковым, Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым попытались сместить Хрущева, Хрущев на заседании партактива выдвинул против него оригинальное обвинение «Он был сталинским стукачом» за это Сталин сделал его маршалом Советского Союза, – заявил Хрущев. «Конечно, после того, как мы раскрыли его антипартийное предательское поведение, мы лишим его его звания и разжалуем»¹¹³.

В марте 1958 г. Булганин был назначен председателем правления Госбанка, а три месяца спустя отправлен на работу в Ставропольский совнархоз.

На фоне этих лидеров Н.С. Хрущев имел определенные преимущества. По воспоминаниям Д.Т. Шепилова: «крупная голова, высокий лоб, светлые волосы, широкая открытая улыбка – все оставляло впечатление простоты и доброжелательства. И я, и мои соседи, глядя на Хрущева, испытывали не только удовлетворение, но даже какое-то умиление: вот молодец, рядовой шахтер, а стал секретарем Московского комитетета, значит, башковитый парень. И какой простой.... Нам понравилось, что член военного совета фронта вникает во все мелочи нашей армейской жизни»¹¹⁴. С фронта Хрущев ушел сразу же после освобождения Киева и работал первым секретарем ЦК Компартии Украины.

Хрущев избегал разговоров о своем образовании, раздражался, когда речь заходила об этой стороне его жизни. В своих публичных выступлениях он выдвигал очень противоречивые версии по этому вопросу. После гражданской войны 27-летнего Хрущева направили учиться на рабфак при Донском техникуме. Обиженный на Хрущева Шепилов изрядно искажает ситуацию, утверждая, что через рабфаки получили образование миллионы людей из рабочего класса и стали затем выдающимися инженерами, учеными, государственными деятелями¹¹⁵. Хрущев числился на рабфаке, а не учился, так как занялся партийной работой в техникуме. Через несколько лет секретарь ячейки Хрущев считался уже окончившим рабфак, но знаний ему это не прибавило. В частности, и на рабфаке он не научился писать, и с большим трудом мог вывести каракулями лишь отдельные слова. В 1929 г. Н.С. Хрущева снова посылают учиться, на этот раз – в Москву, в промышленную академию. Промакадемия давала рабочим-стахановцам и самоучкам-командирам производства общее образование и технические знания. Здесь повторяется та же история, что и на рабфаке: Хрущев становится секретарем ячейки, а через несколько месяцев уходит на партийную работу в Бауманский райком Москвы, бросив учение. Шепилов по этому поводу морализирует – Советскую власть трудно упрекнуть в том, что она не дала возможности способному и активному рабочему получить образование: его посылали учиться и на рабфак, и в Промакадемию, но он не воспользовался предоставленными возможностями. В чем дело, почему так произошло? Ответ, по мнению Шепилова, нужно искать в некоторых особенностях натуры Хрущева. Он «по природе своей чрезвычайно моторный человек. Ему трудно сколько-нибудь продолжительное время сидеть и над чем-то работать. Он постоянно рвется куда-то ехать, лететь, плыть, ораторствовать»¹¹⁶. При всей необъективности Шепилов, очевидно, прав. Важнее в карьере Хрущева другое: он шел по ступенькам лестницы партийной карьеры, с которой в период жестокого террора убирались руководители, пытавшиеся возра-

жать высшему руководству или заподозренные в этих попытках. «Занимая посты, на которых в разное время были М.Н. Рютин, Н.А. Угланов, С.В. Косиор и другие расстрелянные руководители, — пишет Волкогонов, — Хрущев полагал, что это “обычная революционная практика”, и не испытывал от нее никаких моральных неудобств. Он был одним из тех “везунчиков”, которые сделали стремительную карьеру благодаря жестокостям сталинской диктатуры и ее террору»¹¹⁷.

Главным результатом репрессий было практически полное уничтожение партийной интеллигенции, ее характерными чертами являлись способность к политическому творчеству, критическое мышление, активное инакомыслие, гибкость в понимании господствующей идеологии, достаточно высокий образовательный уровень, интеллектуальный характер профессиональной деятельности, определенная преемственность. Немалую роль в устранении этого слоя партийных руководителей сыграл искусно использованный вождями принцип «орабочивания партии». Данный лозунг стал основой для прихода в партию малообразованных, почти безграмотных людей, желавших ясности в партийной политике, простого и прочного единства, наличия признанного лидера, которому можно было бы доверить свою судьбу.

Внешнее добродушие Хрущева, мужицкая простота, открытое лицо с курносым носом, неподдельные веселье и энергия никак не вязались с обликом возможного очередного диктатора. Не соответствовал ему и возраст — Хрущев вступил на партийный трон, когда ему уже исполнилось 59 лет. Энергичный характер и приятные внешние качества личности Хрущева сыграли немаловажную роль в процессе его становления как лидера государства. При прочих равных условиях Хрущева отличала еще фанатичная вера в дело построения социализма. Именно инстинктивное знание истинно российского механизма власти и управления позволили ему выиграть у соперников на старте.

Возвышение Н.С. Хрущева — типичный пример разрешения кризиса идентичности в условиях советской системы. Ликвидировав Берию, коллективное руководство по существу ликвидировало и единственную возможность вести социально-экономическое развитие без Сталина, но по сталинскому пути. Отречение сталинских наследников весной и летом 1953 г. от некоторых принципов сталинизма лишь в малой степени определялось поиском более целесообразной системы правления. В гораздо большей степени оно являлось закономерным следствием атмосферы взаимного недоверия и страха в высших эшелонах власти. Торжество принципа коллективного руководства в начале 50-х годов не могло быть продолжительным, так как оно, с од-

ной стороны, без серьезных изменений политических институтов, не могло обеспечить подлинный демократизм управления страной, а с другой, – смыкание на самом верху исполнительной и законодательной власти в одних руках, как это было при Сталине. В итоге коллективное руководство оказалось обыкновенной олигархией, политика которой не могла быть ничем иным как выражением интересов политической бюрократии. В условиях политической неопределенности был нужен новый харизматический лидер, способный взять на себя всю тяжесть морального выбора, снять с людей индивидуальную ответственность за выбор новой политической позиции. Из всего сталинского окружения Н.С. Хрущев оказался наиболее подходящей фигурой для этой роли.

Десталинизация: политическая реформа или ее имитация?
Сегодня вполне очевидно, что политический режим, сложившийся к концу правления Сталина, отличался неразвитостью основных институтов: в частности, отсутствовала политическая конкуренция, механизмы обратной связи между государством и гражданским обществом, не было конкуренции внутри правящей элиты, как следствие, успех и процветание страны зависели от воли одного человека, стоявшего во главе партии.

Насколько позволяют судить документальные источники, Хрущев не ставил целью превратить Советы в сугубо технические органы.

Эволюция властной системы в 50-е годы напрямую связана с утратой значительной части идеологической привлекательности системы, окостенением марксистско-ленинской идеологии. Вялые поиски в первый год после смерти Сталина, включая создание так называемого «коллективного руководства», которые в историографии принято трактовать как процесс десталинизации, не более, чем способ стабилизировать власть, передать ее сильнейшему в условиях, когда лидеры еще не очевидны.

Многочисленные исследователи сталинского феномена трактуют десталинизацию как процесс освобождения от наследства Сталина и сталинизма¹¹⁸.

Со времени первой попытки дать развернутое определение сталинизма, предпринятое в конце 80-х годов Д.А. Волкогоновым: «...Сталинизм – есть извращенная теория и практика социализма, боготворящая силу и насилие как универсальное средство реализации политических и социальных целей»¹¹⁹, этот термин по-прежнему остается достаточно расплывчатым. Простое перечисление различных оценок сталинизма в литературе (сталинизм – это административно-командная система; сталинизм – точное воплощение теории научного социализма в

жизнь, сталинизм – это деформация марксизма-ленинизма; сталинизм – неизбежный этап построения социализма в экономически отсталой стране; сталинизм – это термидорианский переворот; сталинизм – беспредельное господство бюрократии и т.д.) свидетельствует о том, что вряд ли сегодня возможно его однозначное определение. Такое определение не входит в задачи нашего исследования.

Вместе с тем, чтобы четко обозначить исходные рубежи и пределы (конечность, завершенность) десталинизации, говорить об определенной динамике этого процесса в годы хрущевского правления, показать конкретное ее влияние, взаимодействие с процессами социально-экономического развития, социально-экономическими реформами, необходимо понятиям «сталинизм», «сталинское наследие» придать хотя бы минимально инструментальный характер.

Вопрос о том, существует ли особая категория явлений, которую можно назвать сталинизмом, возник едва ли не с момента возвышения Сталина. Еще в начале 20-х годов феномен сталинизма стал предметом пристального и неоднозначного в оценках внимания со стороны западных интеллектуалов. В послевоенные годы Хана Аренд, а вслед за ней и З. Бжезинский идентифицировали сталинизм как вариант тоталитарной системы, с присущим ей рядом обязательных признаков¹²⁰. Выше уже говорилось о неинструментальном характере такого подхода. В этом плане более содержательна позиция Элен Каррер д'Анкокс. С ее точки зрения, сталинизм не покрывается полностью понятием тоталитаризма. Сочетая в себя теорию и практику власти, он представляет собой план радикального преобразования общества, проводимый посредством неограниченного террора. И хотя его отдельные черты напоминают русскую политическую традицию, он уходит корнями в крайне извращенную интерпретацию марксизма и ранний большевизм Ленина¹²¹. Итак, по мнению французского историка сталинизм – это прежде всего система власти. Имеется в виду абсолютная власть партии и государства, с волюнтаристским характером планов тотального и быстрого преобразования всех сторон экономической, социальной и культурной жизни страны. Другими словами, это навязывание своих планов безгласному обществу путем систематического применения насилия без всякого учета его интересов¹²².

Советская историография, считая сталинизм самостоятельным явлением, многие годы не мыслила его вне связи с личностью и деятельностью самого Сталина. М. Гефтер одним из первых в отечественной историографии попытался разрушить эту установку, поставил вопрос о том, что, если бы не было Сталина,

«не появился он прихотями внутривнутрипартийной борьбы на вершине иерархии, совершилось ли бы то, что неотъемлемо (в большей, меньшей или исключительной мере) от его имени?»¹²³. Данное Гефтером толкование сталинизма как «лишение человека суверенных прав» позволило ему говорить и о характере процесса десталинизации, его ступенчатости. Изначальная десталинизация, т.е. факты разрозненного отпора сталинизму в довоенный период, так и не достигла той пороговой величины, «которая способна была бы видоизменить ход событий и оборвать порчу нравов». Лишь «спонтанная» десталинизация, имевшая место в годы Отечественной войны и особенно ее трагического начала (1941–1942), когда «битва за жизнь, в которой ставкой была смерть, вернула, хотя лишь на время этому же человеку возможность распорядится собой и своей судьбой», стала причиной раскола поколения победителей, «внутренней холодной войны» и «началом начала конца сталинской системы»¹²⁴.

Таким образом, предложенное М. Гефтером толкование сталинизма и процесса десталинизации дает возможность говорить о многих ее качественных особенностях. Вместе с тем и это определение достаточно односторонне. Поэтому целесообразно свести в единое целое совокупность характеристик сталинизма:

1. В экономической сфере сталинизм – это бюрократическое планирование, основанное на значительных капитальных вложениях в производственное строительство, на чисто количественных затратных показателях экономического роста, осуществляемых в ущерб социальной индустриализации и текущему потреблению населения (отстранение трудящихся от управления производством);

2. В социальной сфере – поддержание крайне низкого уровня жизни основной массы населения при выделении привилегированных групп, обладающих значительными статусными и материальными преимуществами, не легализованными в законах; усиление социальных различий, основанных на косвенной эксплуатации; замаскированное присвоение правящими элитами – партийно-государственной бюрократией прибавочного продукта общественного труда через производство; устанавливаемые государственной властью различия в заработной плате и натуральные привилегии;

3. В политической сфере – фактическая ликвидация демократии в системе государственной власти и профсоюзах при сохранении и декларировании формальных атрибутов народовластия: создание системы тотального государственного террора, систематическая фабрикация фальсифицированных судебных и внесудебных подлогов и политических процессов в целях ликвидации реальных и потенциальных противников террористической дик-

татуры; увенчание господства бюрократии неограниченной властью «вождя»; отсутствие политических механизмов, обеспечивающих возможности демократического избрания и переизбрания руководящих органов государства;

4. В партийной сфере – бесконтрольная власть аппарата, иерархии партийных секретарей над правящей партией; подавление внутрипартийной демократии, свободы выражения партийного мнения; запрещение фракций и демократических дискуссий в партии; фактическое назначение партийных секретарей вышестоящими органами, формализация проведения собраний, пленумов, съездов и конференций на всех уровнях партийной иерархии;

5. В сфере национальных отношений – возрождение великодержавного шовинизма и антисемитизма (при «униженном» положении русского народа); утверждение унитарной государственной власти, ограничивающей права национальных меньшинств и национальных республик; депортация целых народов;

6. В международном коммунистическом и рабочем движении – гегемонизм одной партии, управление коммунистическими партиями;

7. В духовной сфере – ликвидация культурного плюрализма, свободы научного и художественного творчества;

8. В идеологической сфере сталинизм маскировал марксистской фразеологией истинную природу насаждаемых им общественных отношений и действительный характер проводимой им политики. Главными идеологическими средствами сталинизма являлись: социальная демагогия (в частности, оправдание резкого социального неравенства и привилегий правящего слоя лозунгами о борьбе с левацкой уравниловкой), выдвижение провокационных, политических ярлыков («троцкизм», «космополитизм») и т.п. ради подавления всякой свободы мысли и социальной критики;

9. В области практической политики для сталинизма характерен грубый эмпиризм, подчинение политической теории текущим тактическим задачам, обусловленным новым соотношением сил на внутренней и международной арене и собственными ошибками несменяемого руководства. Отсюда частая смена политических установок, для которых затем подыскивалось псевдотеоретическое обоснование;

10. В области политической теории сталинизм не создал ничего принципиально нового, за исключением «теорий» о победе социализма в одной стране и об усилении классовой борьбы по мере продвижении к социализму.

Идеологический арсенал сталинизма представлял пеструю мешанину из обрывков марксистских положений, ложно истол-

кованных исторических мифов и фальсификаций и грубых политических ярлыков, с помощью которых отвергалось все новое и прогрессивное в общественной мысли, искусстве, гуманитарных и даже естественных науках.

Итак, сталинизм – система общественных отношений и политической власти, господствовавшая в период террористической диктатуры Сталина. Следовательно, при таком определении мы должны утверждать, что с его смертью эта модель «реального» социализма или перестала существовать, или трансформировалась.

Анализ показывает, что после смерти Сталина в СССР были ликвидированы наиболее вопиющие и чудовищные проявления сталинизма – массовый террор и мессианский культ вождя. Однако официальная критика сталинизма была половинчатой и непоследовательной, не была осознана роль права, законности, не было востребовано правовое государство, не допущена свобода информации. Мало изменений произошло во взглядах на политические институты, на понимание того, что вместе с общественным контролем за средствами производства нужен общественный контроль за средствами власти, что бесконтрольная власть, какие бы благие цели она не провозглашала, является злом. Таким образом, политическое развитие, имевшее место в 50-х – середине 60-х годов создавало достаточно мало условий для серьезных изменений в социально-экономической сфере. Хрущев, сам порождение партийного аппарата, видел их суть в правильной организации бюрократии, рассчитывал достичь целей пересортировкой управленческих кадров и лишь к концу своего десятилетия позволил открыть публичную дискуссию по реформам, в частности, о товарном производстве, иными словами о рыночных отношениях при социализме.

¹ Корнаи Я. Социалистическая система: Политическая экономия коммунизма. М., 2009. С. 59.

² Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы // Вопр. истории. 1998. № 11/12. С. 49.

³ См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти, 1945–1991. М., 1998; Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина: Краткий курс. М.; СПб., 2004.

⁴ Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: Становление, механизмы действия // Вопр. истории. 1993. № 7; Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: Ноябрь 1917 г.–декабрь 1991 г. М., 1995; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. документов. М., 1995; Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996; Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000; Общество и власть: Российская провинция. М.; Нижний Новгород; Париж, 2002. Т. 1: 1917–середина 30-х годов.

- 5 См.: Жуков Ю.Н. Указ. соч.
- 6 Л.И. Брежнев утверждал на ноябрьском пленуме (1964 г.) ЦК КПСС, что «...не в учреждениях, не в реорганизациях и не в новых декретах гвоздь, а в людях и проверке исполнения». См.: Доклад Президиума ЦК КПСС на октябрьском Пленуме ЦК КПСС // Источник. 1998. № 2. С. 105.
- 7 Как известно, попытка М.С. Горбачева «скрестить» систему Советов с парламентской, дала не те результаты, на которые он рассчитывал.
- 8 Леше П. Советы // Политология. М., 1995. Вып. 3. С. 39.
- 9 Кордонский С. Рынки власти СССР и России. М., 2000. С. 34.
- 10 См.: Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004. С. 62.
- 11 Там же. С. 68.
- 12 Кордонский С. Указ. соч. С. 33.
- 13 Там же. С. 34.
- 14 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 481.
- 15 Боффа Д. История Советского Союза: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 237.
- 16 Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 2002. С. 427–428.
- 17 См.: Президиум ЦК КПСС, 1954–1964: Черновые записи заседаний: Стенограммы: Постановления. М., 2003. Т. 1.
- 18 Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопр. истории. 1989. № 1. С. 105.
- 19 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 94. Л. 6, 8, 9; Оп. 20. Д. 12. Л. 1–19.
- 20 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 27. Д. 109. Л. 1.
- 21 Там же. Л. 2.
- 22 Там же. Д. 104. Л. 79, 80.
- 23 Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство власти... С. 131.
- 24 Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 596.
- 25 См.: Пихоя Р.Г. Указ. соч.
- 26 См.: Хлевнюк О.В. Указ. соч.; М., 1996; Данилов А.А. Изменения высших органов власти в СССР в 1945–1952 гг. // Сталин. Сталинизм. Советское общество: Сб. ст. М., 2000. С. 212.
- 27 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1056. Л. 26.
- 28 См.: Данилов А.А. Указ. соч.
- 29 Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 574.
- 30 Там же. С. 575.
- 31 Данилов А.А. Указ. соч. С. 229.
- 32 См.: Хлевнюк О.В. Указ. соч.
- 33 См.: XIX съезд КПСС. Бюллетень № 1. С. 61.
- 34 Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. М., 2003. Т. 1. С. 6.
- 35 Там же. С. 94.
- 36 Там же. С. 96.
- 37 Известия. 1988. 31 мая. С. 3.
- 38 Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Т. 1. С. 399.
- 39 Там же. С. 399.
- 40 Там же. С. 400.
- 41 Там же. С. 399.
- 42 Там же.
- 43 Там же. С. 400.
- 44 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 147. Л. 64–89; см. также: Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 270–276.
- 45 Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ, 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 9.

- 46 *Лекарев С., Судоплатов А.* КГБ в новом обличье // Независимое воен. обозрение. 2003. № 9. С. 7.
- 47 Государственная безопасность России: История и современность. М., 2004. С. 588.
- 48 *Троцкий Л.* Ссылка, высылка, скитания, смерть // Знамя. 1990. № 8. С. 177.
- 49 *Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 2000. С. 464.
- 50 Там же.
- 51 Государственная безопасность России... С. 600.
- 52 *Судоплатов П.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 359.
- 53 Государственная безопасность России... С. 598.
- 54 Там же. С. 627.
- 55 *Судоплатов П.* Указ соч. С. 380.
- 56 Лубянка... С. 660–663; Государственная безопасность России... С. 593.
- 57 См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 163, 164. Вопрос о том, как отвечать родственникам о судьбах расстрелянных, был решен лишь 24 августа 1955 г., когда вышла одобренная ЦК КПСС директива КГБ № 108 сс.
- 58 Лубянка... С. 669.
- 59 *Лазарев В.И., Хаустов В.Н.* Органы государственной безопасности СССР (1945–1954 гг.) // Советское общество: Будни холодной войны. М.; Арзамас, 2000. С. 194.
- 60 См.: *Старков Б.* Сто дней “Лубянского маршала” // Источник. 1993. № 4. С. 82–90; *Кокурин А.И., Пожаров А.И.* Новый курс Л.П. Берии. 1953 г. // Исторический архив. 1996. № 4. С. 132–164.
- 61 *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 685.
- 62 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 90.
- 63 См.: *Кокурин А., Петров Н.* МВД: Структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 120–121; *Судоплатов П.* Указ. соч. С. 421, 427, 433.
- 64 РГАНИ. Ф. 89. Перечень 18. Д. 28. Л. 1–11.
- 65 Лубянка... С. 688.
- 66 Свободная мысль. 1998. № 1. С. 122.
- 67 Лубянка... С. 684.
- 68 Там же. С. 686.
- 69 Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 20.
- 70 Там же. С. 19–24.
- 71 Там же. С. 19.
- 72 Там же.
- 73 См.: Исторический архив. 1993. № 5. С. 40.
- 74 Государственная безопасность России... С. 637.
- 75 Там же. С. 629.
- 76 Лубянка... С. 689.
- 77 См.: Президиум ЦК КПСС... С. 880.
- 78 Государственная безопасность России... С. 639.
- 79 Лубянка... С. 689.
- 80 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 224. Л. 59–60.
- 81 Там же. Л. 61.
- 82 Государственная безопасность России... С. 656.
- 83 См.: Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 339–340, 1048.
- 84 Лубянка... С. 693.
- 85 Там же. С. 694.

- 86 Там же. С. 695.
- 87 Там же. С. 697.
- 88 Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 162, 163.
- 89 Там же. С. 170.
- 90 Там же.
- 91 Там же. С. 178.
- 92 Там же.
- 93 Там же. С. 179.
- 94 Там же.
- 95 Там же. С. 180.
- 96 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумом ЦК. М., 1989. Т. 8. 1946–1955. С. 438.
- 97 Лексин Ю. Клятва бюрократа // Знание—сила. 1989. № 10. С. 79.
- 98 Прохоров А. Ступени деградации системы управления // Общество и экономика. 2002. № 7. С. 6.
- 99 Там же. С. 7.
- 100 История социалистической экономики СССР: в 7 т. М., 1980. Т. 7. С. 286.
- 101 Пастухов Б. Новые русские: Эволюция советской номенклатуры // Мегapolis-экспресс. 1993. № 8. С. 20.
- 102 Интервью с членом Политбюро ЦК КПСС Председателем Совета Министров СССР Н.И. Рыжковым // Аргументы и факты. 1989. № 33. С. 2.
- 103 Волкогонов Д.А. Семь вождей. М., 1998. Кн. 1. С. 337.
- 104 Зенькович Н.А. Самые закрытые люди: Энциклопедия биографий. М., 2002. С. 4, 5.
- 105 Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 годах // Вопр. истории. 1995. № 1. С. 38.
- 106 См.: Василенков П.Т. Советские госорганы и их классификация. М., 1950.
- 107 Сталин И.В. Собр. соч. Т. 6. С. 114.
- 108 Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 17.
- 109 Германия, июнь 1953: Уроки прошлого для будущего. М., 2003. С. 15.
- 110 Суханов Д.Н. Воспоминания // Кентавр. 1999. № 5.
- 111 Судоплатов П. Указ. соч. С. 369.
- 112 Там же.
- 113 Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 95–97.
- 114 Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 61, 63.
- 115 Там же. С. 65.
- 116 Там же. С. 68.
- 117 Волкогонов Д.А. Указ. соч. С. 339.
- 118 Гейфтер М. Десталинизация: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 394.
- 119 Волкогонов Д. Триумф и трагедия: И.В. Сталин: Политический портрет. М., 1989. Кн. 1, ч. 1. С. 28.
- 120 Аренд Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
- 121 Каррер д' Анкокс Э. Сталинизм // Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 379–380.
- 122 Там же. С. 381.
- 123 Гейфтер М. Сталинизм // Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 387.
- 124 Гейфтер М. Десталинизация // Там же. С. 395.

Глава III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТРАНЫ В 50-е – СЕРЕДИНЕ 60-х ГОДОВ

Социокультурные основания развития страны в 50-е годы

Социально-экономическое развитие: сущность и проблемы измерения. Под влиянием опыта развития целого ряда стран за последние полвека существенно изменились представления о социально-экономическом развитии и критериях его измерения. До 70-х годов XX в. под социально-экономическим развитием, как правило, понималась способность страны наращивать производство более высокими темпами, чем прирост населения¹. В соответствии с этим понятием, уровень социально-экономического развития страны, определяемый соотношением национального дохода страны к численности ее населения, служил количественным отражением процесса развития. В настоящее время под развитием понимается «процесс и результат становления некоторой ранее не существовавшей целостности; долговременного, отчетливо выраженного качественного усложнения такой целостности, или же такого неслучайного распада одной целостности и процесса становления на ее месте иной, новой целостности»².

Мировой опыт однозначно говорит о том, что богатство страны, высокий уровень доходов и потребления ее граждан возможны лишь на основе устойчивых эффективных темпов роста отраслей, производящих материальные блага. Этот же опыт говорит, что даже незначительная разница в темпах экономического роста оказывает существенное влияние на социальное положение населения страны. Так, в 1870 г. реальный душевой доход ВВП в Великобритании был на 21% выше, чем в США. Но за 1870–1985 гг. среднегодовой темп экономического роста США составил 1,85%, а Великобритании – 1,24%. За 115 лет эта, казалось бы, мизерная разница в темпах роста привела к тому, что реальный среднедушевой доход в США стал на 62% выше, чем в Великобритании. Время удвоения выпускаемого продукта оказалось равным в США – 40, а в Великобритании – 60 годам³.

При стабильной численности населения доходы в среднем на человека растут прямо пропорционально темпам экономического роста (это особенно очевидно в рыночной экономике). Однако на практике ускорение темпов расширения производства сталкивается с множеством ограничений, среди которых наибольшее влияние оказывают интересы потребления и эффективность процесса накопления капитала.

Именно критический анализ опыта развития в 60-е годы целого ряда стран, в которых высокие темпы экономического развития не способствовали их эффективному социально-экономическому развитию, позволил углубить само понятие «социально-экономическое развитие». Начиная с 1970-х годов, оно в большей мере связывается с такими качественными признаками как структура национальной экономики, соотношение добывающих и обрабатывающих отраслей, структура экспорта, уровень развития социальной сферы, среднедушевой доход населения и структура его потребностей, состояние образования, здравоохранения страны, фундаментальной и прикладной науки⁴. Весьма характерно, что Всемирный банк в своем докладе (1991 г.) определяет социально-экономическое развитие, прежде всего как качественный процесс, нацеленный на развитие человека. «Цель развития, – отмечается в этом докладе, – улучшение качества жизни, которое, особенно в беднейших странах, означает, прежде всего, увеличение доходов, но не только это, оно включает в себя, в частности, лучшее питание и здравоохранение, лучшее образование, сокращение масштабов нищеты, оздоровление окружающей среды, равенство возможностей, расширение личной свободы и более насыщенную культурную жизнь»⁵. Таким образом, в современной концепции социально-экономического развития главное место принадлежит развитию человека, его способностей, профессионализма, с одной стороны, и его потребностей – с другой. Чем выше уровень развития самого человека, тем сложнее, разностороннее его потребности и их обратное влияние на производство материальных благ и социальных услуг. По мнению авторов Программы развития ООН (ПРОН) развитие общества невозможно, если не реализуются три главные цели человека: прожить долгую и здоровую жизнь; приобрести, расширить и обеспечить знания; получить доступ к средствам существования, обеспечивающим достойный уровень жизни⁶.

В ряде западных источников индекс социально-экономического развития напрямую отождествляется с индексом развития человека (Human Development index-HDI), который рассчитывается на основе ожидаемой продолжительности жизни в момент

рождения, полученного образования и скорректированного уровня реального дохода⁷.

Нельзя не согласиться с тезисом о «несводимости» прогресса к увеличению денежного дохода и промышленного потенциала, но, вместе с тем, трудно считать эти критерии развития верными для всех стран и разных исторических эпох.

На настоящий момент очевидно следующее: преодолеть различные толкования понятия «социально-экономическое развитие» пока не удалось, в литературе до сих пор нет единства мнений относительно того, какие его факторы являются ключевыми, какие второстепенными⁸. Это одна из причин (наряду с узостью источниковой базы) того, что многие аспекты социально-экономической политики советского государства в годы хрущевской «оттепели» остаются дискуссионными⁹. Большинство авторов справедливо считает, что в 50-е—середине 60-х годов советская экономика развивалась высокими темпами, а материальное положение советских граждан улучшалось, однако не ясен сам вектор социально-экономического развития. Есть серьезные разногласия среди исследователей по поводу особенностей формирования социально-экономической политики властей, ее эффективности. Вне серьезного анализа остается содержание и границы отдельных этапов реализации социально-экономической политики. Существенное расширение источниковой базы позволяет сегодня более объективно и предметно судить о содержании социально-экономической политики советского руководства в рассматриваемые годы, причинах и направлениях ее изменений, роли в этом властных институтов. Для этого следует определиться с содержанием основных понятий. В силу глубокой взаимозависимости и взаимообусловленности социальное и экономическое развитие представляет собой единый процесс, сутью которого является воспроизводство социальных и экономических ресурсов для удовлетворения растущих потребностей общества и увеличения возможностей власти обеспечить стабильность общественной системы.

Базовыми целями социально-экономического развития любой страны, любого ответственного перед народом правительства является достижение экономической эффективности, национальной безопасности, социального прогресса и поддержание социального консенсуса. Очевидно, что эти показатели носят качественный характер (по определению И. Бирмана относятся к числу «несчитаемых факторов»¹⁰), в силу чего им трудно дать количественную оценку. Совокупная способность государства и общества решать указанные задачи на определенных исторических этапах развития страны¹¹ может быть выражена в таком понятии

как социально-экономический потенциал, который вполне поддается количественному учету. Тем самым, можно проанализировать уровень социально-экономического развития, эффективность социально-экономической политики власти и направление развития.

То, что социально-экономический потенциал категория, прежде всего, социальная, имеет принципиальное значение для анализа социально-экономической политики советского государства в 50–60-е годы, поскольку именно в этот период советская экономика показывала стабильно высокие темпы роста. Однако это не смогло предотвратить катастрофу 90-х годов, и лишний раз доказывает, что высокие темпы – лишь одно из условий успешного социально-экономического развития страны.

Данная закономерность особенно очевидна в свете работ Р. Солоу, получившего в 1987 г. Нобелевскую премию за исследование факторов экономического роста. Солоу полнее всех современников (В. Леонтьева, Г. Мюрдаля, Денистона и др.) подошел к пониманию экономической эффективности производства как относительно самостоятельного фактора социально-экономического развития и материального источника социального прогресса. Его знаменитое «золотое правило накопления» указывает на оптимальный для потребления уровень капиталовооруженности, т.е. определяет запас капитала, необходимый для устойчивого состояния экономики при наивысшем уровне потребления населения. Согласно правилу Солоу наивысшее потребление определяется не величиной (как можно большей) капитала, а его оптимальным размером и экономической эффективностью, т.е. капиталотдачей на единицу произведенного общественного продукта¹². Эмпирические данные второй половины XX в. и исследования западных экономистов показывают, что проблема экономической эффективности успешно решается при условии, что темпы роста производительности труда опережают темпы роста фондо- и материаловооруженности труда, а средняя заработная плата растет в меру повышения производительности труда или отстает от нее. Действительно, экономический рост в 60–70-е годы на Западе сопровождался снижением фондоемкости промышленного производства. В 80-х годах, после мирового энергетического кризиса и активного развития ресурсосберегающих технологий, экономическому росту серьезно способствовало снижение материалоемкости продукции.

На этом фоне очевидна специфика СССР, где экономический рост все годы его существования определялся не законом спроса и предложения, не рыночными (объективированными к данной ситуации) критериями, а официально разрабатываемыми и, спус-

каемыми «сверху» плановыми заданиями, директивными показателями, которые центральные органы управления доводили до каждого предприятия или организации. В свою очередь, эти задания во многом определялись политическими и идеологическими установками и интересами правящей партийно-хозяйственной элиты, всей номенклатуры, как в центре, так и на местах.

До начала 80-х годов проблема эффективности экономического роста при социализме была вне внимания отечественных исследователей. Считалось, что социализм – априори общество социальной эффективности. «Социальная эффективность экономики (в СССР), – отмечал А.А. Зиновьев, – характеризуется многими факторами. Среди них: способность существовать без безработицы и без ликвидации экономически нерентабельных предприятий, сравнительно легкие условия труда, способность ограничивать и вообще не допускать избыточные предприятия и сферы производства, не являющиеся абсолютно необходимыми, способность сосредоточивать большие средства и силы на решении исторически важной задачи – милитаризации страны и другие»¹³. По причинам идеологического и политического порядка считалось, что социалистическая экономика не может быть не эффективной. Экономически неэффективной может быть только хозяйственная деятельность отдельных предприятий. Поэтому в СССР проблема эффективности экономического роста была подменена проблемой количественной оценки экономического роста, заведомо призванной показать рост эффективности. Недооценка темпов роста производительности и оплаты живого труда в темпах экономического роста – одно из слабых мест в механизме социалистического хозяйствования¹⁴. Лишь в 80-е годы очевидная тенденция к снижению экономической и социальной эффективности общественного производства и замедление темпов экономического роста заставили власть и научные круги обратить внимание на проблему эффективности экономического роста, хотя на Западе феномен социалистического хозяйствования становится предметом анализа уже с начала 20-х годов XX в. Этим вопросом занимались многие видные ученые, включая Й. Шумпетера, Мизеса и Хайека¹⁵. Мизес, в частности, уже в 1922 г. утверждал, что при социализме, как централизованно планируемом хозяйстве, цены не отражают спроса и предложения и перестают служить указателем, в каком направлении следует развиваться производству, чтобы обеспечить экономическое равновесие, а «регулируемая экономика социализма» на деле становится царством произвола составителей плана, планируемым хаосом¹⁶.

Потенциал трудовых ресурсов. Как показывает анализ, на формирование и реализацию социально-экономической полити-

ки власти после Сталина существенное влияние оказывало состояние и динамика трудового потенциала. Под трудовым потенциалом принято понимать те запасы труда, которые определяются общей численностью трудовых ресурсов, их половозрастной структурой, образовательным уровнем и возможностями их более оптимального использования в отраслевом, профессионально-квалификационном и территориальном аспектах. Послевоенное время предъявляло к трудовым ресурсам противоречивые требования. Для восстановительных работ был велик спрос на рабочую силу низкой квалификации. Одновременно в условиях начавшейся научно-технической революции количественная сторона трудового потенциала утрачивает ведущую роль, уступая место его качеству.

Самыми тяжелыми последствиями Второй мировой войны для СССР явились людские потери. По расчетам специалистов, с конца июня 1941 г. по конец 1945 г. они составили примерно 27 млн человек, что составляет 12–13,5% численности довоенного населения СССР¹⁷. Достигнуть довоенного уровня численности населения, например, в Российской Федерации, удалось только через десять лет, т.е. к 1955 г. Что касается численности населения всего СССР, то к 1959 г. она достигла 208,8 млн человек против 190,7 млн в 1939 г.¹⁸

Рост населения в последующие десять лет оставался достаточно высоким, но, начиная с середины 60-х годов, среднегодовой прирост населения сократился почти вдвое. Последний раз в послевоенные годы подъем рождаемости в СССР наблюдался в 1949 г., в последующие годы рождаемость понизилась и ни разу не вышла на уровень этого года. Та же динамика рождаемости наблюдалась и в РСФСР¹⁹. Изменения численности населения республики в 50–70-е годы приведены в Таблице 3.

Как видно из Таблицы 3, при абсолютном росте численности населения заметна устойчивая тенденция к снижению прироста населения РСФСР. Прирост численности населения СССР за эти годы происходил в основном за счет народов Средней Азии. Численность, например, узбеков, туркмен, таджиков, азербайджанцев, казахов увеличилась в среднем на 45%²⁰. В РСФСР с 1959 по 1970 гг. население выросло на 12,5 млн чел. или на 10,7%. Средний прирост за год составлял 1,136 млн чел., что было на 5% меньше среднесоюзного показателя. Самый высокий прирост за год наблюдался в 1960 г. – 1,896 млн чел., после чего он начал постепенно снижаться, и в 1969 году составил 0,741 млн чел. Следует особо подчеркнуть, что в РСФСР коэффициент естественного прироста начал падать еще с середины 50-х годов.

В последующие годы динамика численности населения

Численность населения РСФСР и ее изменения за 1951–1970 гг., в тыс. чел.*

Годы	Численность населения в конце периода	Прирост за период
1951–1955	112 266	–
1956–1960	120 766	8 500
1961–1965	127 189	6 423
1966–1970	130 704	3 515

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 98; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. С. 7.

РСФСР также претерпевает определенные изменения. В республике несколько повышается рождаемость, но одновременно продолжает расти смертность. Это связано с общим ухудшением физического развития населения после войны. По данным демографов физическое развитие населения по отдельным возрастным группам нормализовалось только к 1956–1958 гг. Однако некоторые показатели физического развития населения оставались низкими и в последующие годы²¹.

Другим важным демографическим последствием войны было нарушение соотношения полов в пользу женщин. Причем наиболее существенная диспропорция наблюдалась в сельской местности. По данным Всесоюзной переписи 1959 г. в СССР мужчины составляли 45%, в РСФСР – 44,6% всего населения, в городах СССР мужчины составляли 45,2%, а в селах – 44,9%, в РСФСР – 44,9% и 44,3% соответственно²². Соотношение числа мужчин и женщин по возрастным группам для городского населения РСФСР приведено в Таблице 4.

Из Таблицы 4 видно, что наиболее неблагоприятное соотношение мужчин и женщин было в этот период в самой трудоспособной группе – 35–44-летних.

В 50–60-е годы продолжался, постепенно затухая, структурный сдвиг в занятости и расселении населения. Миграция сельских жителей в города и на «ударные стройки» составляла около 2 млн чел. в год. За эти годы из деревень в города переселилась еще $\frac{1}{5}$ населения страны. Если в 1939 г. в городах СССР проживало 60,4 млн человек, то к 1959 г. городское население страны насчитывало уже более 100 млн чел.²³

Послевоенное восстановление расселения вызвало значительные перемещения сельского населения. Потребность в рабочей силе в городах была столь велика, что привлекала в них, несмотря

Число мужчин и женщин по отдельным возрастным группам на 1000 человек городского населения РСФСР данного возраста в 1959 году*, в %.

Возраст населения	Городское население			
	Мужчины		Женщины	
	449 (общее число)	44,9 (%)	551 (общее число)	55,1 (%)
0–9 лет	509	50,9	491	49,1
10–19	498	49,8	502	50,2
20–24	489	48,9	511	51,1
25–29	495	49,5	505	50,5
30–34	461	46,1	539	53,9
35–39	385	38,5	615	61,5
40–44	401	40,1	599	59,9
45–49	399	39,9	601	60,1
50–54	381	38,1	619	61,9
55–59	333	33,3	667	66,7
60–69	322	32,2	678	67,8
70 лет и старше	259	25,9	741	74,1

* Население России в XX веке: Исторические очерки в 3-х т. М., 2001. Т. 2: 1940–1959. С. 214; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 98.

на различные ограничения, отсутствие паспортов, огромные потоки сельских жителей. Как результат, в эти годы существенным образом меняется картина населенности сельской местности. Почти везде плотность сельского населения снизилась: в Центральном, Центральном-Черноземном районах и Поволжье почти на треть, в Центральной части Европейской России – почти вдвое. При этом сельское население все более концентрировалось в ареалах тяготения быстро растущих городов. В эти годы статус городских поселений получили множество районных центров, а также многие поселки железнодорожных станций, поселки при фабриках и заводах²⁴. Уже к началу 60-х годов СССР был среди стран, в которых доля городского населения превысила половину всех жителей²⁵.

До 70-х годов XX в. основную роль в росте городского населения играла миграция из села. Только за 1959–1970 гг. переселились из деревни в город 16 млн сельских жителей²⁶. Соотношение численности городского населения по отношению ко всему населению приведено в Таблице 5.

Несмотря на серьезные потери в годы войны, численность рабочих и служащих в СССР к 1950 г. увеличилась по сравнению

Таблица 5

Соотношение численности и удельного веса городского населения СССР и РСФСР*, в млн чел. и %.

Годы	СССР			РСФСР			
	численность населения (млн.)		% городского населения	численность населения (млн.)		% городского населения	% ко всему городскому населению страны
	все	городское		все	городское		
1950	178,5	69,4	38,9	101,4	43,7	43,1	63,0
1959	208,8	100,0	47,9	117,5	61,6	52,4	61,6
1960	212,4	103,6	48,8	119,0	63,7	53,5	61,5

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1963. С. 74–86. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 376.

Таблица 6

Численность специалистов в СССР, в тыс. и млн чел., %*

Год	Всего специалистов (на конец года)	В т.ч. с высшим образованием (тыс. чел.)	Всего лиц умственного труда (млн. чел.)	Доля во всем населении (%)
1940	2401,2	909,0	10,1	16,5
1950	3254,0	1442,8	11,4	–
1960	8783,7	3545,2	15,8	18,1
1970	16840,7	6852,6	25,3	22,1

* Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999. С. 30.

с предвоенным временем, достигнув 38,9 млн чел.²⁷ Довоенная численность рабочих и служащих в народном хозяйстве была достигнута еще в 1948 г. К 1960 г. она составила 62 млн чел., что более или менее обеспечивало возможность экстенсивного развития экономики²⁸.

С начала 50-х годов начинает меняться качественная структура населения, а вместе с ней и структура трудовых ресурсов. Послевоенная экономика остро нуждалась в специалистах, прежде всего, из-за людских потерь во время войны, а также ввиду развития новых отраслей народного хозяйства. Для повышения уровня образования был принят ряд мер, в частности, бывшим фронтовикам был разрешен прием в вузы без вступительных экзаменов. Динамика роста числа специалистов приведена в Таблице 6.

Таблица 8

Среднегодовой прирост численности занятых, средней заработной платы и фонда зарплаты по народному хозяйству по пятилеткам, в тыс. чел. и млрд руб.*

№	Годы	Абсолютное значение			В %		
		Численность (тыс. человек)	Средняя зарплата руб.	Фонд зарплаты (млрд. руб.)	Численность (тыс. человек)	Средняя зарплата руб.	Фонд зарплаты (млрд. руб.)
1	1928–1932	2953	15	6,14	20,3	19,1	41,6
2	1933–1937	829	27	9,90	3,3	16,4	20,2
3	1938–1940	1483	28	19,55	5,3	10,1	16,1
4	1946–1950	2216	41	31,87	7,1	7,9	12,6
5	1951–1955	1317	10,4	21,0	3,2	1,6	5,3

* РГАСПИ. Фонд 82. Оп. 2. Д. 91. Л. 72.

Данные Таблицы 8 позволяют видеть динамику прироста средней зарплаты в 1928–1955 гг.

Из таблицы 8 видно, что на рассматриваемом временном отрезке независимо от изменения численности занятых в народном хозяйстве трудящихся, прирост средней зарплаты и прирост фонда зарплаты неуклонно снижался от 19,1% и соответственно 41,6% в первую пятилетку до 1,6% и 5,3% к концу пятой пятилетки.

Оплата труда в большинстве колхозов вообще являлась символической, как и денежные поступления от личного подсобного хозяйства. По данным официальной статистики в 1950 г. из денежного дохода в 1133 рубля на душу наличного населения 487 рублей приходилось от продаж на рынке сельскохозяйственной продукции с приусадебного хозяйства и лишь 221 рубль (18,4 рубля в месяц) по трудодням³⁶.

Власть, пытаясь ускорить социально-экономическое развитие страны, обращалась не к потребностям и стремлениям людей, а к механизму внеэкономического принуждения. В свою очередь, советские люди все меньше требования развития экономики ощущали как внутреннюю потребность, а больше как императив, навязываемый извне, со стороны властного аппарата.

В силу второстепенности социальных целей в сфере экономики жизненный уровень абсолютного большинства населения и в послевоенные годы оставался крайне низким. Особенно остро стоял вопрос обеспечения населения продовольствием. В проекте доклада Хрущева на сентябрьском Пленуме 1953 г. приведены

Таблица 9

Потребление продуктов питания в СССР* ведущих странах Запада** на душу населения, в кг. в год***

	США	Англия	Франция	СССР	Рациональные нормы
Хлеб, мука, крупы	78	103	117	180-200	121
Картофель	52,2	108	129	190	114
Молоко и молочные продукты	345	355	243	159	540
Мясо и сало	81,4	56,8	59,0	24	65
Яйца (шт.)	379	220	215	70	350
Рыба	10,8	20,0	8,1	7,3	18,6
Масло раст.	10,1	10,9	6,3	3,7	3,83
Сахар	42,3	37	23	16,2	31,4
Овощи и бахчевые	127	63	143	60,0	141
Фрукты	90	43	34	16	—

* СССР — 1952 год.

** США, Англия, Франция — 1950-51 гг.

*** РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 167. Л. 9, 10.

сравнительные данные уровня потребления продуктов питания в США, Англии, Франции и СССР в 1950-1952 гг. Эти данные представлены в Таблице 9, которая дает представление об уровне потребления продуктов питания в СССР и странах Запада в начале 50-х годов.

Из этой Таблицы видно, что в СССР в 1952 г. потребление молока и молочных продуктов было почти в два раза ниже, чем в США, мяса, рыбы, сахара почти в три раза ниже, фруктов — почти в пять раз ниже, зато потребление хлеба и картофеля было выше почти в четыре раза, чем в США. Более показательным, что в примерно такой же пропорции соотносился реальный уровень потребления с так называемыми рациональными нормами питания, свидетельствуя о низком уровне потребления основных продуктов питания населением и нерациональной структуре самого питания. В 1953 г. положение с продовольствием еще более ухудшилось. Страна стояла на пороге нового голода.

Не лучше обстояло дело и с потреблением непродовольственных товаров. По данным статистической таблицы ЦСУ СССР от 5 октября 1953 г. с грифом «Секретно» приобретение обуви и

тканей в семьях крестьян — по данным обследования бюджетов — составляло на 100 душ в среднем за год:

Обувь кожаная — в 1950 г. — 31 пара, в 1952 г. — 40 пар

Обувь резиновая — в 1950 г. — 31 пара, в 1952 г. — 35 пар

Ткани — всего метров в 1950 г. — 742 в 1952 г. — 720³⁷.

Особую остроту в послевоенные годы приобретает жилищная проблема. За годы войны СССР потерял 30% своего национального богатства, общий прямой ущерб народному хозяйству составил 679 млрд рублей, около 25 млн человек были лишены крова, свыше 6 млн жилых зданий было разрушено³⁸. На рубеже 50-х годов на одного человека в городах приходилось менее 7 м² жилой площади — почти на 2 м² меньше, чем полагалось по санитарной норме. Коммунальная квартира, в которой проживало несколько семей, оставалась основным типом городской квартиры.

Учитывая быстро растущие ожидания и требования населения страны, вынужденного долгие годы «туже подтягивать свои пояса»³⁹, преемники Сталина должны были, не откладывая, скорректировать цели социально-экономической политики, убедить население в том, что пришел, наконец, час пожать плоды многолетних усилий, показать неотделимость задач строительства нового общества и подъема благосостояния народа.

Социально-экономическая политика Н.С. Хрущева: этапы, особенности и тенденции

Основные этапы социально-экономического развития.

В конце 80-х годов, во многом благодаря мемуарам крупных советских хозяйственников и партийных функционеров, в отечественной историографии утверждается мнение, что после смерти Сталина новому руководству досталось «наследство хотя и тяжелое, но во многих отношениях неплохое»⁴⁰. Якобы «государственная машина, раскрученная до 1953 г., продолжала работать и двигалась в основном вперед независимо от того, кто и где сидел». Как утверждал В.Н. Новиков «у опытных хозяйственников с годами сложилось убеждение, что если на хорошо поставленном заводе сменить хорошее руководство на плохое, предприятие по инерции будет еще хорошо работать года три». Далее с неизбежностью следовал вывод: «С моей точки зрения, в масштабе СССР сбить государство в целом на худший ритм работы можно только искусственными или нарочитыми глупыми мерами, а при нормальном состоянии страны налаженное хозяйство при сложившихся кадрах и достигнутом уровне технического прогресса, при наличии талантливых конструкторов, технологов, ученых и

квалифицированных рабочих могло сохранять набранные темпы более 10 лет»⁴¹. С тех пор большинство отечественных исследователей считают вполне доказанным, что именно Н.С. Хрущев непродуманными реформами дестабилизировал хорошо отлаженный при Сталине народнохозяйственный механизм и замедлил вполне динамичный процесс социально-экономического развития СССР.

Раскрытие новых, ранее секретных фондов архивов дает ныне возможность более детально проанализировать реальную динамику социально-экономического развития страны в канун смерти И.В. Сталина и на протяжении всего хрущевского десятилетия, и, соответственно, более квалифицированно судить о качестве и типе социально-экономического развития в этот период, о своевременности реформ и их эффективности.

В целях качественной оценки процесса развития в рассматриваемый период, ориентируясь на такие критерии, как темп и тип экономического роста, приоритетность и пропорции развития различных отраслей, итоговые результаты социально-экономического развития, условно можно выделить два достаточно самостоятельных этапа: первый – послевоенный (1945–1954); второй – реформистский (1955–1964); в нем исторический отрезок до 1959 г. может быть обозначен, как административно-реформистский, а после 1959 г. – период коммунистического реформаторства. При всей условности этих периодов, каждый из них, несмотря на очевидную преемственность, имел свои особенности в выработке социально-экономической политики. Они в совокупности позволяют говорить об определяющих тенденциях, векторе и характере развития применительно ко всему периоду 50–середины 60-х годов. Остановимся более подробно на каждом из названных этапов.

Послевоенный этап развития. Самое важное в характеристике социально-экономического развития в 1945–1954 гг., то, что хозяйственная система продолжала сохранять свою целостность. Производственный потенциал развивался экстенсивно. Управление общественным производством осуществлялось преимущественно организационно-распорядительными методами, находившими свое выражение в централизованном директивном планировании и в оперативном управлении «сверху вниз». Начавшаяся «холодная война» стала отправной точкой дальнейшей милитаризации страны. Курс на военное противостояние с Западом способствовал окончательному подчинению всего социально-экономического развития интересам ВПК. А.В. Пыжиков справедливо отмечал: «Военизированная модель экономики, заложенная в соответствии со сталинскими замыслами, развивалась по своему

сценарию, неуклонно подчиняя своим правилам экономическую и социальную жизнь советского общества»⁴². В первое послевоенное десятилетие значительные людские, финансовые и научно-технические ресурсы были сначала сконцентрированы на создании ядерного и термоядерного оружия, а впоследствии – на средствах его доставки. В литературе уже неоднократно отмечалось, что структура отечественного ВПК складывалась вокруг трех Специальных комитетов (Спецкомитет № 1 во главе с Берией занимался атомной проблемой, Спецкомитет № 2 под руководством Маленкова – созданием реактивной техники, Спецкомитет № 3, возглавляемый Сабуровым, разрабатывал радиолокационные системы)⁴³. Академик А.П. Александров, позднее свидетельствовал, что на эти три направления шла львиная доля всех ресурсов страны и с «ними связана значительная доля трудностей, пережитых нашим народом в первые послевоенные годы»⁴⁴. Во всех отраслях оборонного машиностроения быстро росла численность работающих, увеличивались производственные мощности. В массовом количестве создавались специальные НИИ, конструкторские бюро и т.п. За вторую половину 40-х годов в СССР произошло практически полное техническое обновление вооруженных сил⁴⁵. Важно подчеркнуть, что восстановление экономики происходило не через высвобождение средств из военных отраслей, а за счет сокращения потребления населения⁴⁶.

Послевоенный период в плане социально-экономического развития достаточно однороден. Вопреки уже сложившимся стереотипам, в характере социально-экономического развития страны 1953 г. не столь определяющая веха, как в политической сфере. Несмотря на провозглашенный Маленковым новый курс в развитии экономики, на протяжении всего периода продолжали действовать старые факторы мотивации труда. Даже на новых направлениях использовались методы управления военного времени. Основные параметры социально-экономической политики страны определялись решениями власти, принятыми еще в военные и первые послевоенные годы. Таким образом, экономические преобразования, предпринимаемые в конце обозначенного периода, вовсе не шли параллельно с политическими изменениями и реабилитационными процессами. И, тем более, в эти годы они не несли антисталинской направленности⁴⁷.

В течение обозначенного периода власти СССР сталкивались с проблемами, которые возникли еще в ходе войны. Главные из них – проблемы инвестиций, инноваций и трудовых ресурсов. Проблему трудовых ресурсов обнажают уже первые послевоенные годы, а атмосфера «холодной войны» придает ей особую значимость. Советское руководство, столкнувшись с острой

нехваткой квалифицированной рабочей силы, вынуждено было выбирать из двух вариантов: или открыть границы для трудовой эмиграции (что было неприемлемо по политическим причинам), либо уделить большее внимание вопросам механизации и автоматизации производства (что после войны было технически сложно). Решающую роль, как всегда в эти годы, сыграло мнение Сталина. «Когда США становились на путь капиталистического развития, – говорил он в узком кругу, – им не хватало рабочих рук, они широко открыли двери для иммиграции, поощряли иммигрантов, даже негров и китайцев. А потом, когда они раздули свою промышленность и широко развернули производство машин для механизации, у них стал хронический избыток рабочих. Они прикрыли иммиграцию. У нас тоже не хватает рабочих. Мы не можем пойти на иммиграцию. Нам надо раздуть производство машин для механизации тяжелых и трудоемких работ»⁴⁸.

Важной проблемой в эти годы становится проблема инноваций и непосредственно связанная с ней проблема обеспечения новейшим оборудованием машиностроительной и других отраслей производства. Важнейшим источником технического прогресса в стране со времен первых пятилеток было заимствование западных технологий и работа западных специалистов. Жесткая экономическая политика советского руководства в период индустриализации сделала возможными крупные инвестиции в ключевые отрасли промышленности. Однако этого было недостаточно. Согласно данным статистики США в американской обрабатывающей промышленности прирост продукции с 1919 по 1955 г. в расчете на человеко-час был на 90% обеспечен совершенствованием технологий и лишь на 10% – ростом инвестиций⁴⁹. Отдавая себе отчет в важности использования новейших технологий для процессов реконструкции народного хозяйства, советское руководство эту проблему в те годы решало, главным образом, покупкой нужных технологий за рубежом. По данным Э. Саттона, автора известного исследования о роли западных технологий в экономическом развитии СССР, между 1929 и 1940 гг. в СССР было ввезено 300 тыс. высококачественных станков. Нередко закупалось полностью оборудование для огромных заводов⁵⁰. По некоторым оценкам, более четверти нового оборудования, введенного в эксплуатацию с 1928 по 1941 г., было импортировано⁵¹. Американские, немецкие и другие западные инженеры участвовали в проектировании и строительстве важнейших промышленных объектов, включая Нижегородский автозавод, Сталинградский тракторный и др. По мнению Саттона, строившиеся тогда заводы, использовали самую передовую технологию и часто были самыми большими в мире. Он же отмечает, что крупнейший в мире Маг-

нитогорский металлургический комбинат был просто увеличенной копией металлургического завода в Гэри в штате Индиана (США). Основная масса импорта технологий (до 80%) пришлось на первую пятилетку⁵². Только американский экспорт в СССР за годы пятилетки увеличился с 2% до 24% всего совокупного экспорта США⁵³. В своих воспоминаниях посол США в СССР (в 1943–1946 гг.) У.А. Гарриман полагал, что после войны США будут широко «вовлечены в дело восстановления советской экономики», частично из-за того, что русские «предпочитают американское оборудование». Это означало не только то, что послевоенный СССР станет важным рынком сбыта для избыточной американской промышленности, но и то, что США могут модернизировать советскую промышленность и инфраструктуру. Гарриман постоянно подчеркивал, что помощь восстановлению СССР со стороны США должна зависеть, в том числе и от поведения советских лидеров в международных вопросах, он стремился содействовать американско-советскому экономическому сотрудничеству, потому что был убежден, что чем скорее «СССР сможет обеспечить достойную жизнь своим гражданам, тем более толерантными к США они станут»⁵⁴. Журнал «Форчун» в январе 1945 г. в разделе «Америка и будущее», посвященном исключительно отношениям с Россией, делал вывод: «Здесь находится один из крупнейших потенциальных рынков оборудования и потребительских товаров»⁵⁵. Ранее, весной 1944 г. «Бизнес уик» писал, что «Россия стала бы лучшим послевоенным рынком» для США, если бы могла получить достаточно кредитов. В публикации говорилось о том, что многие крупнейшие корпорации (в том числе «Вестингауз», «Дженерал Электрик» и «РСА») вели переговоры о послевоенной торговле с советскими официальными лицами⁵⁶. Ведущие бизнесмены и некоторые официальные лица рассматривали экспорт в Россию не только как способ избежать послевоенного роста безработицы в самих США, но также как достойную возможность повысить уровень жизни в России и, таким образом, способствовать более широкой либерализации в СССР⁵⁷. Надежды американцев на расширение торговли с СССР по окончании войны не оправдались. Под влиянием аргументов Гарримана о том, что послевоенная финансовая помощь должна быть жестко увязана с советской международной политикой, Вашингтон проявлял сдержанность при предоставлении ссуд или кредитов, необходимых для обеспечения крупных советских закупок. Уже в 1946 г. экспорт США в СССР сохранился до 4% совокупного американского экспорта, и всего до 1% в 1947 г.⁵⁸ В 1947 г. была отвергнута Сталиным инициатива американской стороны по заключению советско-американского договора сроком на 25 лет.

По справедливому суждению А.Г. Вишневого, этот отказ был одной из причин замедления технического прогресса в СССР.

Вопрос новой техники в свете ухудшения советско-американских отношений очень волновал Сталина, он неоднократно в 1947–1948 гг. возвращается к этой теме, пытаясь подступиться к ней с разных сторон. 26 декабря 1947 г., обсуждая план капитальных работ на 1948 г., Сталин говорил о том, что машиностроение переживает серьезные трудности: «Надо понять, что до войны мы много ценного оборудования ввозили из-за границы. Много заводов было построено на американском и другом оборудовании, например, все тракторные, автомобильные, авиационные заводы, УЗТМ, НКЗМ и другие, а теперь нам американцы не дают оборудования. Это дело трудное, но через два года мы научимся его делать и будем полностью независимы от заграницы. Через два года скажем спасибо американцам, что они не давали нам оборудования и научили нас делать новое оборудование»⁵⁹.

Ощущая нехватку технического обеспечения сталинское руководство (равно как и США), постаралось максимально использовать технику и технологии поверженной Германии. Оборудование, полученное в качестве возмещения ущерба демонтированное и вывезенное из восточных германских земель, позволило существенно обновить и модернизировать основные фонды промышленности (часть его до сих пор не выведена из эксплуатации). По оценке, сделанной Г.И. Ханиным на основе официальных советских данных, общий объем немецких репараций (4,3 млрд \$ в ценах 1938 г.) во внутренних ценах составил 86 млрд рублей, в том числе промышленного оборудования на 70 млрд рублей⁶⁰. В СССР было передано примерно две трети немецкой авиационной и электротехнической промышленности, большая часть ракетостроения, автомобильные, станкостроительные, военные и другие заводы⁶¹. Среди них преобладали металлургические, машиностроительные, судостроительные, авиационные, химические, радиотехнические, деревообрабатывающие и рыбоконсервные заводы и др.⁶² Правда, Н.С. Хрущев считал позднее, что демонтаж многих заводов был ошибочным. Вывезенное из Германии устаревшее оборудование не помогло в восстановлении народного хозяйства, но изрядно навредило в установлении добрых отношений с Германией. По мнению Ханина, репарационные платежи, хотя и покрыли полностью потребности промышленности СССР в четвертой пятилетке и частично в пятой, они не решили проблему научно-технических инноваций и, тем более, проблему инвестиций в экономику⁶³.

Серьезные проблемы с денежными ресурсами заставили советское руководство пойти на серьезную корректировку пятого

Объем капиталовложений (по состоянию на 23.07.1952), в млрд руб.*

	Объем капитальных вложений		
	В сметных ценах на 01.07.50 г.	В ценах на 01.01.52 г.	В ценах соответствующих лет с учетом всех снижений
Проект п/плана на 1951–55, направленный Госпланом 12.04.1950 г. в правительство	788	724	686
Проект п/плана вариант 1	738	693	645
вариант 2	757	693	660
4-й пятилетний план	386	354	398
Объем 5 п/плана в % к объемам капвложений 4 п/плана			
По проекту 12.04.50 г.	204	204	—
По варианту 1	191	191	—
По варианту 2	196	196	—

* РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 94. Л. 155.

пятилетнего плана. Таблица 10 дает наглядное представление о масштабах этой корректировки.

Проектировщики пятого пятилетнего плана вынуждены были пойти на изменение сроков завершения ряда важнейших строек, главным образом, связанных с орошением земель Заволжья на базе Куйбышевской ГЭС, Заволжья и Прикаспия на базе Сталинградской ГЭС. В связи с уменьшением объема капитальных вложений на 1951–1955 гг. по сравнению с ранними проектами, представленными в Совете министров в апреле 1952 г., проектируемый улов рыбы, например, сокращался на 85 тыс. т. По усеченному плану предполагалось даже строительство и производство технических средств защиты от антисоветской радиопропаганды. Согласно окончательному варианту плана, сокращался ввод в действие мощностей в хлопчатобумажной промышленности (по прядельным веретенам на 515 тыс. штук и по объему производства на 200 млн м тканей). Ввод в действие НИКФИ переносился на следующую пятилетку, как и начало строительства и ввод в действие 920 кинотеатров (в свою очередь, это влекло за собой уменьшение поступления средств от кино в 1953–1955 гг. на 0,65 млрд

руб.), 70 лесозащитных станций, строительство которых предусматривалось специальным решением Совета министров СССР, а также шести заводов счетно-аналитического машиностроения, по которым ранее состоялись решения Правительства⁶⁴.

Важно отметить, что в конце 40-х–начале 50-х годов, когда было начато составление директив на новую пятую пятилетку, поднимался вопрос об увеличении средств на сельское хозяйство. Из материалов обнаруженных нами в РГАСПИ, видно, что объем государственных капиталовложений по министерству сельского хозяйства планировалось довести до 223,7% по сравнению с предыдущей пятилеткой. Это при том, что общий объем средств для государственных капитальных вложений планировался в пятой пятилетке в объеме 158,45% от уровня четвертой пятилетки. Однако, несмотря на планируемое увеличение средств на развитие сельского хозяйства, секвенция коснулись и финансирования государством сельскохозяйственных объектов. Так, по Министерству совхозов, начатое в соответствии с Постановлением Совета министров и ЦК КПСС о трехлетнем плане развития животноводства строительство животноводческих построек предполагалось профинансировать в объеме 2 920 млн руб. вместо 4000 млн руб. Соответственно, вместо запланированных 50 совхозов предлагалось построить лишь 12, сокращалось жилищное строительство на селе.

Из-за сокращения финансирования, Минсовхоз в своей записке летом 1952 г. жаловался правительству СССР, что Госплан в своих проектировках плана капитальных вложений на следующую пятилетку не обеспечивает удовлетворение ряда первоочередных и самых неотложных нужд совхозного производства, важнейшее из них – капитальное строительство. «Совхозы, – отмечалось в докладной записке, – крайне плохо обеспечены жилыми помещениями. На начало 1951 г. обеспеченность жилой площадью на одного проживающего составляла в целом по министерству только 3,9 м², а во многих совхозах на одного человека приходится жилой площади всего лишь по 2–2,5 м². В связи с таким положением в совхозах много семей проживают в землянках, а также совместно по 2–3 семьи в одной комнате. Исключительно плохая обеспеченность совхозов жильем является главной причиной большой текучести рабочих и служащих в совхозах»⁶⁵.

Итоговые цифры объемов капитальных вложений в народное хозяйство по годам пятилетки приведены в Таблицах 11 и 12. (Поскольку эти прежде совершенно секретные материалы дают достаточно полное представление о структуре советской экономике тех лет, они приводятся практически без сокращений.)

Объем государственных капитальных вложений на 1951–1955 гг. по министерствам, ведомствам и Советам министров союзных республик, в млн руб.

	1946–1950 гг. Фактически	1951–1955 гг. (проект плана)	1951–1955 в % к 1946–1950
Всего по народному хозяйству (в ценах соотв. лет)	397 600	630 000	158,45
Всего по нар. хоз. СССР в ценах, действ. с 1 июля 1950 г.	386 084	720 000	186,5
В том числе:			
Минчермет	35 796	51 000	209,5
Цвет. мет.	—	24 000	—
Угольная пром.	39 558	53 000	134,0
Мин. неф. пром.	27 669	72 000	260,2
Хим. пром.	74 36	15 000	201,7
Мин. пром. связи	1583	6000	379,0
Мин. тяж. маш.	2583	6000	232,3
Мин. автотракторной пром.	6280	4650	74,0
Мин. станкостроения	1528	3300	216,0
Мин. машиностроения и приборостроения	1839	2700	146,8
Мин. строит. и дорожно-машиностроения	859	1550	180,4
Мин. транспортного машиностроения	332,0	300,0	90,4
Министерство среднего машиностр.	3179	6800	213,9
Мин. авиационной промышленности	5385	8800	163,4
Министерство вооружения	2741	5210	190,1
Мин. судостроит. пром.	5374	9840	183,1
Мин. строй.	6544	18 000	275,1
Материалов СССР			
Мин. лесной, бумажной и деревообр. пром.	9476	12 912	186,9
Мин. легкой пром.	7454	4800	232,1
Мин. рыбной пром.	5328	17 300	150,1
Мин. мясной и молочной пром.	4939	8000	188,2
Мин. пищевой пром.	9457	9300	129,0
Минзаг	4780	7200	150,6

Таблица 11 (продолжение)

	1946–1950 гг. Фактически	1951–1955 гг. (проект плана)	1951–1955 в % к 1946–1950
Мин. строит. предприятий машиностроения	2831	3250	114,8
Министерство с/х	21 234	36 000	223,7
Мин. хлопководства		11 500	
Минсовхозов СССР	5821	10 000	171,7
МПС	33 772	55 000	162,8
Мин. морфлота	3688	8100	219,6
Мин. речфлота	5588	6700	119,9
Минсвязи	2116	3500	161,6
Военное министерство	9665	16 000	253,5
ВММ		8500	
МВД	25 446	50 000	196,5
МГБ	1148	2300	200,3
Минфин	181	180	99,4
Мин. выс. образования	1697	3000	176,8
Мин. кинематографии	1436	1600	11,4
Министерство трудовых резервов	1286	500	38,9
Мин. геологии	1684	2250	133,6
Мин. лесного хозяйства	1181	2000	169,3
Мин. юстиции	36	50	138,9
Мин. внешней торговли	119	50	42,0
Мин. торговли СССР	3067	2950	96,2
Комитет по делам искусств при СМ СССР	571	400	70,0
Комитет радиоиформации при СМ СССР	108	90	100
Комитет радиовещания при СМ СССР		18	
Комитет по делам физкультуры и спорта при СМ СССР	106	95	89,6
Комитет по делам измерений приборов при СМ СССР	70	60	85,7
ГУ госпродрезервов при СМ СССР	809	1100	370,8
ГУ госмат резервов при СМ СССР		1900	
ГУ Севморпуть	1035	1340	129,5

Таблица 11 (окончание)

	1946–1950 гг. Фактически	1951–1955 гг. (проект плана)	1951–1955 в % к 1946–1950
ГУ гидрометеорологической службы	132	140	106,1
ГУ геодезии и картографии	93	70	75,3
ГУ по делам полиграфической пром.	594	1000	168,3
ВЦСПС	1571	1300	82,7
АН СССР	796	900	114,3
ВАСХНИЛ	21	115	—
Прокуратура СССР	33	50	151,5
Управление строительством Дворца Советов	814,	2800	343,9
Метрострой	1820	3200	175,8
Стройка № 6	—	1800	—
Дом науки и культуры в Варшаве		800	—
Центросоюз	63	90	142,8
Первый, второй разделы и раздел спецработ	10789	24700	228,9
Центральные учреждения и ведомства	782	570	72,9
Совмин РСФСР	15 655	19 253	123,0
В том числе:			
Мосгорисполком	2965,0	5070,0	123
Ленисполком	1403,0	1180,0	94,1
СМ Украины	4358	4450	102,1
СМ Белоруссии	1526	1639	107,4
СМ Узбекистана	382	625	163,6
СМ Казахстана	430	712	165,6
СМ Грузии	645	604	93,6
СМ Азербайджана	418	538	128,7
СМ Литвы	423	430	133,1
СМ Молдовы	382	409	107,1
СМ Латвии	501	404	80,6
СМ Киргизии	184	325	176,6
СМ Таджикистана	257	351	134,6
СМ Армении	460	418	90,9
СМ Туркмении	267	437	163,7
СМ Эстонии	466	425	91,2
СМ Карело-Финской ССР	176	250	142,0

* РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 94. Л. 57–62.

Объемы капитальных вложений по годам пятилетки (по состоянию на 24.07.52), в млрд руб.*

Годы	Объем капиталовложений	%
1951	121(отчет)	70,1
1952	139 (ожидаемое выполнение)	86
1953	149 (план)	93,9
1954	154 (план)	97,0
1955	157 (план)	99,0

* РГАСПИ. Фонд 82. Оп 2. Д. 94. Л. 62.

В послевоенное десятилетие остро встают вопросы централизованного планирования. Обсуждение этих вопросов на Политбюро говорит о том, что сталинское руководство за частными сбоями в планировании не видит фундаментальных проблем. «Проектанты у нас, сволочи, – утверждал Сталин на заседании Политбюро в декабре 1947, – проектируют все только новые заводы и раздувают строительство»⁶⁶. Сталин старается не видеть, что в созданной им планово-распределительной системе бюрократия как власть аппарата вполне способна направлять начальство – источник власти. В итоге исполняется то, что выгодно бюрократии, аппарату. Однако и сам Сталин действует по тем же законам бюрократической иерархии, согласно которым воля начальника выше закона: «Госплан и министерства, – подчеркнул он на том же заседании Политбюро, – исходят из пятилетнего плана. Мы не должны связывать себя пятилетним планом. (Выделено авт. – В.Ш.). Он был составлен в других условиях, а теперь обстановка изменилась. Пятилетка составлена с большими дефектами, сгоряча, на другой день после окончания войны. Эти дефекты надо исправить»⁶⁷.

Выше уже отмечалось, что в СССР и после Второй мировой войны была продолжена линия на максимальную мобилизацию ресурсов из аграрного сектора. Разница закупочных и розничных цен на продовольствие достигла максимума, был введен денежный оброк с приусадебных участков (обязательства по поставке сельскохозяйственной продукции и налогообложение приусадебных хозяйств). В результате, в 1948–1950 гг. средней двухмесячной денежной оплаты в колхозе по трудодням хватало лишь на покупку 1 кг масла⁶⁸. С началом корейской войны (по некоторым сведениям в ноябре 1950 г.) в Венгрии на совещании партийных лидеров Восточной Европы принимается решение пересмотреть в сторону еще большего увеличения пока-

затели для тяжелой промышленности в пятилетних планах на 1951–1955 гг.⁶⁹

Уже в 50-е годы становится ясно, что применение в послевоенные годы модели ранней социалистической индустриализации за счет ресурсов аграрного сектора подходит к пределу возможностей. Урожай зерна за 1948–1952 гг. были равны примерно средним за 1928–1930 гг. (соответственно 77,9 и 76,1 млн т)⁷⁰. Низкая продуктивность аграрного сектора, дефицит продовольствия стали проблемами настолько очевидными, что после смерти Сталина в советском руководстве не возникло даже серьезной дискуссии по вопросу о необходимости радикального изменения аграрной политики. Все были согласны с необходимостью повышения закупочных цен, снижения налогообложения села, увеличения капиталовложений в сельское хозяйство.

После Сталина руководители производства столкнулись с новым классом проблем прежде всего, с необходимостью резкого подъема жизненного уровня народа, вложения, а не отъема денег в сельское хозяйство, легкую промышленность. За годы пятилеток, т.е. с 1929 по 1952 г. по официальным данным в сопоставимых ценах в тяжелую промышленность было вложено 638 млрд рублей, в транспорт 193, в легкую промышленность – 72 и в сельское хозяйство – 94 млрд рублей⁷¹. Иными словами, в сельское хозяйство было вложено в 6,7 раза меньше средств, чем в промышленность и более чем в два раза меньше, чем в транспорт.

В современной историографии не сложилось однозначной оценки, кто инициатор возврата к здравому смыслу в экономике. В конечном счете, спор идет не столько о приоритетах того или иного политика, конкретно Маленкова или Хрущева, сколько о возможности слома в первые послесталинские годы командно-административной системы. Известно, что часть исследователей склонна считать именно Маленкова, возглавившего после смерти Сталина Совет министров СССР, ни больше ни меньше как инициатором курса на рыночный социализм, которой был якобы пресечен приходом Хрущева к власти⁷². На наш взгляд, вопрос при недостаточном количестве достоверных источников искусственно запутан. Текст речи Маленкова на сессии ВС СССР в августе 1953 г., по существу, пока единственно доступный исследователям документ, интерпретируется весьма вольно. Изрядную толику в запутывание ситуации вокруг Маленкова и его программы внесли его ближайшие коллеги по Президиуму ЦК КПСС. Они положили в борьбе за лидерство в 1954–1957 гг. много сил на дискретизацию взглядов Маленкова, придав тем самым им гораздо большее значение и глубину. Анализ доступной сегодня части материалов Президиума ЦК КПСС, позволяет говорить о том,

что Маленков к концу 1954 г. разошелся во взглядах с Хрущевым и большинством Президиума ЦК КПСС в вопросах не столько социально-экономической стратегии, сколько политического лидерства как такового. Инициативный и энергичный Хрущев после смерти Сталина постепенно теснил Маленкова. Центр тяжести в решении партийных и хозяйственных проблем сразу после ареста Берии переносится из правительства в ЦК КПСС. Хрущев все более хотел видеть на посту Председателя Совета министров СССР исполнительного помощника, а не самостоятельного партнера. Уже к осени 1954 г. безжалостная логика борьбы за власть неизбежно приводит к необходимости замены Маленкова в качестве главы государства на более подходящую Хрущеву фигуру. Этому предшествовала неоднократная критика деятельности Совета министров, в частности выраженная в совместном постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР 14 октября 1954 г. «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата». В этом постановлении указывалось, что «в работе партийного и государственного аппарата сложилась вредная бюрократическая практика, выражающаяся в том, что основное внимание и силы сосредотачиваются не на конкретном живом деле..., а на составлении различных многочисленных директив, резолюций справок, писем и отчетов»⁷³. Далее в постановлении предлагалось упростить структуру управленческого аппарата, сократить штаты сделать более ясной статистическую отчетность. Эта атака на министерства завершилась в 1955 г. смещением Маленкова с должности председателя Совета министров, а в 1957 г. – реорганизацией самих министерств и ведомств.

В постановлении Президиума ЦК КПСС, принятом 31 января 1955 г. на Маленкова возлагалась политическая ответственность за ненадлежащее выполнение обязанностей председателя Совета министров СССР, в том числе за то, что он на V сессии ВС СССР «...допустил теоретически неправильное и политически вредное противопоставление темпов развития тяжелой промышленности темпам развития легкой и пищевой промышленности, выдвигался в качестве основного вывода лозунг форсированного развития легкой индустрии» (выделено авт. – В.Ш.)⁷⁴.

Весьма характерно, что в отличие от постановления, в черновой записи заседания Президиума ЦК КПСС от 22 января, на котором решался вопрос о новом Председателе Совмина, сделанной В.Н. Малиным, основные упреки в адрес Маленкова касались других сторон его деятельности. В частности, А.Н. Микоян прямо упрекнул Маленкова в том, что он «не сообразил, что нельзя совмещать и в ЦК и Совмине»⁷⁵. Молотов – в отсутствии

ясной политической линии⁷⁶. На следующем заседании 31 января, на котором и была принята резолюция, основные упреки членов Президиума ЦК КПСС касались особой близости Маленкова с Берией, «слепым орудием которого он являлся... Берия и Маленков подавляли всякую коллективность». Таким образом, включенная в проект постановления фраза о противопоставлении Маленковым темпов развития тяжелой и легкой промышленности, не была центральной при обсуждении вопроса на заседании Президиума ЦК КПСС. На январском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС, проходившем 25-31 января Маленкову были поставлены в вину, главным образом, политическая незрелость, близкие отношения с Берией, под полным влиянием которого он якобы находился, а также «моральная ответственность за позорное “ленинградское дело”»⁷⁷. Заседание Президиума ЦК КПСС 7 февраля 1955 г. было в значительной мере посвящено вопросу: как объяснить народу отставку Маленкова, которого члены Президиума обвиняли в единовластии, как это Булганин записал в своем варианте проекта постановления: «Маленков и Берия исходили из подавления роли Политбюро и ЦК. Факт»⁷⁸. Эту запись Булганина можно понимать и иначе, как подавление роли не Политбюро, а отдельных членов Политбюро. Из записи обсуждения 7 февраля явствует, что Маленков охотно принял предлагаемые членами высшего руководства «для прикрития» главного обвинения формулировки о сельском хозяйстве и легкой промышленности⁷⁹.

Анализ стенографической записи выступления Маленкова на пятой сессии ВСССР говорит о том, что речи об оттеснении на второй план тяжелой индустрии не было. «Мы и дальше будем всемерно развивать тяжелую промышленность, — подчеркивал он в своем выступлении на сессии, — мы обязаны всегда помнить, что тяжелая индустрия является основой основ нашей социалистической экономики, ибо без ее развития нельзя обеспечить дальнейший рост легкой промышленности, рост производительных сил сельского хозяйства и укреплять обороноспособность нашей страны»⁸⁰. «До сих пор — утверждал Председатель Совмина СССР Г.М. Маленков в своем выступлении на пятой сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 года, — у нас не было возможностей развивать легкую и пищевую промышленность такими же темпами, как тяжелую промышленность. В настоящее время мы можем... всемерно форсировать развитие легкой промышленности»⁸¹. Безусловно, за «маленковской линией» нового экономического курса скрывались не столько честолюбивые мотивы (хотя и их нельзя отрицать), сколько причины объективного свойства. Улучшения жизни требовали широкие слои населения. От легкой индустрии во многом зависело и общее состояние

экономики, поэтому еще на XIX съезде партии (1952 г.) в качестве особо важной была обозначена задача «обеспечить высокие темпы роста производства предметов массового потребления». Решениями съезда намечалось строительство большого количества предприятий легкой и пищевой промышленности, мощности только хлопчатобумажной отрасли должны были вырасти на треть, искусственного волокна в 4,7 раз⁸². Причину весьма вовремя для нового руководства появившейся возможности обратить внимание на новые приоритеты социально-экономической политики Маленков объяснил весьма скупко, заявив о том, что за последние 28 лет производство средств производства в целом выросло в нашей стране примерно в 55 раз (по альтернативным расчетам гораздо меньше), а производство предметов потребления лишь в 12 раз... Возможно в этом же русле лежит мимоходом сказанная фраза о том, что больше «Соединенные Штаты не являются монополистами... в производстве водородной бомбы»⁸³. Из этого следовало, что раз атомная монополия США ликвидирована, то можно заняться и иными делами...

Поставив задачу всемерно форсировать развитие легкой промышленности⁸⁴, он, тем не менее, не потребовал пересмотра заданий пятого пятилетнего плана, в котором, как было показано выше, были заложены иные пропорции развития отраслей. Не поставил Маленков и вопросы о кадровых изменениях в высшем руководстве.

Вскоре выяснилось что не все в новом руководстве разделяли заявленные позиции Маленкова, но новый курс формально был провозглашен. Социально-экономическая политика государства отныне должна была быть нацелена на поддержку деревни и «крутой подъем производства предметов народного потребления». Населению страны было обещано в течение двух-трех лет достаточное количество продуктов питания и других товаров первой необходимости. Впервые за долгие годы генеральное направление социально-экономической политики СССР подверглось серьезной ревизии. Однако, объявляя о новых приоритетах в ее проведении, Маленков не дал серьезного анализа ситуации в народном хозяйстве и не предложил комплексного решения его проблем. Ряд предложенных решений принадлежали вчерашнему дню. Например, обещания продолжить экономически не оправданные, но весьма популярные в народе ежегодные сокращения цен на потребительские товары⁸⁵, а также «неустанно укреплять и совершенствовать оборону Великого Советского Союза»⁸⁶. Совершенно нереальными были и предлагаемые Маленковым сроки создания в стране обилия продовольствия и сырья для легкой промышленности. Заметим, что в выступлении Маленкова труд-

но заметить хотя бы малейшие намеки на смену модели социально-экономического развития. Этот курс отражал общее мнение большинства нового руководства страны и не содержал угрозы командно-административной системе⁸⁷. На этой же «ноте» прошел и сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК, обсудивший доклад Хрущева «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», закрепивший новый курс. «Надо поставить задачу, – подчеркнул Хрущев, – достичь такого уровня потребления продуктов питания, который исходил бы из научно-обоснованных норм питания, требующихся для всестороннего, гармоничного развития здорового человека»⁸⁸. Первый секретарь ЦК КПСС во многих позициях повторил и развил положения речи Маленкова. Среди причин отставания сельского хозяйства в постановлении назывались нарушения принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства. В отличие от выступления Маленкова, Хрущев в своем докладе предложил обширную программу развития экономики на ближайшие годы. Однако основное внимание переносилось со структурных реформ на проблемы механизации сельского хозяйства и усилении организаторской и политической работы партийных организаций и т.п.

Таким образом, можно говорить о том, что в рамках послевоенного периода лишь создаются определенные предпосылки изменений в социально-экономической политике, но они оказываются недостаточными, чтобы она приняла зримые очертания.

Направления социально-экономической политики в 1955–1959 гг. К середине 50-х годов, новое руководство смогло, наконец, в рамках подготовки XX съезда серьезно заняться экономикой, перейти от чрезвычайного реагирования на возникающие проблемы к изучению реальных социально-экономических процессов. Для анализа ситуации в социально-экономической сфере страны в середине 50-х годов и ее понимания новым руководством чрезвычайно важны материалы «закрытого» Всесоюзного совещания работников промышленности, прошедшего в середине мая 1955 г.⁸⁹ Незадолго до совещания ЦК КПСС и Совмин СССР распространили закрытое письмо, касающееся положения дел в промышленности, в котором достаточно критически оценивалась ситуация в экономике. В частности, в письме приводилось немало примеров, демонстрирующих отставание СССР от Запада в внедрении новой техники и производительности труда. В письме указывалось: «отставание касается многих отраслей промышленности, в том числе машиностроения, которое является сердцевинной индустрии». Несмотря на резко критический тон письма, причины отставания назывались в нем впол-

не традиционные: самоуспокоенность, зазнайство многих работников промышленности, потеря ими чувства ответственности перед государством за порученное дело, утрата перспективы и ориентировки в технической политике. «Многими работниками, – подчеркивалось в документе, – забыты указания партии о том, что техника должна все время двигаться вперед, что без этого невозможно развитие социалистического производства»⁹⁰. Перекладывая по традиции вину за трудности в экономике с высших эшелонов власти на исполнителей, авторы письма, достаточно объективно очертили круг нерешенных проблем, предложив руководящим работникам промышленности сосредоточиться на четырех главных вопросах (по существу, тех же, которые в свое время привлекали внимания Сталина): 1. Быстрейшая разработка и внедрение передовой техники, совершенствование технологии и организации производства для резкого подъема производительности труда. 2. Лучшее использование имеющегося оборудования и существующих производственных площадей. 3. Укрепление государственной дисциплины и как ближайшая задача – выполнение и перевыполнение государственного плана текущего года, завершающего года пятой пятилетки каждым предприятием по всем показателям. 4. Сокращение и удешевление административно-управленческого аппарата в промышленности⁹¹. Сам факт созыва после закрытого письма представительного совещания является важнейшим свидетельством того, что «коллективное руководство» не до конца понимало причину трудностей в социально-экономической сфере, но пыталось разобраться с ними. На совещании присутствовали руководители предприятий, проектных, конструкторских и научно-исследовательских организаций, новаторы производства, а также партийные, профсоюзные и комсомольские руководящие работники. Новый председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин, открывая совещание, подчеркнул, что: «мы живем в век быстрого развития науки и техники, в век атомной энергии»⁹². На исходе пятой пятилетки стало очевидно, что ее задания по росту производительности труда не выполняются. Главное – отставало машиностроение, создавая, по меньшей мере, несколько серьезных проблем для народного хозяйства. Проблемы возникали из-за недостаточного выпуска специального оборудования, в станочном парке снижался удельный вес высокопроизводительных станков, сильно отставало производство кузнечно-прессового оборудования, медленно внедрялись процессы автоматизации, в следствии плохого использования оборудования, на машиностроительных заводах сокращалось количество автоматических линий.

На самих машиностроительных заводах медленно внедрялась новая техника, производимые ими машины в ряде случаев имели худшие технические показатели по сравнению с соответствующими машинами, выпускаемыми в других странах, что ставило под вопрос технический прогресс во всем народном хозяйстве и создавало угрозу национальной безопасности⁹³. В выступлении Н.А. Булганина содержалось не мало фактов подтверждающих его выводы: «...наши автомобильные заводы, в том числе и вновь построенные, как, например, Уральский автозавод имени Сталина, оборудованный новой техникой, до сих пор выпускает трехтонные грузовики ЗИС-5 конструкции 1933 г...Только вновь поступающие ежегодно в народное хозяйство 24 тыс. автомобилей ЗИС-5 излишне расходуют 42 тыс. тонн горючего в год»⁹⁴. Небезынтересна и другая его констатация: «В запущенном состоянии находится у нас дело с изобретательством. Рассмотрение изобретений и рационализаторских предложений нередко растягивается на годы...»⁹⁵ «Не без основания наши конструкторы и научные работники говорят: легче изобрести машину, чем ее внедрить. Для внедрения требуется огромная пробивная сила, а не всякий изобретатель и конструктор такой силой обладает»⁹⁶. Власть имела основания обижаться на ученых: в условиях неостребованности изобретений многие НИИ «работали без отдачи, не создавали ничего ценного»⁹⁷. «Я сказал, – заключил Булганин, – только о некоторых отрицательных явлениях в работе нашей промышленности. На самом деле их больше. **Мы уверены, что вы в своих выступлениях вскроете многие недостатки и подскажете пути их устранения**» (выделено авт. – *В.Ш.*)⁹⁸.

Совещание не случайно носило закрытый характер. Его участники, включая и высших руководителей министерств и ведомств, затронули очень много острых проблем. Их обсуждение показало реальное состояние экономики в СССР после правления Сталина. По существу, речь шла о застарелых болезнях советской экономики, врожденных пороках системы хозяйствования, а не о самоуспокоенности и неумелом руководстве. За общими цифрами выполнения планов производства в целом скрывались многочисленные предприятия, систематически не выполняющие заданий и недодающие стране большое количество продукции. В некоторых отраслях промышленности весной 1955 г. не выполняли планов от одной трети до половины общего числа предприятий⁹⁹.

На совещании вновь и вновь всплывала проблема несовершенства хозяйственного механизма¹⁰⁰. К примеру, министр станкостроительной и инструментальной промышленности А.И. Ко-

стоусов говорил, что «создалось такое положение, при котором совершенствование выпускаемых машин материально не стимулируется, и в ряде случаев приносит предприятиям убытки. Изготовление усовершенствованных узлов требует материальных затрат. Но так как цены на машины утверждаются как постоянные, то завод, который обновляет свои машины, несет убытки»¹⁰¹. В результате, по министерству станкостроительной и инструментальной промышленности к середине 50-х годов примерно 18% выпускаемых металлорежущих станков требовали замены и модернизации (из 384 типоразмеров освоенных станков 9 были разработаны еще до войны и продолжали выпускаться, еще 8 были освоены в годы войны). Гораздо хуже обстояло дело с деревообрабатывающими станками, около 50% которых были явно устаревшими¹⁰². По данным министерства, к середине 50-х годов свыше 300 тыс. станков эксплуатировалось уже более 20 лет, еще 63 тысячи – от 20 до 10 лет. «Если считать, говорилось на совещании, – что выпускаемые нами станки обеспечивают 10–12 млн руб. экономии по сравнению со старыми станками, то только от эксплуатации 300 станков 20-ти летнего возраста народное хозяйство теряет около 3 млрд рублей в год. Эта проблему пытались решить год назад. Поскольку немедленно заменить все устаревшее оборудование на новое страна была не в силах, по указанию Хрущева была составлена государственная программа модернизации оборудования. Она касалась модернизации не только металлообрабатывающих станков, но и прокатных станов, текстильных машин и ткацких станков и всего оборудования в целом»¹⁰³. Эта программа во многом осталась на бумаге, ибо возникла проблема финансирования модернизации оборудования.

Министр химической промышленности С.М. Тихомиров поднял важный вопрос о хозрасчете: «на этом совещании, – отметил он, – никто из выступавших не сказал о заводском и цеховом хозрасчете. И это не случайно. За последние годы в связи с сокращением хозяйственных стимулов и известной централизацией, решения некоторых вопросов руководства предприятиями (планирование, финансирование) хозрасчет, особенно цеховой хозрасчет, практически сведен на нет»¹⁰⁴. Выступавшие на совещании отмечали неритмичность работы предприятий во многих отраслях промышленности и, прежде всего, в машиностроении. Почти половина выпускаемой продукции приходится на третью декаду месяца. Это означает, что в первые две декады предприятия работают с неполной нагрузкой, а затем начинается штурмовщина».

Обсуждение проблем машиностроения на совещании показало, что в условиях ослабления репрессивных мер со стороны го-

сударства в министерствах и ведомствах растут и иждивенческие настроения. Эти учреждения во многих случаях вместо изыскания внутренних резервов для обеспечения текущих нужд предприятий истроек требовали у правительства, без достаточных к тому оснований, дополнительные денежные средства, материалы и оборудование.

На совещании были отмечены многочисленные недостатки в структуре управления предприятиями. Так, на средних и небольших предприятиях структура управления практически не отличалась от управления крупных заводов. Например, на Харьковском заводе дорожных машин Министерства строительного и дорожного машиностроения на 235 рабочих имелось 10 отделов, 6 производственных цехов, а в штатах управления числилось 88 человек (33%)¹⁰⁵.

В целом обсуждение проблем состояния и развития машиностроения в стране показало, что обеспокоенность нового руководства страны общим состоянием экономики была правомерной. Темпы роста производительности труда и экономического развития были недостаточны для давно назревшего поворота к социальной ориентации экономики, для выигрыша в соревновании с передовыми странами Запада, к чему призывали на Совещании руководители СССР: «Чтобы победить капитализм в экономическом соревновании, мы обязаны иметь передовую технику, лучшую организацию производства и более высокую производительность труда... Мы не сомневаемся в том, что в экономическом соревновании между двумя общественными системами победит социалистическая система, как более прогрессивная. Однако известно, что победа не приходит сама – победу организуют и создают люди»¹⁰⁶.

Сразу же после Всесоюзного Совещания работников промышленности ЦК КПСС и Советом министров СССР 28 мая 1955 г. было принято постановление «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники»¹⁰⁷. В соответствии с Постановлением был образован Государственный комитет Совета министров СССР по новой технике (Гостехника СССР)¹⁰⁸.

Проблемы НТП. СССР к началу 50-х годов, несмотря на ряд несомненных достижений, продолжал отставать от Запада в области науки, техники, новейших технологий. В первое послевоенное десятилетие успешно развивались лишь науки, непосредственно связанные с оборонным комплексом, занятые созданием ракетно-ядерного щита.

На Западе под воздействием начавшейся после Второй мировой войны научно-технической революции (НТР) происходит ги-

гантский прирост стратегического потенциала. Это обстоятельство вынуждает советское руководство переосмыслить роль научно-технической деятельности в стране, признать необходимость приоритетного развития новых направлений в науке и технике. После смерти Сталина были критически пересмотрены многие устаревшие схемы развития науки. Ключевым звеном новой научно-технической стратегии становится научно-технический прогресс (НТП).

В докладе Председателя Совмина СССР Н.А. Булганина на июльском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС была предпринята попытка учесть важнейшие тенденции научно-технического прогресса, призванного ускорить подъем советской экономики. Однако за констатацией факта вступления страны в период научно-технической революции не последовало серьезного анализа состояния научных разработок в стране, действительные причины отставания советской науки и техники от передового мирового уровня названы не были. В постановлении Пленума лишь говорилось, что «невыполнение заданий по росту производительности труда является результатом медленного внедрения новой и плохого использования имеющейся техники, неудовлетворительной организации производства, неупорядоченности нормирования труда и заработной платы, а также нарушения трудовой и производственной дисциплины»¹⁰⁹. В качестве решения проблемы предлагались стандартные организационные меры «Обязать министерства..., обязать ЦК компартий..., обязать ВЦСПС, ЦК профсоюзов, поднять социалистическое соревнование на новую ступень...»¹¹⁰. НТР, как свидетельствовал мировой опыт, требовала глубоких структурных преобразований во всем народном хозяйстве: изменения места науки в системе разделения труда, создания новых отраслей знаний и производства, а главное, она требовала инициативного, самостоятельного работника.

В принятых на XX съезде КПСС Директивах по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг. несмотря на призывы максимально использовать в народном хозяйстве достижения науки, упор по-прежнему делался на преимущественное развитие тяжелой промышленности¹¹¹, а реализация технического прогресса ограничивалось ее сферой: развитием электрификации, повышением технического уровня машиностроения. Науке, главному «инструменту» НТР, как и раньше отводилась второстепенная роль. Ее развитие шло вширь, а не вглубь: создавались новые научные учреждения, расширялась сеть Академии наук СССР. В 1956 г. в СССР насчитывалось 2797 научных учреждений, в том числе 1210 научно-исследовательских институтов, их филиалов и отделений, что превышало довоенный уровень почти в 1,5 раза¹¹². В районе Новоси-

бирска началось строительство Сибирского отделения АН СССР. Тем не менее, принятые организационные меры середины 50-х годов, а главное – увеличение финансирования (расходы на науку увеличились с 539 млн руб. в 1950 г. до 2004 млн руб. в 1959 г., т.е. 3,7 раза¹¹³) способствовали ускорению научно-технического прогресса. В Таблице 13 приведено число научных открытий, сделанных в СССР в 30–90-е годы.

Таблица 13

Число научных открытий, сделанных в СССР*

Период	Всего открытий	Период	Всего открытий
1931–1935	1	1961–1965	90
1936–1940	4	1966–1970	89
1941–1945	4	1971–1975	47
1946–1950	25	1976–1980	20
1951–1955	32	1981–1985	6
1956–1960	74	1986–1990	–

* Вестник РАН. 1996. Май. С. 419; Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: Опыт переосмысления. М., 1997. С. 204.

Из данных табл. 13 следует, что пик пришелся на 50-е и 60-е годы, в этот период было сделано 80% всех научных открытий СССР за все послевоенные годы.

Развитие научно-технической мысли в стране в этот период ознаменовалось рядом крупнейших достижений мирового уровня. Так, вслед за пуском 27 июня 1954 г. под Обнинском первой в мире атомной электростанции, в разных районах страны началось сооружение еще более мощных атомных станций: Новосибирской, Воронежской и др. В декабре 1957 г. был спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин». Со второй половины 50-х годов в Советском Союзе строятся атомные подводные лодки, развивается серийное производство вычислительной техники, что открывает дорогу магистральному направлению НТР – автоматизации производственных процессов. В области физики атомного ядра советская наука смогла занять одно из ведущих мест в мире. Ученые СССР создали самый мощный в мире ускоритель заряженных частиц с энергией до 10 млрд электрон-вольт. За большой вклад в изучение теории цепных химических реакций академик Н.Н. Семенов был в 1956 г. награжден Нобелевской премией. В 50-е – начале 60-х годов Нобелевскую премию получили физики П.А. Черенков, И.М. Франк и И.Е. Тамм за теорию излучения Черенкова–Вавилова, академик Л.Д. Лан-

дау за создание теории сверхтекучести, Н.Г. Басов и А.М. Прохоров (совместно с американцем Ч. Таунсом) – за разработку молекулярных квантовых генераторов.

Весной 1956 г. на полигоне Капустин Яр под Волгоградом был осуществлен успешный пуск первой в мире ракеты Р-5М с ядерным зарядом. Этот ракетный комплекс сыграл важную роль в создании отечественных ракетных войск стратегического назначения. Через два с небольшим года воинские ракетные части на базе ракет Р-5м впервые заступили на боевое дежурство в Крыму. 17 декабря 1959 г. в СССР создается новый вид Вооруженных сил – ракетные войска стратегического назначения (РВСН).

Триумфом советской науки и техники явилось создание под руководством С.П. Королева и М.В. Келдыша первого в мире искусственного спутника Земли и выведение его на орбиту 4 октября 1957 г. Первый искусственный спутник был запущен на «военные деньги», выделенные Главнокомандующему ракетными войсками М.И. Неделину на реализацию стратегической ракетно-ядерной программы.

Под проект десантирования войск на территорию противника через космос маршал позволил Королеву переоборудовать его штатную боевую межконтинентальную ракету Р-7 в космический корабль «Восток». 12 апреля 1961 г. открыло начало новой космической эры. 108 минут, которые провел на орбите первый в мире космонавт Юрий Гагарин дали ответ на вопрос о возможности жизни и работы человека в космическом пространстве.

Успехи в деле освоения космоса определялись интересами военно-промышленного комплекса. На Байконуре на один научный старт приходилось три-четыре учебно-боевых пусков.непропорциональная перекачка ресурсов в военный сектор, приоритетное развитие отраслей ВПК придает советской экономике в хрущевское десятилетие все более однобокий характер. В несвязанных с «оборонкой» отраслях положение было много хуже: старело импортированное в годы первых пятилеток промышленное оборудование, крайне медленно осваивались новые типы машин, новые технологии.

Идеологические догмы и непосредственно связанные с ними ограничения на свободу слова, передвижения, продолжавшие существовать в советском обществе на всем протяжении рассматриваемого периода, по своей сущности противоречили главному императиву развернувшейся в эти годы НТР – наличию в обществе инициативной, самостоятельной, думающей личности. Впервые с момента создания советской системы эти ограничения становятся серьезным тормозом ее социально-экономического развития. Преобладание в данный период в советском обществе

«спартанского» типа личности, ориентированной на указания «сверху», строгое выполнение санкционированных государством ролей, вопреки всем партийным установкам блокировало «разворачивание НТР», современных гражданских производств в стране, а стало быть, делало мало эффективным социально-экономический рост.

По мнению Кудрова: «В целом же НТП в СССР носил в значительной мере имитационный характер, поскольку практически задавался не рыночным платежно-способным спросом в соответствии с реальными общественными потребностями, а техническим прогрессом, идущем на Западе и, прежде всего, в США. Задача была проста – не отстать, взять у Запада все, что только можно... Такой характер НТП уже по самому определению обрекал СССР на отставание»¹¹⁴.

Вместо расширения индивидуальных и коллективных свобод, являвшихся сутью всех органических модернизаций в мире, целью советской модернизации в 50-е годы становится выборочное заимствование технических и организационных достижений более развитых западных стран. Без соответствующих им естественных форм жизнедеятельности западных обществ, таких, как рынок, гражданское общество, правовое государство, технические и технологические заимствования лишь маскировали прогрессирующее отставание СССР от передовых стран Запада, ставили его в заведомо проигрышную позицию вечно догоняющего.

Проблемы социальной ориентации экономики. Решения августовской сессии Верховного Совета СССР (1953 г.), а затем сентябрьского того же года Пленума ЦК КПСС, резко подняв планку социальных ожиданий советских граждан, сделали весьма актуальной проблему качества экономического роста. В 1955–1959 гг. подход к проблеме социальной ориентации советской экономики со стороны высшего советского руководства претерпел довольно серьезную эволюцию. Как уже отмечалось, на протяжении всего послевоенного периода, власть, включая в начале самого Сталина, а потом и его преемников, лишь реагировала на периодически возникавшие проблемы в социально-экономической сфере. Многие социально ориентированные предложения Маленкова и Хрущева в период до XX съезда в значительной мере диктовались стремлением укрепить свой авторитет в народе и, по этой причине, были мало экономически обоснованы и слабо подкреплены соответствующими ресурсами.

Открывшиеся с началом либерализации режима каналы обратной связи с населением, заставляют власть все чаще обращаться к социальным проблемам. К середине 50-х годов вопросы

социального характера рассматриваются практически на каждом заседании Президиума ЦК КПСС.

Одним из первых шагов в направлении расширения социальных обязательств государства явилось обсуждение 24 ноября 1955 г. на Президиуме ЦК КПСС вопроса об отмене платы за обучение в средних специальных и высших учебных заведениях. По итогам обсуждения была сформирована комиссия во главе с Микояном. Результатом ее работы стало постановление Совета Министров СССР от 6 июня 1956 г. об отмене с 1 сентября 1956 г. платы за обучение¹¹⁵.

Месяцем раньше, 25 октября 1955 г. Хрущев направил членам Президиума ЦК КПСС «с целью обмена мнениями» очередную записку по вопросам предстоящего отчетного доклада ЦК КПСС XX съезду партии. К этому времени в результате проведения целого ряда открытых и закрытых совещаний с работниками различных отраслей народного хозяйства и критического осмысления сталинского наследства у Хрущева складывается определенное представление о состоянии экономики, о ее реальных возможностях. Суть этого видения была отражена в его выступлении на Всесоюзном совещании работников промышленности вполне четко: «мы можем успешно решить самые сложные в техническом отношении задачи, но это когда мы напрягаем наши усилия и мобилизуем людей»¹¹⁶. При этом Хрущев имел в виду не только административно-репрессивные меры мобилизации. Достижения последнего года в сельском хозяйстве он прямо связывает с тем, что «удалось повысить материальную заинтересованность колхозников... развязать их инициативу»¹¹⁷.

На этом же совещании сделан был еще один важный вывод. Размышляя о причинах, в силу которых «наши огромные экономические возможности используются далеко не вполную силу», Хрущев впервые в послевоенные годы, правда, не в явной форме, ставит вопрос о необходимости углубления интенсификации и специализации промышленного производства. Он уверен, что при лучшей организации производства можно добиться значительного увеличения выпуска продукции на существующих производственных площадях¹¹⁸. Анализ показывает, что в этом выступлении Хрущева достаточно отчетливо просматриваются многие новации, которые будут определять его социально-экономическую политику вплоть до отставки. Это, прежде всего, стремление резко улучшить управляемость промышленностью и строительством, через усиление горизонтальных связей между отдельными министерствами и ведомствами, чтобы придать новое качество экономическому росту. Для Хрущева высокие темпы роста экономики не самоцель, также как не самоценны и при-

меняемые в промышленности и строительстве конструкционные материалы: бетон или металл. «Здесь вопрос не вкуса, — отмечал он, — это вопрос борьбы за увеличение производства товаров на душу населения с тем, чтобы в наиболее короткие сроки перегнать развитые капиталистические страны в области производства продукции на душу населения»¹¹⁹. Проблема первоочередного развития тяжелой индустрии для Хрущева вопрос не столько экономический, сколько политический. По его убеждению, продолжительность мирного сосуществования двух систем будет зависеть от нашего умения использовать время и возможности для еще большего укрепления, чтобы никакая случайность и неожиданность не застала нас врасплох¹²⁰. Отчетливо сформулировано отношение первого секретаря ЦК КПСС к ряду других проблем, включая и промысловую кооперацию, предприятия которой «мало чем отличаются от государственных и также получают сырье или в порядке государственного планирования, или за взятки...у (государственных) заводов»¹²¹.

В записке от 25 октября 1955 г. Хрущев делает еще один крупный шаг в осмыслении ситуации в социально-экономической сфере. Пока он не готов для решения острых социальных вопросов жертвовать интересами «основных отраслей хозяйства»¹²². Его действия носят прагматический характер. Необходимость расширения социальных обязательств государства он связывает с наличием в СССР большого количества низкооплачиваемых рабочих, «которые на свою зарплату не могут свести концы с концами»¹²³ и живут, по существу, в бедности. И это в государстве рабочих и крестьян, в программных документах которого провозглашалось всестороннее развитие человека. Если Сталин уверял своих единомышленников в Политбюро, что с зарплатой трудящихся все отлично, то Хрущев в записке акцентирует внимание высшего руководства на том, что вопрос о повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим давно назрел и является очень актуальным¹²⁴. Другое измерение этого вопроса тоже волновало партийного лидера: в стране имелась относительно небольшая группа людей, которая получала очень высокую заработную плату. Данная ситуация, по мнению первого секретаря ЦК КПСС, создавала опасный для социалистического общества «разрыв между высокооплачиваемыми работниками, главным образом интеллигентного труда и низкооплачиваемой категорией рабочих и служащих»¹²⁵. Неблагополучно обстояло дело и с пенсионным обеспечением населения. Эти вопросы волновали широкий круг трудящихся, и по этому поводу в ЦК КПСС шел огромный поток писем. Существовал еще один аргумент, придававший, с точки зрения Хрущева, дополни-

тельную остроту социальным вопросам. Иностранные делегации, зачавшие с началом «оттепели» в страну, уделяли им пристальное внимание, и часто сравнение было не в пользу СССР, что наносило ущерб престижу социализма.

Предлагая ускорить вопрос о повышении заработной платы низкооплачиваемых рабочих и служащих, Хрущев отдавал себе отчет, что в короткие сроки вопрос не может быть решен только путем повышения производительности труда. Он предложил пойти на прямое (бюджетное) увеличение зарплаты указанным категориям, а также несколько лет не проводить снижения цен на продовольственные и некоторые промышленные товары¹²⁶. Не исключал он и возможность пойти на выпуск специального долгосрочного внутреннего займа.

В своей записке Хрущев не ограничивается вопросами упорядочивания заработной платы и пенсий. По существу, в этом документе предложена широкая комплексная, хотя и не бесспорная программа решения социальных вопросов: от облегчения домашнего труда женщин до введения самообслуживания в столовых.

На заседании Президиума ЦК 16 ноября 1955 г., где рассматривался вопрос «О директивах по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг.», Хрущев, председательствовавший на этом заседании, выразил сомнение в том, что «нужно принимать такую пятилетку. Смелее переделать, прирост по группе «Б» недостаточен»¹²⁷. В докладе Н.А. Булганина «Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народному хозяйству на 1957–1960 гг.» это замечание было учтено и на конец шестой пятилетки запланировали рост производства предметов потребления (группа «Б») на 60%, производство средств производства (группа «А») увеличивалось на 70%¹²⁸.

Позиция Хрущева нашла отражение в формулировке главных задач шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. В новом пятилетии предлагалось «на базе преимущественного развития тяжелой промышленности, непрерывного технического прогресса и повышения производительности труда обеспечить дальнейший мощный рост всех отраслей народного хозяйства, осуществить крутой подъем сельскохозяйственного производства и на этой основе добиться значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа»¹²⁹.

Многие вопросы, изложенные в записке, вошли в отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду КПСС. В нем говорилось о необходимости улучшать и совершенствовать формы заработной платы, поставить ее в прямую зависимость от количества и качества

труда каждого работника и полностью использовать мощный рычаг материальной заинтересованности для повышения производительности труда»¹³⁰.

Далеко не все в высшем советском руководстве разделяли эти позиции. Так, Молотов до конца жизни считал первостепенными производственные задачи. Однако и он после инспекторской поездки по стране с 8 по 15 августа 1956 г. в качестве заместителя Председателя Совмина СССР был вынужден признать, что социальные вопросы приобрели политический характер. И это с учетом того, что накануне его поездки на Украину, местным руководством были предприняты значительные усилия для смягчения остроты некоторых социальных вопросов в этом регионе. Председатель Совета министров УССР Н. Кальченко сообщал в своем отчете ЦК КПСС: «Днепропетровской и Западной областям УССР на время визита Молотова дополнительно было выделено для улучшения снабжения рабочих: сахара – 2400 т, муки для хлебопечения – 720 т., обуви – на 2 млн пар. За период с 10 августа по 16 августа в Кривом Роге и Запорожье были открыты 4 овощных и молочных магазина»¹³¹.

Результатом поездки Молотова стала его обширная записка в ЦК КПСС, которая сегодня представляет интерес с многих точек зрения. «В течение шести дней, – писал Молотов в своем отчете в ЦК КПСС, – ...приходилось иметь много бесед с местными руководителями и рабочими и...одновременно принимать конкретные меры по улучшению продовольственного снабжения населения, жилищным вопросам. Особых выводов делать не буду, – сообщал коллегам по руководству Молотов, – в силу кратковременности поездки... Но вопрос о зарплате рабочих (а также инженеров), на некоторых металлургических предприятиях Украины заслуживает внимания»¹³². Рабочие ведущих специальностей в этом (1956 г.) зарабатывают значительно меньше, чем в прошлом году (в мае – на 200–300 и даже 400 рублей меньше). В прошлом году «Запорожсталь» выполняло и перевыполняло установленный производственный план, и рабочие получали не только зарплату по тарифу, но соответственно прогрессивку и премии. В новом 1956 г. завод план не выполняет, и значительная часть рабочих лишилась прогрессивки и премий, и зарплата снизилась в итоге на 15–20%¹³³. По существовавшей в те годы практике нормы выработки у рабочих металлургических заводов устанавливались в определенной зависимости от производственного плана предприятия, и в случае невыполнения предприятием производственной программы зарплата металлургов снижалась (иногда значительно).

«В результате, – информирует Молотов членов ЦК, – выход находят в незаконных доплатах ...в результате чего у рабочих и

инженеров подрывается стимул к должному увеличению выпуска продукции. Например, зарплата вальцовщиков тонколистового цеха снизилась с 1855 руб. (в прошлые годы) до 1113 руб. в июле 1956 г. и была искусственно повышена до 1459 рублей путем незаконных доплат¹³⁴.

Молотов обратил особое внимание на жилищный вопрос. «Его острота, — отмечал он в записке, — везде велика! Существующий размер жилплощади требует увеличения. Данные по Днепропетровскому алюминиевому заводу: средняя обеспеченность жильем на заводе 3,1 м² жилой площади. **Жилищный вопрос из бытового превратился в политический** (выделено авт. — В.Ш.). Требуется дальнейшая помощь и по линии индивидуального жилищного строительства лесом и кровельным материалом»¹³⁵. Третий острый социальный вопрос, по мнению Молотова — о трудоустройстве, особенно молодежи, окончившей десятилетку. Для разрешения этого вопроса Молотов предложил чисто административную меру — направлять избыток рабочей силы, с помощью «некоторых организованных перемещений» в восточные районы СССР¹³⁶. Среди жалоб рабочих в записке Молотова особо отмечались следующие: «1. Запущенность в тарификации (система зарплаты). 2. Перебои со снабжением продовольственными и промышленными товарами, особенно по продовольствию: хлеб, сахар, колбаса (дешевые сорта), дешевые сорта папирос. Не везде в достаточном количестве поступает в продажу молоко. По промтоварам особые жалобы на отсутствие обуви. Мало дешевых шерстяных и хлопчатобумажных тканей и готовых изделий из них. Большие очереди в магазины, особенно за белым хлебом и многие после работы не имеют возможности приобрести белый хлеб. В широких масштабах процветает спекуляция и перепродажа товаров на рынке (мер борьбы со спекуляцией не принимают). Много жалоб на плохие жилищные условия. В г. Николаеве и в целом на Украине остро стоит вопрос с трудоустройством, особенно молодежи. В Кривом роге на предприятиях тяжелые условия труда, плохая вентиляция, загазованность, на некоторых предприятиях имеют место простои, в результате чего снижается зарплата рабочих»¹³⁷.

Поездка Молотова по стране заставила руководство СССР обратить более серьезное внимание на поднятые им вопросы. Для смягчения положения со снабжением населения обувью, в первых, Минторг выделил для Украины дополнительно примерно 1,5 млн пар за счет поступлений из Чехословакии. Во-вторых, Госэкономкомиссия получила задание увеличить ресурсы обуви в торговле на 1957 г. до 303 млн пар или на 2,4%. (В 1956 г. ресурс был 282,8 млн пар, включая 42,6 млн пар выработки местной

Производство х/б тканей, в млн м*

	1955 отчет	1956 план	% 1956 г. к 1955 г.
Всего	5756	5400	93,8

* РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 142. Л. 100.

промышленностью и промкооперацией, это больше, чем в 1955 г. на 2,9%¹³⁸). Такого количества обуви было совершенно недостаточно для обеспечения спроса населения (на человека в год приходилось лишь 1,4 пары). **В то же время, исходя из предварительных расчетов Госэкономкомиссии СССР для обеспечения минимальных потребностей населения страны было нужно 400 млн пар** (выделено авт. – В.Ш.)». В соответствии с директивами XX съезда на 1960 г., планировалось произвести 455 млн пар обуви¹³⁹. По данным, предоставленным Молотову министром торговли Д.В. Павловым (см. табл. 14) видно, что в 1956 г. сократилось не только производство обуви, но также и производство хлопчатобумажных тканей.

Из записки министра в августе 1956 г. следует, что существовал ощутимый недостаток во многих видах х/б тканей. Для удовлетворения спроса на минимальном уровне необходимо было производить **6200 млн м х/б ткани** (выделено авт. – В.Ш.)¹⁴⁰. На конец шестой пятилетки планировалось произвести 7270 млн м таких тканей¹⁴¹.

В целом в период от XX до XXI съезда в социальной сфере происходят значительные положительные изменения. Еще в преддверии XX съезда Хрущев предложил в шестой пятилетке на 2 часа сократить продолжительность рабочего времени в субботу. 8 марта 1956 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «О сокращении продолжительности рабочего дня для рабочих и служащих в предвыходные и предпраздничные дни» с 10 марта 1956 г.¹⁴² В шестой пятилетке намечался постепенный перевод рабочих и служащих на семичасовой рабочий день, а рабочих ведущих специальностей в угольной и горнорудной промышленности, занятых в подземных работах – на шестичасовой рабочий день. Это удалось осуществить в 1957 г. 1 апреля 1958 г. было ЦК, СМ И ВЦСПС принимают постановление «О переводе на семи- и шестичасовой рабочий день и упорядочении заработной платы рабочих и служащих ряда отраслей тяжелой промышленности в 1958 г.»; постановлением 27 мая 1958 г. работников электростанций, электрических и тепловых сетей и предприятий

по ремонту оборудования электростанций и сетей; 3 ноября 1958 г. – рабочих и служащих предприятий машиностроительной, нефтяной, газовой промышленности и т.д. Завершился этот процесс постановлением 20 июля 1960 г. об установлении с 1 октября 1960 г. семичасового рабочего дня для работников центрального аппарата министерств и ведомств. При этом совнархозам, министерствам, ведомствам разрешалось по согласованию с соответствующими профсоюзами вводить на предприятиях пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями при восьмичасовом рабочем дне. С 1 июля 1956 г. вступил в силу указ Президиума ВС СССР от 26 мая 1956 г. «Об установлении шестичасового рабочего дня для подростков от 16 до 18 лет»¹⁴³.

14 июля 1956 г. после предварительного обсуждения Верховным Советом СССР был принят новый закон о государственных пенсиях¹⁴⁴. Закон установил достаточно высокий уровень минимальной пенсии по старости – 300 рублей в месяц. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих в промышленности в 1950 г. составляла 708 рублей, в народном образовании – 689¹⁴⁵. Всем получавшим зарплату до 350 рублей в месяц пенсии назначались в полном объеме оклада, но не ниже 300 рублей. Далее использовалась понижающая шкала. Тем, кто получал зарплату от 350 до 500 рублей в месяц, пенсия устанавливалась в размере 90% от оклада, от 500 до 600 рублей в месяц – 80%, от 600 до 800 рублей – 70%, от 800 до 1000 – 60%, с окладом 1000 рублей и выше – 55% от заработной платы, однако не выше максимального размера пенсии – 1200 рублей. Рабочие и служащие, связанные с сельским хозяйством и проживающие постоянно в сельской местности также получили право на пенсионное обеспечение, но в размере 85% от установленных норм для трудящихся городов. Средний размер пенсии по старости после введения нового закона возрос более чем в два раза, пенсии по инвалидности увеличились примерно в 1,5 раза, пенсии семьям рабочих и служащих, потерявшим кормильца – на 64%. На начало 1961 г. число пенсионеров в РСФСР составило 13 759 тыс. человек, из них бывших военнослужащих – 3552 тыс. человек¹⁴⁶. 15 июля 1964 г. Верховный Совет СССР принял закон о государственных пенсиях и пособиях членам колхозов (вступил в действие с 1 января 1965 г.), до принятия этого закона колхозники получали пенсии от колхозов¹⁴⁷.

8 сентября 1956 г. было принято постановление СМ СССР, ЦК КПСС и ВЦСПС о повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим с 1 января 1957 г. «рабочим и служащим, занятым непосредственно на промышленных предприятиях... в размере не менее 300–350 руб. в месяц, остальным

Таблица 15

Ввод в действие жилых домов государственными и кооперативными предприятиями и организациями в 1956–1960 гг. в млн м² общей площади*

Год	По постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 31 июля 1957 г.	По официальным данным Центрального статистического управления при Совете Министров СССР. 1961 г.	Прирост по годам	Разница отчетных и планируемых показателей
1956	28**	29,5	–	+1,5
1957	34	38,5	9,0	+4,5
1958	42	46,7	8,2	+4,7
1959	51	53,5	6,8	+2,5
1960	60	55,8	2,3	–4,2
Итого за 1956–1960 гг.	215	224,0	–	+9,0

*Рассчитано по: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9: 1956–1960. С. 197; Народное хозяйство СССР в 1960 г. Статистический ежегодник. М., 1961. С. 611.

** – плановый показатель 1956 г. рассчитан как разность общей суммы 215 и значений за 1957, 1958, 1959 гг.

рабочим и служащим – в размере не менее 300 руб. и в сельских местностях – не менее 270 руб. в месяц»¹⁴⁸.

Бесспорно, что одним из главных достижений социальной политики Хрущева явилось расширение жилищного строительства. 1957 г. стал началом массового переселения горожан из коммунальных квартир, барачных и сараев в отдельные квартиры со всеми удобствами. Новое жилье предоставлялось бесплатно. На предприятиях и по месту жительства (в исполкомах) организовывались очереди нуждающихся.

По данным официальной статистики¹⁴⁹ объем ввода в действие жилых домов государственными и кооперативными предприятиями и организациями за годы шестой пятилетки был перевыполнен, что видно из Таблицы 15.

Из приведенной таблицы 15, видно, что плановая цифра 215 млн м², которую в свою очередь увеличили с 205 млн м² (по директивам XX съезда), в итоге была превышена на 9 млн м², причем объем общей площади в абсолютном исчислении с 1956 г. ежегодно увеличивался, хотя ежегодный ее прирост уменьшался. Таким образом, реальные успехи в жилищном строительстве в 50-е–60-е годы способствовали решению жилищной проблемы в

СССР. Жилищное строительство – это, пожалуй, один из немногих примеров успешного внедрения новых технологий в отрасль. Эти технологии позволили в кратчайшие сроки добиться значительных успехов. Подробно решение жилищной проблемы будет рассмотрено в следующей главе.

Трудности с выполнением растущих социальных обязательств государства – одна из причин, заставивших Хрущева в начале 1957 г. пойти на реформу управления промышленностью и строительством, и сократить вооруженные силы. Поиски дополнительных источников для обеспечения социальной политики в конечном итоге вновь замыкаются на собственном населении. Чтобы изыскать средства для ускорения строительства жилья, в 1957 г. было принято решение заморозить выплату населению по займам. Сталинская практика Государственных займов продолжалась и при Хрущеве. Еще 12 мая 1955 г. в «Правде» было опубликовано постановление СМ СССР «О выпуске государственного займа развития народного хозяйства СССР (выпуск 1955 г.) на сумму 32 млрд руб. сроком на 29 лет». Однако в связи с тем, что с каждым новым займом увеличивался размер выплат в счет погашения государственного долга по займам, а средств на это не хватало, с 1958 г. выпуск государственных займов для размещения по коллективной подписке среди населения был прекращен. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 19 апреля 1957 г. «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза» предлагалось отсрочить на 20 лет погашение займов, выпущенных до 1957 г.¹⁵⁰ В последующие годы это решение об отсрочке займов создало немало проблем для советского высшего руководства.

С середины 1950-х годов (когда 16 декабря 1955 г. Президиум ЦК КПСС в режиме импровизации поспешил решить чрезвычайно важный вопрос о помощи Афганистану¹⁵¹), руководствуясь намерениями укрепить социалистический лагерь и обрести новых союзников из числа стран «третьего мира», СССР втягивается в непосильную и разорительную для страны миссию оказания материальной и финансовой помощи развивающимся странам и странам восточного блока. Это отрицательно сказывается на эффективности внутренней социально-экономической политики. Производственный потенциал страны по-прежнему развивался экстенсивно. Ресурсоемкость экономики нарастала, общая эффективность народного хозяйства относительно снижалась¹⁵². Состояние дел в экономике в течение 1956 г. подталкивает Хрущева к принятию нестандартных решений. Командный метод жесткого, всеобъемлющего распорядительства из центра себя изжил. В это время в стране имелось более 200 тыс. промышленных предприятий и сви-

Существенно изменился трудовой потенциал страны. Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве ежегодно увеличивалась. В 1958 г. она составила по официальным данным 56 млн человек, в 1959 г. – 57, 9 млн человек. В 1960 г. при 62 млн работающих человек уровень занятости населения составлял 78% и позволял рассчитывать на возможность привлечения новых работников¹⁵⁶. В 1961–1965 гг. в народное хозяйство, прежде всего в сферу услуг влилось более 10 млн чел.¹⁵⁷ Только к 1970 г., когда удельный вес занятых в народном хозяйстве поднялся до 90%, был положен естественный предел для развития экономики вширь. С середины 60-х годов приток трудовых ресурсов в промышленность из года в год сокращался, а их качество неуклонно снижалось, что привело к дефициту рабочих рук.

Ввиду того, что на протяжении всего рассматриваемого десятилетия одной из наиболее актуальных проблем для власти являлась проблема ускорения технического прогресса, наиболее важными представляются процессы в интеллектуальном слое страны.

Сопоставление данных переписей 1959 и 1939 гг. показывает большой скачок в подъеме культурно-технического уровня рабочих. Если в 1939 г. высшее, среднее и неполное среднее образование имело всего 8,2% рабочих, то в 1959 г. уже 38,6%¹⁵⁸.

В эти годы намечается и другая тенденция – высшее образование становится престижным. Это способствовало тому, что основная часть молодежи после окончания средней школы устремлялась в вузы. К 1959 г. (по данным переписи населения) численность отечественной интеллигенции превышает 20 млн человек¹⁵⁹. Таким образом, за 20 лет (1939–1959 гг.) она увеличилась более чем в 2,3 раза, в то время как общая численность населения за этот же срок выросла всего на 22%¹⁶⁰. За этот период количество инженеров увеличилось в 3,3 раза, врачей в 2,7 раза, преподавателей вузов в 2,7 раза, работников литературы и печати – в 1,8 раза. В гораздо меньшей степени (примерно в 1,5 раза) выросла численность плановиков, делопроизводителей, учетных и контрольно-ревизорских работников¹⁶¹. Данные статистики свидетельствуют и об изменении отраслевого состава интеллигенции. В то время, как общее число специалистов с высшим и средним образованием увеличилось к 1959 г. в сравнении с концом 1940 г. в 3,3 раза, их число на промышленных предприятиях возросло соответственно в 4,7 раза, в строительных организациях и совхозах – в 6 раз¹⁶².

Такая тенденция привела к тому, что к началу 80-х годов специалисты, получившие высшее и среднее специальное образование, составляли 25,1% всего населения¹⁶³. В 50-е годы инженерная деятельность из профессии для избранных начинает превра-

Таблица 18

Рост численности и доли инженеров в составе специалистов в СССР,
в % и тыс. чел.*

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Число инженеров (тыс.)	400,2	1135,0	2486,5	4914,2
На 1000 рабочих и служащих	9,9	18,3	27,5	43,7
Среди специалистов с высшим образованием (%)	27,7	32,0	36,2	40,7
Соотношение инженеров и техников	1:2,1	1 : 1,7	1:1,8	1 : 1,6
Выпуск инженеров из вузов (тыс.)	37,4	120,4	257,4	329,3

* Волков В.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. 1938–1970. М., 1999. С. 144.

щаться в массовый вид труда. В Таблице 18 приводятся показатели роста численности доли инженеров в составе специалистов.

Доступное бесплатное образование открывало широкие возможности для продвижения по служебной лестнице и обеспечивало рост численности научно-технической интеллигенции. К 1960 г. по числу выпущенных инженеров СССР превзошел США, что видно из Таблицы 19¹⁶⁴.

Существенно изменилось за 50-е годы положение крестьянства. Прежде всего, следует отметить сокращение его абсолютной численности и удельного веса в общей массе населения. Существенно изменился и профессиональный состав крестьянства. На начало 1959 г. в сельском хозяйстве было занято 2,036 млн трактористов, 353 тыс. комбайнеров, 187 тыс. машинистов¹⁶⁵. 240 тыс. человек (примерно один процент от общего числа работников колхозного производства) составляли специалисты с высшим и средним образованием¹⁶⁶. Еще 166 тыс. специалистов работало в совхозах. Однако в целом основная масса сельских тружеников имела низкий уровень образования: в 1959 г. на 1000 человек колхозников (не считая руководителей и специалистов) высшее и среднее образование имели 212 человек¹⁶⁷.

«Семилетка в действии». Достижения в освоении космоса, относительно высокие темпы роста промышленного производства в конце 50-х–начале 60-х годов породили в советском обществе определенную эйфорию, уверенность в возможности гигантского рывка вперед. И это одна, хотя не единственная и, скорее всего, не главная причина по которой на XXI съезде КПСС в январе

Выпуск инженеров и численность дипломированных инженеров, занятых в хозяйстве США и СССР, тыс. чел.*

	1950 г.	1960 г.	1965 г.	1968 г.	1970 г.
Выпуск инженеров					
СССР	37	120	170	210	257
США	61	43	41	47	50
Численность дипломированных инженеров, занятых в хозяйстве					
СССР	400	1135	1631	2168	2486
США	310	590	735	830	905

* Волков В.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. 1938–1970. М., 1999. С. 96.

1959 г. Хрущев заявил о смене приоритетов социально-экономического развития. Провозглашенное на съезде начало развернутого строительства коммунизма означало, по существу, реставрацию традиционных командно-приказных методов мобилизации общества, путем внеэкономического принуждения, подмену действительного желаемым. Спустя два года на XXII съезде КПСС тезис о развернутом строительстве коммунизма был закреплен в новой, третьей по счету программе партии. Таким образом, задача социальной ориентации экономики была модифицирована. Достичь самого высокого в мире жизненного уровня советским людям предстояло посредством создания материально-технической базы коммунизма, формирования нового человека и совершенствования производственных отношений. Иными словами, в ближайшие 20 лет в СССР, в соответствии с основополагающими партийными документами должны были отмереть все проявления частной собственности, товарно-денежные отношения в экономической жизни, подлежали ликвидации, социалистические властные институты предполагалось преобразовать в общественное коммунистическое самоуправление.

Можно сделать вывод, что Хрущев, столкнувшись с назревшими, но труднорешаемыми проблемами социальной ориентации социалистической экономики, переводит вектор развития на достижение коммунистических целей, в том числе и коммунистического изобилия, одновременно отодвигая их решение как минимум на десяток лет вперед. Именно в 1970 г. СССР предстояло догнать США по абсолютному объему производства и достичь полного благосостояния¹⁶⁸.

Нужно отметить, по меньшей мере, еще три важные причины, по которым советский лидер решился на ничем не подготовленный бросок вперед. По свидетельству его помощников, будучи фанатичным сторонником социалистических идей, Хрущев был глубоко убежден в конечном торжестве коммунистических идей во всем мире. Но, будучи реалистом, считал, что это случится не раньше, чем СССР на практике покажет, что сумел обеспечить своим народам лучшую жизнь, чем в капиталистических странах. Еще одна возможная причина коммунистического эксперимента – убеждение советского лидера в том, что главное преимущество советской системы состоит в ее социальной справедливости. Как верно подметил О. Лейбович, за освобождение от сталинского террора советское общество расплачивалось усилением социальной дифференциации, в том числе и имущественной. Прекращение террора способствует интеграции политической элиты и ее обособлению в социальной структуре общества¹⁶⁹. В эти же годы более полное использование принципа материального стимулирования труда способствует углублению социального неравенства, что воспринималось Хрущевым и его окружением крайне негативно.

Нельзя исключить, что для Хрущева основным мотивом форсированного строительства коммунизма стали вовсе не достижения экономической политики, а наоборот, ее провалы. В 1957 г., за три года до окончания шестой пятилетки, Хрущев предпринимает беспрецедентный в экономической политике шаг – объявляет, что принятый план пятилетки мешает развитию народного хозяйства и его планирование надо перевести на семилетнее. До сих пор причины отказа от шестого пятилетнего плана и замены его семилеткой (1959–1965) не вполне ясны. Вполне правдоподобным представляется предположение Ханина о намерении власти интенсифицировать развитие самых прогрессивных отраслей экономики и военно-промышленного комплекса... и особенно «счетных и математических машин»¹⁷⁰.

В опубликованном постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 19 сентября 1957 г. говорилось о том, что «За последние годы геологами открыты новые крупные месторождения различных видов сырья и источников энергии. На базе этих ресурсов имеется возможность создать новые предприятия и новые промышленные центры, не предусмотренные директивами по шестому пятилетнему плану. Для этого недостаточно оставшихся трех лет шестой пятилетки. На осуществление таких больших задач потребуется не менее 5–7 лет. Все это вызывает необходимость составления перспективного плана развития народного хозяйства СССР на более длительный период. Исходя из этого, Централь-

Официальные индексы основных макроэкономических показателей СССР***

Год	СОП*	НД**	Промышленность	С/х	Капвложения	Реальный доход на душу населения	Розничная торговля
1913	100	100	100	100	100	—	—
1928	—	119	132	124	85	50–60	100
1945	820	440	710	90	530	—	—
1952	—	1096	1689	142	1404	—	328
1953	—	1200	1892	146	1478	—	399
1954	—	1346	2144	153	1747	—	472
1955	—	1506	2412	170	1964	—	491
1956	—	1676	2668	193	2255	—	534
1957	—	1793	2935	199	2539	—	610
1958	—	2015	3237	320	2950	—	647
1959	—	2166	3606	221	3339	—	698
1960	2100	2300	4000	220	3692	250	760
1961	2247	2461	4360	227	3840	254	790
1962	2376	2599	4 800	229	4024	262	836
1963	2478	2691	5160	211	4246	266	874
1964	2667	2944	5500	242	4615	279	927
1965	2900	3200	6100	250	5000	288	1018
1970	4100	4600	9200	310	7200	400	1450
1990	8834	9350	22073	403	16861	—	3671

*СОП – совокупный общественный продукт – сумма валовой продукции отраслей материального производства.

**НД – произведенный национальный доход (сумма чистой продукции отраслей материального производства).

Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: Опыт переосмысления. М., 1997. С. 15, 16.

ный комитет КПСС и Совет министров Союза ССР постановляют: 1. Принять предложение Госплана СССР о разработке проекта плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг.»¹⁷¹. В 1962 г. сам Хрущев в беседе с руководителями Болгарии, отмечал, что на XX съезде «мы приняли глупый пятилетний план. Он был составлен безграмотно, в этой пятилетке были заложены диспропорции. Когда мы проработали год–два, мы увидели, что у нас не все в порядке. Я сказал тогда в Президиуме, тогда были Молотов, Маленков, о том, что мы должны набраться мужества и сказать Центральному комитету и партии, что нами неправильно принят пятилетний план и исправить, или же не говорить и выполнять,

тогда мы запутаем хозяйство так что за пять лет не распутаем его. Мы сказали про отставание и начали разрабатывать новую пятилетку, и тогда уже не пятилетку, потому что оставалось мало времени, а семилетку. И теперь эту семилетку реализуем»¹⁷².

В этой беседе Хрущев умолчал о том, что об отставании было сказано лишь в узком кругу членов Президиума ЦК КПСС. В официальном же постановлении речь шла об успешном выполнении «принятых XX съездом директив по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг.» от 19 сентября 1957 г.¹⁷³.

Возможно и другое. Хрущев на интуитивном уровне ощущал надвигающийся кризис. Он с недоверием, по его же собственному свидетельству, относился к официальным статистическим данным. Очевидно у него на то были основания. Известный экономист В.М. Кудров, анализируя официальные индексы основных макроэкономических показателей (см. Таблицу 20), делает вывод, что эти показатели между собой плохо коррелируются: «Так, рост национального дохода в 90 раз (за 77 лет) совсем не коррелирует с ростом розничного товарооборота в 37 раз (1928–1990 гг.). Увеличение национального дохода на душу населения (1928–1990 гг.) – в 50 раз не совместим с ростом реальных доходов на душу населения в 15 раз и розничного товарооборота – в 19 раз»¹⁷⁴, значит они являются необъективными.

Далее он отмечает, что «Именно крупные капвложения определили высокие темпы роста экономики СССР во втором периоде ее развития, в процессе формирования советской экономической модели. А капвложения росли, как правило, быстрее национального дохода»¹⁷⁵ (см. Табл. 21).

В целом, можно согласиться с мнением Кудрова В.М., что в результате опережающего роста капитальных вложений в советское время норма накопления сначала заметно возросла, а затем стабилизировалась на одном из высочайших уровней среди всех стран мира и стала снижаться¹⁷⁶ (см. Таблицу 22).

Развитие советской экономики находилось в русле общемировых тенденций: замедление темпов экономического роста и спад производства, вызванные сначала предвоенной депрессией, а затем войной и послевоенной реконструкцией, в 50-е годы сменились в европейских странах и Японии длительной фазой экономического подъема.

Гипотеза «наверстывания», весьма популярная в исследованиях послевоенной экономики, предполагает, что законы развития мировой экономической конъюнктуры подталкивают государства, пережившие длительную экономическую стагнацию, после накопления необходимого потенциала догонять страны,

Таблица 21

Динамика национального дохода и капвложений в СССР, число раз*

Год	Национальный доход	Капвложения	Год	Национальный доход	Капвложения
1913	1	1	1980	75	110
1940	5,3	5,7	1985	88	132
1945	4,4	5,3	1986	90	144
1950	8,8	11	1987	91	152
1960	23	37	1988	95	161
1965	32	50	1989	97	169
1970	46	72	1990	93	169
1975	61	100			

* Народное хозяйство СССР за 60 лет. М.: 1977. С. 13; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: 1987. С. 7; Народное хозяйство СССР в 1989 г. М.: 1990. С. 8; Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: Опыт переосмысления. М., 1997. С. 18.

Таблица 22

Норма накопления в СССР, в %*

Год	Общая норма накопления	Норма производственного накопления	Год	Общая норма накопления	Норма производственного накопления
1913	9,0	—	1951–1958	25,0–26,0	—
1925/26	17,2	12,5	1959	26,8	19,9
1926/27	18,4	14,5	1960	26,8	21,1
1927/28	20,4	15,9	1965	26,4	20,6
1928/29	19,5	12,2	1970	29,5	22,8
1929/30	36,0	24,6	1980	23,9	—
1932	26,9	—	1985	26,4	—
1937	26,4	—	1988	24,8	—
1940	26,3	—	1989	24,3	—
1950	27,0	—	1990	20,7	—

* Анчишкин А., Яременко Ю. Темпы и пропорции экономического развития. М., 1967. С. 89; Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 430.; Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С.13; Народное хозяйство СССР за 1922–1982... С. 418; Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе опыт переосмысления. М., 1997. С. 19.

вырвавшиеся за это время вперед (в послевоенном мире в роли безусловного лидера выступали США). Под влиянием общемировой тенденции «наверстывания» в 50–60-е годы находился и Советский Союз, и другие страны Восточного блока, перенившие советскую модель экономического развития. Известный лозунг Хрущева «Догнать и перегнать Америку!», несмотря на известную карикатурность своего практического воплощения, имел под собой и реальное основание.

Анализируя материалы социологического опроса, проведенного в августе–сентябре 1960 г. Институтом общественного мнения «Комсомольской правды», Б.А. Грушин отмечает, что «общий психологический тонус населения страны был, вне всякого сомнения, положительным и весьма высоким»¹⁷⁷. Начинания Хрущева по ускоренному строительству в СССР «светлого коммунистического будущего» нашли определенную поддержку в научной среде. Даже крупные ученые занимались во второй половине 50-х годов обоснованием партийных директив по коммунистической перспективе, участвовали в подготовке новой Программы КПСС. В соответствии с приоритетами капитальных вложений, в 50-е – начале 60-х годов начинают развиваться новые отрасли, и формироваться структурные комплексы экономики, которые в будущем становятся ее ведущими отраслями.

Планируемый объем капитальных вложений на семилетку был достаточно большим – 1940–1970 млрд рублей. На строительство предприятий черной металлургии выделялось 100 млрд руб., на развитие химической промышленности – 100–105 млрд руб., на нефтяную и газовую промышленность – 170–173 млрд руб., на угольную промышленность – 75–78 млрд руб., на жилищное и коммунальное строительство – 375–380 млрд руб.¹⁷⁸. Эти суммы обозначают приоритеты направления развития народного хозяйства на семилетку 1959–1965 гг.

Анализ данных официальной статистики показывает, что по отдельным отраслям (в основном в топливно-энергетическом комплексе) контрольные цифры семилетнего плана были достигнуты и даже превышены (см. Таблицу 23).

Именно в годы семилетки происходит становление топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и его составляющей – нефтегазового комплекса (НГК). В докладе Н.С. Хрущева на XXI съезде говорилось: «В области топливной промышленности взят решительный курс на преимущественное развитие добычи нефти и переработки нефти и газа... Удельный вес нефти и газа в общем производстве топлива при этом возрастет с 31 до 51 процента, а угля соответственно уменьшится с 60 до 43 процентов»¹⁷⁹. Проведенный в работе Славкиной М.В. анализ развития НГК¹⁸⁰ показывает,

Выполнение семилетнего плана по отдельным показателям, в млн т.*

Название	1958 г.	Планируемые показатели	Полученные результаты в 1965 г.
Выплавка чугуна	39,6 млн т	65–70 млн т	66,2 млн т
Выплавка стали	54,9 млн т	86–91 млн т	91 млн т
Добыча нефти	113 млн т	230–240 млн т	243 млн т
Производство газа	28 млрд куб. м	150 млрд куб. м	127,7 млрд куб. м
Добыча угля	496 млн т	600–612 млн т	577,7 млн т
Производство электроэнергии	235 млрд квт-ч	500–520 млрд квт-ч	506,7 млрд квт-ч

* Рассчитано: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9: 1956–1960. С. 299–303; Народное хозяйство в СССР в 1959 г. М. 1960. С. 176–193; Народное хозяйство в СССР в 1965 г. М., 1966. С. 169–181.

что топливный баланс страны в 1959–1965 гг. постепенно приближался к среднемировому балансу, в котором доля угля в 1965 г. составила 39,8%¹⁸¹. В СССР добыча угля стабильно снижалась, начиная с 1950 г. и к 1965 г. составила 42,7% всего топливного баланса, а добыча нефти и газа возрастала, что видно из Таблиц 24 и 25.

Из таблицы 24 видно, что особенно высокими темпами нефтяная промышленность развивалась после 1955 г. За десятилетие 1956–1965 гг. среднегодовые темпы прироста добычи нефти составили 17,2 млн. т. Высокие темпы добычи были связаны прежде всего с успешным освоением нефтяниками так называемого «второго Баку» (Волго-Уральской нефтегазоносной провинции). Однако следует заметить, что успехи нефтедобычи в 50-е годы родились не на пустом месте. Этому предшествовала большая работа. И до войны, и во время войны руководство страны, уделяло нефтедобычи особое внимание: «Мы создали и танки, и самолеты, и машины. Много у нас захваченной техники. Но они же останутся без движения, если не будет нефти, бензина, дизельного топлива. Нефть – это «душа» военной техники, а я бы добавил, и всей экономики»¹⁸². В СССР для решения задач нефтегазодобычи в 1948 г. создается Главнефтегаз при Совмине СССР, затем в 1955 г. в связи с открытием новых нефтяных месторождений в Урало-Поволжье организуется специализированное министерство по обустройству нефтяных месторождений (Миннефместрой СССР). В 1957 г. в ходе с реорганизации управления народным хозяйством, предприятия нефтегазодобычи передаются в совнархозы, однако, по инициативе

Таблица 24

Добыча нефти, включая газ
конденсат, в млн т.*

Год	Млн т.	Год	Млн т
1950	38	1958	113
1951	42	1959	130
1952	47	1960	148
1953	53	1961	166
1954	59	1962	186
1955	71	1963	206
1956	84	1964	224
1957	98	1965	243

*Народное хозяйство СССР в 1960. М., 1961. С. 262; Народное хозяйство СССР в 1965. М., 1966. С. 175.

Таблица 25

Добыча природного газа,
в млрд м³*

Год	Млрд куб. м	Год	Млрд куб. м
1950	5,8	1961	58,9
1955	9,0	1962	73,5
1958	28,1	1963	89,8
1959	35,3	1964	108,6
1960	45,3	1965	127,7

*Народное хозяйство СССР в 1960. С. 267; Народное хозяйств-во СССР в 1970. М., 1971. С. 185.

заместителя председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина был создан Главгаз при Совмине СССР. Еще во время войны началось строительство заводов по производству нефтяного оборудования, так как техника позволила ускорить и процесс поиска месторождений, и процесс добычи. В 1948 г. геологи открыли крупное нефтяное месторождение Татарии – Ромашкинское, с самой низкой в стране себестоимостью метра бурения¹⁸³, к 1965 г. в Татарии добывалось около 32% общесоюзной нефти¹⁸⁴. В 50-е годы начали действовать несколько мощных нефтеперерабатывающих заводов (1952 г. – Салаватский нефтеперерабатывающий комплекс, 1955 г. – Омский НПЗ, в 1956 г. – Уфимский НПЗ; 1957 г. – введен в эксплуатацию Миннибаевский газобензиновый завод, в 1959 г. – первая очередь Ферганского НПЗ)¹⁸⁵. В 50-е годы создавались научно-исследовательские институты бурения нефти, ее переработки, нефтехимического синтеза, транспортировки и другие. В 60-е годы найдены новые месторождения в Сибири. Все это позволило СССР к 1965 г. занять второе место в мире по добыче нефти после США¹⁸⁶ и перейти к экспорту нефти и нефтепродуктов. Данные по экспорту приведены в Таблице 26.

В 1964 г. для экспортирования нефти Поволжья в страны соцлагеря было завершено строительство нефтепровода «Дружба».

Добыча газа получила бурное развитие в конце 50-х – начале 60-х годов. В 1953 г. началась разработка крупнейшего месторождения газа у пос. Березово в Западной Сибири, в 1956 г. – в

Экспорт нефти и нефтепродуктов, в млн т.*

Год	Экспорт нефти	Экспорт нефтепродуктов	Год	Экспорт нефти	Экспорт нефтепродуктов
1950	0,3	0,8	1962	26,3	19,1
1958	9,1	9,0	1963	30,2	21,1
1959	12,5	12,9	1964	36,7	19,9
1960	17,8	15,5	1965	43,4	21,0

* Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С. 745; Народное хозяйство СССР в 1970 г. М., 1971. С. 617; Внешняя торговля СССР в 1962 г. М., 1963. С. 26; Внешняя торговля СССР в 1965 г. М., 1966. С. 27.

Узбекистане (Газли), кроме этого сырье поступало с месторождений и сырьевых баз газодобычи на Западной Украине, в Краснодарском и Ставропольском крае и Туркмении. Для транспортировки газа строились газопроводы. Строительство началось еще до войны. Первый магистральный газопровод Бугуруслан–Куйбышев (160 км) построили в 1943 г., в 1946 г. – газопровод Саратов–Москва (843 км), в 1954 г. – газопровод Дашава–Киев–Брянск–Москва (1302 км), в 1956 г. – газопровод Ставрополь–Москва (1310 км), газопровод Серпухов–Ленинград (803 км), в 1963 г. – газопровод Бухара–Урал (1967 км)¹⁸⁷. Все это позволило начать решать проблему газификации промышленных предприятий и жилищ. В 1958 г. газифицировано два млн квартир, а в 1965 г. – уже десять млн¹⁸⁸. (Для сравнения: в 1986 г. насчитывалось 65,1 млн газифицированных квартир)¹⁸⁹.

Успешное развитие нефтегазового комплекса благотворно влияло на производство электроэнергии. В годы семилетки функционировало несколько крупнейших ГЭС (Волжская, Братская, Красноярская и другие), но доля их в производстве электроэнергии составляла в 1965 г. 16%¹⁹⁰, а 84% электроэнергии вырабатывалось тепловыми станциями за счет сжигания нефтегазовых продуктов. По количеству электроэнергии СССР уже в 1959 г. занимал второе место в мире после США¹⁹¹.

В результате реализации семилетнего плана не удалось добиться радикального сокращения разрыва в экономической мощи СССР и США. Опубликованные в 1961 г. официальные сравнительные расчеты сводных экономических показателей СССР и США (совокупный общественный продукт, национальный доход и промышленная продукция СССР к уровню США в 1960 г. составляли примерно 60%, производительность труда в промышленности – 40–50%¹⁹²) к 1965 г. не улучшились¹⁹³.

Обозначились многие другие признаки экономического неблагополучия: долгострой и рост запасов неустановленного оборудования. В 1958 г. незавершенное строительство в государственных и кооперативных предприятиях составляло 17,5 млрд руб., а в 1964 г. – 27,1 млрд руб.¹⁹⁴. Объемы неустановленного оборудования увеличивались в два раза быстрее, чем промышленно-производственные фонды. Медленно шло освоение производственных мощностей. В машиностроении и цементной промышленности оно составляло три–пять лет, в угольной – три–десять лет. Наблюдалось снижение фондоотдачи. Наиболее сильно фондоотдача снижалась в химической, легкой, лесной, бумажной, деревообрабатывающей промышленности, черной металлургии. Расчеты советских экономистов показали, что снижение фондоотдачи за 1961–1964 гг. означало потребность в дополнительных капиталовложениях в размере 12–14 млрд руб. В результате, уже в 1964 г. был превзойден плановый уровень инвестиций, рассчитанный на семилетку.

Весной 1962 г. зарубежные наблюдатели отмечают усиление социальной нестабильности в СССР. Решение правительства с 1 июня 1962 г. поднять розничные цены на ряд продовольственных товаров вызвал резкий протест по всей стране. В свою очередь, трагические события в Новочеркасске вынуждают власти на ужесточение политического режима. Экономический спад 1963 г. стал основной причиной смены политического руководства и положил начало брежневскому правлению¹⁹⁵. Накануне своей отставки Хрущев пытался внести коррективы в социально-экономическую политику, смелее пойти на развитие производства потребительских товаров, «поставить на первый план человека, его обслуживание, его нужды и удовлетворение его нужд»¹⁹⁶. Новый этап социально-экономической политики закончился, по существу не начавшись.

Таким образом, можно констатировать, что либерализация социально-экономической политики в годы правления Хрущева, несомненно, дала свои положительные результаты, однако не оправдала ожиданий, как самого Хрущева, так и общества. Разрастающаяся сложность экономической системы хозяйствования, изменение потенциала трудовых ресурсов требовали других методов управления, не найденных Хрущевым. Анализ его поисков (проводимых им реформ), показывает, что в рассматриваемом им пространстве социалистической модели хозяйствования такие методы и не могли быть найдены. Для этого нужно было выйти за ее пределы, чего Хрущев, в силу многих обстоятельств, сделать не мог.

- 1 Косолапов Н. Международные отношения и мировое развитие // Мировая экономика и междунар. отношения. М., 2000, № 2. С. 112.
- 2 Эффективный экономический рост: Теория и практика. М., 2003. С. 24.
- 3 Экономическая теория национальной экономики и мирового хозяйства. М., 1997. С. 50
- 4 Эффективный экономический рост... С. 24.
- 5 World Development Report, 1991. N.Y.: Oxford Univ. press, 1991. P. 4.
- 6 Эффективный экономический рост... С. 28.
- 7 Кузнецова Е.В. Индекс человеческого развития и тенденции его изменения в России и зарубежных странах // Вестн. статистики. 1999. № 2. С. 21.
- 8 Качество роста, 2000. М., 2000. С. XIX.
- 9 См.: Ханин Г. Советское экономическое чудо: Миф или реальность // Свободная мысль-XXI. 2003. № 12. С. 61–76.
- 10 Бирман И. Я – экономист: (О себе любимом). М., 2001. С. 124.
- 11 Там же.
- 12 Solov R. A contribution to the theory of economic growth, 1956 // OJE. Growth theory: An exposition. 1970.
- 13 Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 345.
- 14 Эффективный экономический рост... С. 16.
- 15 Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 16.
- 16 См.: Мизес Л. фон. Социализм: Экономический и социологический анализ. М., 1994.
- 17 Население России в XX в.: Исторические очерки: В 3 т. М., 2001. Т. 2: 1940–1959. С. 132.
- 18 Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. С. 7.
- 19 Население России в XX в. Т. 2. С. 344.
- 20 Рассчитано по: Численность и состав населения СССР... С. 7.
- 21 Население России в XX в. ... Т. 2. С. 346.
- 22 Там же. С. 366; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 62.
- 23 Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 22.
- 24 Город и деревня в Европейской России: Сто лет перемен. М., 2001. С. 239.
- 25 Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 117.
- 26 Сенявский С.Л. Изменение в социальной структуре советского общества, 1938–1970. М., 1973. С. 192.
- 27 Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945–1960 гг. М., 1987. Т. IV. С. 118.
- 28 Там же.
- 29 Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе, 1938–1970. М., 1999. С. 130.
- 30 Численность и состав населения СССР... С. 26.
- 31 См.: Вопр. экономики. 1987. № 2. С. 19.
- 32 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 97.
- 33 Орлов Б.П. Истоки перестройки // ЭКО. 1989. № 5. С. 11.
- 34 Там же. С. 15.
- 35 Гордон Л.А., Кабалина В.И. Заработная плата: Вчера, сегодня, завтра // Общество в разных измерениях: Социологи отвечают на вопросы. М., 1990. С. 85.
- 36 Проект доклада Н.С. Хрущева на сентябрьском пленуме (1953 г.) «О мерах дальнейшего подъема сельского хозяйства СССР» // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 167. Л. 9–10.

- 37 Советская жизнь, 1945–1953. М., 2003. С. 97.
- 38 Население России в XX в. ... С. 129.
- 39 Хрущев Н.С. Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов: Речь на Пленуме ЦК КПСС 17 января 1961 г. М., 1961. С. 11.
- 40 Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 105–110.
- 41 Там же. С. 106.
- 42 Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 152.
- 43 Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны: Вторая половина 90-х – начало 60-х годов. М., 2000; Н.С. Симонов. Военно-промышленный комплекс в СССР в 1920–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура; организация производства и управления. М., 1996. С. 125; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 102, 103.
- 44 Александров А.П. Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995. С. 15.
- 45 Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч.
- 46 Там же. С. 103.
- 47 Там же. С. 115.
- 48 Мальшев В.А. Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 134.
- 49 Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 65.
- 50 Sutton A. Western technology and Soviet economic development, 1930 to 1945. Stanford, 1971. P. 341.
- 51 Ibid. P. 343.
- 52 Ibid.
- 53 Вишневский А. Указ. соч. С. 65.
- 54 Фоглсонг Д.С. Американские надежды на преобразование России во время Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 95.
- 55 Там же.
- 56 Там же. С. 93.
- 57 Там же. С. 94.
- 58 Там же.
- 59 Мальшев В.А. Указ. соч. С. 134.
- 60 Ханин Г. Динамика экономического развития СССР. М., 2002. С. 182.
- 61 Sutton A. Op. cit. P. 414.
- 62 Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 113.
- 63 Ханин Г. Динамика экономического развития СССР. С. 265.
- 64 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 94. Л. 155.
- 65 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 94. Л. 155.
- 66 Мальшев В.А. Указ. соч. С. 134.
- 67 Там же.
- 68 См.: Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста: Сочинения: В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 420.
- 69 Смит Э. Плановая экономика стран Восточной Европы. М., 1984. С. 43.
- 70 Ясин Е. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002. С. 62.
- 71 Заседания Верховного Совета СССР. Пятая сессия. 5–8 августа 1953 г. Стеногр. отчет. М., 1953. С. 260.
- 72 Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 649.
- 73 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. 1946–1955. С. 438.

- 74 Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. М., 2003. Т. 1. С. 886.
- 75 Там же. С.35.
- 76 Там же.
- 77 Исторический архив. 1993. № 3–6.
- 78 Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 38.
- 79 Там же. С. 39.
- 80 Заседания Верховного Совета СССР... С. 264.
- 81 Там же.
- 82 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. 3: 1946–1952 гг. С. 676.
- 83 Заседания Верховного Совета СССР... С. 284.
- 84 Там же. С. 264.
- 85 Там же.
- 86 Там же. С. 261.
- 87 *Зубкова Е.Ю.* Маленков и Хрущев: Личный фактор в политике послесталинского руководства // Отеч. история. 1995. № 4. С. 114.
- 88 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3.
- 89 Материалы Всесоюзного совещания работников промышленности, созванного ЦК КПСС и Советом Министров СССР, 16–18 мая 1955 г.: Стеногр. отчет. Гриф «Не для печати». М., 1955.
- 90 Там же. С. 4.
- 91 Там же. С. 7.
- 92 Там же. С. 4
- 93 Там же. С. 3
- 94 Там же. С. 104.
- 95 Там же. С. 5.
- 96 Там же.
- 97 Там же.
- 98 Там же. С. 7.
- 99 Там же. С. 3.
- 100 Там же. С. 95
- 101 Там же. С. 96.
- 102 Там же. С. 94.
- 103 Там же. С. 95.
- 104 Там же. 104.
- 105 Там же. С. 6.
- 106 Там же.
- 107 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 505.
- 108 Директивы КПСС... М., 1958. С. 417.
- 109 Директивы КПСС... С. 433.
- 110 Там же. С. 434–442.
- 111 Там же. С. 537.
- 112 Народное хозяйство СССР в 1960 г.: Статистический ежегодник. М., 1961. С. 781.
- 113 Там же. С. 847.
- 114 *Кудров В.М.* Советская экономика в ретроспективе: Опыт переосмысления. М., 1997. С. 199.
- 115 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 366. Л. 1; а также см. записку комиссии П.Н. Поспелова от 31 декабря 1955 г.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 366. Л. 2–5; Правда. 1956. 10 июня; Экономическая жизнь СССР. М., 1967. Кн. 2. С. 506.
- 116 См.: Материалы Всесоюзного совещания работников промышленности... С. 118, 119.

- 117 Там же. С. 113.
- 118 Там же. С. 114.
- 119 Там же. С. 115.
- 120 Там же. С. 119.
- 121 Там же.
- 122 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 10, 11.
- 123 Там же. Л. 3.
- 124 Там же.
- 125 Там же. Л. 4.
- 126 Там же. Л. 9.
- 127 Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 61.
- 128 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9: 1956–1960. С. 30.
- 129 Там же. С. 29.
- 130 XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14–25 февраля 1956 г.: Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 73.
- 131 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 142. Л. 89.
- 132 Там же.
- 133 Там же. Л. 43.
- 134 Там же. Л. 141, 142.
- 135 Там же.
- 136 Там же. Л. 93.
- 137 Там же. Л. 33.
- 138 Там же.
- 139 КПСС в резолюциях... Т. 9. 1956–1960. М., 1986. С. 31.
- 140 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 142. Л. 43, Л. 99.
- 141 КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 31.
- 142 Ведомости ВС СССР. 1956. № 5.
- 143 Там же. № 12; Экономическая жизнь СССР. М., 1967. Кн. 2. С. 505.
- 144 См.: Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Пятая сессия, 11–16 июля 1956 г.: Стеногр. отчет. М., 1956.
- 145 Труд в СССР: Статистический сборник. М., 1988. С. 148.
- 146 РСФСР за 50 лет: Статистический сборник. М., 1967. С. 159.
- 147 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т. 5. С. 472–478.
- 148 КПСС в резолюциях и решениях съездов. Т. 9. С. 140.
- 149 Народное хозяйство СССР в 1960 г.: Статистический ежегодник. М., 1961. С. 611.
- 150 Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов. М., 1958. Т. 4. С. 697.
- 151 Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 71, 72.
- 152 Очерки экономических реформ. М., 1993. С. 186.
- 153 Там же. С. 684.
- 154 Там же. С. 735.
- 155 Там же. С. 784.
- 156 Народное хозяйство в СССР в 1965 г. Статистический ежегодник. М., 1966. С. 557.
- 157 Костаков В.Г. Труд: Ресурсы и эффективность использования. М., 1986. С. 8, 9.
- 158 Там же. С. 38.
- 159 Народное хозяйство СССР в 1960 г. ... С. 28.
- 160 Там же. С. 29.

- 161 Там же. С. 29–35.
- 162 Там же. С. 650, 651.
- 163 *Волков В.В.* Указ. соч. С. 30.
- 164 Там же. С. 96.
- 165 Народное хозяйство СССР в 1960 г. ... С. 31.
- 166 Там же. С. 523.
- 167 Там же. С. 38.
- 168 XXII съезд КПСС: Стеногр. отчет. М., 1962. Т. III. С. 276.
- 169 *Лейбович О.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. С. 263.
- 170 *Ханин Г.И.* Советское экономическое чудо... С. 69, 70.
- 171 Директивы КПСС и Советского правительства. Т. 4. С. 782.
- 172 Речь Н.С. Хрущева на товарищеском ужине в Евксинограде (Варна) 16 мая 1962 г. // Источник. 2003. № 6.
- 173 Директивы КПСС и Советского правительства. Т. 4. С. 781.
- 174 *Кудров В.М.* Указ. соч. С. 15.
- 175 Там же. С. 18.
- 176 Там же. С. 19.
- 177 *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. Кн. 1: Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 138.
- 178 КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 9. С. 367, 368.
- 179 Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 января–5 февраля 1959 г.: Стеногр. отчет. М., 1959. С. 27.
- 180 *Славкина М.В.* Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980 гг. М., 2002. С. 11–20.
- 181 Там же. С. 14.
- 182 *Байбаков Н.К.* Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 48, 49.
- 183 Там же. С. 25.
- 184 Там же. С. 23.
- 185 www.pseudology.org/gazprom/Khronology.htm Составители *Лапинская Т.А., Фукс И.Г., Матишев В.А.*
- 186 *Байбаков Н.К.* Указ. соч. С. 28.
- 187 www.pseudology.org/gazprom/Khronology.htm Составители *Лапинская Т.А., Фукс И.Г., Матишев В.А.*
- 188 Народное хозяйство в СССР в 1965 г. М., 1966. С. 618.
- 189 Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.1987. С. 521.
- 190 Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 169.
- 191 Народное хозяйство СССР в 1959 г. С. 92.
- 192 Народное хозяйство СССР в 1960 г. С. 168.
- 193 Народное хозяйство СССР в 1965 г. С. 85.
- 194 Народное хозяйство СССР в 1960 г. С. 541.
- 195 *Полетаев А.В.* Экономические кризисы в России в XX в. (Статистическое исследование) // Истоки. Вып. 3. М., 2001. С. 218.
- 196 См.: Замечания Н.С. Хрущева к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. // Источник. 2003. № 6. С. 184.

Глава IV

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ 50-х – СЕРЕДИНЫ 60-х ГОДОВ

Утопии и реалии аграрной реформы

Проблемы послевоенной деревни. Внимание власти к проблемам сельского хозяйства в 50-е и последующие годы уступало лишь вопросам обороны. Но если усилия по развитию военных отраслей в эти годы оцениваются в историографии достаточно положительно, то относительно результатов аграрного курса Н.С. Хрущева доминирует представление как о исключительно не эффективном и даже провальном. Наиболее наглядно эта точка зрения отражена в известной статье И.В. Русинова, написанной в конце 80-х годов. «Три задачи. Три сверхпрограммы...и четыре провала». Такой вердикт вынес автор по поводу освоения целины, внедрения кукурузы, подъема животноводства и в целом всего плана крутого подъема сельского хозяйства¹. Несмотря на полувекую дистанцию, вопрос об эффективности аграрной политики в эти годы, равно как и от общей эффективности колхозно-совхозного производства остается во многом дискуссионным и заслуживает более глубокого и широкого подхода. Это связано, в частности, с нечеткостью, неотработанностью самих критериев оценки². Нельзя постоянно уходить от целей реформ, а также их необходимости. Исторический опыт говорит о том, что долгосрочный и глубокий кризис сельского хозяйства – родовая черта социалистической модели хозяйствования³. Очевидно также, что успешность реформ зависит от многих причин: от времени их начала, от готовности к ним власти и населения, от ограничений ресурсного и структурного порядка⁴.

Таким образом, требует осмысления вся совокупность условий, в которых проводились реформы 50-х – середины 60-х годов. Далеко не секрет, что все годы советской власти сельское хозяйство было ахиллесовой пятой советской системы. Не случайно советские вожди рассматривали назначение на руководство сельским хозяйством как наказание и конец карьеры. Примечатель-

но, что на заседаниях Президиума ЦК КПСС, 18–21 июня 1957 г., где была предпринята попытка смещения Хрущева с должности первого секретаря ЦК КПСС, ему была уготована работа на поприще сельского хозяйства⁵.

Широко известно, что хроническое отставание аграрного сектора являлось одной из болезненных проблем дореволюционной российской экономики. По справедливому суждению экономистов-аграрников: «повестка дня аграрных дискуссий в России не обновляется со времен Великой крестьянской реформы 1861 г. Вопросы земельной собственности, политических и социальных прав крестьянства, вмешательства государства в развитие сельского хозяйства остаются как нельзя более актуальными и сегодня»⁶.

Названная проблема имеет много измерений. О некоторых из них, как-то: вопросах земельной собственности, долгое время умалчивалось по политическим соображениям. Научному освещению других (в частности, вопросам финансирования сельского хозяйства) мешала и мешает до сих пор узость источниковой базы и сложившиеся еще в советское время стереотипы. Немаловажно, что в силу определенных традиций аграрная политика и аграрные реформы 50-х годов в историографии чаще всего рассматриваются вне общего контекста развития страны. Это одна из причин, в силу которой деятельность Н.С. Хрущева в этой сфере характеризуется как лишенная какого-либо смысла, хаотичная и разрушительная, на фоне якобы более осмысленных и перспективных предложений Берии и Маленкова. Для объективной оценки развития сельского хозяйства, а, следовательно, и эффективности политики власти в эти годы требует уточнения ситуация, сложившаяся в сельском хозяйстве после окончания войны.

К первому мирному году советская деревня пришла обезлюдившей, экономически ослабленной, изнемогающей под тяжестью налогов и мобилизаций военного времени. В наибольшей мере о глубине аграрных проблем СССР в первые послевоенные годы свидетельствует голод 1946 г. По данным В.Ф. Зимы с 1946 по 1948 г. включительно от голода и вызванных им болезней только по примерным подсчетам погибло около два млн человек⁷. Его причины до сих пор остаются предметом спора. В советской историографии далеко не случайно упор делался на объективных и, прежде всего, природно-климатических факторах: засухе, необходимости создать продовольственные запасы из-за реальной вероятности превращения «холодной войны» в горячую, а также подготовкой к отмене карточной системы распределения хлеба⁸.

Вполне очевидно, что все эти обстоятельства имели место. Их значение не следует недооценивать. Не подлежит сомнению,

что в 1946 г. положение в сельском хозяйстве было серьезно осложнено небывалой засухой⁹. Есть много свидетельств тому, что она была одной из наихудших в XX в. и охватила все зерновые районы СССР. Более чем на 4,3 млн га посевы погибли. Средняя урожайность зерновых по стране в 1946 г. составила 4,6 ц и была вдвое, а в наиболее благоприятных для их выращивания областях РСФСР, Украины и Молдавии – в 3–4 раза ниже урожайности 1940 г. Соответственно, было собрано и заготовлено зерна меньше, чем в 1945 г. и 2,4 раза меньше, чем в 1940 г.¹⁰ Опыт голодных 1906, 1911, 1921, 1932 гг. в России доказывает, что при производстве зерна на душу населения в размере менее 350 кг, без значительного импорта хлеба голод неизбежен. В 1946 г. этот показатель был равен примерно 230 кг. Поэтому даже отказ от изъятия хлеба в колхозах не гарантировал бы население районов, охваченных засухой, от голодания. Даже мобилизация всех имеющихся запасов и использование государственного резерва полностью не позволила бы избежать трагедии. Положение могла спасти лишь серьезная помощь извне. По данным И.Е. Зеленина Сталин был вынужден принять помощь Запада голодающим на Украине и Белоруссии. Так, в январе 1947 г. Комитет помощи ООН и Управление по делам спасения поставили Украине продовольствия на 100 млн \$, что спасло многих от смерти¹¹. Очевидно, что ожесточенное противоборство с фашистской Германией серьезно сказалось на демографических процессах в деревне. К началу 1946 г. на треть сократилась численность сельских тружеников. Основной рабочей силой стали женщины (мужчины составляли лишь 40% довоенной численности). Даже в 1950 г. в колхозах РСФСР мужчины выработали лишь 37% всех трудодней, а по СССР в целом – 39%, остальные – доля женщин, подростков и престарелых людей¹². Недостаток рабочей силы не мог компенсироваться техническим оснащением села – машинно-тракторный парк сократился до показателей начала 1930-х годов.

Акцент на объективные обстоятельства сокращения в первые послевоенные годы производства сельскохозяйственной продукции (последствия войны, засуху) упрощал проблему, делал необязательным анализ базовых производственно-распределительных отношений, сложившихся со времен коллективизации в советской деревне. Сегодня имеется серьезная научно-документальная база для обоснованного определения действительных причин трудностей в советском сельском хозяйстве в послевоенные годы, в том числе и субъективного порядка.

Принципиальное значение имеет тот факт, что и после войны советское руководство оказалось не готово к радикальной

смене политики в сельском хозяйстве. В условиях противостояния с Западом, засухи и неурожая 1946 г. правительство СССР сохранило политику военного времени по отношению к деревне. Вопрос о демонтаже колхозной системы ни разу не обсуждался даже в узком кругу советского руководства. В условиях военного времени происходило все большее огосударствление колхозов. Некомпенсированное изъятие у них продукции в годы войны продолжало оставаться нормой взаимоотношений между государством и колхозами в мирных условиях. На послевоенный период было распространено действие постановления СНК и ЦК от 13 апреля 1942 г., устанавливающего повышенный обязательный минимум трудодней для колхозников. За его невыполнение без уважительной причины грозило привлечение к суду или исключение из колхоза. Только в 1947 г. в это постановление было внесено существенное уточнение, обязательный минимум трудодней сохранялся лишь для трудоспособных колхозников¹³.

Принявший еще в годы первой пятилетки внеэквивалентную форму обмен продуктами сельского хозяйства на промышленные товары к началу 50-х годов достигает небывалой силы. В эти годы основная масса продукции зернового хозяйства, формировавшая фонд государственных ресурсов товарного зерна, отчуждалась у колхозов практически безвозмездно, или, в лучшем случае, оплачивалась по ставкам, не покрывавшим и малую толику действительных затрат труда на их производство¹⁴. По данным, приведенным впервые М.С. Горбачевым, за период 1946–1953 гг. из сельского хозяйства был изъят продукт стоимостью 298 млрд руб., а перемещен туда продукт из других сфер народного хозяйства стоимостью 193 млрд. рублей¹⁵.

В послевоенные годы проблема мотивации и дисциплины труда колхозников по-прежнему решалась посредством системы наказания. В случае поломки инвентаря, брака в работе, невыполнения обязательного минимума трудодней колхозник мог быть подвергнут судебному преследованию¹⁶. Многочисленные проявления репрессивности режима дали основания некоторым исследователям рассматривать голод 1946–1947 гг. как преднамеренный, рукотворный, сознательно организованный правительством для осуществления своих политических целей. По мнению В.Ф. Зимы, руководство СССР считало, что голодающим населением легче управлять: «хлебный паек был решающим фактором в реализации замыслов советских вождей»¹⁷. Более верной представляется точка зрения, что голод был вызван не столько субъективными намерениями советских вождей, сколько возможностями и недостатками самой социалистической системы хозяйствования. Очевидно, что масштабы жертв голода мало волновали

сталинское руководство. Многие историки-аграрники считают, что руководство страны и лично Сталин не сделали всего необходимого для ослабления последствий засухи и спасения населения от голода¹⁸.

В первые послевоенные годы оставалось завышенным обложение доходов колхозников сельскохозяйственным налогом от их личного подсобного хозяйства, несмотря на то, что примерно половина колхозов страны получали низкие доходы. Так, в 1947 г. при среднем плановом размере денежного дохода на один колхоз в 107,2 тыс. руб. доход до 10 тыс., имели 5% всех колхозов, 10–25 тыс. – 18,4%, от 25 до 50 – 23,7%. В результате, 59 тыс. колхозов в СССР или свыше 25% вообще не распределяли денег по трудодням¹⁹. Положение усугублялось повышением в 1951 г. прогрессии шкалы ставок обложения сельскохозяйственным налогом по сравнению со шкалой 1941 г. Кроме того, в 1952 г. к доходу от сельского хозяйства, исчисленного по нормам, делались надбавки от 5 до 10% на прочие неучитываемые доходы (от молодняка скота, домашней птицы и др.). Средний размер сельскохозяйственного налога на один колхозный двор по СССР составлял 574 рубля. Средняя сумма налога с доходов, получаемых хозяйством колхозника от одной коровы, достигало 453 рубля²⁰. Поскольку из общей суммы сельскохозяйственного налога 50% приходилось на доходы от скота в личном пользовании колхозников, поголовье коров, свиней, овец в личных хозяйствах сокращается на 5–55% по сравнению с 1941 г.²¹ В анонимном письме жителей Ставропольского края министру финансов СССР А.Н. Косыгину в 1948 г. говорилось: «Тов. Косыгин! Просим сообщить, на основании каких указов Ставрополье платит такие непосильные налоги, как-то: мясо – 40 кг, молоко – 360 л, яйца – 150 штук (независимо от того, есть или нет у хозяина домашняя птица), сельскохозяйственный налог огромных размеров до полутора тысяч на двор, имеющий огородную площадь 0,25 га и одну корову. Наряду с этим, каждый колхозник должен внести государству определенную (большую) часть своего урожая с огорода в качестве кукурузы и овощей (картофель, независимо от того есть ли он посажен или нет, 36 кг)... в 1948 г. налоги возросли до крайности, стало невыносимо платить того, что накладывают»²².

Усиление административного и налогового нажима на деревню порождало недовольство, протесты со стороны части колхозников, проявлявшихся в различных пассивных формах: многочисленных письмах-жалобах в органы власти. Особенно много их направлялось в Совет по делам колхозов (за 1947 г. более 40 тыс., а за 1947–1952 гг. – 126 тыс.²³). В 1950 г. процент подтвердившихся жалоб достиг 83%²⁴.

В одном из писем группы руководителей колхозов Кировской области председателю Совета по делам колхозов при Правительстве СССР А.А. Андрееву в октябре 1948 г. содержался резонный вопрос, в чем все-таки суть аграрной политики в стране – хлебозаготовки или изъятие хлеба? «Хлебозаготовки с колхозов нашей области непомерно высоки. Многие колхозы не имеют физической возможности обрабатывать посевные площади, а хлеб требуют поставлять полностью, ...не оставляя зерно на семена... Нам памятли пережитые дни военного коммунизма, когда продотряды выкачивали излишки хлеба у зажиточной части деревни. В это время это было необходимо, ибо молодая Республика Советов находилась в огненном кольце врагов, а зажиточная часть деревни саботировали сдачу хлеба государству... Руководители районов и области, в стремлении заработать ордена и благодарность правительства, выкачивают хлеб из колхозов, оставляя колхозников голодными... Эти чрезвычайные меры привели к тому, что преобладающее большинство колхозников вынуждено питаться травой, мякиной, соломой и другими отходами»²⁵.

Кроме жалоб, значительная часть писем колхозников в начале 50-х годов содержала предложения по улучшению хозяйствования (до половины писем в Совет по делам колхозов), с предложением увеличить размеры приусадебных участков, установить гарантированную оплату труда в колхозе или преобразовать их в совхозы²⁶. Некоторые из них нашли отражение в реформах 1950-х годов.

Под непосильным грузом налогов значительная часть трудовых усилий членов колхозов направлялась в личное хозяйство, занимавшее все большее место в жизнеобеспечении крестьян. В начале 1950-х годов основную часть продукции животноводства давали в стране подсобные хозяйства колхозников, рабочих и служащих. Такое же положение было и до войны. По воспоминаниям бывшего министра сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктова в довоенные годы от 60 до 90% овощей, мяса, молока, яиц (за исключением зерна и технических культур) давали именно личные подсобные хозяйства²⁷. Сталин считал такое положение объективно неизбежным на длительный период. Фактически «социалистическая» страна кормилась за счет частного хозяйства крестьянина, причем, государство не запрещало ведение таких хозяйств, потому что проще всего было просто отобрать выращенное, что и делалось с помощью натуральных налогов, при этом еще изымался и денежный налог.

В свою очередь, крестьяне стремились к увеличению приусадебных участков за счет колхозных земель. Эта тенденция в ряде исследований рассматривается как форма классовой борьбы, что

вряд ли справедливо. Скорее это факт может быть объяснен спецификой понимания крестьянами социальной справедливости в условиях господства колхозной формы собственности. На Украине расширению приусадебных земель способствовало хуторское расселение. За годы войны на колхозных землях здесь было образовано 10 тыс. новых хуторов. Тоже наблюдалось на территории Белоруссии и областей РСФСР, подвергавшихся оккупации. Новые хуторские хозяйства создавались и в послевоенные годы. Многие из них по существу были единоличными хозяйствами.

Тенденция к расширению приусадебных участков на Украине стала одной из причин того, что в 1947 г. более 19% трудоспособных колхозников не выработали минимума трудодней (по СССР 15%)²⁸. По инициативе Хрущева, возглавлявшего тогда Компартию Украины, 21 февраля 1948 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни»²⁹. Спустя три месяца 2 июня 1948 г. аналогичный Указ был распространен на всю страну³⁰. Из-за суровости наказания некоторые исследователи называют его последствия «вторым раскулачиванием». В данном случае мы имеем дело с явным преувеличением как значимости и суровости этой меры, так и роли в ее применении Н.С. Хрущева.

Как нам представляется, Хрущев, во-первых, действовал в полном соответствии с мобилизационной практикой тех лет в отсутствие иных эффективных рычагов. Многое объясняет в его действиях в тот период и упорное желание ограничить сферу действия личного подсобного хозяйства в последующие годы, стремление колхозников увеличить рабочее время в своем подворье за счет его сокращения в общественном хозяйстве. В итоговой справке Совета колхозов за 1947 г., направленной в ЦК ВКП(б) говорилось, к примеру, что «все еще значительная часть колхозников не принимает должного участия в общественном труде»³¹. Во-вторых, в этот период отношения Хрущева со Сталиным были далеко не безоблачными. Доказывая свою лояльность кремлевской власти, он был вынужден особенно активно применять на Украине обозначенные в указе меры. Однако в ряде областей СССР выселение не проводилось. Указ часто использовался, как мера предупредительная и не был связан с ликвидацией хозяйства выселяемого. По данным МВД СССР за 1948 – март 1953 г. по указу от 2 июня 1948 г. на спецпоселение было отправлено 33 266 колхозников и единоличников³². Заметной роли в укреплении трудовой дисциплины в колхозах эта мера не сыграла. Угроза ее применения способствовала ускорению принудительной коллективизации крестьянских хозяйств западных областей СССР, во-

Средние выдачи на один трудодень колхозникам и рабочим тракторных бригад в колхозах, в кг и руб.*

Годы	Зерна (кг)	Картофеля (кг)	Денег (руб)
1932	2,3	—	0,42
1937	4,0	1,4	0,86
1940	1,6	1,0	0,92
1945	0,7	0,3	0,86
1946	0,6	0,3	0,90
1950	1,5	0,4	1,49
1951	1,4	0,2	1,50
1952	1,8	0,2	1,44
1953	1,6	0,2	1,88
1954	1,4	0,3	2,53
1955	1,8	0,2	2,80

* Советская жизнь. 1945–1953: Сборник док. М., 2003. С. 266.

минимума трудодней. Если к началу 50-х годов количество трудодней, отработанных в среднем одним трудоспособным колхозником еще не достигло уровня 1940 г.³³, то в 1953 г. — значительно превышает довоенный уровень³⁴. Растет и уровень производительности труда в колхозах. В 1950 г. согласно официальным данным по отношению к 1940 г. он составил 99%, в совхозах — 91%³⁵. В 1952 г. был превзойден довоенный уровень производства продукции сельского хозяйства. Если учесть, что помощь государства колхозам была очень ограниченной, а контингент рабочей силы на селе сократился на 8%, то этого уровня достигли за счет использования механизмов внеэкономического принуждения, которые ослабляются только после 1953 г.

Успехи в сельском хозяйстве сопровождались ростом номинальной оплаты труда в колхозах, увеличением количества сельхозпродукции, выдававшейся на каждый заработанный трудодень. При этом натуральные выплаты по трудодням в большинстве колхозов, о чем свидетельствуют данные Таблицы 27, в начале 50-х годов были значительно ниже, чем в середине 30-х годов.

Денежные же выплаты (без учета инфляции) превышали этот уровень примерно в два раза. По подсчетам В.Г. Растьяникова, натуральное наполнение трудодня к началу 50-х годов бы-

влечению в колхозы еще существовавших единоличников в других регионах.

Анализ архивных материалов, прежде всего, Совета по делам колхозов показывает, что выработка трудодней каждым колхозником в послевоенные годы росла, несмотря на увеличение в 1948–1949 гг. их норм и незначительную оплату. На трудовой активности крестьянства, особенно в первые послевоенные годы, сказался общий духовный подъем народа, вызванный победой в войне, вера в скорое улучшение положения в деревне, понимание послевоенных трудностей. Свою роль сыграло установление обязательного

ло на 30% меньше дневного заработка сельскохозяйственного рабочего Франции накануне Великой Французской революции (1788 г.) и почти на порядок (в 8–9 раз) меньше дневного заработка (выраженного в зерне озимой пшеницы) поденного сельскохозяйственного рабочего России в 1913–1915 гг.³⁶

В Белоруссии и Центральной Нечерноземной зоне было немало колхозов, в которых в отдельные годы не выдавались на трудодни ни деньги, ни хлеб. Колхозники получали в качестве оплаты картофель, овощи. А.А. Никонов приводит текст записки инспектора Совета по делам колхозов Н. Каракозова на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. Маленкова от 9 марта 1951 г. «...в Великолукской области около 40% колхозов выдали на трудодень менее 300 г хлеба, причем 26 колхозов вообще не распределяли хлеба по трудодням»³⁷.

Определенным свидетельством преодоления последствий войны является рост численности населения страны, его естественный прирост. В первые годы он носил компенсационный характер, при этом естественный прирост населения в деревне был выше, чем в городе. Тем не менее, общее количество сельского, в том числе колхозного населения ежегодно сокращалось в связи с активным перемещением его в города. Этот отток в некоторых исследованиях рассматривается как насильственное обращение колхозников в горожан, как массовое бегство населения из колхозов. В других, наоборот, убедительно доказывается, что большинство выбывших (до 80%) покинули деревню по организованному набору добровольно в расчете на лучшие условия жизни и стабильный заработок³⁸. Оценивая это явление, следует иметь ввиду общемировую тенденцию к сокращению сельского населения как объективный прогрессивный процесс, отражающий поступательное индустриальное развитие страны, а также тенденции, связанные с преодолением последствий войны. Этот процесс продолжался и в 50–60-е годы.

Если с окончанием войны по причинам компенсаторного характера численность сельского населения РСФСР быстро росла (с 51,5 млн человек, в 1945 г. до 54,0 млн в 1950 г.), то с 1950 г. по 1953 г. оно ежегодно сокращалось³⁹. В послевоенные годы российская деревня теряла почти исключительно крестьянское население. Даже на фоне роста общей численности сельского населения в первый послевоенный период колхозное крестьянство продолжало убывать (с 37,5 до 36,1 млн, т.е. на 1,4 млн человек⁴⁰). Неспособность колхозов достойно оплачивать крестьянский труд выталкивала из деревни наиболее дееспособную часть населения. В 1948–1950-х годах из колхозов ежегодно уходили в города и на работу в другие отрасли около 1,5 млн чел.⁴¹

Чтобы колхозы не развалились, правления колхозов, пренебрегая Уставом, автоматически зачисляли в список новых членов колхоза всех, достигших 16 лет, проживавших на территории данного колхоза с приобретением всех прав колхозников.

В целом, несмотря на заметные положительные сдвиги в аграрной сфере советского общества в первые послевоенные годы, восстановление и развитие экономики страны, достигнутое во многом за счет деревни и связанное с длительным перенапряжением всех ее сил, деревня шла к постепенному обезлюдению, ухудшению возрастной структуры трудоспособного населения, упадку престижа сельскохозяйственного труда.

Невзирая на заметное улучшение технической вооруженности сельского хозяйства и используемые административно-репрессивные меры, колхозно-совхозная система на рубеже 50-х годов переживала острый, все нарастающий кризис, основой которого являлись неравноправные отношения города и деревни, несовершенство экономических отношений на селе.

Главная проблема состояла в том, что население страны продолжало расти, а сельскохозяйственное производство к 1953 г. оставалось на уровне 1926–1929 гг. Нарастающее отставание сельского хозяйства от других секторов экономики отрицательно сказалось на развитии всего народного хозяйства. Деревня требовала принятия неотложных мер.

Истоки нового курса в деревне. Кардинально облегчить положение деревни можно было, не направляя столь поспешно все силы и средства на создание ядерного оружия, отодвинув сроки его испытания «на 2–3 года». Эта альтернатива не могла быть поддержана в те годы, о чем убедительно свидетельствуют материалы рассекреченных архивов США и оценки ситуации тех лет советскими учеными-атомщиками. Затраты на оборону в 1946–1952 гг. постоянно возрастали, и, следовательно, продолжалось масштабное перераспределение ресурсов, изъятие их из сельского хозяйства.

В условиях холодной войны политические решения высшего руководства страны исключили и всякую возможность альтернативных путей восстановления сельского хозяйства, не требовавших от населения таких больших жертв, например: подключения СССР к плану Маршалла, что позволило бы за счет внешних займов уменьшить налоговое бремя на деревню. Однако займы были чреваты зависимостью страны от США, на что Сталин и его ближайшее окружение пойти не могли. Еще меньше шансов на реализацию имели поступавшие в Кремль от крестьян предложения о роспуске колхозов, которые авторами некоторых современных публикаций рассматриваются как вполне реализуемые⁴².

С ними трудно согласиться. Во-первых, историки до сих пор не располагают ни одним документально подтвержденным свидетельством того, что кто-то в сталинском руководстве разделял подобные идеи. К примеру, Хрущев даже на склоне лет, когда он пересмотрел многие свои прежние взгляды, считал «идею колхозного производства чрезвычайно правильной», хотя и осуждал проведение коллективизации варварскими методами⁴³. Во-вторых, что еще более существенно – колхозная система являлась одной из несущих конструкций советской системы. Ее слом был возможен лишь в случае выхода из социализма. В-третьих, идея роспуска колхозов не была массовой в самой крестьянской среде, хотя бы в силу преобладания в послевоенной деревне маломощных хозяйств, в том числе вдовьих, не способных самостоятельно вести хозяйство.

Послевоенный продовольственный кризис заставил кремлевское руководство принимать меры по его ликвидации. Основная масса решений принятых в эти годы носила традиционно фискальный характер отношений государства к деревне⁴⁴. Переход от войны к миру требовал крутого поворота в экономических отношениях между государством и колхозами, но этот поворот не был осуществлен. Аграрная политика власти по-прежнему ориентировалась на административно-репрессивные методы. После войны к числу преступлений в области сельскохозяйственных работ были отнесены дела о нарушении севооборотов, о неправильной обработке почв и некачественной подготовке и проведении сева, о нарушении его сроков, о засорении полей и заражении посевов вредителями и болезнями, о преступной организации борьбы с потерями урожая и преступном отношении к понятию сохранности, о срыве подготовки и проведения уборки, о невыполнении обязательств по госпоставкам продукции, о расходовании сверх установленных норм сельскохозяйственной продукции до выполнения плана поставок государству, о неправильном хранении и применении минеральных удобрений, о недоброкачественном ремонте сельхозтехники, о преступном отношении к тягловой силе и общественному скоту, о разбазаривании горючего, о неприятии мер в отношении злостных нарушителей трудовой дисциплины и т.д.⁴⁵. К уголовной ответственности председатели колхозов и совхозов могли быть привлечены за нарушения сроков сева, за расходование продуктов сверх установленных норм до полного выполнения поставок государству, за использование горючего и масел не по прямому назначению, за массовый падеж скота и т.п.⁴⁶. В докладной записке Председателю Совета по делам колхозов при Правительстве СССР «О судимости председателей колхозов» от 10 июля 1947 г. говорилось: «Имеющиеся в

Совете по делам колхозов материалы свидетельствуют о массовом осуждении председателей колхозов». Если в 1945 г. было осуждено 5757 председателей, то в 1946 г. уже 9511, а за первый квартал 1947 г. – 2601 председатель. Всего же за два с небольшим года – 17 769 председателей. За этот же период было осуждено и 5939 бригадиров и заведующих фермами⁴⁷.

По воспоминаниям Хрущева: «План устанавливался чисто волевым методом, хотя в органах печати и официальных документах он “обосновывался” научными методами, то есть снятием метровок и пересчетам биологического урожая со скидкой на собственные потери, на затраты содержания людей, скота и на товарные излишки. При этом исходили главным образом не из того, что будет выращено, а из того, сколько можно получить в принципе, выколотить у народа в закрома государства. Каждому было ясно, что страна крайне нуждается в продуктах. И не только для внутреннего потребления: Сталин хотел оказать помощь новодемократическим странам, и особенно Польше и Восточной Германии, которые не могли бы обойтись без нашей помощи. Сталин имел в виду создать будущих союзников...»⁴⁸. Чрезвычайные меры послевоенного времени и необоснованные репрессии привели к тому, что колхозы голодали.

Основные направления перестройки жизни послевоенной деревни были определены в постановлении СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»⁴⁹. Постановлению предшествовала ревизия министерства Государственного контроля СССР сохранности общественной собственности в 288 колхозах 60-ти районов СССР⁵⁰, выявившая множество нарушений. Постановлением от 19 сентября 1946 г. ставилась задача усиления борьбы с массовыми хищениями колхозной собственности и намечались меры по организационно-хозяйственному укреплению колхозов⁵¹. Эта мера была связана с тем, что многие крестьяне стремились избежать работы в колхозе «за палочки» и жили за счет произведенного на приусадебных участках. В отличие от аналогичного постановления 1939 г., новое постановление осуждало также и злоупотребления со стороны районных и других советско-партийных работников, подозреваемых в расхищении и незаконном распоряжении колхозным имуществом.

Осуществление этого постановления совпало по времени с голодом 1946–47 гг., в условиях которого хищения колхозного имущества, особенно хлеба и другого продовольствия, увеличились. 4 июня 1947 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества»⁵². В рамках реализации этого постанов-

ления колхозам возвращалась земля, незаконно занятая предприятиями, учреждениями и отдельными колхозниками.

Давно назревшую проблему подъема технической вооруженности хозяйств в послевоенные годы серьезно осложнял большой дефицит рабочей силы в деревне. К концу первой послевоенной пятилетки уровень механизации наиболее трудоемких работ превзошел довоенные показатели, но объем ручного труда, особенно на уборке и в животноводстве, оставался высоким.

В апреле 1949 г. Совет Министров ЦК КПСС принял постановление о трехлетнем (1949–1951 гг.) плане развития общественного животноводства⁵³, который разрабатывался под руководством Маленкова⁵⁴. Однако общественное животноводство продолжало развиваться по экстенсивному пути, произошло уменьшение поголовья скота, и продуктивность его была невысокой. А.И. Микоян вспоминает, что на одном из заседаний Бюро Президиума ЦК в 1952 г., где обсуждался вопрос о состоянии животноводства, министр земледелия Бенедиктов привел засекреченные точные данные ЦСУ. «Они были убийственные...несмотря на принятие трехлетнего плана подъема животноводства...не только не было достигнуто увеличения продуктивности животноводства, но наоборот, произошло уменьшение поголовья скота»⁵⁵. «Что же мы получили за три года (1948–1951) работы над реализацией этого решения? – спрашивал Хрущев на июньском Пленуме 1957 г., – Удой на корову в колхозах уменьшился на 43 кг: было 1070, стало 1027 кг или на 4% меньше»⁵⁶.

За 1947–1952 гг. насчитывается более 40 постановлений по сельскому хозяйству⁵⁷, но ни одно из них не было направлено на изменение структурных приоритетов, сложившихся в экономике. Сохранялся прежний курс на первоочередное развитие тяжелой промышленности за счет других отраслей и, прежде всего, за счет сельского хозяйства, что во многом объяснялось объективными обстоятельствами: сложным международным положением СССР, обострением противостояния двух мировых систем, необходимостью укрепления ВПК. Существовало и другое важное обстоятельство, на которое впоследствии неоднократно указывал Хрущев: «Сталин приучил нас смотреть на крестьян без уважения, как на быдло, не ценя крестьян и их труд. Он знал лишь одно средство работы с деревней – нажим, выколачивание сельскохозяйственных продуктов...»⁵⁸.

Руководство министерства сельского хозяйства СССР, сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б), анализируя причины кризисных явлений в деревне, пришли к выводу, что препятствием росту механизации работ, использованию новой техники, приме-

нению достижений науки являются незначительные размеры полей мелких колхозов. 30 мая 1950 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле»⁵⁹. Укрупнение предполагалось осуществлять на добровольных началах, однако стремление местных партийных организаций быстрее выполнить постановление повсеместно вело к администрированию. За 1950 г. объединению подверглись почти 80% колхозов. Их число сократилось почти вдвое в основном за счет слабых⁶⁰.

Одновременно постановление ЦК ориентировало местные партийные организации на «строительство силами и средствами самих колхозов благоустроенных колхозных селений».

Позже с предложением о сселении небольших деревень в крупные агрогорода выступил в печати инициатор укрупнения колхозов Н.С. Хрущев – в те годы секретарь ЦК и первый секретарь Московского обкома ВКП(б). В своей известной статье «О строительстве и благоустройстве в колхозах»⁶¹ Хрущев первым решительно выступил против двойной занятости крестьян. Он писал, что деревня очень плохо живет в материальном смысле, что колхозники тоже люди и хотят хорошо жить. В статье он прямо говорит о том, что более добросовестные передовые колхозники, не желающие в ущерб общественному хозяйству отвлечься на работу в своем личном хозяйстве, не могли построить себе дом. Вопреки широко распространенному мнению, именно этот акцент, а не строительство пресловутых агрогородов и сокращение до 10–15 соток приусадебных участков, главный в этой статье. Критический, разоблачительный пафос статьи Хрущева заметил Сталин и выразил свой гнев. Однако наказания ему не последовало, ибо могло придать письму большую значимость и вызвать в обществе нежелательный резонанс. Сталин ограничился закрытым письмом, предназначенным для партактива, где все акценты были сознательно смещены. Однако и до сих пор исследователи больше опираются на выводы этого письма, сделанные Маленковым, нежели на тщательный анализ содержания статьи в «Правде». Маленков, готовя по поручению Сталина закрытое письмо по агрогородам, постарался максимально сгустить краски, представить Хрущева ярким противником ЛПХ, ущемляющим кровные интересы крестьян. Анализ всего процесса подготовки Маленковым закрытого письма, призванного дезавуировать очевидные констатации Хрущева, показывает, что Сталина и его ближайшее окружение волновали собственно не судьба ЛПХ, а то обстоятельство, что Хрущев в письме будировал «потребительские настроения», а точнее прямо говорил о необходимости подъема жизненного уровня колхозников. Молотов

констатировал впоследствии, что он ориентировался на мещан. На все это требовалось громадные средства, тогда как власти на тот момент было необходимо получить деньги из деревни⁶². Сталин решительно осудил это предложение, назвав его «леваческим забеганием вперед»⁶³.

Однако в некоторых республиках – Украине, Казахстане, Азербайджане были приняты постановления, где сселение мелких поселков и строительство крупных расценивались как обязательная составляющая часть процесса укрупнения колхозов.

Массовое укрупнение колхозов в 1950–51 гг. в новейших исследованиях оценивается негативно, как мера, которая в конечном счете привела к развалу колхозов, окончательному разорению российской деревни, коренной ломке деревенского уклада, остатков сельского общежития⁶⁴. Действительно, в первые годы после укрупнения колхозных хозяйств наблюдалось сокращение поголовья скота и снижение урожайности из-за ломки севооборотов. Несомненно, массовое укрупнение колхозов способствовало сокращению в деревне крестьянского населения. По данным О.М. Вербицкой общая численность жителей деревни именно в эти годы уменьшилась на 1 млн человек (2%), в то же время членов колхозов (вместе с семьями) – на 3 млн⁶⁵. Что касается отдаленных последствий, то они не столь очевидны. Следует признать, что в условиях послевоенной разрухи массовое укрупнение колхозов едва ли не единственное средство решения социальных вопросов деревни. После войны в тысячах мелких селений не было нормальных школ, фельдшерских пунктов, магазинов, столовых, не было дорог, что затрудняло не только процесс хлебозаготовок. В этих условиях единственным реальным выходом из положения было укрупнение колхозов.

Новые документальные материалы позволяют говорить о том, что в послевоенные годы в сталинском руководстве подспудно вызревает и иное решение аграрных проблем – поднять материальную заинтересованность крестьян. С этой целью в конце 1946 г. Молотов предложил Сталину оплачивать поставки хлеба государству по более высоким ценам, «поскольку крестьяне никак не заинтересованы в производстве зерна». Присутствовавший при разговоре Микоян утверждает, что Сталин это предложение не поддержал: «У государства нет такой возможности. Делать этого не следует»⁶⁶. Таким образом, статус-кво в сельском хозяйстве был сохранен. Но нарастание продовольственных трудностей все больше обнажает главную проблему социалистического хозяйствования – проблему мотивации труда, и вскоре заставляет руководство страны вновь вернуться к идее материального стимулирования крестьянского труда.

Долгое время у высшего руководства страны не было причин сомневаться в том, что партийные – государственные директивы и планы имеют силу закона и не нуждаются для ни в каких материальных стимулах выполнения. Действительно, многие годы атмосфера страха и периодически повторяющиеся голодные годы достаточно эффективно побуждали советских людей к работе. Однако в послевоенные годы настроения в обществе меняются. Соответственно меняется и отношение к плохо оплачиваемому, тяжелому труду. А.И. Микоян свидетельствует в своих воспоминаниях: «в последний год жизни Сталина при обсуждении вопроса о причинах срыва “очень хорошего и выполнимого”, принятого в 1949 г. трехлетнего плана подъема животноводства, руководство страны вынуждено было констатировать, что причина неудач одна – колхозники плохо работают»⁶⁷. Тогда же была сформулирована главная проблема: колхозники не заинтересованы в развитии общественного животноводства, так как ничего не получают на трудодни от него. Условия труда тяжелые – механизации в хозяйствах практически нет, «колхозники поддерживают свое существование за счет приусадебного хозяйства и скота, находящегося в их личном пользовании, который подкармливают, в том числе, и за счет хищений колхозного добра»⁶⁸. Лишь после этого обсуждения Сталин предложил разобраться в данном вопросе. В 1952 г. специально созданная комиссия во главе с Хрущевым после двух месяцев изучения проблема внесла предложение о повышении закупочных цен на продукцию животноводства. Предложения комиссии поддержало большинство узкого руководства, включая Берия и Маленкова. Однако Сталин вновь их отверг, под предлогом, что «крестьянство жиреет, а рабочий класс хуже живет»⁶⁹. Окончательным итогом обсуждения предложений комиссии стало предложение Сталина ввести дополнительный налог на крестьян. Для Сталина колхоз оставался дойной коровой, источником средств для индустриального развития страны, решения внешнеполитических задач. Молотов в беседе с Ф. Чуевым предельно ясно определил ситуацию: «А с кого брать? Буржуазии то нет. Приходится со своих же брать. А вы найдите другой способ, надо чем-то жить государству. Нам же денег никто не давал...»⁷⁰.

К весне 1953 г. в высшем эшелоне власти зреет понимание необходимости нового курса в деревне. Как уже отмечалось, низкая продуктивность аграрного сектора была настолько очевидной, что в послесталинском руководстве не было серьезной дискуссии по поводу изменения аграрной политики. Выступая на июньском Пленуме ЦК КПСС в 1957 г., А.Б. Аристов свидетельствовал, что в 1952 г. в Рязанской области не было в продаже даже хлеба: «Я был в Рязани. – Что там? Перебой? –

Нет – говорю тов. Сталин, не перебой, а давно там хлеба нет, масла нет, колбасы нет. В очереди сам становился с Ларионовым с 6–7 утра, проверял. Нет хлеба нигде. Фонды проверял, они крайне малы»⁷¹.

Сегодня достоверно известно, что идею снижения налогов с колхозников разделяло большинство членов сталинского руководства, за исключением самого вождя. Для этого были серьезные основания. К началу 50-х годов размер налога по сравнению с 1941 г. вырос в 2,7 раза, а его собираемость резко упала⁷². Попытки внести коррективы в аграрную политику, приостановить нарастание кризисных явлений были предприняты практически сразу после смерти Сталина. Они нашли отражение в решениях пятой сессии ВС СССР и сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г.

Альтернативы: реальные и мнимые. В отечественной историографии в годы горбачевской перестройки без особых споров и аргументации сложилось мнение, что Н.С. Хрущев в 50-е годы избрал самый консервативный вариант реформирования экономики⁷³. Такая постановка вопроса предполагает реальное существование в тех исторических условиях более радикальных и, стало быть, более эффективных вариантов модернизации народного хозяйства. Некоторые авторы считают, что таким альтернативным вариантом мог быть комплекс идей, предложенных Г.М. Маленковым в 1953 г., и, в первую очередь, тех из них, которые были связаны с реформированием аграрного сектора. По мнению Ю.Н. Жукова, Маленков, если бы не проиграл свою битву с Хрущевым за власть, был готов идти и дальше, увязывая реформы в сельском хозяйстве с изменением приоритетов в экономике и даже внешней политике⁷⁴.

Анализ новых архивных документов позволяет говорить, что в предшествующей литературе серьезно преувеличена сама возможность выбора вариантов новой аграрной стратегии. Выбор стратегии развития СССР пришелся на период обострения международной обстановки. Это обстоятельство делало малопривлекательным для сталинского руководства курс на глубокую демократизацию колхозного строя, подлинную самостоятельность колхозов и совхозов, включая многообразие форм кооперации, подряда, хозрасчетных отношений, аренды и т.п. Очевидно, что реализация основных предложений Маленкова была возможна исключительно при кардинальном изменении международного положения СССР, т.е. полного прекращения гонки вооружений и окончания «холодной войны». Кроме этого, его конкретные предложения не были столь революционными, чтобы в корне изменить ситуацию.

Идеализация давней позиции Маленкова в развитии аграрной сферы рядом отечественных историков, на наш взгляд связана, с одной стороны, с переоценкой значимости личного подсобного хозяйства (ЛПХ) в качестве альтернативы колхозам, желанием рассматривать его в качестве самостоятельного (частного) сектора в социалистической экономике. А с другой – с отождествлением его позиций с более поздними взглядами китайских реформаторов. Отказав в конце 70-х годов XX в. большинству крестьянских семей КНР в государственной поддержке, китайское руководство заставило их развиваться не в рамках коммуны, а в прежних традиционных формах силами своей семьи⁷⁵. Это последнее обстоятельство, наряду с фактическим изменением формы собственности на землю с коллективной и государственной на индивидуальную, и явилось источником первоначального мощного скачка китайского аграрного сектора. В дальнейшем отсутствие оборота земли и тенденции к укрупнению хозяйств, стали мешать росту эффективности сельскохозяйственного производства в КНР.

На самом деле, это совершенно разные подходы. Переход к социалистической рыночной экономике, как это было в Китае, предполагает деколлективизацию и восстановление рыночных механизмов. У Маленкова нет четкого отказа от коллективной формы собственности, от колхозов, от жестко централизованной вертикали управления сельским хозяйством. Вслед за Сталиным Маленков не видел других серьезных источников финансирования ВПК, кроме аграрной сферы. Колхозная же форма позволяла осуществлять полный контроль над производством и распределением сельскохозяйственной продукции, изымать из деревни максимум возможного.

Обращая внимание на вероятностный характер развития событий по «китайскому сценарию», следует подчеркнуть, что он мог реализоваться, прежде всего, при развитии представлений самого Маленкова в определенном (рыночном) направлении. Однако против этого свидетельствует как весь послужной список Маленкова, так и его реальные действия в послевоенные годы, когда он играл заметную роль в советской властной верхушке, и был инициатором разработки некоторых законодательных актов конца 40-х – начала 50-х годов откровенно директивного характера. О глубине реформаторских намерений Маленкова можно было бы однозначно говорить при наличии в его выступлениях предложений по структурному изменению советской экономики, изменению всей системы управления экономикой страны, принятия решений и много другого, без чего серьезные реформы в советской системе невозможны. Фактически дело ограничилось

лишь декларациями. Маленков, хотя и ведал при Сталине вопросами сельского хозяйства, по мнению последнего, в нем не разбирался и «даже не знал толком сельскохозяйственных терминов»⁷⁶. Очевидно на Маленкове лежит часть вины за кризисное состояние сельского хозяйства в послевоенные годы. Именно на это обращали внимание участники июньского Пленума 1957 г. ЦК КПСС. «По вопросу о сельском хозяйстве, – говорил в своем выступлении Ф.Р. Козлов, – Каганович, особенно Маленков, который должен нести ответственность перед партией и страной за провал сельского хозяйства, так они говорят: вы преувеличиваете теперь успехи сельского хозяйства. Это обвинение было выдвинуто против тов. Хрущева. Да разве это не позорное дело, тов. Маленков, когда вы довели до огромного падения сельское хозяйство? Ведь даже в Ленинграде и в Москве, в крупнейших центрах нашей страны, молока, овощей и картошки в достатке не было! В других городах и хлеба не было»⁷⁷.

Сторонники «маленковской альтернативы» явно переоценивают готовность коллективного руководства идти в тот момент на глубокое реформирование советской экономики⁷⁸. Сам по себе факт победы Хрущева в июне 1957 г., хотя и неявно, подтверждает этот вывод. Главное, как показывает сравнительный анализ документов августовской сессии Верховного Совета СССР и сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 г., позиции двух лидеров в этом период мало отличались друг от друга. Члены коллективного руководства, и в первую очередь Маленков, еще на первом пленуме ЦК КПСС после смерти Сталина предложили сделать доклад о состоянии дел в сельском хозяйстве Хрущеву, который считался в Политбюро еще с первых послевоенных лет специалистом по этому вопросу. И, по мнению И.А. Бенедиктова, это в значительной степени соответствовало действительности: «Никита Сергеевич довольно-таки неплохо разбирался в вопросах сельского хозяйства, особенно земледелия, приближаясь по запасу знаний и компетентности к уровню хорошего агронома»⁷⁹. В связи с чем, было принято решение, что доклад по этому вопросу на сентябрьском (1953 г.) пленуме КПСС сделает Хрущев⁸⁰. По неподтвержденным пока из других источников сведениям бывшего заведующего канцелярией Президиума ЦК КПСС Д.Н. Суханова, в июле 1953 г. Маленков подготовил свой проект программного выступления на очередном Пленуме ЦК, но президиум отверг его⁸¹. Тем не менее, в августе Маленков озвучил свой проект на пятой сессии Верховного Совета СССР. Таким образом, определяющее воздействие на выбор стратегии и тактики развития сельского хозяйства оказала борьба за лидерство в кремлевском руководстве. И для Маленкова, и для Хруще-

ва политически выигрышно было первым заявить о новом курсе в деревне. По этой причине многие предложения двух лидеров носили поверхностный и откровенно популистский характер. Ни Маленков, ни Хрущев не располагали на тот момент глубоко продуманной и экономически просчитанной концепцией новой аграрной политики. Все основные новации, обнародованные осенью 1953 г., в той или иной степени высказывались ранее в руководящих кругах. И Хрущев, и Маленков смысл аграрной реформы 1953 г. видели в том, чтобы опереться на сильные стороны колхозного строя, свести к минимуму слабости и ликвидировать недостатки, тормозящие подъем колхозного производства.

В целом можно говорить о том, что Маленков (как, впрочем, и Хрущев) к осени 1953 г. был далек от понимания того, что успех реформирования сельского хозяйства в экономиках советского типа возможен лишь при придании ему системного характера. В противном случае, как это доказывает исторический опыт, защитные силы системы, в силу жесткой взаимообусловленности в ней политических, экономических и внешнеполитических факторов, способны нейтрализовать любые усилия реформаторов. Факты говорят скорее о спонтанном и далеко не комплексном характере предложений Маленкова. И уже через несколько месяцев после сентябрьского 1953 г. Пленума, деревня отреагировала вполне адекватно – в колхозах падает трудовая дисциплина, резко снижается поголовье общественного скота. Некоторые председатели колхозов стали приводить «размер хозяйства в соответствии с мощностью колхозов».

В новом законе, принятом Верховным Советом СССР 8 августа 1953 г., обложение крестьян по прогрессивным ставкам в зависимости от размера дохода в каждом хозяйстве, доведшее крестьян до полного разорения, было заменено обложением по твердой ставке с одной сотой гектара земельного участка. Соответственно, было разрешено увеличить размеры приусадебных участков в пять раз⁸². Не приходится сомневаться, что при последовательной реализации программа Маленкова была способна временно стабилизировать ситуацию в сельском хозяйстве, улучшить материальное положение крестьян через интенсификацию их труда. Она не давала крестьянам свободы выбора, и, следовательно, изначально четко ограничивала пределы преобразований. Вовсе не очевидно, что простым увеличением размеров участков в несколько раз во столько же раз можно было бы увеличить продуктивность ЛПХ.

Позиция Н.С. Хрущева в аграрном вопросе в основных чертах сформировалась в первые послевоенные годы и базировалась на известных марксистских догмах о преимуществе крупно-

го общественного производства в сельском хозяйстве и перспективности мелкособственнического производства. Тем не менее, во многих случаях Хрущев больше доверял своей интуиции и здравому смыслу.

Многие исследователи (например, Русинов⁸³), исходят из представления о целостности аграрного курса, проводимого Хрущевым в 1953–64 гг. Это суждение справедливо лишь в том, что Хрущев в своей политике целиком ориентировался на общественные формы организации сельского хозяйства и искренне хотел поднять производительные силы советской деревни, повысить благосостояние крестьян. В тоже время его аграрная политика не была цельной по методам и способам ее реализации. На протяжении рассматриваемого десятилетия она претерпела довольно значительную эволюцию, как и сам Н.С. Хрущев. Инерция принятых в 40-е годы решений и прежнего опыта сказалась на его аграрной политике. В начале 50-х годов, как свидетельствуют недавно рассекреченные архивные фонды, верховная власть была серьезно озабочена проблемой инвестиций в ВПК, поиском средств на решение атомной проблемы и на создание совершенно новых отраслей военной промышленности. По этой причине были заморожены все проекты либерализации советского общества и структурных изменений в – экономике.

Большие трудности с выполнением заданий четвертой пятилетки заставили советских вождей при разработке директив пятого пятилетнего плана дважды уменьшать сумму капитальных вложений в экономику⁸⁴. Из-за хронического дефицита средств, были сокращены капиталовложения во все отрасли, не носящие в понимании Сталина стратегического характера, остановились многие стройки, включая строительство заводов электронно-вычислительной техники и военных аэродромов. Очевидно, это обстоятельство было определяющим во взглядах «вождя народов» и его ближайшего окружения на место и роль аграрной сферы советской экономики, судьбу колхозной артели. В условиях нарастающей гонки вооружений Сталин предпочел ничего не менять в колхозной системе, не трогать личного подсобного хозяйства крестьян.

Хрущев, в целом разделяя и поддерживая цели сталинской аграрной политики, уже в те годы выступал против ее крайностей, так как лучше Сталина знал реальное положение деревни. Ограничив свою деятельность в этой сфере «борьбой за элементарные условия, обеспечивающие возможность ведения сельского хозяйства, и, прежде всего, районированием, созданием семенного хозяйства в каждом колхозе»⁸⁵, Хрущев был против очередного большого нажима на деревню. Принципиально не возражая

против закона о «первой заповеди» колхозника, требовавшей сначала выполнить обязательства по поставкам государству, потом засыпку семян, и лишь потом – распределение по трудодням (точнее, не смея прямо предложить ее отменить), он боролся за механизацию сельского хозяйства и первоочередную засыпку семян, считая, что без этого прогресс деревни не возможен: «Как же мы берем эти семена у крестьянина, а потом вынуждены давать ему же для посева зерно? Но уже неизвестно, что это за семена и из какого района пришли, насколько они акклиматизированы»⁸⁶. Следует подчеркнуть, что опять-таки вопреки устоявшемуся мнению, Хрущев до конца 50-х годов придерживался вполне разумной, реалистичной линии относительно ЛПХ. Свою принципиальную позицию по этому вопросу он заявил по своему обычаю в образной форме еще на июльском Пленуме ЦК КПСС в 1953 г.: «Будет время, когда колхозник пойдет на это (упразднить коров в единоличном пользовании). Если мы не верим в это дело, значит мы не коммунисты. Разве всегда будет крестьянка-колхозница за хвост держать свою собственную корову?... Но его предлагать сейчас – это глупо. Нельзя этого делать. Надо создать условия, надо поднять колхозное крестьянство, надо поднять товарность колхозного крестьянства»⁸⁷. Хрущев, как никто в сталинском руководстве отдавал себе отчет в том, что колхозники живут очень плохо. Он вполне понимал абсурдность и опасность двойной занятости крестьян (в общественном и личном хозяйстве). Пойти впоследствии на ограничения ЛПХ его заставила тупиковость ситуации в аграрной сфере. Хрущев оказался перед выбором, и его выбор оказался не в пользу ЛПХ.

Аграрные реформы Хрущева. Сельское хозяйство стало для Хрущева главной сферой приложения сил и энергии. 11 Пленумов ЦК по сельскому хозяйству 1953–1964 гг. – свидетели попыток своего рода аграрной революции в менталитете партийно-советских кадров всех уровней, адептом которой был Хрущев.

Он смог понять роль и значение аграрного сектора экономики, снять с него идеологическое заклятие второсортного. Сохранив приверженность традиционной марксистской ортодоксии, в своих речах по сельскому хозяйству, (в отличие от внешней политики), он смог отойти от идеологической заданности. Много говорил и писал Хрущев о выдающихся успехах сельского хозяйства в США, Скандинавии. Для аграрной политики Хрущева характерно искреннее стремление знать правду: «Если будем судить о положении колхозов по сводкам, никогда не будем знать истинное положение дел... и, хотя, районные организации знают, что сводки дутые, все равно читают их обобщают, и на их основе составляют какие-то директивы»⁸⁸. В отличие от Сталина Хрущев

стремился как можно чаще бывать в деревне, встречаться с ее тружениками. В результате его усилий за десятилетие с 1953 по 1963 г. валовая продукция сельского хозяйства (по официальным данным) возросла в сопоставимых цифрах на 63%⁸⁹. По данным В.Г. Растяникова ее среднегодовой прирост в среднем за десятилетие составил более 5%. Среднегодовой же прирост сельскохозяйственной продукции в «заготовительно-закупочных ценах» 1952 г. за семь лет (1952–1959) составлял 7,95%⁹⁰. Иными словами, роста такой интенсивности аграрный сектор страны не знал по меньшей мере последние полтора века. Этот совершенно небывалый экономический рост в агросфере позволил государству сосредоточить в своих «закромах» значительное количество сельскохозяйственного продукта, предназначенного для превращения в товарную массу. Таким образом, развитие сельского хозяйства в эти годы может быть оценено положительно.

Хрущевская аграрная политика вряд ли объяснима вне общеполитического и международного контекста. Многие его поспешные действия диктовались развертывающейся гонкой вооружений, требовавшей от страны все больше средств, ресурсов, в том числе, создания стратегических резервов продовольствия как минимум на год. Важно подчеркнуть и другой аспект. Подъем аграрных исследований в стране начался лишь после сентябрьского Пленума (1953 г.). До этого времени в силу господствовавших тогда политико-идеологических воззрений аграрная наука не прокладывала путь позитивной политике, а оправдывала существующую практику. Аграрная «теория» вырабатывалась на съездах и Пленумах коммунистической партии, большинство научных работников занималась разработкой путей реализации партийных установок⁹¹. Отношение Хрущева с учеными-аграрниками носили сложный характер главным образом по этой причине. Он не мог в своей аграрной политике в полной мере опереться на научные разработки и проигрывал в принятии стратегических решений, оставаясь «непревзойденным мастером кратковременного эффекта»⁹².

Объективной исторической задачей Хрущева в аграрной сфере являлось изменение условий обмена между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой экономики, внедрение в практику обмена принципиально новых правил, которые учитывали бы насущнейшие нужды воспроизводства в сельском хозяйстве. Политические решения на высшем уровне дали импульс к научной разработке широкого круга экономических проблем. Принципиальная постановка вопроса В.Г. Венжером о необходимости полной отмены натуральных отношений с колхозами и переходе к товарно-денежным отношениям на основе прин-

ципа эквивалентности была востребована властью. В условиях оттепели формируются новые представления по вопросам оплаты труда колхозников, пробивают дорогу первые подходы к внедрению гарантированной оплаты их труда. Широкое распространение получают различные формы авансирования и дополнительной платы⁹³.

Хрущев первым попытался (хотя бы на уровне политической декларации) соединить социализм с его механизмом безвозмездных изъятий сельскохозяйственного продукта с «учетом и контролем» хозяйственных затрат⁹⁴. Именно цепь непрерывных экспериментов Хрущева в сельском хозяйстве приблизила общество к пониманию того, что перманентный кризис сельского хозяйства в СССР прямо связан с природой советской системы.

Необходимо внести ясность в причины отхода Хрущева от курса сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, поставившего задачу «...в течение двух–трех лет резко повысить обеспеченность всего населения нашей страны продовольственными товарами и вместе с тем обеспечить всей массе колхозного крестьянства более высокий уровень материального благосостояния»⁹⁵. Ответ был достаточно очевиден: быстро устранить растущий разрыв между объемами производства продовольствия и потребностями в нем на основе повышения интенсивности сельскохозяйственного производства практически не представлялось возможным. Это в полной мере показала практика уже первых месяцев после пленума. Единственный способ быстрого решения зерновой проблемы в конкретных условиях заключался в вводе дополнительных площадей. Хрущев давно вынашивал эту идею. И не только он. По свидетельству Д.Н. Суханова, в 1946 г. Маленков как председатель Бюро Совнаркома по сельскому хозяйству поднимал вопрос о целесообразности восстановления запущенных и залежных земель. Согласно этому же источнику якобы и Сталин в дни своего 70-летнего юбилея вел переговоры с Мао Цзедунгом по поводу освоения целинных земель на Востоке СССР. Мао предложил с этой целью прислать в страну сотни тысяч китайских друзей. Однако Сталин, опасаясь образования «китайской колонии», отказался от такой помощи, а впоследствии к этой идее не возвращался⁹⁶.

Именно объективными обстоятельствами в первую очередь диктовалось наступление Хрущева в духе традиционного большевизма на целину. Вторая важнейшая причина целинной эпопеи напрямую связана с начавшейся либерализацией режима, активизацией обратных связей между властью и населением, требовавшим обновления социальной политики. По существу, у власти не было выбора: хлеб был нужен немедленно, а не через годы. За-

щищая свою позицию, Хрущев в мемуарах приводит простой, но чрезвычайно весомый аргумент: «Надо просто знать о состоянии зернового хозяйства в те годы, о нашей недостатке зерна»⁹⁷. В 1953 г. в СССР было заготовлено 31 млн тонн хлеба, а потреблено 32 млн. По политическим соображениям, «желая укрепить дружеские отношения» советское руководство оказывало значительную помощь восточноевропейским странам. Хрущев откровенно пишет в мемуарах, что «нам это было не под силу... Помощь друзьям истощала наши резервы»⁹⁸. В свою очередь, восточноевропейские соседи, смотрели на СССР «как на огромную дойную корову»⁹⁹, и постоянно, прежде всего, Польша, обращались с просьбами о дополнительных поставках зерна. Иногда Кремль делал это на взаимовыгодной основе, как это было в марте 1954 г., когда на основании записки А.И. Микояна представленной 1 февраля в ЦК КПСС о недостатке мяса для снабжения населения, Президиумом ЦК КПСС принял решение закупить дополнительно 32 тыс. тонн мяса в Китае и Польше (последней в счет поставок ей 100 тысяч тонн пшеницы)¹⁰⁰. Чаше страны народной демократии расплачивались за полученное от СССР зерно товарами, которые сами не могли сбывать на западных рынках. Со временем СССР вынужден был полностью взять на себя удовлетворение потребностей в зерне ГДР и Чехословакии. Значительная продовольственная помощь оказывалась Венгрии и даже Югославии. Этот фактор имел значение не только для запуска программы по освоению целины, но и для ее постоянного расширения. Советское руководство, получив дополнительные требования от друзей по социалистическому лагерю на поставки зерна, утешалось, тем, что «в следующем году освоим новые земли, получим большой урожай. И, наконец, сможем удовлетворить свои потребности сполна»¹⁰¹.

Расширение посевных площадей давало возможность быстрого увеличения сбора зерна, уже осенью можно было получить урожай. Поскольку в последние годы жизни Сталин был решительным противником освоения новых земель, Хрущеву пришлось выдержать серьезную борьбу в Президиуме ЦК КПСС по этому вопросу. В послесталинском руководстве все понимали, что надо что-то делать с сельским хозяйством, но не было уверенности в том, что целина окупит себя. Молотов, в частности, высказывал сомнения в том, что удастся набрать необходимое количество рабочих рук¹⁰². Тем не менее, решение об освоении целинных земель было принято на мартовском (1954 г.) Пленуме ЦК КПСС единогласно. Через полгода после сентябрьского (1953) Пленума ЦК КПСС, ориентировавшего страну на оказание помощи деревни, новый Пленум определил курс на освоение

целинных земель¹⁰³. Поддержал резолюцию и Молотов, предлагавший вкладывать деньги в Нечерноземье, а целину поднимать постепенно и в ограниченных масштабах¹⁰⁴. Вскоре после мартовского Пленума было принято решение о первом этапе освоения целинных земель в масштабах восьми миллионов гектаров.

Другое важное обстоятельство, вызвавшее к жизни программу освоения целины, непосредственно связано с внутренней сущностью советской системы, с ее мощным мобилизационным потенциалом. Принимая решение о подъеме целинных земель, руководство страны исходило из принципиальной возможности привлечь на добровольно-принудительных и зачастую безвозмездных началах значительное количество людских и других ресурсов. По данным А. Никонова, в освоении целины участвовало 1,7 млн человек¹⁰⁵. Широко прибегая к мобилизационным мерам, власть использовала и материальную заинтересованность. На целинных землях для работников полеводческих и тракторных бригад вводилась дополнительная оплата труда в размере 30% урожая, собранного сверх плана. Директорам МТС предоставлялось право премировать работников тракторных бригад из расчета 75 копеек за центнер проданного государству зерна. Работникам созданных на новых землях совхозов зарплата устанавливалась с добавкой 15% к должностному окладу¹⁰⁶.

Освоение целины явилось критическим поворотом в развитии советского сельского хозяйства, переходом от изъятия средств из сельского хозяйства к их вливанию в него. Поворот к целине, назревший и оправданный, означал не столько отказ от интенсивных методов ведения сельского хозяйства и усиление административных мер, сколько стратегический поворот в области бюджетной политики советского государства. Возрастающий поток материальных и финансовых ресурсов устремился на село. За 1954–1959 гг. в освоение целины было вложено 37,4 млрд руб.¹⁰⁷ За счет товарного зерна бюджет из этих районов получил около 62 млрд руб., в итоге чистый дохода составил 24 млрд руб.¹⁰⁸ Производственные фонды колхозов, совхозов и МТС выросли на 30 млрд руб.¹⁰⁹

Освоение целины стало крупнейшим начинанием, реализованным Н.С. Хрущевым в аграрной сфере. В свете вышесказанного неосновательны упреки в адрес Хрущева, что осваивая целинные земли, он обрек страну на экстенсивное хозяйствование. Выбор в пользу целины был сделан, не в силу желания осваивать новые земли, а из-за невозможности в тех условиях хозяйствовать по-иному. Выбор, каким путем, интенсивным или экстенсивным, вести хозяйство на практике определился реальными возможностями страны. Ведение хозяйства на интенсивной ос-

нове требовало больших материальных затрат, а также накопления знаний и опыта. Иными словами, для перехода на интенсивный путь развития требовался достаточно продолжительный период времени. Даже капитальные вложения в 1971–1980 гг. в объеме 300 млрд рублей в сельское хозяйство, т.е. в 2,3 раза большие, чем в предыдущее десятилетие принесли ничтожную отдачу и не позволили перевести сельскохозяйственное производство в СССР на интенсивный путь¹¹⁰. По причинам, о которых говорилось в предыдущих главах, страна такими средствами в начале 50-х годов не располагала. Для того чтобы поднять на старопашотных землях урожайность с 8–10 центнеров с гектара до необходимых 35, нужны были минеральные удобрения, сортовые семена, гербициды и другие средства обработки полей и сохранения урожая. В 1950 г. СССР производил лишь 1236 тыс. т. мин. удобрений (в пересчете на 100%-ное содержание питательных веществ), в 1960 – 3281 тыс. тонн, в 1964 – 6009¹¹¹. Для сравнения: в 1980 г. СССР производил уже 24 767 млн. т.¹¹² и количество удобрений, приходящихся на 1 гектар пашни по сравнению с серединой 60-х годов увеличилось в три раза. Но и такое количество удобрений, вносимых под зерновые и кормовые культуры, по мнению специалистов-аграрников, считалось совершенно недостаточным для решения зерновой проблемы и создания прочной кормовой базы животноводства¹¹³. В связи с этим, в 1985 г. планировалось поставить только в Нечерноземье 6,68 млн т удобрений.¹¹⁴ Характерно, что в Нечерноземной зоне РСФСР в 1980 г. было внесено на 1 га посевной площади минеральных удобрений в 2 раза и органических в 1,4 раза больше, чем в 1970 г. Количество же валовой продукции растениеводства в 1976–1980 гг. по сравнению с 1966–1970 гг. не только не увеличилось, но даже несколько уменьшилось. Даже в 80-е годы 1 кг питательных веществ из-за низкой культуры производства давал в центральном районе РСФСР прибавку зерна в среднем 2,2 кг, или менее половины нормативной¹¹⁵.

Следует подчеркнуть, что Хрущев неоднократно, особенно в последние годы политической карьеры ставил вопрос о расширении производства и применении минеральных удобрений. Последние два раза в общем контексте развития химической промышленности в стране¹¹⁶. Минеральные удобрения не только были низкого качества, но по несколько лет лежали на складах, а нередко просто в отвалах на железнодорожных станциях. Хозяйства на поля их не вывозили. Под дождем и снегом они теряли свои свойства. Таким образом, вопрос стоял не только в расширении производства минеральных удобрений, но и в умелом их использовании. На то и другое требовалось время.

Таким образом, Хрущев, предлагая поднимать целину, правильно оценивал реальные возможности послевоенной советской экономики: «В Казахстане, в Сибири мы получим самый дешевый хлеб... Если же пойдем по линии огромных капиталовложений в сельское хозяйство нечерноземных областей, мы не справимся с задачей, не выполним данного нами обещания – резко поднять наше сельское хозяйство»¹¹⁷. Отдавая отчет, что Нечерноземье, особенно Московская, Тульская, Рязанская, Калининская области, исконно русские земли, требующие обустройства, Хрущев справедливо считал, что пахотных земель там очень мало. «Если даже поднять их урожайность, все равно этого добавочного количества зерна не хватило бы на удовлетворения потребностей страны»¹¹⁸.

В условиях непосильной гонки вооружений, чрезвычайно низкой культуры земледелия в большинстве хозяйств, слабого развития химической индустрии, бюрократизации аппарата управления лишь освоение целинных земель сулило быструю отдачу и позволяло хотя бы на время снять остроту продовольственной проблемы.

Однако расширение пахотных земель велось штурмом, без серьезной научной проработки. Как и в годы первых пятилеток, при освоении целины активно эксплуатировался трудовой энтузиазм масс, готовность людей работать бесплатно и в тяжелых условиях. За 1954–1957 гг. было освоено 34,8 млн. га¹¹⁹, что позволило увеличить производство зерна в два раза. К 1958 г. валовая продукция аграрного сектора выросла более чем на треть. В 1960 г. в СССР было собрано 125,5 млн т зерновых культур, из них на целине – 58,7 млн т¹²⁰. После массового освоения целинных и залежных земель общая площадь пашни выросла до 225–227 млн га, соответственно в 1960 г. на душу населения приходилось 1,03 га¹²¹.

Освоение целинных земель сыграло немаловажную роль в развитии сельского хозяйства Западной и Восточной Сибири, сельское хозяйство СССР впервые стало рентабельным. Целина, безусловно, помогла на время снять остроту зерновой проблемы, спасла население страны от голода. С вводом в оборот целинных земель в СССР были созданы большие возможности по заготовке товарного хлеба, однако желаемого изобилия получить не удалось. Как известно, в отдельные засушливые годы в некоторых целинных областях не собирали даже семян. Не получился и планируемый выход на международный рынок, что по представлениям кремлевского руководства было бы ярким свидетельством преимуществ социалистической системы хозяйствования.

Оценивая все плюсы и минусы освоения целины, А.А. Никонов отмечает, что «решение об освоении целинных земель не было ошибкой. Но осваивать их нужно было последовательно, закрепляя сделанное, переходя на научно обоснованную систему хозяйства, не допуская спешки и безжалостности к природе»¹²².

Более неоднозначен вопрос с новым укрупнением колхозов, начавшимся с середины 50-х годов. Рекомендую провести укрупнение мелких колхозов, ЦК КПСС исходил из необходимости создания наиболее благоприятных условий для ускорения решения главных задач. Такой главной задачей представлялось значительное повышение урожайности, быстрое увеличение общественного поголовья скота. В 1957–1966 гг. ежегодно ликвидировалось около 10 тыс. уже укрупненных ранее колхозов¹²³. Одновременно многие колхозы «для укрепления» были преобразованы в совхозы. Подобная практика вела к дальнейшему разрушению традиционного крестьянского уклада, превращению колхозника в наемного сельскохозяйственного рабочего. К 1963 г. осталось лишь 39 тыс. колхозов¹²⁴ вместо 87 тыс. в 1955 г.¹²⁵ К началу 60-х годов в ходе составления планов землеустройства многие тысячи сел и деревень были названы «неперспективными». Сотни тысяч крестьян покинули землю, переехав в города. За 1960–1964 гг. почти семь млн человек уехали из деревни¹²⁶.

В 1957 г. Хрущев поставил задачу в кратчайшие сроки (по молоку – за год) догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения. Именно выдвижение этого лозунга ставилось в вину Хрущеву Молотовым, Маленковым и Кагановичем на июньском Пленуме ЦК КПСС 1957 г. как не опирающегося на расчеты и противоречащего установке КПСС на преимущественное развитие тяжелой промышленности¹²⁷.

Лозунг «догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения» был впервые публично выдвинут Хрущевым 22 мая 1957 г. в Ленинграде в речи на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР. Вторично он обнародовал его 2 июня 1957 г. на открытии Всесоюзной сельскохозяйственной и промышленной выставки. Судя по всему, он выдвинул его без предварительного согласования с другими членами Президиума ЦК КПСС.

Как нам представляется, выдвижение этого лозунга во многом связано с особенностями ментальности Хрущева, его стремлением опираться на прошлый житейский опыт и так называемый здравый смысл. Он считал, что «США по мясу можно догнать, особенно Украине. И по молоку можно. Но труднее, ... могут, если воспроизвести стадо. По всем расчетам Украина может

это сделать»¹²⁸. «Почему, – задавал Хрущев риторический вопрос на заседании Президиума ЦК КПСС 16 февраля 1961 г., – РСФСР не может себя прокормить, не обеспечивает мясом? и сам же отвечает – просто люди с прохладцей работали, ездили (о руководителях РСФСР), речи говорили, а дело не делали. Прижились там (в руководстве)»¹²⁹. Безусловно, Хрущев, выдвигая научно необоснованный лозунг, хотел как лучше. Отвечая оппонентам, Хрущев так объяснял идею этого лозунга: «Мы тогда условились, что это лозунг, а не директива для планирующих органов. И я сейчас считаю, что нельзя планировать, исходя из этого. Это должен быть призыв, на это мы должны мобилизовывать... Если мы не выполним к 1960 г., а выполним в 1962–1963 гг., то разве это плохо?... Это потрясает сейчас капиталистический мир. Что значит дать вдоволь мяса? Если мы не сумеем мясо употребить, то мы тогда пойдем на международный рынок, от этого затрептит капиталистический мир. Политически это будет потрясение. Товарищи, когда мы говорим и агитируем за социализм, когда мы говорим, что социалистический строй лучше, чем капиталистический, то это только для высокоразвитых, живущих идейной жизнью, для них понятны эти рассуждения. А простой человек – он по-другому рассуждает: сколько он покупает мяса, сколько он кушает сливочного масла, да еще привесок – молоко, еще привесок – колбаса, привесок других продуктов к марксизму-ленинизму, то идеи марксизма-ленинизма не только в передовые, и в средние головы полезут при смазке маслом, чем насухую»¹³⁰.

Несмотря на все усилия и ухищрения власти, в центре и на местах в первый год советско-американского «соревнования» производство мяса в стране увеличилось лишь на 0,3 млн т. (секретарь Рязанского обкома КПСС А. Ларионов, отрапортовавший в декабре 1959 г. о двукратном превышении годового плана производство мяса в области, покончил с собой после того, как обман был раскрыт). После этого соревнование в области животноводческой продукции закончилось, но лозунг «Догнать и перегнать Америку» не был снят.

В поисках средств подъема сельского хозяйства за короткий срок Хрущев к середине 50-х годов концентрирует внимание на реорганизации МТС. Новая постановка вопроса об МТС не была абсолютно спонтанной. Со времени сентябрьского 1953 г. Пленума Хрущев видел два основных пути создания обилия сельскохозяйственных продуктов. Первый и основной – восстановление принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии производства. Второй путь – механизация сельскохозяйственного труда. Используя этот рычаг, Хрущев до середины 50-х годов держит курс на повышении роли МТС. Одна-

ко с конца 1955 г. позиция Хрущева меняется. Уже в начале 1956 г. в журнале «Коммунист» публикуются письма председателей колхозов о желательности продажи тракторов колхозам. Сосредоточенная в МТС со времен коллективизации техника использовалась неэффективно. Колхозы были единственными предприятиями в стране, которые не распоряжались своими орудиями труда. Создав систему МТС и сосредоточив в них современную технику, сталинское руководство ставило колхозы в экономически подчиненное и зависимое положение. Оплата услуг МТС проводилась колхозами на натуральной, неэквивалентной основе.

Пытаясь улучшить систему технического обслуживания колхозов, Хрущев сначала укрупняет МТС, а затем переводит тракторные бригады и ремонтные мастерские на хозрасчет. Одновременно в порядке эксперимента в Узбекистане, Литве и Горьковской области РСФСР часть колхозов получает тракторы в арендное пользование. Еще более эффективным оказался опыт объединения руководства МТС и колхозов. В 1957 г. такое объединение было произведено в 24 хозяйствах Кубани и Ставропольского края. Таким образом, к 1956 г. идея продажи техники колхозам окончательно вызревает.

До декабря 1956 года Хрущев видел выход из положения в развитии хозрасчета в деревне. Выступая с докладом на XX съезде КПСС, Хрущев говорил о возрастании роли МТС, и целесообразности перевода их на хозрасчет¹³¹. Затем на декабрьском Пленуме 1956 г. Хрущев говорил: «Нам надо перестраивать систему оплаты работы МТС»¹³². 14 декабря 1957 г. на заседании Президиума ЦК КПСС Хрущев впервые поднял вопрос о необходимости перевода МТС на хозрасчет. Тогда же он предложил ликвидировать часть МТС – оставить их как ремонтные мастерские и перейти к оплате в рублях. Президиум поручил комиссии под руководством Брежнева совместно с первыми секретарями ЦК компартий союзных республик разработать мероприятия для перевода МТС на хозрасчет и внести свои предложения в ЦК КПСС.

Вопрос об изменении порядка производственно-технического обслуживания колхозов, реорганизации МТС и перевода их на хозрасчет рассматривался 25–26 февраля 1958 г. на Пленуме ЦК. И доклад Хрущева на Пленуме, и постановление его назывались: «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций»¹³³.

Хрущев действительно думал о развитии колхозного строя. МТС была важнейшим государственным рычагом в деревне. В стране насчитывалось 8 тыс. МТС и 1,1 млн тракторов¹³⁴. По

	Поставлено: в 1950–1953 гг.	Поставлено: в 1954–1957 гг.	Рост (раз)
Тракторы: всего	298	510	1,7
в том числе			
пропашные	67	288	4,3
дизельные	204	452	2,2
Автомобили грузо- вые	270	467	1,7
Комбайны зерно- вые	180	293	в 1,6
Комбайны силосные и кукурузные	0,6	143	–
Сеялки тракторные	479	684	в 1,4

* РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 286. Л. 29.

мнению Хрущева, МТС исчерпали политические задачи: укрепили союз рабочих и крестьян. Они исчерпали себя, стали лишним звеном. Теперь они нередко играют отрицательную роль в руководстве колхозами. МТС берут от государства все, что им дают, не считают, нужны ли колхозам данные работы, те или иные машины или нет. Это приводит к тому, что в МТС засылается тысячи ненужных машин. Они годами валяются под открытым небом, ржавеют, приходят в негодность. По данным министерства сельского хозяйства в СССР таких машин примерно на 1 млрд рублей¹³⁵. Данные о поставке техники в колхозы приведены в Таблицах 28 и 29.

Одна из коренных причин проведения реорганизации МТС состоит в том, чтобы поднять материальную заинтересованность механизаторов в увеличении сельскохозяйственной продукции¹³⁶.

Прежде чем вынести вопрос о МТС на Пленум, Хрущев провел в ЦК совещание 14 января 1958 г., где был поддержан. На состоявшемся 4 февраля 1958 года в ЦК совещании ученых и практиков идею реорганизации МТС также поддержали. Профессор Краев говорил, что продажа техники не противоречит марксистско-ленинской теории. При этом приводил такие цифры: стоимость всей техники, которую колхоз купит в МТС – 14 млрд руб., а доход колхозов за 1957 г. – 60 млрд руб. Большинство колхозов окупит технику за 1 год¹³⁷.

27–31 марта 1958 г. на сессии ВС был принят «Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». В соответствии с ним МТС предлагалось

Средние показатели колхозов по СССР и отдельным районам страны на один колхоз, в га и тыс. руб.*

Показатели	1949 г.			1957 г.		
	СССР	БССР	Кировская обл. РФ	СССР	БССР	Кировская обл. РФ
Пашни/га	557	308	291	1954	1199	2337
Денежный доход тыс./руб.	111	36	29	1247	1087	640
Денежный доход на одного работающего в рублях	993	368	610	3560	2473	2380

* РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 286. Л. 30, 31,

реорганизовывать в ремонтно-технические станции (РТС), действующие на основе хозрасчета, сельскохозяйственную технику – продавать колхозам и совхозам¹³⁸. В Законе подчеркивалось, что реформа должна осуществляться постепенно, с учетом зон и регионов, уровня развития отдельных колхозов и в сроки, устанавливаемые республиканскими правительствами.

После декабрьского Пленума 1959 г. Хрущев для ускорения процесса «посоветовал» колхозам быстрее выкупать технику. В итоге благие намерения на постепенность и добровольность были забыты. Техника была выкуплена колхозами за два года (1958–1959 гг.). Государство выручило от ее продажи 32 млрд руб.¹³⁹, что существенно отличалось от оценки в 14 млрд! Однако, если на Кубани, Дону и в Ставрополье крупные колхозы охотно выкупали технику, то в Нечерноземье, на Северо-Западе страны экономически слабым колхозам это было не под силу¹⁴⁰. У пятой части хозяйств вообще не оказалось средств на покупку собственной сельскохозяйственной техники. Большинство из них резко снизили оплату трудодня.

Некоторые исследователи, признавая прогрессивный характер реформ МТС считают, что она оказалась плохо подготовленной и потому подорвала экономику колхозов. «Средства большинства колхозов, заработанные за непродолжительное время экономического подъема оказались практически «съедены» в результате продажи техники МТС колхозам в 1958 г.»¹⁴¹. Действительно, реорганизация МТС во многих колхозах проходила в разгар сельскохозяйственных работ, и когда часть ремонтных мас-

терских были переданы совнархозам, колхозы оказались без ремонтной базы. Расходы их возросли, т.к. им пришлось оплачивать штат механизаторов, который раньше содержало государство. Квалифицированные механизаторы, ранее работавшие в МТС, и не захотевшие перейти в колхоз, покидали село.

Другие исследователи оценивают это мероприятие положительно¹⁴². С реорганизацией МТС в колхозы по разнарядке партии были посланы сотни тысяч квалифицированных специалистов и механизаторов. Оставшимся в селе механизаторам сохранялась система государственного социального обеспечения. Архаичную систему натуроплаты МТС заменили товарно-денежными отношениями. Это можно оценить как шаг вперед.

В аграрной политике Хрущева важное место занимала проблема личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Хрущев исходил из преимущества крупного общественного производства, считая мелкособственническое производство неперспективным. Он исходил из разумного представления, что эффективно работать на колхозном поле и одновременно вести личное подсобное хозяйство крестьянин не может физически. Отношение его к ЛПХ менялось. При Сталине, когда независимо от наличия скота, колхозный двор должен был выполнять госпоставки продуктами – до 60 кг мяса, до 280 л молока, владельцы ЛПХ вынуждены были забивать скот и вырубать деревья, чтобы не платить непосильный налог, Хрущев выступал с позиции активного защитника ЛПХ. Он неоднократно вспоминал разговор с крымским крестьянином по поводу закона 1953 г. об изменении налогообложения личного хозяйства: «Я говорю, как закон? Закон говорит хороший, но почему поздно его приняли? Я спрашиваю, почему? Он говорит – последние 20 абрикосов вырубил в этом году. Я говорю почему? Он отвечает – налог с каждого корня платили. Но вы хорошо сделали, посажу новые»¹⁴³.

В 1954 г. отменили налоги на владения коровами и свиньями, но оставались обязательные поставки государству продуктов сельского хозяйства с личных приусадебных участков колхозников, рабочих и служащих. Эти поставки были отменены постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 июля 1957 г. с 1 января 1958 г.¹⁴⁴ Таким образом, владельцы ЛПХ получили право по своему усмотрению реализовывать на местных рынках всю продукцию, получаемую в личном подсобном хозяйстве. Это мера придала дополнительный импульс экономическому росту в аграрном секторе.

Все же проводимые преобразования в сельском хозяйстве к концу 50-х годов не дали ожидаемых результатов, и Хрущев приходит к решению о запрете содержания скота в личной собствен-

ности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках. В основе принятия Хрущевым данного решения лежит, на наш взгляд, несколько причин. Первая из них – стремление к реализации построенной им модели сельского хозяйства, в которой крестьянин работает только в общественном хозяйстве, и там же обеспечивает полностью свои потребности. Ему хотелось ускорить претворение в жизнь этой модели.

Развитие животноводства в колхозах и совхозах шло туго. Зачастую колхозы вставали на путь массовой закупки коров у населения для сдачи их государству в счет установленных планов, вместо того, чтобы развивать собственное производство. На декабрьском Пленуме КПСС 1958 г., посвященном итогам развития сельского хозяйства за последние пять лет, Хрущев отметил, что доход, получаемый от личного подсобного хозяйства составляет пока еще значительную долю в бюджете колхозной семьи. В постановлении Пленума было записано, что «с ростом общественного хозяйства колхозов личное хозяйство колхозников будет постепенно утрачивать свое значение»¹⁴⁵.

Другая причина запрета ЛПХ, на которую справедливо указывает Зеленин¹⁴⁶ – сложившееся положение в деревнях. С 1 января 1958 г. владельцы личного скота были освобождены от обязательных поставок государству сельхозпродуктов, что создавало стимул для увеличения численности домашнего скота. Усмотрев большую опасность в том, что в отсутствие кормов скоту начнут скармливать хлеб, Хрущев пришел к мнению о запрете содержания скота в городах и рабочих поселках. Летом 1959 г. были приняты указы Президиумов Верховных Советов союзных республик о запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках¹⁴⁷. В результате выполнения этих указов началась кампания по отбору личного скота и у крестьян¹⁴⁸, что обострило продовольственную проблему. Попытка очередной раз заставить крестьянина работать на колхоз, а не на личное подсобное хозяйство отравило большинство крестьян от сельскохозяйственного труда. В связи с этим Новиков вспоминал: «В 1961 г. летел я самолетом из Красноярск в Москву. Ко мне подошла женщина лет 45, спросила: правда ли, что я являюсь заместителем Хрущева? Я подтвердил. Она сказала: “передайте от нас, женщин, большую благодарность Никите Сергеевичу за то, что он избавил нас от коров. Ведь подумайте, надо было вставать в 4–5 часов утра, корову накормить, выдоить. Потом уборка навоза, летом выгон на пастбища, в общем целый день около этих коров крутишься, с утра и до ночи. А теперь мы спокойно работаем только по огороду и в саду”»¹⁴⁹.

И, наконец, третья причина принятия Хрущевым решения о запрете ЛПХ: будучи в плену утопической идеи построения коммунизма, Хрущев видел в ЛПХ пережитки капитализма, состоящие во владении пусть маленькой, но частной собственностью. Он был убежден, что при коммунизме частной собственности быть ни у кого не должно.

Новое поколение колхозников и рабочих совхозов не работало ни на ЛПХ, ни в колхозах и совхозах.

Вместе с тем, как отмечает, ссылаясь на статистику, Зеленин в результате мер, направленных против ЛПХ, значительного спада в производстве ЛПХ сельскохозяйственной продукции не произошло. Подсобное хозяйство, особенно в условиях продовольственного кризиса, становится реальной опорой выживания людей не только на селе, но и в городе¹⁵⁰.

Хрущев замахнулся на остатки частной собственности людей, но бой этот проиграл. Приняв решение о запрете содержания личного скота, он фактически (возможно невольно) к середине 60-х годов обострил продовольственную проблему, что явилось одной из причин его смещения.

Последний этап аграрных реформ – смена парадигмы. На рубеже 60-х годов экономические стимулы в деревне вновь перестают действовать. Уже с 1960 г. начинается тенденция к снижению производства сельхозпродукции и особенно животноводства. Хрущев пытается объяснить эту тенденцию «снижением ответственности за решение поставленных партией задач», «ослаблением организационной работы»¹⁵¹. В докладе на январском Пленуме ЦК КПСС (1961 г.) он констатирует, что в 1960 г. многие республики и области сократили производство мяса по сравнению с 1959 г. (в РСФСР прирост мяса в 1960 г. по сравнению с 1959 г. уменьшился на 93 тыс. т., на Украине прирост мяса в 1960 г. сократился на 115 тыс. т)¹⁵². В постановлении Пленума говорится о серьезных недостатках в сельском хозяйстве¹⁵³ и это за полгода до принятия новой Программы КПСС! На Пленуме отмечалось, что ежегодные закупки зерна для полного удовлетворения потребностей населения надо довести до 4200 млн пудов зерна, а в 1960 г. было заготовлено 2852 млн пудов¹⁵⁴. Хрущев видит резерв увеличения производства зерна в выращивании кукурузы¹⁵⁵.

В марте 1962 г. на Пленуме, в очередной раз обсуждавшем проблемы «улучшения руководства сельским хозяйством», Хрущев был вынужден признать, что сельско-хозяйственное производство серьезно хромает и есть реальная угроза невыполнения заданий семилетнего плана¹⁵⁶.

Все это и многие другие факты заставили Хрущева заниматься перестройкой партийного и государственного управления. Им

была предпринята попытка поделить партийные организации по производственному принципу – на промышленные и сельские. Вместо единых Советов и их исполкомов создавались сельские и промышленные Советы и исполкомы.

Хрущев понимал, что: «Нельзя, чтобы партийная власть руководила сельским хозяйством без знания предмета»¹⁵⁷. «Чаще всего секретарями обкомов и райкомов выдвигаются городские кадры, а не сельские... Эти люди хорошо знают машину, экономику, но плохо знают сельское хозяйство. А сельское хозяйство всегда требует конкретного руководства. А конкретные указания без знаний добра не принесут. Поэтому я считаю, что надо было разделить партийные организации по производственному, а не по географическому принципу. Тогда легче подбирать специалистов и привлекать их на партийную и государственную работу». Хрущев имел в виду, что партийная организация диктует свои условия, а при отсутствии квалификации такой диктат может привести к нежелательным результатам¹⁵⁸. Вывод Хрущева на склоне дней: «Главное от чего мы страдаем – несовершенное руководство сельским хозяйством... Чтобы труд, занятых в сельском хозяйстве стал продуктивным, надо чтобы оно велось на должном научном уровне, имело техническое обеспечение и четкую организацию дела»¹⁵⁹.

Перестройкой партийных организаций (в 1962 г. были ликвидированы сельские райкомы партии) Хрущев фактически нанес удар по самой массовой группе партработников – секретарям сельских райкомов КПСС.

Власть оказалась непоследовательной в аграрной политике, начатой в сентябре 1953 г. Безграничная вера Хрущева в возможности «колхозного строя», предубежденность против любой личной собственности не позволили эффективно реформировать сельское хозяйство. Вместо того чтобы открыть инициативу снизу, дать возможность проявиться крестьянской сметке, использовать семейные формы землепользования, иными словами, предоставить крестьянам определенный выбор и свободу организации, колхозникам в приказном порядке навязывали посевы кукурузы и другие нововведения. Село превратилось в полигон для разного рода скороспелых решений и преобразований. Хрущев активно искал чудодейственный рецепт. Он ополчился на травопольную систему земледелия академика В.Р. Вильямса – требовал из севооборотов травы и расширять посевы пшеницы, объясняя колхозникам как хороши пироги и пышки из пшеничной муки. После пшеницы на долгое время «царицей полей» была объявлена кукуруза. Вслед за кукурузой и горохом главными и решающими звеньями подъема сельского хозяйства провозгла-

Производство и урожайность зерновых культур, в млн т и ц с га*

Годы	Валовый сбор, млн т	Урожайность, ц с 1 га	Годы	Валовый сбор, млн т	Урожайность, ц с 1 га
1954	85,6	7,7	1960	125,5	10,9
1955	103,7	8,4	1961	130,8	10,7
1956	125,0	9,9	1962	140,2	10,9
1957	102,6	8,4	1963	107,5	8,3
1958	134,7	11,1	1964	152,1	11,4
1959	119,5	10,4	1965	121,1	9,5

* Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 311.

шалась ликвидация чистых паров, отдельная уборка хлебов, химические удобрения, поливное земледелие.

Несмотря на все принятые меры, значительного повышения производства зерновых культур в 1960-е годы не произошло, а урожайность зерна продолжала оставаться низкой (см. Таблицу 30). Для сравнения: урожайность зерновых в 2002 г. в РСФСР в хозяйствах всех категорий составила 19,6 ц с 1 га¹⁶⁰, при следующей структуре производства по категориям хозяйств: сельскохозяйственные организации – 86,9%; хозяйства населения – 0,9%; фермерские хозяйства – 12,2%¹⁶¹, в Краснодарском крае в 2002 г. урожайность достигла 42,1 ц с га¹⁶².

Традиционно под влиянием обвинений, прозвучавших на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС, некоторые авторы излишне драматизируют факт закупки в 1963 г. зерна за рубежом, делая на этом основании неправомерные выводы о неэффективности всей аграрной политики Хрущева. На самом деле, как видно из таблицы 30, в 1963 г., который по погодным условиям был не самым урожайным, было собрано 107,5 млн т зерновых, что на 32,7 млн т меньше, чем в 1962 г., но на 21,9 млн т больше, чем в 1954 г. При этом импорт зерна составил в 1963 г. 3,0 млн т при экспорте в этом же году 6,2 млн т. Закупки зерна имели место, хотя и в меньших масштабах, и 40-е, и в 50-е годы. Для сравнения: импорт зерна в 1985 г. в СССР составил 45,6 млн т, а экспорт всего 1,7 млн т.¹⁶³

Каковы же принципиальные оценки аграрных реформ Хрущева? По мнению М. Малия, благодаря Хрущеву «Убогое состояние советского сельского хозяйства, наконец, получило широкую огласку, и отныне улучшение его станет одной из основных задач режима»¹⁶⁴.

Следует отметить, что благодаря реформам Хрущева сельское хозяйство в середине 50-х годов получило значительный импульс для своего развития. В выступлениях участников июньского Пленума 1957 г. многими ораторами отмечался рост производства сельхозпродукции. Н. Полянский, например, говорил: «В 1953 г. до сентябрьского Пленума Кубань давала на 100 га сельскохозяйственных угодий 16 центнеров мяса, в прошлом году (1956 г.) 47 центнеров, в этом году дадим 72 центнера, а через 3 года 203 центнеров... Надой на 1 корову был в 1953 г. 1200 кг – это позор для Кубани, в этом году будет как минимум 2400... Кубань одновременно строит 14 сахарных заводов»¹⁶⁵. Мазуров в своем выступлении говорил: «А что было до 1953 г.? Дело дошло до того, что колхозы даже картошку перестали сажать, потому что 3 копейки за килограмм была заготовительная цена... Если в 1953 г. в Минске – столице Белоруссии – мы находили возможным продавать 20–25 т молока в день, то сейчас продаем 250 тонн. Мы продадим только в государственной торговле 150 л молока на душу населения в городе Минске. А за хлебом какие у нас были очереди! Во всех городах не было хлеба. Сейчас не только в Белоруссии – всюду хлеба достаточно»¹⁶⁶.

В выступлении Сулова на июньском Пленуме 1957 г. приводились такие цифры по производству сельхозпродукции¹⁶⁷:

Зерно 1953 г. – 82,5 млн т. 1956 г. – 127, 4 млн т.

Картофель 1953 г. – 72,5 млн т. 1956 г. – 96 млн т.

Мясо 1953 г. – 5,8 млн т. Сейчас (1957 г.) – 6,5 млн т.

Молоко 1953 г. – 36,5 млн т. 1956 г. – 49,2 млн т.

Характерно, что значительное увеличение зерна было достигнуто за счет освоения целинных земель, но по мясу уже просматривалась негативная тенденция. «Здесь мы медленно двигаемся», – сказал Сулов¹⁶⁸. Таким образом, в целом говорить о крахе аграрной политики Хрущева не совсем корректно.

Природный здравый смысл и прагматичная жилка не давали Хрущеву слишком высоко взлетать с реальной почвы в идеологические высоты. Ратуя за определенную самостоятельность местных партийных организаций на июньском Пленуме ЦК КПСС 1957 г. Хрущев отмечал: «За последние годы из ЦК КПСС на места не пошла ни одна телеграмма об усилении сева, о яблевой пахоте или вывозке навоза... Меня называют аграрником. Признаюсь, что в свое время я тоже был сторонником таких телеграмм и сам не одну телеграмму написал о севе, об уходе за посевами, о навозе. А теперь, как Секретарь Центрального Комитета партии, избранный вашей волей, я таких телеграмм не подписываю и никому не предлагаю этого делать. Наоборот сдержи-

ваю. Мы развязали инициативу местных организаций, предоставили возможность решать эти вопросы так, как подсказывают интересы развития сельского хозяйства. Ведь люди на местах лучше знают, когда возить навоз, куда его возить и как запахивать»¹⁶⁹.

Хрущев, не затрагивая идеологические структуры (не реформируя или не касаясь вообще), смог в значительной степени понизить ценность идеологии как самоцели, предприняв попытку заставить служить идеологию прагматическим жизненным задачам в виде простого мобилизирующего средства. В замечаниях по тексту Программы КПСС Хрущева содержатся интересные мысли, свидетельствующие о том, что им в какой-то мере двигали этические импульсы и мотивы. Он первым начал говорить о необходимости «завоевать душу колхозника: его уважение и доверие»¹⁷⁰.

Причина неэффективности аграрных преобразований всего хрущевского времени, на наш взгляд, коренится в подмене реальных социально-экономических ориентиров умозрительными, идеологическими, но других подходов в этот период и быть не могло. Утопичной была сама задача спешного подтягивания кооперативно-колхозной формы собственности до уровня общенародной и попытка раскрестьянивания села с переводом колхозных тружеников в положение отсталого отряда рабочего класса.

Реформирование органов управления промышленностью и строительством

Наращение трудностей управления. Законом «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», принятым Верховным Советом СССР 10 мая 1957 г., Н.С. Хрущев начал свою самую заметную и самую спорную по результатам реформу по управлению промышленностью и строительством¹⁷¹. Она стала первой серьезной попыткой учесть региональные особенности экономики СССР. Развернувшиеся в ходе ее реализации дискуссии во многом подготовили хозяйственную реформу 1965 г.

До 1946 г. основным звеном центрального аппарата государственного управления являлись народные комиссариаты (наркоматы), преобразованные в марте этого же года в министерства. Система отраслевых специализированных министерств, в основе которой лежал принцип централизованного управления, позволила в годы индустриализации сконцентрировать внимание, силы и средства на создании и ускоренном развитии ведущих отраслей индустрии за счет других секторов народного хозяйства. Она хо-

рошо показала себя в условиях военного времени. В мирное время и особенно после смерти Сталина, когда исчезла угроза репрессий, возросла сложность экономики, отраслевая система управления стала терять свою былую эффективность. Такие врожденные ее недостатки, как бюрократизм, волокита, подмена живого, оперативного руководства подготовкой многочисленных директив, справок, циркуляров, давшие о себе знать еще в 30-е годы, вновь всплывают на поверхность. Росла громоздкость и многозвенность государственного аппарата управления. В начале 1950-х годов в Министерстве торговли СССР насчитывалось 369 структурных подразделений, в Министерстве электростанций – 366. Один из трудно устранимых недостатков отраслевой системы управления заключался в несовпадении интересов органов управления разных уровней. На практике министерства, главки, тресты, предприятия, хотя формально и подчинялись вышестоящим организациям все же не являлись простыми проводниками их интересов. Различия интересов проявлялись как на стадии разработки и утверждения планов, так и на стадии их выполнения. Кроме того, подчиненные хозяйственные объекты нередко стремились добиться большей независимости от вышестоящей организации, усиления своего ведомства, что облегчало им выполнение планов и повышало степень влияния их руководителей¹⁷². Конфликты между хозяйственными объектами разных уровней снижали дееспособность всей советской системы управления, они негативно сказывались на темпах роста экономики и вели к чрезмерному расходованию ресурсов¹⁷³. В 1930-е годы для решения этой проблемы был выбран путь дальнейшей централизации системы управления народным хозяйством. Чтобы повысить взаимосвязь предприятий и центральных отраслевых органов на XVII съезде ВКП (б) было принято решение о сокращении числа функциональных подразделений наркоматов и главков и усилении роли отраслевых. С этой же целью в отраслевых главках вводилось специальные должности инженеров-диспетчеров, персонально ответственных за работу отдельного предприятия¹⁷⁴. В результате, в течение 1930-х годов значительно возросло количество отраслевых наркоматов и главков. Если в 1930 г. был один промышленный наркомат – ВСНХ, то к концу десятилетия 1930-х годов их число перевалило за два десятка. В апреле 1932 г. через четыре месяца после его создания в Народный комиссариат тяжелой промышленности (НКТП) входило 13 отраслевых главков, а в 1938 г. – уже 34 главка¹⁷⁵. Подавляющее большинство новых отраслевых органов, координирующих работу целых секторов народного хозяйства, потребовало дополнительных затрат на координацию их работы. По расчетам И.А. Апо-

кина сложность управления растет приблизительно пропорционально квадрату числа объектов управления¹⁷⁶. Неоднократные преобразования министерств в послевоенные годы не устранили нарастающих проблем взаимоотношений между выше и ниже стоящими организациями. Аппарат управления промышленностью оставался таким же, каким он был до войны и продолжал развиваться по пути специализированных министерств. Сохранялась чрезмерная централизация органов управления, необходимость решать даже простые вопросы на уровне министерств и ведомств. К середине 1950-х годов отраслевое управление промышленностью и строительством представляло собой развитый бюрократический аппарат, осуществляющий свои функции через министерства и многочисленные главки и управления. В 1956 г. число министерств равнялось 52, в том числе 23 общесоюзных и 29 союзно-республиканских (по Конституции СССР 1936 г. было зафиксировано 8 общесоюзных, 10 союзно-республиканских, 4 республиканских наркомата и 3 госкомитета)¹⁷⁷. Проведенные в 1954–1957 гг. сокращение численности управленческого аппарата, ликвидация ненужных подразделений в министерствах и ведомствах, объединение мелких хозяйственных организаций позволили вывести из сферы управления около миллиона человек¹⁷⁸. Однако улучшению руководства промышленностью это способствовало мало.

После смерти Сталина и ослабления административного нажима возрастает независимость министерств. В 1955–1956 гг. расширяются права министров, начальников главков и директоров заводов. Эти мероприятия в известной мере повысили конкретность и оперативность управления, но одновременно усилился и произвол ведомств. Их распространенная практика перераспределять доходы между предприятиями (как правило, от экономически сильных к слабым) подрывает мотивацию людей к труду, отбивает желание рисковать, проявлять инициативу. Ведомственный монополизм, наряду с затратным механизмом хозяйствования, способствовал росту незавершенного строительства. На декабрьском (1956 г.) Пленуме ЦК КПСС председатель Госэкономкомиссии М.З. Сабуров обвинил руководителей ряда министерств в том, что они «Вместо того, чтобы сосредоточить все внимание и силы на выполнение устанавливаемых государственных планов капитальных работ, экономном и эффективном использовании выделяемых государством ресурсов с целью ускорения сроков строительства...с неизменным упорством из года в год предъявляют раздутые и невыполнимые требования по капитальным вложениям»¹⁷⁹. По данным председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова, приведенным на том же декабрьском

(1956 г.) Пленуме ЦК КПСС к началу 1956 г. по титульным спискам министерств осуществлялось около 4 тыс. крупных сверхлимитных строек общей сметной стоимостью около 700 млрд руб., по которым было освоено примерно 280 млрд руб. или 40%. Для того чтобы завершить все сверхлимитные стройки, начатые до 1956 г., требовалось свыше 400 млрд руб. В тоже время, по инициативе министерств, в план капитального строительства на 1956 г. было включено еще 348 новых сверхлимитных строек, общей сметной стоимостью около 40 млрд руб.¹⁸⁰

Бег по кругу. Понимание неотложности реформ в управлении промышленностью и строительством приходит к новому советскому руководству спустя считанные месяцы после смерти Сталина. Необходимость осуществления крупных организационных мер диктовалась, прежде всего, наметившемся отставанием СССР от Запада в эффективности производства. Преобладание среди послесталинского руководства мнения, что серьезные сбои в экономике связаны с недостатками организационной структуры, толкало власть на все новые ее реорганизации. Их направление и характер определялись многими причинами, включая личные и ведомственные интересы. В результате постоянно появлялись новые органы управления, исчезали старые, происходило сужение и расширение функций и прав уже имеющихся организаций.

В течение одного только 1954 г. было принято несколько важных постановлений Совмина и ЦК КПСС по совершенствованию существующей системы управления. Еще в январе 1954 г. ЦК КПСС, принял постановление «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата»¹⁸¹, в котором говорилось о расширении прав местных органов управления. Во время обсуждения этого постановления на местах было дополнительно внесено более тысячи предложений по совершенствованию хозяйственной деятельности в районе, области, республике.

Следующим шагом в том же направлении стало постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата»¹⁸² (октябрь 1954 г.). Постановлением предусматривалось упрощение структуры министерств и других звеньев управления, сокращение управленческого аппарата. Несколько ранее, в августе 1954 г появилось постановление Совета министров СССР и ЦК КПСС о задачах Государственного банка СССР, обязывающее его «улучшить экономическую работу и усилить контроль за выполнением предприятиями и организациями планов»¹⁸³. Этим же постановлением Госбанку предоставлялось право проводить проверку

правильности распределения и использования фондов заработной платы в министерствах, ведомствах и главках¹⁸⁴.

В следующем – 1955 г. центральным вопросом совершенствования механизма управления становится проблема планирования развития народного хозяйства. С ослаблением административного диктата все более проявляется долголетняя разбалансированность народного хозяйства по основным пропорциям – между группами «А» и «Б» в промышленности, между потреблением и накоплением, доходами и материальными ресурсами. Как уже ранее отмечалось, пятый пятилетний план был разработан с большими трудностями. Такая же ситуация наблюдалась и у разработчиков шестого пятилетнего плана. Наличие серьезных диспропорций в развитии отдельных отраслей заставило руководство страны обратить внимание на коренное улучшение перспективного планирования. Вопросы планирования неоднократно обсуждались в Президиуме ЦК КПСС и в Совете министров СССР. В основе реорганизации Госплана СССР лежали меры административного характера. В принятом 25 мая 1955 г. указе Президиума Верховного Совета СССР «О реорганизации Государственного планового комитета СССР» признавалось, что совмещение в Госплане СССР работы по перспективному планированию с работой по подготовке годовых планов и многочисленных вопросов текущего характера не дает возможности Госплану сосредоточить внимание и силы на разработке перспективных планов и крупных народнохозяйственных проблемах¹⁸⁵. Выходом из положения стало разделение Госплана на два органа: Государственную комиссию Совета министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства (Госплан СССР) и Государственную экономическую комиссию по текущему планированию народного хозяйства (Госэкономкомиссия СССР). В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 4 июня 1955 г. к ведению Госплана СССР относились и разработка пятилетних и более длительных (до 10–15 лет) планов развития народного хозяйства и проверка их исполнения¹⁸⁶. Вся работа по текущему планированию отошла к Госэкономкомиссии. В мае 1955 г. принимаются решения по расширению функций и прав союзных республик в области планирования и капитального строительства, по бюджетным вопросам, в решении вопросов труда и заработной платы, в образовании фондов предприятий и другие¹⁸⁷. Этим решением республикам предоставлялась полная самостоятельность в планировании и распределении всех видов промышленной продукции, вырабатываемой республиканскими министерствами, ведомствами и промкооперацией.

Меры бюрократического порядка не решили, да и не могли решить задачи оптимизации планирования. Уже в августе 1956 г. Хрущев после его поездок в Казахстан и Донбасс подверг резкой критике работу и Госплана, и ГЭК¹⁸⁸.

Реагируя на вызовы времени, коллективное руководство летом 1955 г. попыталось определить новые приоритеты научно-технической политики. В докладе Н.А. Булганина на июльском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось о том, что «мы стоим на пороге новой научно-технической революции»¹⁸⁹. Постановление Пленума «О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства» содержало важный раздел о совершенствовании управления промышленностью, в котором по существу было определено то главное препятствие в развитии экономики, которое надо преодолеть, т.е. чрезмерную централизацию. «Структура управления, – говорилось в постановлении, – остается еще громоздкой, многоступенчатой. В аппарате министерств, ведомств и предприятий много излишних, параллельно действующих звеньев, штаты административно-управленческого персонала все еще велики...Некоторые министерства и ведомства не принимают необходимых мер к тому, чтобы приблизить управленческий аппарат к местам расположения промышленных предприятий. Как правило, главные управления и многие тресты находятся в Москве или в столицах союзных республик, вдали от подчиненных им предприятий. Оторваны от производственной базы также многие научно-исследовательские учреждения. Сложившаяся в ряде отраслей промышленности **чрезмерная централизация управления мешает оперативному и конкретному руководству предприятиями** (выделено авт. – В.Ш.) и снижает ответственность республиканских хозяйственных, партийных и советских организаций за работу промышленности»¹⁹⁰. На этом новации заканчивались. Главными причинами неудовлетворительного внедрения новой техники в народное хозяйство объявлялись: слабое руководство со стороны министерств и руководителей ведомств, работами по созданию и освоению новых машин, механизмов, приборов и аппаратуры, новых видов материалов и прогрессивной технологии, зазнайство и самоуспокоенность многих руководящих работников промышленности, потеря ими чувства ответственности за порученное дело¹⁹¹. Постановление насыщено изобиловало указаниями «Обязать министерства и ведомства», «поручить министерствам и ведомствам», «обязать министров и руководителей ведомств», «Обратить внимание министров, руководителей ведомств» и т.п. Следствием такой постановки вопроса стала рекомендация министерствам **приблизить** свои главки и тресты к под-

чинным предприятиям. В целях повышения ответственности директоров предприятий за выполнение государственных планов, стимуляции их на внедрение новой техники и новых технологий, постановлением Совета Министров СССР от 9 августа 1955 г. «О расширении прав директоров предприятий», им предоставлялись дополнительные права в целом ряде вопросов, начиная с планирования и кончая заработной платой¹⁹².

Решения XX съезда КПСС не внесли новизны в построение аппарата управления. В них говорилось только о необходимости «продолжать работу по совершенствованию организационных структур и форм деятельности партийных и советских органов в соответствии с меняющейся обстановкой...»¹⁹³. До осени 1956 г. Хрущев продолжает реорганизацию управленческого аппарата в традиционном русле, пытаясь придать большую динамику экономике. На Президиуме ЦК КПСС неоднократно ставился вопрос о необходимости сокращения числа министерств и повышения эффективности их работы¹⁹⁴. При очередном обсуждении вопроса 26 апреля 1956 г. Д.Т. Шепилов предложил передать максимум министерских функций республикам, и был поддержан в этом Микояном. Однако председательствующий на заседании М.А. Суслов рекомендовал не спешить и «еще посмотреть»¹⁹⁵. Определенную новизну в этом плане содержала записка по вопросам улучшения руководства народным хозяйством, специально подготовленная по поручению Президиума ЦК КПСС Председателем Совмина СССР Н.А. Булганиным зимой 1956 г. Формально в ней речь шла о выполнении ЦК КПСС поручений XX съезда. По этой причине давно назревший процесс модернизации управления представлен в записке как сугубо рутинное дело: «хозяйственное руководство, как и всякое живое дело, должно постоянно развиваться и совершенствоваться, нельзя довольствоваться достигнутым, а надо идти дальше и добиваться большего»¹⁹⁶. Настоящей причиной подготовки записки явилась сложная ситуация в экономике. Сбой в работе ряда отраслей, на фоне сложного международного положения страны, грозил серьезными неприятностями. В конце лета 1956 г. Президиум ЦК КПСС рассматривал возможность покупки металла в США¹⁹⁷. Именно ощущение надвигающейся катастрофы заставило Президиум ЦК КПСС провести на декабрьском 1956 г. Пленуме серьезную корректировку шестого пятилетнего плана. Одним из вопросов повестки дня явился вопрос об улучшении руководства народным хозяйством. В записке Булганина, приуроченной к началу Пленума, обозначены многие болевые точки в состоянии экономики. Так, в частности, в ней отмечалось, что снабжение предприятий истроек организовано неправильно по ведомствен-

ному принципу (выд. авт. – В.Ш.), т.е. каждое министерство и ведомство имеет собственные снабженческие организации, конторы, базы и склады. Во многих городах имеются десятки параллельно действующих снабженческих организаций. Это приводит к резкому увеличению штатов снабженческого аппарата и крайне нерациональному использованию материальных ресурсов¹⁹⁸. Главная же проблема, по мнению Булганина, заключалось в том, что в процессе управления народным хозяйством повседневно возникает множество вопросов, которые должны быстро и оперативно решаться. Но, ни Президиум ЦК КПСС, ни Президиум Совмина СССР не в состоянии их своевременно решать, поскольку все вопросы «в огромном количестве концентрируются в ЦК КПСС и Совмине СССР»¹⁹⁹.

Таким образом, суть проблемы заключалась в том, чтобы разгрузить высшие органы власти СССР от рассмотрения таких вопросов, которые с успехом могли решаться в ином порядке. В записке констатировалось, что все, что до сих пор сделано, не решает задачи ликвидации чрезмерной централизации в управлении народным хозяйством.

И вновь серьезный анализ ситуации подменяется в этом документе обвинениями в адрес планирующих органов. В своей записке Булганин обрисовал ситуацию следующим образом: «...и Госплан, и ГЭК не изучают глубоко состояние отдельных отраслей, слабо связаны с местами, крупными предприятиями, научными учреждениями. Их руководители не знают действительного положения на местах. Некоторые хоть и сидят по 15–20 лет на одном месте, отстают от жизни...Крупные просчеты в планировании создали серьезные трудности: в 1956 г. план добычи угля по Донбассу правительство дважды уменьшало – один раз на 4,3 млн т, а другой – на 1,1 млн т. Из-за ошибок, допущенных ГЭК правительству пришлось также снижать план выплавки чугуна и стали, проката и цемента»²⁰⁰.

Оптимальным и реально уменьшающим трудности централизованного управления в тех условиях было бы деление СССР на крупные экономические районы с достаточно высокими возможностями и правами. Булганин вместо серьезных реформ предложил в очередной раз перестроить работу планирующих органов и, в частности Госэкономкомиссии, расширив ее права и придав ей наряду с текущим планированием распорядительные функции, т.е. дав возможность ГЭК право решать все текущие вопросы, связанные с выполнением пятилетнего плана²⁰¹.

Более перспективным предоставляется предложение расширить права министров и руководителей ведомств. В записке отмечалось, что «...отвечая за работу целой отрасли, министры не мо-

гут, например, изменить объем выпуска отдельных видов продукции, даже в том случае, если это вызывается экономической необходимостью. На это требуется решение правительства»²⁰². Крайне урезаны права начальников главков. Они контролируют работу многих предприятий и в тоже время не могут самостоятельно решать такие вопросы, как утверждение заданий по вводу в действие и ремонту не установленного оборудования, имеющегося на предприятиях главка, снятие с производства отдельных заказов, даже если об этом просит заказчик²⁰³. В записке Булганина предлагалось «...в целях повышения ответственности министров и развития их хозяйственной инициативы предусмотреть такой порядок, при котором в государственных планах предусматривались бы лишь основные задания, имеющие общегосударственное значение и определяющие темпы и пропорции в развитии отраслей народного хозяйства. Руководствуясь этими основными заданиями, министры сами должны были утверждать годовые планы по соответствующим отраслям хозяйства»²⁰⁴.

Следующий пункт предложений Булганина касался необходимости «неуклонно проводить одобренный XX съездом курс на всемерное повышение роли союзных республик в управлении хозяйством»²⁰⁵. К осени 1956 г. в непосредственном ведении союзных республик оказалось около 15 тыс. предприятий, которые раньше находились в распоряжении союзных министерств, благодаря чему образовались союзно-республиканские министерства (угольной промышленности и черной металлургии на Украине, цветной в Узбекистане, нефтяной в Азербайджане)²⁰⁶. Практика показала, что Советы министров союзных республик все еще не могли решать многие вопросы, которые входили в их компетенцию.

«Надо что-то делать». Цепь однообразных предложений бюрократического характера по усовершенствованию управления народным хозяйством прерывается на декабрьском (1956 г.) Пленуме ЦК КПСС. В выступлениях его участников содержалось немало критических замечаний по поводу неэффективности отраслевой системы управления народным хозяйством. Так, секретарь Свердловского обкома КПСС Кириленко, говорил о том, что «...в области только машиностроительными заводами руководит 18 министерств и десятки главков, причем все эти министерства и главки руководят каждый по-своему»²⁰⁷. К.Г. Пысин отмечал: «Аппарат управления народным хозяйством у нас очень дорогой. У нас создается много ненужных организаций. Главное, каждое министерство, будь то союзное, или республиканское старается достать со своей системой не только до районного центра, где в ряде случаев насчитывается от 250 до 300 аппаратных работни-

ков, чье содержание обходится в 1,5–2 млн руб. в год, но даже до села. Мы там, на местах сокращаем районный аппарат, а в системе министерств федеральных органов создаются все новые министерства. И нам не понятно это».

Ко времени проведения декабрьского Пленума хорошо себя зарекомендовало Главное управление по жилищному и гражданскому строительству (Главмосстрой), созданное 26 апреля 1954 г. по инициативе Хрущева для ускорения решения жилищной проблемы в Москве. Постановлением Совета министров СССР и ЦК КПСС главку были переданы в подчинение 53 общестроительных специализированных треста, 255 строительных и специализированных управлений, свыше 600 производственных предприятий и организаций различной ведомственной принадлежности²⁰⁸. Затем по предложению Хрущева происходит такое же объединение строительных организаций в Ленинграде и Киеве²⁰⁹. Опыт преодоления ведомственных барьеров в строительстве оказался удачным. 16 марта 1956 г. по инициативе Хрущева принимается постановление ЦК КПСС о распространении опыта Главмосстроя²¹⁰. В нем отмечалось, что Главмосстрой в 1955 г. выполнил план, снизил себестоимость строительного-монтажных работ на 12% и добился роста производительности труда на 31%, в то время как в 1955 г. ни одно министерство не выполнило установленного плана жилищного строительства²¹¹.

Резкая критика, прозвучавшая на декабрьском Пленуме (1955 г.) ЦК КПСС по адресу министерств заставила Хрущева вновь обратиться к положительному опыту Главмосстроя²¹². Когда на Пленуме зашла речь о нецелесообразности существования некоторых союзно-республиканских министерств СССР, возник вопрос об упразднении или объединении ряда других союзно-республиканских министерств, а также о переводе из Москвы отдельных звеньев центрального аппарата и НИИ в районы расположения предприятий соответствующих отраслей хозяйства. В ответ на него Хрущев подал реплику: «У меня возникла, может быть, дикая мысль, что нам надо по крупным городам может быть создать орган Совета министров, территориальный орган. Нельзя же в одном городе иметь десять министерств. Министерство действует только по вертикали Москва–Владивосток, Владивосток–Москва. Я не предлагаю этого, но что-то надо придумать. Критикуем, критикуем и никак не выкарабкаемся. Микоян тут же предложил создать координационный пункт. Может быть, – отреагировал Хрущев, – но надо что-то делать. Мы уже десятки лет критикуем (систему управления). А Васька слушает да ест. **Значит порочна система**»²¹³ (выд. авт. – *В.Ш.*).

Кириленко поддержал перестройку: «существующая практика планирования сопряжена с чрезмерной и вредной централизацией. Это сковывает инициативу мест, мешает полнее использовать внутренние резервы, применять наиболее эффективные мероприятия и превращает планирование в бюрократическую систему обязательного декретирования сверху по всем, в том числе и мелким вопросам, вплоть до того, что Свердловску сверху планируется количество выпечки пирожков и производства пельменей»²¹⁴. «Организация планирования и управления хозяйством должна быть обязательно перестроена... Нам кажется, что необходимо создать по экономическим районам планирующие органы и органы управления, наделив их правами и предоставив им возможность планировать все отрасли народного хозяйства того или иного района, иначе, чтобы планирование народного хозяйства общегосударственными масштабами проводилось по сложившимся экономическим районам»²¹⁵. Кириленко напомнил Микояну, что тот на третьей сессии Верховного Совета в 1939 г. в докладе «Об организации... комиссии по строительству» предлагал в Свердловской области, имевшей много строительных трестов, оставить один. «Надо покончить с мелочной опекой директоров предприятий и других работников, создать условия, чтобы они в рамках партийных и государственных решений могли получать простор в своей практической деятельности»²¹⁶. На этом Пленуме резкая критика Хрущева в адрес министерств и его предложение использовать положительный опыт Мосстроя не нашли поддержки у Молотова, Кагановича, Маленкова, Первухина и Сабурова. В постановлении Пленума опять констатируется необходимость устранения излишней централизации в руководстве экономикой и признается необходимым улучшение работы Госэкономкомиссии²¹⁷. Однако Хрущев, которым овладела идея реорганизации министерств, уже 28 января 1957 г. направляет в Президиум ЦК записку, где излагал «некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством»²¹⁸.

Для обоснования замены отраслевого принципа управления народным хозяйством территориальным принципом Хрущев широко использовал опыт деятельности ВСНХ в первые годы советской власти при Ленине. В первые месяцы революции Высший Совет народного хозяйства задумывался как орган экономической диктатуры пролетариата, подчиненный не правительству (Совнаркому), а ВЦИК. При его создании определяющей была идея приоритета экономики над политикой. Правда, подчинить хозяйственную жизнь единому центру «в силу застойности организационных форм», а главное – противодействия наркомов других ведомств,

так и не удалось²¹⁹. Тем не менее, ВСНХ был попыткой совместить отраслевой и территориальный принцип управления. С помощью главков по вертикали и с помощью региональных совнархозов, действовавших на местах – по горизонтали²²⁰.

В своем обширном выступлении на февральском (1957 г.) Пленуме (докладчик попросил участников Пленума не ограничивать его во времени в виду важности проблемы)²²¹, Хрущев сразу сформулировал дилемму: **или в соответствии с объективной тенденцией к созданию все новых и новых отраслей «идти дальше по пути дробления технического, экономического и административного управления, создавая в центре все новые специальные отраслевые министерства, или же искать более гибкие формы управления»** (выделено авт. – *В.Ш.*)²²². Подвергнув резкой критике принятые месяц назад решения декабрьского Пленума как поверхностные, не затрагивающие основу руководства производством, он обратил внимание слушателей на то, что и в Госплане, и в ГЭК, и в Совете министров СССР, и ЦК КПСС вопрос в принципе решают одни и те же люди, это правильно с точки зрения единства воли, единства руководства, но главное, что это все-таки как бы один орган, и этот орган независимо от воли людей занятых в нем, превращается в «центропробку»²²³. «Об этом нигде не говорится, – констатировал Хрущев, – но фактически нельзя же на одном заседании Президиума ЦК КПСС, в течение трех часов глубоко рассмотреть 50–60 крупных вопросов. Вопрос докладывает не тот, кто его разработал, а чуть ли не десятое лицо, поэтому в конце концов вопрос так видоизменяется, что порой в процессе подготовки извращается его сущность, при этом происходит большой проигрыш и в качестве, и во времени решения вопроса»²²⁴.

Обосновывая необходимость перехода к управлению промышленностью и строительством по экономическим районам, Хрущев с большим знанием дела вскрыл многие слабые места централизованного управления экономикой. По данным ЦСУ, несмотря на решительное сокращение за три последних года управленческого аппарата, в сентябре 1956 г. в аппарате управления промышленностью и строительством было занято 195 тыс. человек, из них только в центральном аппарате союзных и союзно-республиканских министерств 34 тыс. человек. В это число входят: почти 5 тыс. – это работники планирования и статистики, более 2 тыс. – работники бухгалтерии, 3 тыс. канцелярские работники, почти 7 тыс. руководители главков, отделов секторов, и 13 тыс. – это ИТР. «Точат бумагу» – заключил он²²⁵. Всего в управленческом аппарате и в организациях по снабжению, сбыту и заготовкам в этих министерствах занято около 850 тыс. человек, и это,

не считая большого управленческого аппарата непосредственно на предприятиях, стройках. Роль снабженческих организаций сводится не непосредственно к реализации продукта, а к «толкачеству» и дублированию учета поставок продукции, осуществляемых сбытовыми организациями. Хрущев не без основания отнес на счет отраслевого управления и территориальное размещение промышленности.

Можно согласиться с Е. Зубковой, что созданная в 1920–1930-е годы государственная система (и соответствующая ей экономика) воспринималась Хрущевым, и не только им, как «правильная»²²⁶. Однако в ее развитии время от времени появляются отдельные «ненормальности», которые и нужно исправлять. Можно только добавить, что в те годы Хрущев и не мог по-другому воспринимать советскую систему. Теперь уже ясно: на то, чтобы понять тупиковость направления развития существующей системы нужны были десятилетия, а их у Хрущева не было. Следует ли из этого, что реформа управления промышленностью была бесполезным действием? Можно сказать, что на отведенном им отрезке времени реформы сыграли свою положительную роль, а с исторической точки зрения, именно реформы Хрущева ускорили наступление момента понимания и осознания принципиальной неэффективности существующей системы хозяйствования.

Как же Хрущев смог решиться на столь грандиозную перестройку, требующую массового перемещения людей и смены их функций? Ответить на это вопрос можно, проанализировав объекты и действия, так или иначе связанные с рассматриваемой проблемой.

В оценках этой реформы преобладает идеологический подход, идущий еще от участников октябрьского (1964 г.) Пленума, оценивавших ее негативно. Однако такие оценки не являются объективными. Следует заметить, что сам реформируемый объект – система хозяйствования, по мнению ученых, представляет собой не простую детерминированную систему, как это казалось Хрущеву, а сложный, динамический, вероятностный организм²²⁷, управление которым – совсем не тривиальная задача. Поэтому можно согласиться с мнением Лациса, что «...в 1957 г. созданием совнархозов была проведена реформа, очень поверхностная в экономическом смысле, но сверхрадикальная – в политическом»²²⁸.

Действительно, к середине 1950-х годов размерность системы хозяйствования возросла, и следовательно, возросла размерность системы управления. К концу пятой пятилетки (1955 г.) в стране насчитывалось более 200 тыс. промышленных предприятий и более 100 тыс. строек²²⁹. При этом динамика роста числа предпри-

ятий была достаточно значительна. Только в 1956 г. число построенных, восстановленных и введенных в действие крупных государственных промышленных предприятий составило 850, в 1957 г. их было 810, а в 1958 г. – 1030²³⁰. Управлять из центра таким количеством объектов, размещенных на огромной территории СССР и в большинстве своем удаленных и друг от друга, и от центра, в отсутствие высокотехнических средств связи (основным средством оперативной связи был телефон) становилось все труднее. Кроме того, усложнялось само производство, как правило, оно было многоотраслевым в силу разраставшейся системы разделения труда.

Следует заметить, что особого выбора вариантов для структуры управления у Хрущева не было – можно было сохранять старое централизованное управление системой или перейти к децентрализованному. Именно здесь важно было принять политическое решение – доверить управление удаленным от центра регионам. И Хрущев рискнул – он пошел на децентрализацию (на сверхрадикальную, по Лацису, реформу). Но это было еще не все. Децентрализация управления влекла за собой более тесное взаимодействие предприятий, принадлежащих разным отраслям на местах, т.е. требовала преодоления существующих ведомственных барьеров. Следует сказать, что вторая проблема была гораздо сложнее первой, поскольку корпоративная культура министерств и ведомств предполагала закрытость, особенно в сфере ВПК. Поэтому ведомственные барьеры проще всего было просто сломать, отобрав предприятие у ведомства и передав его другой структуре. Таким образом, реформа управления, которую задумал Хрущев, шла по двум направлениям – децентрализации функций управления и ломке ведомственных барьеров.

Заручившись поддержкой достаточно большего числа сторонников на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1957 г., Хрущев добился принятия постановления «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». Это была декларация о намерениях. В постановлении Пленума говорилось: «Центр тяжести оперативного управления промышленностью и строительством должен быть перенесен на места»²³¹. Цель перестройки управления промышленностью состояла в том, чтобы **сохраняя отраслевое управление, усилить территориальное и, тем самым, обеспечить их оптимальное сочетание** (выд. авт. – В.Ш.). Для этого Хрущев решил создать новые территориальные органы управления, назвав их совнархозами по аналогии с Советами народного хозяйства первых лет советской власти. Ю. Аксютин отмечает, что на Пленуме 14 февраля 1957 г. не выступил ни один член Президиума ЦК, имея ввиду противни-

ков идеи реорганизации управления²³². Скорее всего это можно объяснить тем, что они уже готовили планы смещения Хрущева, и поэтому не считали, что принятое постановление будет когда-либо выполнено.

Далее, в качестве технологии проведения решения в жизнь, Хрущевым была использована практика всенародного обсуждения постановления Пленума. В поступавших письмах было много предложений по реорганизации, «за» и «против», но подавляющее большинство высказалось за роспуск министерств. На июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС первый секретарь ЦК КП Казахстана И.Д. Яковлев приводил такие цифры в связи с обсуждением постановления февральского Пленума: «Только в Казахстане 1600 тыс. человек приняли участие в собраниях по обсуждению тезисов доклада Хрущева; на этих собраниях выступили 70 тыс. рабочих, служащих, работников совхозов, колхозов. Всенародное, единодушное одобрение»²³³. Региональные руководители, увидев в перестройке возможность получения определенной независимости от центра, в большинстве своем поддержали начинания Хрущева.

7–11 мая на сессии Верховного Совета СССР был принят закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством»²³⁴ и внесены изменения в Конституцию СССР. Выступая на сессии, Хрущев говорил: «Ведомственный подход приводит к ослаблению, а зачастую и к нарушению нормальных производственных связей между предприятиями различных министерств, расположенных в одном и том же городе или экономическом районе. При нынешней структуре, когда управление осуществляется из центра по вертикали, на длительное время задерживается решение ряда важных вопросов»²³⁵.

В результате принятия закона 25 общесоюзных министерств (за исключением оборонных министерств) были упразднены²³⁶. Взамен создаются свыше 100 Советов народного хозяйства (совнархозы) административных экономических районов (в том числе – 76 в РСФСР), которые должны были стать основной организационной формой управления. Существенно изменяются методы планирования. Государственную экономическую комиссию Совета министров СССР по текущему планированию предлагалось упразднить, а Государственную комиссию Совета министров СССР по перспективному планированию преобразовать в Государственный комитет Совета министров СССР (Госплан СССР)²³⁷.

В функции Госплана СССР вошли общее планирование и координация территориальных отраслевых планов, распределение между союзными республиками важнейших фондов.

На июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, где решалась судьба Хрущева, подавляющим большинством региональных лидеров ему была оказана активная поддержка, в том числе и в вопросе реорганизации управления²³⁸.

Реформа позволила упростить всю структуру управления промышленностью и строительством. Численность аппарата органов государственного и хозяйственного управления сократилась почти на треть и в 1960 г. составляла 1,2 млн человек, т.е. являлась самой низкой за все послевоенные годы²³⁹. Практически одновременно с законом об организации совнархозов 28 мая 1957 г. ЦК КПСС и Совет министров принимают специальное постановление «О трудовом устройстве работников, высвобождаемых из управленческого аппарата в связи с дальнейшим совершенствованием организации управления промышленностью и строительством»²⁴⁰. В нем говорилось: «Проявить заботу и внимание к людям, высвобождаемым из управленческого аппарата, памятуя, что многие из них были выдвинуты на работу в аппарат с производства как лучшие работники и что они, сознавая важность осуществления закона...стремятся вернуться на производство, к живой творческой работе»²⁴¹.

С переходом на новые принципы управления планировалось улучшить возможности рационального использования экономического потенциала регионов, сократить число встречных перевозок. Широкие права получили совнархозы в области труда и заработной платы. Число групп подчинения, на которые делились предприятия, сократилось с четырех (союзного, союзно-республиканского, республиканского и местного) до двух (союзно-республиканского, в ведении совнархоза и местного в подчинении местным Советам)²⁴². Переход к новой структуре оказался не легким. В газете «Правда» от 2 сентября 1957 г. председатель совнархоза Белорусской ССР жаловался: «Речицкий гвоздильный завод (БССР) пришлось остановить. При расследовании этого вопиющего факта руководители завода поставщика из Днепропетровского совнархоза заявили, что они получили указание Днепропетровского совнархоза обеспечить катанкой в первую очередь и полностью предприятия своего экономического района»²⁴³.

По свидетельству В.Н. Новикова, председателя Ленинградского совнархоза, а в последствии – председателя Госплана СССР во времена Хрущева: «В Ленинграде тогда в 1957 г. строился первый атомный ледокол “Ленин”. Почти каждые десять дней мне приходилось собирать отстающих поставщиков со всей страны, чтобы не срывать обеспечение поставок к нам из других совнархозов»²⁴⁴.

Так давала о себе знать проблема местничества, о которой предостерегали противники образования совнархозов.

Переход на территориальные принципы управления, который был осуществлен в 1957 г., можно считать одной из главных причин принятия семилетнего плана развития народного хозяйства в 1959 г. Новая управленческая структура не могла работать по старому плану, привязанному к отраслям.

Совнархозы брали на себя управление достаточно большим количеством предприятий, и это закладывало мину замедленного действия под реформы управления. Так, Тульский совнархоз принял в свое ведение 500 промышленных предприятий и строительных организаций²⁴⁵, совнархоз БССР объединял более 800 промышленных предприятий²⁴⁶ и по числу управляемых объектов мало чем отличался от упраздненных министерств.

Сам переход к децентрализованному управлению не ставил задачи уничтожения централизованного управления системой в целом. Централистские тенденции сохранялись и при совнархозах, они приняли только несколько иную форму. Совмин СССР оставил за собой право отменять любые распоряжения совнархозов, если они ему покажутся экономически нецелесообразными. Право – что и где производить центральные планирующие органы оставили себе. Центр, передав часть своих полномочий, одновременно принял на себя новые функции, отличные от прежних. Отраслевые отделы Госплана играли роль не столько государственных кураторов отрасли, сколько составной части ведомственно-отраслевого центра (что, собственно, и позволило потом безболезненно вернуться к отраслевому принципу управления). Сама концепция хозяйственного механизма осталась неизменной.

Если судить по числу создаваемых органов управления в период становления совнархозов (Госэкономсовет, республиканские совнархозы, СНХ СССР, ВСНХ), то можно признать, что поиск эффективного соотношения управляющих структур продолжался все время пребывания Хрущева у власти.

Государственный научно-экономический совет Совета министров СССР, на который возлагалась задача разработки контрольных цифр перспективных планов был образован 28 февраля 1959 г.²⁴⁷ В 1962 г. функции Госплана СССР были переданы новому органу – Совету народного хозяйства СССР, а Госэкономсовет преобразован в Госплан СССР²⁴⁸. Наконец, в 1963 г. начал функционировать Высший совет народного хозяйства СССР²⁴⁹.

Переход на территориальные принципы управления и разработка вопросов перспективного планирования потянули за собой и изменение сложившегося экономического районирования.

В апреле 1961 г. Постановлением № 381 Совета министров были выделены крупные экономические районы: Северо-Западный, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный и др. В этих районах предписывалось организовать Советы по координации и планированию работы совнархозов. На первом этапе это позволило улучшить координацию работ, однако одновременно росло и число бюрократических структур.

Как только совнархозы укрепили свои позиции, бюрократизм пророс в новые структуры. Адаптация людей к новой системе считается одной из главных причин существующих трудностей и тормозом проведения реформ. По свидетельству В.Н. Новикова, на должность председателей совнархозов назначались в основном бывшие министры и их заместители с выездом из Москвы непосредственно в совнархозы²⁵⁰. Становится понятно, почему большинство министров и их центральные аппараты не приветствовали такой реорганизации. Тенденция накапливать дефицитные материалы и преследовать узколичные интересы за счет общенациональных «переселилась» из министерств в территориальные органы управления. Негативные явления в экономике стали опять нарастать.

Становление совнархозов, отработка новых принципов управления требовала длительного времени. Границы многих совнархозов слабо учитывали потребности тесного взаимодействия. При этом нередко расчленялись тесные производственные связи предприятий в хозяйственно-территориальном комплексе, мешая их быстрому развитию. Уже в 1959 г., спустя два года с момента организации совнархозов, началось их укрупнение, количество их дошло до 47.

Реформа выявила потребность реформирования и административной модели. Директора и другие административные работники продолжали использовать административные методы руководства. Возникающие трудности вновь преодолевались чисто административными мерами усиленного контроля за деятельностью предприятий со стороны центрального аппарата.

Если первые результаты реформы были вполне обнадеживающими: (уже в 1958 г. прирост национального дохода увеличился почти в 2 раза по сравнению с 1957 г.²⁵¹), то 1961–1965 гг. промышленное производство по официальным данным увеличилось лишь на 51% (в сравнении с 85% периода 1951–1955 гг.)²⁵². Динамика роста производительности в эти годы по стране также имела тенденцию к снижению. Так, за 1961 г. она увеличилась в промышленности на 4% (в 1955 г. – на 9,5%), в строительстве – на 3% (в 1955 г. – на 11%)²⁵³.

«Повернуться лицом к экономике». Следует заметить, что в то время не существовало объективных критериев оценки развития экономики внутри советской системы. Использовался подход сравнения, но в данном случае он не учитывал всех факторов, влияющих на тот или иной показатель. Возможно, что прирост 4% для производительности труда в 1960-е годы был неплохим показателем развития по сравнению с последовавшим кризисом 1980–1990-х годов. Поэтому здесь можно объективно говорить только о тенденции.

Реакцией на тенденцию снижения производительности труда было снижение тарифных расценок в промышленности примерно на 30% с целью стимулирования роста производительности труда. Фактически это означало понижение заработной платы рабочих.

Причину ухудшения положения в экономике 1960-е годы Хрущев видит в ослаблении идеологической работы. Так, в 1962 г. появляется серия постановлений об ее усилении. Характерно, что они появляются сразу после новочеркасских событий (2–3 июня 1962 г.). В одном из них о руководстве Куйбышевского обкома партии (от 6 июня 1962 г.) говорится: «Многие партийные организации области ведут идеологическую работу без учета конкретных задач и особенностей предприятий и строек, колхозов, совхозов и учреждений, не оказывают влияния на улучшение их работы, не раскрывают путей использования резервов производства. Число предприятий, не выполняющих производственных планов, не сокращается, а растет. В истекшем году не выполнили плана выпуска валовой продукции 43 предприятия против 27 в 1960 г. В 1961 г. и в I квартале 1962 г. область не выполнила план продажи государству большинства видов сельхозпродукции. Партийные комитеты неудовлетворительно организуют распространение и особенно внедрение передового опыта в промышленности и сельском хозяйстве...ослаблено внимание к изучению марксистско-ленинской философии, политической экономии и истории КПСС. Коренные проблемы коммунистического воспитания – воспитание уважения и сознательного отношения к труду и общественной собственности не заняли еще центрального места в идеологической работе»²⁵⁴.

В постановлении Пленума ЦК КПСС от 18–21 июня 1963 г. говорится: «Серьезные недостатки имеются в воспитании молодежи...Многие партийные, профсоюзные, комсомольские организации не ведут повседневной борьбы за то, чтобы принципы морального кодекса строителя коммунизма стали нормой поведения каждого советского человека, слабо мобилизуют массы на решительное выступление против пережитков прошлого в созна-

нии и поведении людей. Тунеядцы, стяжатели, воры, спекулянты, бюрократы – это последнее прибежище чуждой нам идеологии и морали. Против них необходимо вести беспощадную борьбу, используя всю мощь общественного воздействия и всю силу советских законов»²⁵⁵. Эти документы говорят о том, что в обществе назревает новая проблема – нежелание эффективно трудиться при низкой оплате труда, что грозит срыву намеченных планов построения коммунизма.

Оценивая реформу управления в промышленности и строительстве можно утверждать, что предложенная Хрущевым модель территориального управления была не таким уж бесперспективным делом. В идее регионализации управления, наиболее последовательно воплощенной в совнархозовской системе, несомненно, просматривается рациональное зерно.

Совнархозы показали определенное преимущество в организации конкретного, непосредственного руководства предприятиями с учетом их места в отраслевом и региональном разделении труда, развитии межотраслевой кооперации, в создании мощных машиностроительных предприятий производственной инфраструктуры в легкой и пищевой промышленности. Новиков, работавший председателем Ленинградского совнархоза, а затем Госплана пишет, что сама по себе идея совнархозов не была ошибкой и отвечала требованиям жизни²⁵⁶. По данным официальной статистики до совнархозов в 1951–1955 гг. в СССР было создано образцов новых типов машин, оборудования, аппаратов и приборов 4345 ед., в 1956–1960 гг. – 12 902, а в 1961–1965 гг. – 23 172 ед.²⁵⁷. При возвращении к отраслевой системе управления цифра 23 172 осталась недостижимой²⁵⁸.

Однако предпринятая перестройка не была панацеей от всех бед, как это вначале казалось руководству страны, и, прежде всего, самому Хрущеву. Достигнутые высокие темпы экономического роста в 1950-е годы действительно могли создать иллюзию, что путь наиболее эффективного развития экономики уже найден. Мы отмечали сложность системы хозяйствования как объекта управления, и поэтому можем утверждать, что предложенные Хрущевым «простые» меры не могли сделать эту систему управляемой. Следует также сказать, что задачу поиска золотой середины распределения функций центра и регионов, которой занимался Хрущев, нельзя назвать тривиальной, особенно в масштабах СССР. Эффективное распределение полномочий между федеральными, территориальными органами управления и органами местного самоуправления до сих пор остается проблемой. Кроме того, в условиях ликвидации принудительного труда, осуждения репрессий исчезал источник движения и развития эле-

ментов системы – мотивация труда работников. Предпринятая Хрущевым реформа промышленности ее не затрагивала. Она не коснулась экономического механизма, системы интересов и стимулов. Как следствие, народное хозяйство продолжало развиваться экстенсивно, общая его эффективность снижалась, постоянно снижалась и производительность труда. Весьма невелики были успехи в изменении структуры промышленного производства. Так, несмотря на все усилия по развитию химической промышленности, ее доля в общей структуре промышленности СССР оставалась незначительной²⁵⁹. Вполне очевидны и другие недостатки новой системы управления: местничество и стремление регионов использовать ресурсы для собственных целей. Падение темпов экономического роста уже с начала 1960-х годов стало реальностью, и это было одной из причин отставки Хрущева в 1964 г.²⁶⁰.

По мнению многих авторов²⁶¹, период совнархозов показал преимущество в большей социальной направленности хозяйственной деятельности, в развитии межотраслевой и территориальной кооперации, в создании с помощью машиностроительных предприятий производственной инфраструктуры в легкой, пищевой, мясомолочной промышленности, в формировании материально-технических баз территориального материального снабжения производства и строительства. Опыт формирования территориально-экономических районов 1961 г. лег в основу создания в 1990-е годы различных территориальных ассоциаций (Западная Сибирь, Волга и т.д.), а также современного деления на территориальные административные округа.

Революция в строительстве. Несомненно, что жилищная проблема в СССР в послевоенные годы относилась к числу острейших, особенно в разрушенных немецкими захватчиками городах. Так, на 1 мая 1945 г. жилой фонд в Великих Луках составлял 19 тыс. м² против 107 тыс. м² до войны, в Воронеже 268 тыс. м² против 895 тыс. м² до войны, Севастополе 73 тыс. м² против 332 тыс. м² до войны, Сталинграде 330 тыс. м² против 1032 тыс. м² до войны²⁶².

Другая сторона жилищной проблемы в это время – устаревший жилой фонд, который не мог обеспечивать потребности ни городского, ни сельского населения. По данным ЦСУ на 20 июля 1949 г. в городах одноэтажные и двухэтажные жилые строения составляли 96% по числу строений и 70% по жилой площади в них²⁶³. Даже в Москве число одноэтажных и двухэтажных строений составляло 88,4% жилого фонда и 48,8% жилой площади в них²⁶⁴. К восстановлению разрушенных городов и поселков приступили сразу после окончания войны в соответствии с планом

капитальных работ²⁶⁵, но планы по вводу жилой площади практически не выполнялись: в 1951 г. в СССР было введено 13,4 млн м² жилой площади при плане 15,8 млн м², в 1952 г. – 13,3 млн м² вместо 16,1 млн м². Ежегодно росли объемы незавершенного строительства²⁶⁶. Столкнувшись по роду своей деятельности с жилищной проблемой, Хрущев активно ищет ее решение в рамках существующего хозяйственного механизма советской системы и в условиях ограниченных ресурсов. Жилищная проблема становится главной в социально-экономической политике Хрущева.

С проблемами строительства Хрущев столкнулся еще в послевоенные годы на Украине, где участвовал в восстановлении разрушенного фашистами Киева и угольных шахт Донбасса. Именно по инициативе Хрущева впервые при креплении шахтных выработок вместо леса, как правило сырого, стали использовать армированный бетон²⁶⁷. Получив назначение в декабре 1949 г. в Москву и заняв пост первого секретаря Московского комитета партии и Московского городского комитета, Хрущев, используя опыт строительства на Украине, стал добиваться применения железобетона при строительстве Московского метрополитена. В итоге ему удалось убедить строителей использовать железобетон, что позволило сэкономить более дорогостоящий чугун. В конце 1940-х годов в Москве, как и в других регионах, жилищная проблема была достаточно острой, но решалась медленно. К концу 1949 г. московские строители сдали 400 тыс. м² жилой площади, выработка в строительстве была низкой, все делалось вручную, возводили пятиэтажные дома, одноэтажные барачного типа, все из кирпича и сырого леса. Перекрытия изготовляли из дерева, а опоры и балки были из дефицитного металла²⁶⁸. Хрущев добился использования железобетона вместо дерева и металла при строительстве жилых домов в Москве, что дало экономию металла и удешевило строительство, но его темпы продолжали оставаться низкими. В эти годы и родилась идея сборного железобетона, заключающаяся в том, чтобы, используя заранее заготовленные элементы, собирать дома на месте как собирают автомобили, т.е. поставить строительство жилья на поток²⁶⁹. Это как раз и могло решить проблему темпов строительства. Госстрой, возглавляемый Берией, активно сопротивлялся этой идее, мотивируя тем, что «на Западе так не строят»²⁷⁰. Хрущев сумел убедить Сталина и добиться его поддержки.

В своем выступлении на Московской областной партийной конференции в 1952 г. накануне XIX съезда КПСС²⁷¹ он говорил: «По указанию товарища Сталина разработан и утвержден правительством генеральный план реконструкции г. Москвы на 1951–1960 гг. Генеральным планом намечено построить

10 млн кв. м новой жилой площади...в ближайшие 2–3 года объем жилищного строительства должен быть доведен до 1 млн кв. м» и далее «Опыт показывает, что наиболее эффективным способом строительства является сооружение сборных домов с железобетонным каркасом и крупными панелями стен и перекрытий. В Москве и Московской области строятся 38 новых заводов и цехов по производству строительных материалов и деталей». «Для успешного выполнения задач жилищного строительства необходимо:

- решительно перейти на индустриальные методы строительных работ, настойчиво внедрять комплексную механизацию и прогрессивную технологию возведения зданий, до конца изжить кустарщину;

- обеспечить быстрее строительство и ввод в эксплуатацию заводов по производству сборных железобетонных деталей и строительных материалов. Организовать производство бетонных и шлакобетонных блоков для крупноблочного строительства. Добиться увеличения производства и улучшения качества строительных материалов;

- настойчиво добиваться снижения стоимости и повышения качества строительства;

- провести укрупнение и специализацию строительных организаций, принять меры к созданию постоянных кадров строителей;

- улучшить дело проектирования жилищного и культурно-бытового строительства»²⁷².

Таким образом, в этом выступлении еще в 1952 г. фактически была сформулирована программа действий в области жилищного строительства, а Москва оказалась полигоном.

В Москве началось строительство предприятий сборного железобетона. Затем по идее строителя В.П. Лагутенко были созданы первые панели, а под руководством Козлова пущен конвейер железобетонного проката с автоматизацией и вибрационной утрамбовкой²⁷³. К 1953 г. в Москве возводятся два завода сборного железобетона. В итоге формируется новая технология сборки домов из панельных железобетонных конструкций, не имеющая аналогов в мире. Оставалось эту технологию внедрить, на чем и сосредоточил свои усилия Хрущев. При внедрении любой новинки главная сложность заключается в организации, переубеждении людей. Раньше, вспоминает Хрущев, – «Строительство домов велось вручную, главным строительным материалом был кирпич, известковый раствор и древесина. Древесины не хватало, и первыми ее получали промышленные предприятия, а жилье оставалось на втором плане. Пятиэтажный дом клался из кирпичей примерно два года. Причем и жилищное, и промышленное строи-

тельство осуществлялось посезонно, чаще всего зимой замирало. Считалось, что зимой кладка из кирпичей невозможна, потому что на морозе раствор схватывается и не происходит его отверждение. Были случаи, когда дома разваливались»²⁷⁴. Если учесть еще, что каждый дом возводился практически по индивидуальному проекту, то процесс строительства затягивался на годы. Вот эту старую технологию ручного труда и индивидуального проектирования предстояло заменить принципиально новой. Для этого требовался колоссальный объем работ, начиная от строительства заводов, нового подхода в проектировании домов, кончая обучением кадров. Основной строительной силой в Москве был Главмосстрой²⁷⁵, именно в этой организации отрабатывались методики решения проблемы жилищного строительства, которые потом распространялись на всю страну. Вспоминая цифры возводимого за год жилья в г. Москве (400 тыс. м² в 1949 г. и 3,8 млн м² в 1964 г.) Хрущев с гордостью говорил: «По метражу нового строительства мы тогда ошеломили мир»²⁷⁶. Следует признать, что если бы не личная инициатива Хрущева, целенаправленность, с которой он взялся решать жилищную проблему, и не его неумная энергия, то вряд ли жилищная проблема в этот период времени в СССР была бы решена в таких масштабах и в столь короткие сроки. Хрущев не только предложил использовать новую технологию строительства, ориентированную на создание доступного населению экономичного жилья, но и сам участвовал в ее создании и, что самое главное, повсеместно внедрял эту технологию в жизнь.

Вся история этого строительства отражена в Постановлениях ЦК КПСС. Сначала в 1954 г. появляется Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии производства сборных железобетонных конструкций и деталей для строительства», в котором отмечается, что «в настоящее время применение сборных железобетонных конструкций в строительстве находится на крайнем низком уровне»²⁷⁷. Железобетонные конструкции дешевле металлических и деревянных, но производство их в СССР не было развито. В постановлении прямо говорится о запрещении использования дерева и металла при строительстве конкретных элементов зданий: «В целях повышения капитальности жилых и культурно-бытовых зданий, сокращения расхода прокатного металла и леса в строительстве этих зданий путем применения сборных железобетонных конструкций:...б) запретить с 1955 г. применение деревянных перекрытий при проектировании и строительстве вновь начинаемых жилых зданий высотой 6 этажей и более и культурно-бытовых...8. Запретить применение металлических конструкций для каркасов зданий заводов сборных железобетонных конструкций и деталей»²⁷⁸.

В течение 1954–1955 гг. создание строительной индустрии Хрущев держит на постоянном контроле. Он выступает на митингах, проводит различные совещания. Только в 1955 г. принимается более шести постановлений, направленных на улучшение дел в строительстве²⁷⁹. Основное направление – использование более дешевых и современных материалов (железобетонных конструкций), переход к типовому проектированию, позволяющему значительно сократить этап проектирования, особенно для жилищного строительства, создание строительной индустрии, улучшение сметного дела, подготовка кадров строителей.

Следует признать, что не обошлось и без перегибов. В погоне за экономией, удешевлением и ускорением строительства 4 ноября 1955 г. появляется известное постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»²⁸⁰. Резкой критике подвергаются архитекторы, построившие высотные здания и жилые дома, которые до сих пор украшают многие города России и бывшего СССР. Авторы проекта гостиницы «Ленинградская» и других зданий были лишены звания лауреатов Сталинской премии, присужденных им за эти проекты. В то время, когда миллионы людей жили в бараках и коммунальных квартирах, Хрущев как последователь идеи коммунизма считал, что многоэтажные, красивые и дорогие дома сейчас народу не нужны. Строительством таких домов жилищную проблему решить нельзя. В постановлении говорится: «разработать к 1 сентября 1956 г. новые типовые проекты жилых домов в 2, 3, 4 и 5 этажей в целях осуществления жилищно-гражданского строительства по высококачественным типовым проектам, обеспечивающим резкое удешевление строительства и улучшения бытовых условий населения»²⁸¹.

В Таблице 31 показано, что в результате принятых мер применение типовых проектов в жилищном строительстве к 1960 г. достигло 88% от общего объема строительства, что позволило удешевить строительство и сократить его сроки.

Объясняя свою позицию в вопросах строительства, Н.С. Хрущев в беседе с руководителями Международного союза архитекторов – участников V Конгресса МСА 25 июля 1958 г. в Москве говорил: «Наши архитекторы очень плохо восприняли критику правительства, когда мы стали критиковать, что надо снизить высоту: не 3,5 м, а надо пойти на 2,7 м. Англичане строят 2,5 м. У нас острейший недостаток жилья, а мы хотим 3,5 м. Это расточительно. Конечно, квартира лучше, если высота 3,5 м. Но если бы имели люди эти квартиры. Поэтому мы сейчас сказали – надо 2,7–2,5 м. Когда мы людям такие квартиры дадим, тогда перейдем, может быть на 3 м, потом можем перейти на 3,5 м. Но

Применение типовых проектов в жилищном строительстве, в % к общему объему строительства*

1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960
50	52	55	59	62	70	77	83	88

* Рассчитано: Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С. 629.

это тогда, когда уже жирок будет. А сейчас люди живут в подвалах. Так давайте вытащим их и дадим им квартиры высотой 2,5 м. Они нам спасибо скажут. И снижение высоты даст нам возможность на 10% больше дать жилья в год. Если взять задачу решить проблему обеспечения жильем, значит на $\frac{1}{10}$ этого срока мы раньше эту задачу решим»²⁸².

По поводу строительства высотного здания МГУ на Воробьевых горах: «Мы построили университет – мы на этом деле проиграли, потому что мы построили 26 этажей, устроили лифты. Теперь эксплуатация его в течение 20 лет будет равна стоимости, затраченной на сооружение этого университета... Построить университет и целый день катать студентов и профессоров на лифтах – это же дом сумасшедший»²⁸³.

С позиции экономии средств решал Хрущев и вопрос строительства Дворца Советов. В ноябре 1955 г. на заседании Президиума ЦК КПСС обсуждался вопрос о строительстве памятника В.И. Ленину – Дворца Советов. Решение о сооружении в Москве Дворца Советов было принято в 1922 г. на I съезде Советов. В 1931 г. архитектор Б.М. Иофан подготовил проект, в соответствии с которым Дворец Советов представлял собой грандиозное сооружение в 460 этажей с колоссальной фигурой Ленина наверху. 13 июля 1931 г. ЦИК СССР принял решение избрать местом строительства Дворца «площадь храма Христа Спасителя в г. Москве со сносом самого храма и с необходимостью расширения площади». Храм взорвали и на его месте вырыли котлован под фундамент, начатое строительство Дворца было прервано войной. В 1955–1956 г. вопрос о возобновлении строительства Дворца неоднократно обсуждался Президиумом ЦК. В результате проект Иофана, удостоенный в 1941 г. Сталинской премии отвергли, а 13 августа 1956 г. было принято постановление СМ СССР, которым объявлялся новый конкурс на лучший проект. 28 декабря 1956 г. принято постановление СМ СССР «О месте сооружения в г. Москве Дворца Советов и памятника В.И. Ленину», согласно которому Дворец и памятник разделили и для сооруже-

ния и того, и другого отвели место в Юго-Западном районе Москвы. Это был не частный вопрос, хотя и предельно политизированный. Как уже выше отмечалось, смета в бюджете на него шла отдельной строкой и сумма была не малая. Очевидно, для Хрущева это вопрос имел два аспекта: политический, связанный со Сталиным, и экономический, связанный с дефицитом средств. Поэтому Хрущев не поддерживает 460-этажный проект.

Первые успехи новой технологии в строительстве приходят уже в 1956 г. За год государственными и кооперативными организациями сдается (по данным официальной статистики) 29,5 млн м² жилья, что на 4,5 млн м² больше чем в 1955 г.²⁸⁴. Это дает Хрущеву основание уже в 1957 г. пересмотреть плановую цифру XX съезда по жилью – 205 млн м² и увеличить план объема строительства жилья до 215 млн м². Реально этот показатель к 1961 г. был превышен на 9 млн м² (по данным официальной статистики)²⁸⁵.

В отчетном докладе на XXII съезде КПСС (1961 г.) Хрущев говорил, что «намеченная на 1956–1960 гг. программа государственного строительства жилищ успешно выполнена. За последние пять лет построено домов больше, чем за предшествующие пятнадцать лет. Подумайте, товарищи, новые жилища получили около 50 миллиона человек, почти четверть всего населения!»²⁸⁶.

Следует заметить, что наряду с государственным строительством жилья в это же время широко развивается строительство за счет средств населения и с помощью государственного кредита, а также строительство жилья колхозами, совхозами и сельской интеллигенцией. За шестую пятилетку частным способом было построено 113,8 млн м² и 136,3 млн м² колхозами и колхозниками, таким образом, общая цифра построенного жилья с учетом государственного составила в шестой пятилетке 474,1 млн м² (по данным официальной статистики)²⁸⁷.

По данным официальной статистики число лиц, получивших жилую площадь за период с 1958–1965 гг. составило 90,7 млн человек, в том числе жилье в новостройках получили – 71,1 млн человек²⁸⁸. Фактически в эти годы 90,7 млн человек получили от государства в бессрочную аренду недвижимость, которую впоследствии в условиях рыночной экономики бесплатно оформили в собственность.

Современные оценки, базирующиеся на альтернативных расчетах, подтверждают, что в конце 1950-х – начале 1960-х годов в СССР наблюдался строительный бум. Капитальные вложения в жилищное строительство неуклонно росли, начиная с 1953 г., в 1957 г. наблюдался скачок, увеличивший их почти в два раза, пик в эти годы пришелся на 1960 г., а затем начался спад. В Табли-

**Капитальные вложения в жилищное строительство СССР и США
(США = 100), в %***

Год	Жилищное строительство	Год	Жилищное строительство	Год	Жилищное строительство
1953	20,2	1957	40,6	1961	47,0
1954	21,7	1958	46,5	1962	41,6
1955	20,1	1959	43,8	1963	41,0
1956	28,9	1960	49,1	1964	41,0

* По: Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт пере-осмысления. М., 1997. С. 269.

це 32 приведено сопоставление капитальных вложений в жилищное строительство СССР и США, исчисленное советским статистиком Я. Квашой²⁸⁹.

Эти данные показывают динамику роста капиталовложений вплоть до 1960 г., но вместе с тем, говорят об уровне отставания СССР по объему капитальных вложений в строительство от США.

О том, что жилищная проблема до конца не была решена, Хрущев говорил на XXII съезде в своем отчетном докладе: «И все же жилищ у нас не хватает, жилищная проблема остается острой. Рост городского населения в СССР за последние годы значительно опережает расчетные данные. К концу семилетки население в городах возрастает примерно на 15 миллионов человек больше, чем предполагалось»²⁹⁰.

Хрущев прекрасно понимал, что возводимое жилье не самое удобное. «Сбивая невероятный голод на жилье, мы тогда удобства подчинили стоимости. Нужно было бы строить хорошие отдельные ванны и уборные, ...но к сожалению, тогда этого мы сделать не могли. У нас не было возможности. Мы могли бы вместо того построить какое-то количество роскошных квартир, но именно за счет количества, что обернулось бы против нуждающихся в жилье. Одним дали бы роскошные жилища, а других оставили в подвалах и на чердаках. Это обернулось бы жестокостью»²⁹¹.

Экономические преимущества новой технологии строительства не были во времена Хрущева научно обоснованы, Ю.И. Бирман склоняется к выводу, что все же действительно экономичнее было строить дешевое жилье, чем возводить дорогие капитальные дома²⁹².

В начале 1960-х годов опять по инициативе Хрущева началось проектирование новых панельных домов в 9, 14 и 16 этажей.

К 1964 г. в Москве был построен первый девятиэтажный дом. По распоряжению Хрущева во Франции закупают технологическую линию для производства панелей, которую внедряют по всей стране.

Анализируя решение жилищной проблемы в 1950-е годы, можно сказать, что ее решение, на первый взгляд являющееся антитезисом вывода о туликовом направлении развития советской системы, на самом деле только подтверждает этот вывод. Прежде всего, Хрущев находит эффективную технологию решения проблемы в отдельной предметной области (перевод строительства жилья на поток), которая, вообще говоря, была достаточно инвариантна относительно самой системы, но внедрить эту технологию и добиться успешных результатов Хрущев смог только используя всю мощь административного ресурса человека, занимающего высший пост в государстве. В это же время на остальные отрасли не хватало ни времени, ни средств, а главное не существовало эффективной технологии при действующем хозяйственном механизме.

Денежная реформа 1961 г. и ценовая политика. 4 мая 1960 г. выходит постановление Совета министров СССР № 470 «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами»²⁹³. В постановлении говорилось о проведении с 1 января 1961 г. деноминации рубля в соотношении 10 : 1, т.е. стоимость рубля повышалась в 10 раз. Отвечая на вопрос о денежной реформе 1961 г., Хрущев говорил, что ее инициатором было Министерство финансов и лично министр Зверев А.Г. Необходимость реформы, по словам Хрущева, была мотивирована тем, что «хозяйство выросло и приходится оперировать астрономическими цифрами...это усложняло труд счетных работников»²⁹⁴. Однако вряд ли это можно назвать реальной причиной проведения денежной реформы 1961 г., поскольку уменьшение «астрономических» цифр на один разряд проблему счетных работников не решало. По воспоминаниям самого Зверева А.Г. причины проведения реформы носили не внутренний, а скорее внешний характер: «Дело упиралось, в частности, в довольно сложное соотношение цен на мировом рынке»²⁹⁵. Еще в 1950 г. рубль был переведен на золотую базу, вместо долларовой, действовавшей с 1937 г. Его золотое содержание установили в размере 0,222168 грамм чистого золота, а покупную цену а в 4 рубля 45 копеек за 1 грамм²⁹⁶. Реформа 1961 г. увеличила золотое содержание рубля приблизительно в 4,45, раза и оно составило 0,987412 г чистого золота²⁹⁷. Почему же был выбран коэффициент 4,5, а не 10, как для масштабирования цен? Ответ можно получить, проведя несложные расчеты и посмотрев на соотношения курса доллара к рублю до и после реформы. До ре-

формы «золотой рубль» стоил 0,98 рубля или по курсу $1\$ = 5,3$ рубля – 0,18\$. После же реформы потяжелевший «золотой рубль» стоил (при той же цене за грамм 4,45 рубля) 4,39 руб. или по тогдашнему курсу $1\$ = 4$ рубля – 1,098\$ или 1,1\$. Соответственно стоимость 1\$ составила 90 копеек. Другими словами, стоимость золотого рубля фактически приравнивалась к доллару, что действительно упрощало расчеты на мировом рынке и делало более простым процедуру сравнения с мировыми ценами. Учитывая все это и масштаб проведенной работы (начиная с 1958 г. печатались и чеканились деньги нового образца), министерство финансов СССР и Госбанк просили ЦК КПСС выпустить специальное постановление и назвать проводимое мероприятие денежной реформой, но ЦК КПСС ответил отрицательно, мотивируя отказ тем, что проводимое изменение соотношения стоимости доллара и рубля мало касается населения СССР. По воспоминаниям Хрущева, реформа никак не ставила целью ущемления трудящихся, т.е. не была конфискационной²⁹⁸. Обмен старых денег на новые прошел достаточно спокойно. Население уведомили об обмене заранее (постановление № 470 было опубликовано 5 мая 1960 г., т.е. за 10 месяцев до реформы), проводилась разъяснительная работа, в магазинах вывесили соотношение старых и новых цен на товары, в стране создали 27011 обменных пунктов²⁹⁹, в которых старые денежные билеты образца 1947 г. и монеты, выпущенные в СССР, начиная с 1921 г., изымались из обращения и менялись на новые в соотношении 10 : 1. В октябре 1960 г. начался перерасчет вкладов в сберегательных кассах в соотношении – 10 : 1. При перерасчете вкладчику не надо было являться в сберкассу. С 1 января 1961 г. в оборот выпустили банкноты нового образца достоинством 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей. Монеты нового образца чеканились достоинством 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 50 коп. и 1 рубль. Хождение старых денег продолжалось без ограничений до 1 апреля 1961 г.

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, выпущенное в мае 1961 г. уже по результатам обмена, называлось «Об итогах перехода на новый масштаб цен и обмена старых денег на новые деньги»³⁰⁰. В постановлении, отмечалось, что «мероприятия по переходу на новый масштаб цен и обмену денег проведены в СССР с соблюдением интересов населения и государства, в результате их осуществления населением был поручен ряд выгод»³⁰¹. Речь шла о том, что старые разменные монеты достоинством 1, 2 и 3 коп. оставались в обороте наряду с новыми монетами.

Сам обмен денег не затронул цены, но проходил он в условиях усиливающегося дефицита товаров и продуктов. Он составлял в 1961 г. примерно 1,2 млрд рублей. Особенно остро в торговле ощущался недостаток мяса, рыбы, животного и растительного

масел, круп и муки, трикотажных изделий, мебели, стройматериалов, товаров культурного и хозяйственного обихода. Как следствие этого, наблюдался рост цен на колхозных рынках, куда в условиях дефицита продуктов вынуждена была обращаться значительная часть населения³⁰². Если цены колхозного рынка в 1960 г. были ниже довоенных (97%), то к 1963 г. они возросли на 18,5%³⁰³. Реальное обесценивание рубля неизбежно вело к повышению цен на продукты.

Обострившаяся продовольственная ситуация заставила правительство пойти на повышение розничных цен. Если в 1958 г. оно не решилось провести повышение цен на мясо-молочные продукты, то в 1962 г. такое решение принимается впервые после войны и отмены карточной системы. В условиях нарастающего продовольственного кризиса (в магазинах начали постепенно пропадать основные продукты питания), эту меру можно назвать попыткой снизить давление государственных дотаций на продовольствие на бюджет, а также путем повышения закупочных и розничных цен повысить заинтересованность сельскохозяйственных предприятий. Эти решения логически противоречили официальной пропаганде, которая утверждала, что СССР догоняют Америку и другие западные страны по производству мяса и молока на душу населения. Еще 1959 г. на XXI съезде КПСС подчеркивалось, что социализм одержал в СССР «полную и окончательную победу» и страна вступила в период развернутого строительства коммунизма³⁰⁴. В Программе партии, принятой в 1961 г. утверждалось, что к 1980 г. в СССР будет построено в общих чертах коммунистическое общество и СССР выйдет на первое место в мире по выпуску продукции на душу населения и уровню жизни³⁰⁵.

Повышение цен в 1962 г. и одновременное снижение тарифных расценок вызвало недовольство населения и привело к стихийным выступлениям рабочих. Самое крупное, как уже отмечалось выше, было в Новочеркасске, где расстреляли демонстрацию рабочих. Неадекватный ответ властей на события в Новочеркасске продемонстрировали слабость административно-командной системы, а сами события стали символом провала хозяйственной политики Хрущева.

Однако, несмотря на провалы социально-экономической политики, нельзя оценивать реформы Хрущева однозначно. Их спектр и результаты достаточно разнообразны. Фактически конец реформам Хрущева положила не экономическая, а политическая ситуация, когда его сняли с поста. Корректную оценку можно давать только процессам, которые были инициированы и завершены в период власти Хрущева. Важным критерием и одним из основных условий успешного эволюционного поли-

тического развития считается своевременное выделение властью кратковременных задач в проведении реформ и преобразований, нацеленных на реальное, а не декларативное продвижение общества вперед³⁰⁶. Такой задачей в период середины 1950-х – начала 1960-х годов являлось жилищное строительство, и как было показано выше, эту задачу удалось решить. В данном случае можно говорить о положительном эволюционном этапе политического развития в рассматриваемый период, хотя, как справедливо отмечает А. Пыжиков, «экономическое развитие в годы хрущевской “оттепели” характеризовалось неустойчивостью»³⁰⁷.

Оценивая политику Н.С. Хрущева, М. Малиа писал: «С одной стороны, советскому населению было подарено почти целое десятилетие поступательного развития и надежд – наиболее благодатный период в истории страны со времен нэпа вплоть до прихода гласности. С другой стороны, ввиду того, что культ Сталина являлся столь важным звеном как внутренней системы, так и мирового коммунистического движения, хрущевская атака на образ покойного Вождя начала подтачивать устой мифа, на которых как раз и держалось все здание»³⁰⁸.

Реформы Н.С. Хрущева еще раз подтвердили, что в рамках административно-командной системы существует определенный предел эффективности работы людей, мотивация к труду которых подкрепляется лишь идеологическими средствами и является недостаточной для саморазвития системы.

По мнению некоторых исследователей, экономические преобразования, предпринятые после смерти Сталина, начались и шли параллельно политическим изменениям³⁰⁹. Нам эта зависимость представляется более сложной. Экономические преобразования осуществлялись главным образом «сверху», во всяком случае, по воле власти. Главная же особенность изменений 1950-х – середины 1960-х годов в политической сфере в том, что давно назревшая демократизация советского общества происходила не столько по воле советского руководства, сколько против нее, и, соответственно, ее результат был прямо противоположен официально провозглашаемому властью. Очевидно, что сам курс на демократизацию системы обернулся всего лишь ее либерализацией, которая, как установил Пьетро ди Кортоне, – «отличается от демократизации тем, что предполагает лишь представление верхами ограниченных и контролируемых уступок в сфере политических и гражданских прав, без придания им полного и всеобщего характера»³¹⁰. В свою очередь, и либерализация не стала ступенью для перехода советского общества в постхрущевский период к демократии. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что

тоталитарный политический режим был смягчен, начался его дрейф в сторону авторитаризма. Однако с точки зрения характера и результатов социально-экономического развития более существенными итогами развития советской политической системы в 1950-е – начале 1960-х годов является установление единовластия Хрущева и окончательная ликвидация инакомыслия в высших эшелонах власти после 1957 г. Не менее важный результат – усиление реальной власти партийно-государственного аппарата, который в эти годы осознал свои интересы и силу и, по существу, блокировал дальнейшую реализацию социально-экономических реформ, начатых Н.С. Хрущевым.

- ¹ Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: Опыт и уроки // *Вопр. истории КПСС*. 1988. № 9. С. 43.
- ² См.: Амосов А.И. Социально-экономическая эволюция России. М., 2004. С. 76.
- ³ См.: Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005. С. 328.
- ⁴ Там же. С. 18, 19.
- ⁵ Молотов, Маленков, Каганович, 1957: Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998 С. 61.
- ⁶ См.: Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50–80-х годов и современная реформа в сельском хозяйстве: Люди. Идеи. Факты. М., 2000. С. 5.
- ⁷ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. М., 1996. С. 5, 11, 168.
- ⁸ История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4. 1945 – конец 50-х годов. С. 46, 78.
- ⁹ Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 гг. // *История СССР*. 1991. № 4. С. 13.
- ¹⁰ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1988. С. 10, 15.
- ¹¹ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 30.
- ¹² Волков И.М. Деревня СССР в 1945–1953 гг. в новейших исследованиях историков (Конец 1980-х – начало 1990-х годов) // *Отеч. история*. 2000. № 6. С. 116.
- ¹³ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. 3: 1946–1952. С. 188.
- ¹⁴ Растянный В.Г. Особенности экономического роста в аграрном секторе России, 30–90-е годы XX в. // *Вопр. статистики*. 2002. № 8. С. 44.
- ¹⁵ См.: Правда. 1989. 16 марта. С. 2.
- ¹⁶ См.: Шмелев Г.И. Аграрная политика... и аграрные отношения в России в XX в. М., 2000. С. 203, 204.
- ¹⁷ Зима В.Ф. Указ соч. С. 149–150.
- ¹⁸ История советского крестьянства... Т. 4. С. 117.
- ¹⁹ РГАЭ. Оп. 1. Д. 1770. Л. 10–12.
- ²⁰ Очерки налогов с населения СССР. М., 1964. С. 215.
- ²¹ Там же. С. 216.
- ²² Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953): Сб. документов. М., 1993. С. 139.
- ²³ Там же. С. 64.
- ²⁴ Там же.

- 25 Там же. С. 102, 103.
- 26 Там же.
- 27 *Бенедиктов И.А.* О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. 1989. № 4. С. 41.
- 28 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1770. Л. 3.
- 29 *Зеленин И.Е.* Указ. соч. С. 34.
- 30 *Попов В.П.* Указ. соч. С. 154.
- 31 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1770. Л. 4.
- 32 *Попов В.П.* Указ. соч. С. 154.
- 33 История социалистической экономики СССР. М., 1980. Т. 6. С. 117.
- 34 Там же. С. 145.
- 35 Народное хозяйство СССР, 1922–1972: Юбил. стат. сб. М., 1972. С. 280.
- 36 *Растяжников И.В., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика, XX век. М., 1999. С. 288, 292, 294.
- 37 *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: Аграрная наука и политика России (XVII–XX вв.). М., 1995. С. 298.
- 38 Население России в XX веке. Исторические очерки: В 3 т. М., 2001. Т. 2: 1940–1959 гг. С. 279.
- 39 См.: *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг.: Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 79, 84.
- 40 Там же. С. 79.
- 41 Там же.
- 42 См.: *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество. Политика и повседневность, 1945–1953. М., 2000. С. 67.
- 43 *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть: Воспоминания. М., 1999. Кн. 4. С. 60.
- 44 *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти, 1945–1991. М., 1998. С. 21.
- 45 *Шмелев Г.И.* Указ. соч. С. 203, 204.
- 46 Там же. С. 204.
- 47 *Попов В.П.* Указ. соч. С. 25.
- 48 *Хрущев Н.С.* Время... Кн. 2. С. 10.
- 49 Директивы КПСС и Советского правительства... Т. 3. С. 91–97.
- 50 *Попов В.П.* Указ. соч. С. 11.
- 51 Директивы КПСС и Советского правительства... Т. 3. С. 94–97.
- 52 *Сырых В.М.* История государства и права России. Советский и современный периоды. М., 1999. С. 329.
- 53 Директивы КПСС и Советского правительства... Т. 3. С. 378–383.
- 54 Молотов, Маленков, Каганович... С. 465.
- 55 *Микоян А.И.* Так было: Размышления о минувшем. М., Вагриус. 1999. С. 577.
- 56 Молотов, Маленков, Каганович... С. 465.
- 57 Подсчитано: Директивы КПСС и Советского правительства... Т. 3. С. 146–697.
- 58 *Хрущев Н.С.* Время... Кн. 4. С. 71.
- 59 Директивы КПСС и Советского правительства... Т. 3. С. 500–502.
- 60 История советского крестьянства... Т. 4. С. 84–85; *Зеленин И.Е.* Указ. соч. С. 41.
- 61 Правда. 1951. 4 марта. С. 2, 3.
- 62 РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 13, 14, 15.
- 63 *Бенедиктов И.А.* Указ. соч. С. 42, 43.
- 64 *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 278.
- 65 *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 84.
- 66 *Микоян А.И.* Так было. ... С. 576.
- 67 Там же. С. 577.
- 68 Там же.

- 69 Там же. С. 578.
- 70 Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 291.
- 71 Молотов, Маленков, Каганович... С. 193.
- 72 Попов В.П. Экономическая политика Советского государства, 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000. С. 205.
- 73 См.: Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 12.
- 74 Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 645, 646.
- 75 Ночевкина Л.П. Будет ли в России «экономическое чудо»? М., 1999. С. 64, 65.
- 76 Хрущев Н.С. Время. Кн. 4. С. 65.
- 77 Молотов, Маленков, Каганович... С. 199, 200.
- 78 Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 644–647.
- 79 Бенедиктов И.А. Указ. соч. С. 30.
- 80 Там же.
- 81 См.: Суханов Д.Н. О борьбе за власть в Кремле 1953–1957 гг.: (Версия очевидца) // Новое время. 1991. № 48. С. 34; Интервью, которому год // Кентавр. 1993. № 3. С. 84.
- 82 Правда. 1953. 10 авг.
- 83 См.: Русинов И.В. Неперспективная деревня: От догмы к истине // Вопр. истории КПСС. 1990, № 8.
- 84 РГАСПИ Ф. 558. Оп. 2. Д. 94. Л. 155.
- 85 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 67.
- 86 Там же. Кн. 2. С. 13.
- 87 Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 95.
- 88 Хрущев Н.С. Время. Кн. 4.
- 89 Народное хозяйство СССР в 1965 г.: Статистический ежегодник. М., 1966. С. 260.
- 90 См.: Растянников В.Г. Указ. соч. С. 45.
- 91 Теоретическое наследие аграрников-экономистов... С. 6, 251.
- 92 См.: Бенедиктов И.А. Указ. соч. С. 42–43.
- 93 Теоретическое наследие аграрников-экономистов... С. 246.
- 94 См.: Растянников В.Г. Указ. соч. С. 47.
- 95 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК Т. 8: (1946–1955). М., 1985. С. 304.
- 96 Интервью, которому год. С. 83.
- 97 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 79.
- 98 Там же. С. 89.
- 99 Там же. Кн. 2. С. 199. Хрущев провидчески писал, что «...если такие иждивенческие настроения будут развиваться и дальше, если все будут надеяться, что русские дадут, что русские защитят, то это может печально кончиться для социалистического лагеря» (Там же. С. 201).
- 100 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 89. Л. 7–8, 10.
- 101 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 89.
- 102 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. С. 754.
- 103 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. М., 1958. М., 1985. Т. 4. С. 160.
- 104 Чуев Ф. Сто сорок бесед... С. 346.
- 105 Никонов А.А. Указ. соч. С. 307, 308.
- 106 Там же. С. 308.
- 107 Там же. С. 304.

- 108 Там же. С. 309.
- 109 Там же.
- 110 См.: Продовольственный комплекс страны. М., 1983. С. 5.
- 111 Народное хозяйство СССР в 1958 г. М., 1959. С. 224.
- 112 Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. стат. справочник. М., 1987. С. 177.
- 113 См.: Продовольственный комплекс страны... С. 183, 184.
- 114 Там же. С. 185.
- 115 Там же.
- 116 См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4.
- 117 КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 305, 306.
- 118 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 78.
- 119 Народное хозяйство СССР в 1965 г. ... С. 187.
- 120 Там же. С. 441.
- 121 Продовольственный комплекс страны... С. 181.
- 122 Никонов А.А. Указ. соч. С. 312.
- 123 Пыжиков А. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 83.
- 124 Народное хозяйство СССР в 1965 г. ... С. 257.
- 125 Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С. 361.
- 126 Попов В.П. Второй и важнейший этап: (об укрупнении колхозов в 50-е – нач. 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 35.
- 127 Молотов, Маленков, Каганович... С. 112.
- 128 Президиум ЦК КПСС... С. 481.
- 129 Там же. С. 484.
- 130 Молотов, Маленков, Каганович... С. 527.
- 131 XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенограф. отчет. М., 1956. Т. 1. С. 64, 65.
- 132 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 197. Л. 95.
- 133 КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 229.
- 134 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 286. Л. 13.
- 135 Там же. Д. 286. Л. 21.
- 136 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 286. Л. 21.
- 137 Там же. Л. 34.
- 138 Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 7.
- 139 Сельское хозяйство СССР... С. 76.
- 140 Никонов А.А. Указ. соч. С. 317.
- 141 Зубкова Е. Реформы Хрущева: Культура политического действия // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 105.
- 142 Никонов А.А. Указ. соч. С. 317.
- 143 Молотов, Маленков, Каганович... С. 523, 524.
- 144 КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 190–192.
- 145 Там же. С. 289.
- 146 Зеленин И.Е. Н.С. Хрущев и личные подсобные хозяйства: Зигзаги аграрной политики и экономическая реальность (50-е – начало 60-х годов) // Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 328, 329.
- 147 Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1959. № 30.
- 148 Зеленин И.Е. Н.С. Хрущев и личные подсобные хозяйства... С. 329.
- 149 Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопр. истории. 1989. № 2. С. 111.
- 150 Зеленин И.Е. Н.С. Хрущев и личные подсобные хозяйства... С. 331–332.

- 151 Пленум ЦК КПСС. 10–18 января 1961 г.: Стеногр. отчет. М., 1961. С. 581.
- 152 Там же. С. 581.
- 153 Там же. С. 614.
- 154 Там же. С. 549.
- 155 Там же.
- 156 КПСС в резолюциях... Т. 10: 1961–1965. С. 220–222.
- 157 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 126, 127.
- 158 Там же. С. 128.
- 159 Там же. С. 133.
- 160 Регионы России: Социально-экономические показатели, 2003. М., 2003. С. 523.
- 161 Там же. С. 499.
- 162 Там же. С. 523.
- 163 См.: Гайдар Е.Т. Сочинения: В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 422.
- 164 Малия М. Советская трагедия: История социализма в России, 1917–1991. М., 2002. С. 351.
- 165 Молотов, Маленков, Каганович... С. 351, 352.
- 166 Там же. С. 311.
- 167 Там же. С. 30.
- 168 Там же.
- 169 Там же. С. 450.
- 170 Хрущев Н.С. Речь на совещании работников сельского хозяйства Украинской ССР 22 декабря 1961 г. М., 1961.
- 171 Ведомости Верховного Совета СССР. 1957 г. № 11.
- 172 Маркевич А.М. Управление советской промышленностью в 1930-е годы: Внутренние противоречия и реформы // Россия в XX в.: Реформы и революции. М., 2002. Т. 2. С. 172.
- 173 Там же. С. 175.
- 174 Там же.
- 175 РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 36. Л. 1, 2; Оп. 44. Д. 1. Л. 116, 117.
- 176 Апокин И.А. Реформы в России. М., 2003. С. 14.
- 177 Конституция СССР. М., 1937. С. 17; Цикулин В.А. История государственных учреждений СССР, 1936–1965. М., 1966. С. 52.
- 178 Сырых В.М. Указ. соч. С. 340.
- 179 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 190. Л. 124.
- 180 Там же. Л. 142, 143.
- 181 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 155.
- 182 Там же. С. 311.
- 183 Там же. С. 279.
- 184 Там же. С. 293.
- 185 Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 8.
- 186 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 421–424.
- 187 Там же. С. 400, 450.
- 188 Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 155, 160.
- 189 О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства: Доклад Н.А. Булганина на пленуме ЦК КПСС 4 июля 1955 г. // Правда. 1955. 17 июля.
- 190 Там же. С. 435, 436.
- 191 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 427.
- 192 Там же. С. 451–457.

- 193 КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 24.
194 Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 109, 125.
195 Там же. С. 126.
196 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 191. Л. 3.
197 Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 151.
198 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 191. Л. 10.
199 Там же.
200 Там же. Л. 6.
201 Там же. Л. 11.
202 Там же. Л. 15.
203 Там же. Л. 16.
204 Там же.
205 Там же. Л. 5.
206 Там же. Л. 13.
207 Там же. Л. 16.
208 Сайт компании Главмосстрой (www.glavmosstroy.ru).
209 *Аксютин Ю.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 199.
210 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 613.
211 Там же. С. 614.
212 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 197. Л. 6.
213 Там же. Л. 10.
214 Там же. Л. 16.
215 Там же. Л. 17.
216 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 193. Л. 19.
217 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4... С. 674.
218 *Аксютин Ю.* Указ. соч. С. 201.
219 *Филоненко А.Л.* Сложности и противоречия становления системы управления экономикой в первые годы советской власти // Россия в XX в.: Реформы и революции. М., 2002. Т. 2. С. 15.
220 *Шепетов В.И.* История государственного управления в России. М., 2003. С. 323.
221 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 212. Л. 2.
222 Там же. Л. 8.
223 Там же. Л. 10.
224 Там же. Л. 12.
225 Там же. Л. 20.
226 *Зубкова Е.* Маленков, Хрущев и «оттепель» // Коммунист. 1990. № 14. С. 92.
227 Основы автоматизации управления народным хозяйством союзной республики. Вильнюс, 1975. С. 27.
228 Исторические судьбы радикальной экономической реформы. М., 1992. С. 51.
229 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 682.
230 Народное хозяйство СССР в 1960 г.... С. 603.
231 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 683.
232 *Аксютин Ю.* Указ. соч. С. 203.
233 *Молотов, Маленков, Каганович...* С. 307.
234 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 732.

- 235 Хрущев Н.С. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. М., 1957. С. 74.
- 236 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 732.
- 237 Там же. С. 737.
- 238 Молотов, Маленков, Каганович... С. 311.
- 239 Народное хозяйство СССР в 1963 г. М., 1965. С. 476, 477.
- 240 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. С. 739.
- 241 Там же. С. 739.
- 242 Очерки экономических реформ. М., 1993. С. 179.
- 243 Правда. 1957. 2 сент.
- 244 Новиков В.Н. Указ. соч. С. 111.
- 245 Правда. 1957. 17 авг.
- 246 Там же. 2 сент.
- 247 КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 32–40.
- 248 Там же. Т. 8. С. 393.
- 249 Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 129.
- 250 Новиков В.Н. Указ. соч. С. 109.
- 251 Народное хозяйство СССР в 1958 г. М., 1959. С. 95.
- 252 Народное хозяйство СССР в 1965 году. М., 1966. С. 121.
- 253 Там же. С. 143.
- 254 КПСС в резолюциях... Т. 10. С. 255.
- 255 Там же. С. 355.
- 256 Новиков В.Н. Указ. соч. С. 116.
- 257 Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 205, 206.
- 258 Очерки экономических реформ. С. 191.
- 259 Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: Опыт переосмысления. М., 1997. С. 125.
- 260 Вестник. 1998. № 2.
- 261 Очерки экономических реформ... С. 190, 191.
- 262 Советская жизнь, 1945–1953. М., 2003. С. 168.
- 263 Там же. С. 165.
- 264 Там же.
- 265 Там же. С. 162.
- 266 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 27. Д. 109. Л. 2.
- 267 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 20.
- 268 Там же. С. 20
- 269 Там же. С. 36.
- 270 Там же. С. 25.
- 271 Хрущев Н.С. Отчетный доклад на Московской областной партийной конференции о работе МК ВКП (б). М., 1952. С. 27–35.
- 272 Там же. С. 34, 35.
- 273 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 32.
- 274 Там же. С. 36.
- 275 Главмосстрой теперь уже в качестве холдинга успешно функционирует и в настоящее время. За 50 лет Главмосстроем было возведено 150 млн м² площадей, из них примерно три четверти жилищного фонда Москвы. См.: Сайт компании Главмосстрой. www.glavmosstroy.ru
- 276 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 43.
- 277 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 268.

- 278 Там же С. 274.
- 279 Там же. С. 460–515.
- 280 Там же С. 515.
- 281 Там же С. 522.
- 282 Стенограмма беседы тов. Н.С. Хрущева с руководителями Международного Союза архитекторов – участниками V Конгресса МСА 25 июля 1958 г. // Источник. 2003. № 6. С. 92.
- 283 Там же. С. 93, 94.
- 284 Народное хозяйство в СССР в 1960 г. С. 611.
- 285 Там же.
- 286 XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 13–31 октября 1961 г.: Стеногр. отчет. М., 1962. С. 86.
- 287 Народное хозяйство в СССР в 1980 г.: Статистический ежегодник. М., 1981. С. 387.
- 288 Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 614.
- 289 Кудров В.М. Указ. соч. С. 269.
- 290 XXII съезд... С. 87.
- 291 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 49.
- 292 И. Бирман. Я – экономист. М., 2001. С. 176.
- 293 Денежные реформы в России: История и современность. М., 2004. С. 200.
- 294 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 151.
- 295 Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973. С. 237.
- 296 Там же.
- 297 Там же.
- 298 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 151.
- 299 Денежные реформы в России... С. 208.
- 300 Там же.
- 301 Там же.
- 302 Хрущев Н.С. Время... Кн. 4. С. 152.
- 303 Матлин А. Экономическая реформа и деньги // Моск. новости. 1987. 15 ноября. № 46.
- 304 КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 310, 311.
- 305 Там же. Т. 10. С. 137.
- 306 Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 2002.
- 307 Пыжиков А. Амплитуда экономического развития СССР (1953–1964 гг.) // Вопр. экономики. 2002. № 4/6. С. 152.
- 308 Малиа М. Указ. соч. С. 341, 342.
- 309 Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель»... С. 152.
- 310 Кортон ди П.Г. От коммунизма к демократии // Междунар. журн. социальных наук. 1991. № 1. С. 82.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование социально-экономической политики советского государства в эпоху «Оттепели» выявило множество новых фактов, которые позволяют внести определенные коррективы в сложившиеся представления как о содержании самой политики в целом, так и о характере и итогах отдельных ее этапов, о роли политических лидеров и правящей элиты в ее формировании и реализации.

Первый вывод, который следует из анализа новых архивных материалов, состоит в том, что 1950-е годы вовсе не были десятилетием триумфа советской экономики. Даже по сравнению с 1928 г. материалоемкость продукции народного хозяйства выросла на 30–35%, а фондоотдача упала примерно на 15%. Очень медленно росла производительность труда. В результате все социально-экономическое развитие шло по экстенсивному пути, а научно-технический прогресс носил преимущественно характер заимствования. И самое главное, все эти годы отмечены высокой дефицитностью рынка потребительских товаров. Соответственно рост уровня жизни был не столь значительным, как это утверждается в некоторых исследованиях.

Второй вывод, тесно связанный с первым, состоит в том, что затухание экономического роста, начавшееся в конце 1950-х годов было следствием не столько «малоквалифицированных действий политического и хозяйственного руководства», сколько внутренних пороков командной экономики. Реальная социально-экономическая динамика СССР в эти годы не подтверждает мнения некоторых исследователей, что «командная экономика, при всех ее недостатках, обладает большим потенциалом развития»*.

Весьма показательно, что «малоквалифицированные действия» власти, о которых с неизбежностью говорят все оппоненты Хрущева, имели место и в послехрущевский период. Это дает нам основание считать их результатом, следствием пороков системы, а не случайными отклонениями.

Более сложным представляется вопрос о реальном вкладе Н.С. Хрущева в формирование и реализацию социально-эконо-

---

* Ханин Г.И. 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики // ЭКО, 2001, № 4. С. 170.

мической политики в рассматриваемые годы. После его вынужденной отставки в исторической литературе особенный упор делается на субъективизме и волюнтаризме проводившихся им в 50-е – начале 60-х годов реформ. В целом такая характеристика правомерна. Действительно Н.С. Хрущев, пытаясь придать новое ускорение развитию советского общества, весьма активно вмешивался в социально-экономические процессы. За годы его правления страна была буквально «перепахана» в результате многочисленных перестроек. Совершенно очевидно, что Хрущев не располагал продуманным планом реформирования, его действия были реакцией на возникающие кризисы и действия соперников. Обвиняя Хрущева в некомпетенции и других смертных грехах, его оппоненты, как правило, делают акцент на итогах модернизации страны, на тот ущерб, который был нанесен реформами советскому строю. Они оставляют в стороне многие принципиальные моменты, включая характер сталинского наследства, условия, в которых модернизация осуществлялась, и реальные объективные цели советского лидера.

На наш взгляд чрезвычайно важно, что целью Хрущева было стремление снять крайности сталинского правления, смягчить политический режим, не разрушая основ советской системы. Жизнь показала, что эта задача принципиально не решаема. Проводимые Хрущевым реформы по укреплению системы с неизбежностью подрывали ее основы. Свой главный вклад в ее дестабилизацию Хрущев внес, разрушив систему принудительного труда, остановив массовые репрессии, без которых она стала нефункциональной. Хрущев прилагал поистине титанические усилия, чтобы замедлить окостенение системы, хоть как-то удержать ее от неумолимого скатывания в застой. Он предпринимал массу административных мер, вроде образования совнархозов и разделения партийных органов на сельскохозяйственные и промышленные. Безусловно, в эти годы содержание и характер экономической и социальной политики были далеки от научных критериев, и в этом смысле она может быть определена как волюнтаристская. Вместе с тем, эта характеристика весьма поверхностна и однобока.

По нашему мнению, было бы неверно противопоставлять «субъективизму» Хрущева некую научно обоснованную экономическую линию его предшественников, прежде всего Сталина и ближайших конкурентов в борьбе за власть: Маленкова и Берия. Марксистская социальная «инженерия», несмотря на постоянную апелляцию к объективному научному знанию, с неизбежностью предполагала субъективизм в политике, ее доминирование над экономикой. Тем более, что сталинских наследников разделяло не столько различное видение характера будущего социально-экономического развития страны, а сколько властные амбиции.

Следует признать, что, экономическая политика и в западных странах в эти годы чаще всего разрабатывалась без учета теоретических исследований. Другое дело, что правительства Запада имели и в 1950-е, и последующие годы гораздо больше возможности принимать компетентные решения, чем руководители СССР, поскольку в Советском Союзе все годы его существования механизмы выработки вариантов альтернативной экономической политики были отлажены явно недостаточно.

Новые документальные материалы позволяют сегодня говорить о целом комплексе объективных обстоятельств, повлиявших на эффективность социально-экономической политики в рассматриваемый период, и вне которых невозможно объективно оценить роль самого Хрущева. Чрезвычайно важно, что хрущевское правление падает на переломное время развития советской системы. Если в довоенные и первые послевоенные годы ликвидация частной собственности и отключение рыночных механизмов позволяли власти освободиться от множества ограничений, навязываемых законами рынка, в частности, осуществлять масштабные структурные маневры, перебрасывать ресурсы из одного сектора экономики в другой, повышать норму национальных накоплений за счет сокращения потребления, то уже в конце 1950-х годов начинаются качественные изменения. Исчерпание возможностей мобилизации ресурсов из традиционного сектора радикально меняет экономическую ситуацию в стране. Долгосрочные негативные последствия быстрого роста накоплений и государственных расходов начинают перевешивать. Советская система вступает во второй период своего существования – зрелости и упадка. Действительно, власть не смогла ощутить начало новой стадии развития, и прежде всего понять, что некоторые социально-экономические задачи, такие как достижение конкурентоспособности отечественных товаров на внешних рынках, не решаемы без использования рыночных механизмов. Как показывают многочисленные факты, в централизованно-планируемом хозяйстве с регулируемой сверху экономикой и устанавливаемыми правительством ценами, последние перестают отражать реальности спроса и предложения и не могут служить указателями направления развития производства. По существу уже при Хрущеве формально плановая экономика СССР перестает быть таковой и во все большей мере превращается в царство произвола составителей планов.

В итоге, власть в 1950-е годы оказалась захлестнутой проблемами, которые она в принципе не могла разрешить. По большому счету Н.С. Хрущев может быть обвинен лишь в том, что его «волюнтаризм и субъективизм» не выходил за пределы генерального курса КПСС, что поиск ресурсов обновления советской системы велся исключительно в ее рамках. Опыт хрущевских

преобразований в 1950-е – середине 60-х годов лишний раз свидетельствует, что система не может реформировать себя сама, так как рано или поздно логика реформ вступает в противоречие с интересами как системы в целом, так и отдельных ее представителей и институтов.

Ставшие доступными в последнее время документы пока не подтверждают и распространенные версии о желании Маленкова или Берии идти в социально-экономических преобразованиях дальше Хрущева и выйти из социализма.

Отвечая на внешние и внутренние вызовы, Хрущев попытался децентрализовать экономику с целью повышения ее эффективности и материального благосостояния граждан. Следует подчеркнуть, что идеи реформ давно витали в воздухе и вовсе не случайно, что именно с конца 1950-х годов, когда советская система демонстрировала полную жизнеспособность (даже по альтернативным оценкам среднегодовые темпы производства национального дохода за 1951–1960 гг. составляли 9,3%), начались попытки ее реформирования. Вполне очевидно, что важнейшей проблемой, с которой столкнулся Хрущев, стала проблема создания стимулов для эффективного труда для отдельных лиц и предприятий. Он не смог ее решить. Следует подчеркнуть это обстоятельство, что эта проблема, на наш взгляд, не решаема в рамках планово-распределительной системы, во всяком случае XX в. таких примеров нам не дал.

Традиционно критики Хрущева упрекают его в том, что он вместо расширения материальной заинтересованности в результатах труда, в приказном порядке навязывал колхозам посевы кукурузы и иные нововведения. Рассмотренные нами в книге факты говорят о жесткой ограниченности возможностей материального стимулирования в советской дефицитарной социально-экономической системе. Действительно, меры материального стимулирования, ослабление идеологического контроля на первых порах принесли ощутимые положительные результаты, но при этом очень скоро обернулись ростом дефицита промышленных и продовольственных товаров, падением производительности общественного труда, ростом социальной напряженности. Этим обстоятельством и объясняется непоследовательность Хрущева в модернизации экономической и социальной сферы.

Следующий вывод состоит в том, что социально-экономическая политика Хрущева при всей ее популистской составляющей представляется целенаправленной, целостной и в предполагаемых обстоятельствах чуть ли не единственно возможной. Ценность опыта тех лет состоит в том, что в годы «оттепели» была «отработана» тупиковая модель совершенствования соци-

алистической модели развития, тем самым открылась возможность поиска иных путей модернизации, включая выход из социализма. Несомненно, Хрущев оставил своим наследником другую страну.

Относительная либерализация для советской экономики стала последним импульсом роста. На волне осуществленных Хрущевым структурных маневров – смены политики в отношении деревни, программы жилищного строительства, приносят плоды и те заделы, которые ценой концентрации огромных ресурсов были созданы ранее в военной экономике: победы в космосе, мирное применение атомной энергии.

Анализ комплекса фактов, характеризующих динамику социально-экономического развития страны в данный период позволяет сделать некоторые выводы относительно устойчивости советской системы в целом, как исторически определенной формы общества.

Советская система погибла от несвободы – таков наиболее общий вывод, который вытекает из совокупности рассмотренных нами процессов и явлений, характеризующих советскую систему в интересующее нас время. Альтернативы, объективно присущие развитию любой сложноорганизованной системы, могли реализоваться только в условиях свободы. Именно ограничение свободы, имеющие доктринальный и институциональный характер, сыграло роковую роль в судьбе нашего Отечества. Той социальной демократии и тех элементов демократии политической, о которых много говорилось в 1950-е и последующие годы с высоких трибун партийных съездов, не достало, чтобы придать процессам обновления должный ритм и темп. Целое десятилетие было потеряно из-за неспособности руководства трезво оценить ситуацию, отказаться от идеологических догм и пойти на радикальные преобразования. Отметим чрезвычайно важный момент – действительно демократические реформы невозможны без активной поддержки значительной части общества, включенной в экономическую деятельность и политически представленной во властных структурах разного уровня. Хрущев безоговорочно встал на традиционный для России путь реформ сверху, путь вталкивания страны в «счастье», в прогресс. Важнейшей причиной краха реформ 1950-х и последующих лет было незнание того общества, которое власти пытались «сверху» изменить; непонимание того, куда может привести его ускоренная либерализация.

Именно из-за незнания Н.С. Хрущев и его окружение не предвидели, как поведет себя советское общество в условиях относительной свободы, как оно среагирует на либерализацию. Не предвидели и не учитывали этого. Лидером группового эгоизма оказалась элита. Решающим фактором стал менталитет советских руководителей, их непрофессионализм, некомпетентность,

зашоренность. В результате проводимые реформы сразу после смерти Сталина превратилась в арену борьбы разных политических сил за свои групповые интересы, разрушившей консенсус в советском обществе, бывший основой его стабильности многие предшествующие годы.

Можно говорить о нескольких типах исторического движения (изменения) в советской системе рассматриваемого периода: фоновое, вызванное стихийной реакцией элементов советской системы на изменение внешних и внутренних условий ее развития (демографические и прочие факторы), организованное властью движение в рамках системы в целях ответа на внешние и внутренние угрозы и вызовы; стихийное и организованное движение в самом обществе, в качестве ответной его реакции на управляющие воздействие власти. В связи с этим типом изменений следует говорить о второй фундаментальной причине провала реформ, связанной с первой – непреодоленная инерция системы, т.е. действие ее иммунных сил, вызванное незнанием механизма системы, неграмотной социальной и экономической политикой власти.

Уже в 1960-е годы советская «мобилизационная система» зажила собственной жизнью и начала диктовать свои условия, все менее связанные с необходимостью реагирования на исторические вызовы. Вопреки официально провозглашенным лозунгам и даже внутренним убеждениям советских руководителей разного ранга, решения о капиталовложениях, производстве продукции подчинялись не заботе о росте народного благосостояния (как это декларировалось), не целям научно-технического прогресса и прагматическим задачам поддержания экономического равновесия при достаточно высоком темпе роста, а преследовали цель максимизации власти ведомств, борющихся за дележ чрезмерно централизованного пирога материальных, финансовых, трудовых, природных и интеллектуальных ресурсов.

В силу принципиальной несовместимости советской плановой экономики с мировой рыночной, векторы их развития были направлены в противоположные стороны. СССР крайне неравномерно взаимодействовал с внешним миром. Результатом односторонней интеграции СССР в мировую экономику становится его зависимость от конъюнктуры мирового сырьевого рынка и связанная с этим сырьевая ориентация советской экономики. Отсюда происходит третья фундаментальная причина развала системы – перманентно нарастающая после смерти Сталина слабость власти. Власть откупается от общества, в котором нарастают деструктивные процессы. Вследствие этих процессов с середины 1960-х годов, общество и власть в СССР развиваются с разной скоростью как бы в разном историческом времени, то же касается и элит. Направление развития разных социальных образований все больше расходятся. Главный парадокс исследуемого периода состоит в

том, что характер изменений в советской системе в 1950-х и в последующие годы определяла не власть и даже не само общество, а некая равнодействующая сила разрушения общественного согласия. Не в последнюю очередь это связано с неэффективностью экономической системы советского типа. Она остается нерыночной, закрытой, не свободной, дефицитарной. Иными словами, это, по-прежнему, экономика власти, лишенная качеств, механизмов и возможностей саморазвития. Важнейшее подтверждение этому – знак беды в 1970-е годы – стагнация советской экономики, ее растущее отставание от рыночных экономик. И второй, не менее важный, признак – отторжение достижений НТП.

Третий признак – растущая милитаризация экономики, в корне противоречащая как логике партийных программ, так и логике жизни, требующей работы на потребителя. Важнейшее выражение этой тенденции – усиливающийся дефицит товаров. Ее же подтверждает развитие инфляционных процессов в народном хозяйстве, перевод их из скрытых форм в открытые.

Четвертый признак – работа экономики на саму себя, увеличение сырьевой составляющей, утяжеление ВВП. Политическая система коллапсирует. Общество в СССР остается поглощенным государством. Важнейшее свидетельство тому – неспособность власти довести до конца ни одной реформы, проводимой после смерти Сталина не репрессивными средствами. Политический режим, вопреки утверждениям ряда исследователей, в эти годы не изменяется в ощутимых пределах: сохраняется однопартийность, общественные организации не являются общественными. Появление диссидентских организаций можно было бы считать важнейшим свидетельством существенных изменений политического режима, если бы сам режим не поспешил с ними покончить. Власть оказалась неспособной понять важность обратных связей в виде оппозиции, независимой прессы, свободы слова. Важно и другое – в силу тяжелых наследственных генетических качеств режима, унаследованных с ленинско-сталинских времен, само советское общество не осознало значимость оппозиции. Диссиденты не только не становятся конструктивной оппозицией, но, быстро эволюционируя в сторону оппозиции деструктивной, являются не антисистемным элементом, а внесистемным. Распад СССР – это трагедия всемирного масштаба – результат не «скороспелой демократизации», а того, что с нею запоздали на четверть века. Китайский вариант, по убеждению многих специалистов не подходил СССР 1980-х годов в силу большей зрелости гражданского общества, которое действует как институт иммунных сил, направленных на сохранение стабильности прежней системы, а, следовательно, против реформ. Этого не мог не видеть Хрущев с его советниками, и он постоянно придерживался де-сталинизацию и так и не решился на политическую реформу.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В.С. 109, 110
Аббас Х.А. 69, 90
Абрамов Ф. 23, 26, 27
Автономов В. 87
Алексеева Л.М. 24
Андреев А.А. 212
Андреев Д. 137, 138
Анчишкин А. 196
Аксенов Ю. 88
Аксютин Ю. 25, 88, 90, 259, 283
Александров А.П. 156, 203
Амосов А.И. 278
Апанасенко В.М. 90, 91
Апокин И.А. 247, 282
Арбатов Г.А. 22, 26, 69, 90
Аренд 134, 140
Аристов А.Б. 222
Ахизер А.С. 88
- Баграмян Б. 130
Бажанов Б. 55
Байбаков Н.К. 22, 58, 89, 206, 248
Барух Б. 43
Басов Н.Г. 177
Безбородов А.Б. 25
Берия Л.П. 8, 24, 26, 58, 59, 62, 63, 70, 86, 89, 90, 101, 103, 106, 110, 111, 112, 113, 127, 129, 130, 132, 137, 139, 156, 167, 168, 222, 267, 280, 287, 289
Бенедиктов И.А. 23, 27, 212, 219, 225, 279, 280
Бжезинский З. 134
Бирман И. 13, 25, 143, 189, 202, 273, 285
Бирюков Н.И. 138
Бобков Ф.Д. 23, 27
Бовин А.Е. 58, 89
Бордюгов Г. 137, 138
Боффа Д. 97, 138
Брежнев Л.И. 20, 23, 24, 89, 103, 119, 138, 206, 237
Бруцкус Б. 7, 24
- Булганин Н.А. 70, 109, 129, 130, 168, 171, 172, 175, 181, 251, 252, 253, 254, 282
Быстрова И.В. 14, 25, 41, 72, 87, 90, 202
Breslauer G.W. 25
- Варга Е.С. 56, 89
Василевский 130
Василенков П.Т. 140
Венжер В.Г. 229
Вербицкая О.М. 221, 279, 280
Вильямс В.Р. 243
Вишневский А.Г. 25, 80, 86, 87, 91, 159, 203
Вознесенский Н.А. 45, 49, 63, 129
Волков И.М. 278
Волков С.В. 149, 179, 180, 194, 196
Волгогонов Д.А. 59, 66, 89, 90, 124, 132, 133, 140
Волокитина Т.В. 86, 87
Ворошилов К.Е. 62, 66, 130
- Гаврилов В. 89
Гагарин Ю.Д. 177
Гайдар Е.Т. 25, 90, 203, 278
Гарриман А. 40, 158
Гефтер М.Я. 10, 24, 134, 135, 140
Горбачев М.С. 36, 87, 89, 91, 125, 138, 206, 210
Гордон Л.А. 202
Городецкий А. 25
Грегори П. 86
Громыко А.А. 27
Гришин В.В. 122
Грушин Б.А. 197, 206
Grossman G. 25
- Данилов А.А. 138, 203
Даллес А. 75
Денистон 144
Дерюгина И.В. 279
Джилас М.88